

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

Volume 20. No. 3

ISSN 2587-8115 (Print)
ISSN 2587-6899 (Online)

LEGAL CONCEPT

2021

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

Том 20. № 3

ISSN 2587-8115 (Print)
ISSN 2587-6899 (Online)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

LEGAL CONCEPT

2021
Volume 20. No. 3

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2021
Том 20. № 3

LEGAL CONCEPT

PRAVOVAYA PARADIGMA

2021. Vol. 20. No. 3

Academic Periodical

First published in 1996

4 issues a year

Mainstream issue: “Smart Regulation” As an Intersectoral Category of Modern Law

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФС77-69269** of March 29, 2017)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **CrossRef** (USA), **Google Scholar** (USA), **ProQuest** (USA), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), **IPRbooks E-Library System** (Russia), **E-Library System “University Online Library”** (Russia)

Editorial Staff:

Prof., Dr. *A.O. Inshakova* – Chief Editor (Volgograd)
Prof., Dr. *A.Ya. Ryzhenkov* – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *I.V. Baltutite* – Executive Secretary (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *E.O. Osadchenko* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *A.Kh. Abashidze* (Moscow); Prof., Dr. *V.V. Bezbakh* (Moscow); Prof., Dr. *L.A. Bukalero* (Moscow); Prof., Dr. *A.I. Goncharov* (Volgograd); Prof., Dr. *N.I. Grachev* (Volgograd); Prof., Dr. *M.L. Davydova* (Volgograd); Prof. Dr. *V.V. Dolinskaya* (Moscow); Prof., Dr. *N.Yu. Erpyleva* (Moscow); Prof., Dr. *L.G. Efimova* (Moscow); Prof., Dr. *E. Kovalski* (Warsaw, Poland); Prof., Dr., Acad. *N.S. Kuznetsova* (Kiev, Ukraine); Prof., Dr. *V.P. Kamyshanskiy* (Krasnodar); Prof., Dr. *L.V. Lobanova* (Volgograd); Prof., PhD *Massimo La Torre* (Catanzaro, Italy); Prof., Dr. *I.A. Mikhaylova* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *N.V. Pavlichenko* (Moscow); Dr. *J.L. Perez Alvarado* (Dominican Republic); Prof., Dr. *V.F. Ponka* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *S.B. Rossinskiy* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *V.A. Rudkovskiy* (Volgograd); Prof., Dr., Acad. of RANH *V.A. Ruchkin* (Volgograd); Prof., Dr. *E.E. Frolova* (Moscow); Prof., Dr. *O.A. Yastrebov* (Moscow)

Editors, Proofreaders: *A.A. Blinova*,
N.M. Vishnyakova, *M.V. Gayval*
Editor of English texts *E.A. Agarkova*
Making up *E.S. Reshetnikova*, *O.N. Yadykina*
Technical editing: *E.S. Reshetnikova*
Passed for printing June 16, 2021.

Date of publication: Oct. 26, 2021. Format 60×84/8.
Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 19.5. Published pages 21.0.
Number of copies 500 (1st duplicate 1–33).
Order 144. «C» 23.

Open price

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.
Postal Address:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.
Publishing House of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:
Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-02-72. Fax: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik5@volsu.ru

Journal website: <https://j.volsu.com>
English version of the website: <https://j.volsu.com/index.php/en/>

© Volgograd State University, 2021

LEGAL CONCEPT

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2021. Т. 20. № 3

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Главная тема номера: «Умное регулирование» как межотраслевая категория современного права»

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-69269 от 29 марта 2017 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: CrossRef (США), Google Scholar (США), ProQuest (США), Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» (Россия), Соционет (Россия), Электронно-библиотечная система IPRbooks (Россия), Электронно-библиотечная система «Университетская библиотека онлайн» (Россия)

Редакционная коллегия:

д-р юрид. наук, проф. А.О. Иншакова – главный редактор (г. Волгоград)

д-р юрид. наук, проф. А.А. Рыженков – зам. главного редактора (г. Волгоград)

канд. юрид. наук, доц. И.В. Балтутите – ответственный секретарь (г. Волгоград)

канд. юрид. наук, доц. Э.О. Осадченко – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р юрид. наук, проф. А.Х. Абашидзе (г. Москва); д-р юрид.

наук, проф. В.В. Безбах (г. Москва); д-р юрид. наук, проф.

Л.А. Букалерева (г. Москва); д-р юрид. наук, д-р экон. наук,

проф. А.И. Гончаров (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф.

Н.И. Грачев (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф.

М.Л. Давыдова (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф.

В.В. Долинская (г. Москва); д-р юрид. наук, проф.

Н.Ю. Ерпылева (г. Москва); д-р юрид. наук, проф.

Л.Г. Ефимова (г. Москва); д-р права, проф. Е. Ковальски

(г. Варшава, Польша); д-р юрид. наук, проф., акад.

Н.С. Кузнецова (г. Киев, Украина); д-р юрид. наук, проф.

В.П. Камышанский (г. Краснодар); д-р юрид. наук, проф.

Л.В. Лобанова (г. Волгоград); проф., PhD Массимо Ла Торре

(г. Катанзаро, Италия); д-р юрид. наук, проф. И.А. Михайлова

(г. Москва); д-р юрид. наук, доц. Н.В. Павличенко (г. Москва);

д-р юрид. наук Х.Л. Перес Альварардо (Доминиканская

Республика); д-р юрид. наук, проф. В.Ф. Понька (г. Москва);

д-р юрид. наук, доц. С.Б. Россинский (г. Москва); д-р юрид.

наук, доц. В.А. Рудковский (г. Волгоград); д-р юрид. наук,

проф., акад. РАЕ В.А. Ручкин (г. Волгоград); д-р юрид. наук,

проф. Е.Е. Фролова (г. Москва); д-р юрид. и экон. наук, проф.

О.А. Ястребов (г. Москва)

Редакторы, корректоры: А.А. Блинова,

Н.М. Вишнякова, М.В. Гайваль

Редактор английских текстов Е.А. Агаркова

Верстка Е.С. Решетниковой, О.Н. Ядыкиной

Техническое редактирование Е.С. Решетниковой

Подписано в печать 16.06.2021 г.

Дата выхода в свет: 26.10.2021 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 19,5.

Уч.-изд. л. 21,0. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–33 экз.).

Заказ 144. «С» 23.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-02-72. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik5@volsu.ru

Сайт журнала: <https://j.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://j.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<i>Иншакова А.О.</i> «Ренессанс» категории «умное регулирование» в отечественной правотворческой теории и практике: предпосылки и факторы влияния	6
---	---

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

<i>Слеженков В.В.</i> Теория «умного регулирования»: идейно-исторический контекст формирования	12
<i>Зайцева Е.С.</i> Факторы установления пределов правового регулирования	18
<i>Козлова М.Ю.</i> Средства «умного регулирования», влияющие на выбор потребителями полезных для здоровья продуктов	24
<i>Мельниченко Р.Г.</i> Правовой эксперимент как метод «умного правового регулирования» на примере российской адвокатуры	30
<i>Макаров В.О.</i> Классификация регулятивных песочниц (экспериментальных правовых режимов): российский и зарубежный опыт	35
<i>Зыков Д.В.</i> Блокчейн и другие технологии в системе традиционных государственно-правовых институтов	42
<i>Маркунин Р.С., Мусаткина А.А.</i> Роль поощрительных санкций в процессе правового регулирования	47
<i>Усенков И.А.</i> О корректности формулировки «механизм дерегулирования»	53

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

<i>Кононенко Д.В.</i> «Большие вызовы» как фактор трансформации государственно-правовых отношений	58
<i>Трофимов В.В.</i> Современная государственно-правовая политика Российской Федерации в пространстве функционирования информационно-телекоммуникационных систем: о некоторых проблемах формирования и реализации	66
<i>Василевич С.Г.</i> Информационные технологии как средство повышения эффективности управления государственными и общественными делами	76
<i>Сарычев А.В., Архипцев И.Н., Лукьянова И.Ю.</i> Проблемные вопросы определения понятия правового государства на современном этапе развития общества	82
<i>Шабуневич С.Н.</i> Принцип правовой определенности как гарантия эффективной реализации конституционных прав и свобод граждан	88
<i>Карева И.А.</i> Типовой устав муниципального образования как средство юридической техники	94

<i>Платонова Н.И., Варгина В.М.</i> Международное сотрудничество Российской Федерации в сфере здравоохранения в условиях пандемии	100
---	-----

ВОПРОСЫ

ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Шавин В.А.</i> Цифровизация кадровых процедур как суровая реальность нашего времени	108
<i>Аблятипова Н.А.</i> Системность правоприменительной практики в вопросах отступления от начала равенства долей супругов в их общем имуществе	116
<i>Матвеев Д.Е.</i> Законодательные новеллы регулирования инвестиционных сделок, совершаемых с использованием финансовой платформы: оценка эффективности	125
<i>Аммалайнен В.А.</i> Правовые аспекты 3D-печати	138
<i>Сафарли Н.Э. оглы.</i> Обязательственные отношения в условиях цифровизации предпринимательской деятельности: понятие и виды ..	143
<i>Мамедли З.А. оглы.</i> Особенности нарушения прав потребителей при интернет-торговле	149
<i>Чурилов А.Ю.</i> Проблемы правового регулирования больших данных	155
<i>Рыжик А.В.</i> Методологические особенности исследования интересов субъектов права собственности	161

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО:

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

<i>Дикарев И.С., Байманов С.С.</i> Формы уголовного преследования	167
---	-----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

<i>Галушко Д.В.</i> Европейский союз и Великобритания: новые правовые рамки сотрудничества	176
--	-----

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ

<i>Шарно О.И.</i> Запреты как средства «умного регулирования» возмещения вреда окружающей среде	184
<i>Моторин Д.Е.</i> К вопросу о развитии механизма регулирования медицинских отходов	193

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

<i>Багаев И.З., Ситник В.Н., Плуталов И.Ю.</i> К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации через призму гармонизации права [На англ. яз.]	200
---	-----

CONTENTS

CHIEF EDITOR'S NOTE

- Inshakova A.O.* "Renaissance"
of the "Smart Regulation" Category
in the Domestic Law-Making Theory and Practice:
Prerequisites and Factors of Influence 6

MAINSTREAM ISSUE

- Slezhenkov V.V.* The Theory of "Smart Regulation":
The Ideological and Historical Context of Formation ... 12
- Zaitseva E.S.* Factors for Establishing the Limits
of Legal Regulation 18
- Kozlova M.Y.* "Smart Regulation" Means
that Influence Consumer Choice
of Healthy Products 24
- Melnichenko R.G.* Legal Experiment As a Method
of "Smart Legal Regulation" Through the Example
of the Russian Bar Association 30
- Makarov V.O.* The Classification of Regulatory
Sandboxes (Experimental Legal Regimes):
Russian and Foreign Experience 35
- Zykov D.V.* Blockchain and Other Technologies
in the System of Traditional State
and Legal Institutions 42
- Markunin R.S., Musatkina A.A.* The Role
of Incentive Sanctions in the Process
of Legal Regulation 47
- Usenkov I.A.* On the Correctness of the Phrase
"The Mechanism of Deregulation" 53

THEORY AND PRACTICE OF STATE AND LEGAL DEVELOPMENT

- Kononenko D.V.* "Big Challenges"
As a Factor of Transformation
of State-Legal Relations 58
- Trofimov V.V.* The Modern State and Legal Policy
of the Russian Federation
in the Space of Functioning Information
and Telecommunications Systems:
On Some Problems of Formation and Implementation ... 66
- Vasilevich S.G.* Information Technologies
As a Means of Improving the Efficiency of the State
and Public Affairs Management 76
- Sarychev A.V., Arkhiptsev I.N., Lukyanova I.Y.*
The Problematic Issues of Defining the Concept
of the Rule of Law at the Present Stage
of Society Development 82
- Shabunovich S.N.* The Principle of Legal Certainty
As a Guarantee of Effective Implementation
of the Constitutional Rights and Freedoms of Citizens 88
- Kareva I.A.* The Standard Charter
of a Municipality As a Means
of Legal Technique 94

- Platonova N.I., Vargina V.M.* International Cooperation
of the Russian Federation
in Health Care amid the Pandemic 100

PRIVATE LAW REGULATION ISSUES: HISTORY AND CONTEMPORANEITY

- Shavin V.A.* Digitalization
of Personnel Procedures
As a Harsh Reality of Our Time 108
- Ablyatipova N.A.* Consistency of Law Enforcement
Practice in Matters of Deviation from the Principle
of Equality of the Spouses' Shares
in Their Common Property 116
- Matytsin D.E.* The Legislative Innovations
in the Regulation of Investment Transactions Made
Using the Financial Platform:
Effectiveness Evaluation 125
- Ammalainen V.A.* Legal Aspects
of 3D Printing 138
- Safarli N.E. oglu.* Obligational Relations
in the Midst of Digitalization of Business Activity:
The Concept and Types 143
- Mammadli Z.A. oglu.* The Features of Consumer Rights
Violations in Online Trading 149
- Churilov A.Y.* The Problems of the Legal Regulation
of Big Data 155
- Ryzhik A.V.* Methodological Features
of Studying the Interests of the Subjects
of Property Rights 161

ADJECTIVE LAW: THEORETICAL AND LAW ENFORCEMENT ISSUES

- Dikarev I.S., Baymanov S.S.* The Forms
of Criminal Prosecution 167

INTERNATIONAL LAW AND COMPARATIVE LAW

- Galushko D.V.* The European Union
and the United Kingdom:
New Legal Framework for Cooperation 176

LEGAL ISSUES OF ENVIRONMENTAL PROTECTION AND USE OF NATURAL RESOURCES

- Sharno O.I.* Prohibitions As Means
of "Smart Regulation" of Compensation
for Harm to the Environment 184
- Motorin D.E.* On the Development
of the Mechanism for Regulating Medical Waste 193

CRIME PREVENTION AND LEGAL LIABILITY DIFFERENTIATION

- Bagaev I.Z., Sitnik V.N., Plutalov I.Y.* On the Issue
of Criminal Liability of Legal Entities
in the Russian Federation Through the Prism
of Harmonization of Law 200

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.1>

UDC 34.01

LBC 67.022.1

“RENAISSANCE” OF THE “SMART REGULATION” CATEGORY IN THE DOMESTIC LAW-MAKING THEORY AND PRACTICE: PREREQUISITES AND FACTORS OF INFLUENCE

Agnessa O. Inshakova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Annotation. The main subject of the current issue of the journal “Legal Concept = Pravovaya paradigma” – “‘Smart Regulation’ As an Intersectoral Category of Modern Law” - was not chosen by the editorial board by chance. This annotation is a justification of the choice made. The author considers an objective need to popularize the intersectoral category of “smart regulation” in the Russian legal space as a significant argumentative factor, which has long been of key importance in foreign law-making theory and practice and has only recently begun to attract the attention of domestic researchers. The author announces the project supported by the Russian Scientific Foundation in 2021 which is offered by the scientists of the Department of Constitutional and Municipal Law of Volgograd State University, aimed at the comprehensive development of a system of smart regulation tools, the study of their legal nature, interrelation and correlation with the classical categories of jurisprudence, the justification of the criteria for the assessment of their efficiency and features of the application in the branches of private and public law. It is noted that the concept of “smart regulation” does not have an absolute novelty. On the one hand, according to the author, it is organically growing out of the ideas that have long been developed in detail in the world political and legal studies. On the other hand, the complex of tools used in the framework of smart regulation includes, along with the new ones, the entire system of classical legal instruments. Some of them acquire a different sound in the conditions of information technology development, including digitalization; for others, the limits and methods of their application are specified. The papers presented in the main topic of the issue and the rest of its headings illustrate numerous options for using modern and classical means of legal regulation in various spheres of public relations, taking into account new information technology opportunities. It is noted that the term “smart regulation”, taking into account the great challenges of modern realities, is often transformed into the term “smart technologies of legal regulation” and is also used in various combinations with different industry and disciplinary concepts. The paper substantiates the inexpediency of using the term “smart technologies” concerning legal regulation in such a narrow sense, limiting it to the context of total informatization of society and technological development. It is argued that we should be talking about the totality of literally all modern legal technologies. It is recommended to interpret “technologies” in a broad sense as a certain method of human activity. And these methods, according to the author, are made smart by the fact that they are chosen, created, and proposed by the representatives of law-making theory and practice as determined by the state of modern scientific knowledge and society. It is also recommended to take into account the subordination of the proposed legal methods and means to the value dominants which are characteristic of modern culture, as well as their ability to act as the organizing core of a particular sphere of the legal regulation of public life.

Key words: big challenges, information technology development, digitalization, smart regulation, smart technologies of legal regulation, a system of smart regulation tools, the legal nature of smart regulation, the relationship and correlation of smart regulation with classical categories of jurisprudence, the assessment of efficiency criteria of smart regulation, features of the application of smart regulation in private and public law.

Citation. Inshakova A.O. “Renaissance” of the “Smart Regulation” Category in the Domestic Law-Making Theory and Practice: Prerequisites and Factors of Influence. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 6-11. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.1>

УДК 34.01
ББК 67.022.1

«РЕНЕССАНС» КАТЕГОРИИ «УМНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ

Агнесса Олеговна Иншакова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Главная тема очередного номера журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» – «“Умное регулирование” как межотраслевая категория современного права» выбрана редакционной коллегией не случайно. Данная аннотация представляет собой обоснование сделанного выбора. Значимым аргументационным фактором автор считает объективную необходимость популяризации в российском правовом пространстве межотраслевой категории «умное регулирование», которая уже давно занимает важное место в зарубежной правотворческой теории и практике и лишь с недавних пор стала привлекать внимание отечественных исследователей. Анонсируется проект ученых кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета, поддержанный Российским научным фондом в 2021 г. и направленный на комплексную разработку системы средств умного регулирования, исследование их юридической природы, взаимосвязи и соотношения с классическими категориями юриспруденции, обоснование критериев оценки их эффективности и особенностей применения в отраслях частного и публичного права. Отмечается, что понятие умное регулирование не обладает абсолютной новизной. С одной стороны, оно вполне органично, по мнению автора, вырастает из идей, давно и подробно разработанных в мировом политико-правовом учении. С другой стороны, комплекс средств, используемых в рамках умного регулирования, включает в себя, наряду с новыми, всю систему классических правовых инструментов. Некоторые из них приобретают иное звучание в условиях информационно-технологического развития, в том числе цифровизации, для других конкретизируются пределы и способы их применения. Представленные в главной теме номера и в остальных его рубриках статьи иллюстрируют многочисленные варианты использования современных и классических средств правового регулирования в различных сферах общественных отношений с учетом новых технологических и информационных возможностей. Отмечается, что термин умное регулирование с учетом больших вызовов современных реалий зачастую трансформируется в термин умные технологии правового регулирования и также применяется в различных сочетаниях с понятиями разной отраслевой и дисциплинарной принадлежности. Обосновывается нецелесообразность употребления термина умные технологии по отношению к правовому регулированию в таком узком смысле, ограничивая его контекстом тотальной информатизации общества и технологического развития. Утверждается, что речь должна идти о совокупности буквально всех современных правовых технологий. Рекомендуется трактовать «технологии» в широком смысле в качестве некоей методы человеческой деятельности. А умными эти методы, по мнению автора, делает тот факт, что они выбираются, создаются и предлагаются представителями правотворческой теории и практики как обусловленные состоянием современного научного знания и общества. Рекомендуется также учитывать наличие подчиненности предлагаемых правовых методов и средств ценностным доминантам, характерным для современной культуры, а также их способность выступать организующим ядром той или иной сферы правового регулирования общественной жизнедеятельности.

Ключевые слова: большие вызовы, информационно-технологическое развитие, цифровизация, умное регулирование, умные технологии правового регулирования, система средств умного регулирования, юридическая природа умного регулирования, взаимосвязь и соотношение умного регулирования с классическими категориями юриспруденции, критерии оценки эффективности умного регулирования, особенности применения умного регулирования в отраслях частного и публичного права.

Цитирование. Иншакова А. О. «Ренессанс» категории «умное регулирование» в отечественной правотворческой теории и практике: предпосылки и факторы влияния // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 6–11. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.1>

Выбор главной темы очередного номера журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» – «“Умное регулирование” как межотраслевая категория современного права» в современных условиях общественного развития является достаточно обоснованным для ученых правоведов и практикующих юристов. Конструкция «умное регулирование», популярная в зарубежной правотворческой теории [5; 6] и практике [7; 8], в последнее время привлекает внимание отечественных исследователей [1, с. 38; 2–4].

Так, в 2021 г. Российский научный фонд поддержал проект ученых Волгоградского государственного университета под руководством заведующего кафедрой конституционного и муниципального права д.ю.н., профессора М.Л. Давыдовой «Правовые средства умного регулирования в условиях больших вызовов» (грант РФФ № 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>). Проект направлен на комплексную разработку системы средств умного регулирования, исследование их юридической природы, взаимосвязи и соотношения с классическими категориями юриспруденции, обоснование критериев оценки их эффективности и особенностей применения в отраслях частного и публичного права.

Безусловно, понятие умное регулирование не обладает абсолютной новизной. С одной стороны, оно вполне органично вырастет из идей, давно и подробно разработанных в мировой политико-правовой мысли. С другой стороны, комплекс средств, используемых в рамках умного регулирования, включает в себя, наряду с новыми, всю систему классических правовых инструментов. Некоторые из них приобретают иное звучание в условиях цифровизации, для других конкретизируются пределы и способы их применения. В данном контексте термин умное регулирование зачастую трансформируется в термин умные технологии правового регулирования и также применяется в различных сочетаниях с понятиями разной отраслевой и дисциплинарной принадлежности. Отдавая дань современным реалиям – интенсивному формированию информационно-коммуникационной среды в условиях 6-го технологического уклада, переходу к неоиндустриальному типу экономики, автоматизации производственной сферы и

производственных процессов, социально-экономической цифровизации, специалисты различных отраслей наук употребляют данное понятие как неотъемлемую составляющую этих явлений. Нам кажется немного неверным употреблять термин умные технологии в таком узком смысле, ограничивая его контекстом тотальной информатизации общества и технологического развития. Полагаем, что речь должна идти о совокупности буквально всех современных правовых технологий. В данном случае правильнее будет трактовать «технологии» в широком смысле в качестве некоей методы человеческой деятельности. А умными эти методы пусть делает тот факт, что они выбираются, создаются и предлагаются представителями правотворческой теории и практики как обусловленные состоянием современного научного знания и общества. Необходимо также учитывать наличие подчиненности предлагаемых правовых методов и средств ценностным доминантам, характерным для современной культуры, а также их способность выступать организующим ядром той или иной сферы правового регулирования общественной жизнедеятельности.

Представленные в главной теме номера и в остальных его рубриках статьи иллюстрируют многочисленные варианты использования современных и классических средств правового регулирования в различных сферах общественных отношений с учетом новых технологических и информационных возможностей.

Открывает главную тему номера философско-правовое исследование идейных истоков теории «умного регулирования», проведенное к.ю.н., доцентом кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета В.В. Слеженковым, который раскрывает обусловленность современных взглядов на правовое регулирование разработанных в рамках концепций XIX–XX вв. представлений о дерегулировании и допустимых пределах регулятивного воздействия. Эту тему продолжает статья к.ю.н., доцента кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России Е.А. Зайцевой, которая рассматривает систему факторов, обуславливающих установление таких пределов.

В других представленных в главной теме работах фокус внимания от теории перемещается на отраслевые юридические науки, что позволяет проиллюстрировать практику применения отдельных средств «умного регулирования» в различных сферах: в обеспечении права потребителей на выбор полезных для здоровья продуктов (к.ю.н., доцент, ведущий научный сотрудник института права Волгоградского государственного университета М.Ю. Козлова), в выборе модели регулирования российской адвокатуры (к.ю.н., доцент, ведущий научный сотрудник института права Волгоградского государственного университета Р.Г. Мельниченко), в реализации нового для Российской Федерации института экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций (к.ю.н., доцент кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета В.О. Макаров), в правовом регулировании блокчейна и других цифровых технологий (к.ю.н., доцент кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета Д.В. Зыков). Завершается главная тема номера двумя теоретико-правовыми работами – статьей к.ю.н., доцента Р.С. Маркунина (кафедра теории государства и права Саратовской государственной юридической академии) и к.ю.н., доцента А.А. Мусаткиной (кафедра конституционного и административного права Тольяттинского государственного университета), в которой рассматривается традиционное и в то же время незаменимое в современных условиях средство правового регулирования – поощрительные санкции; а также исследованием ассистента кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета И.А. Усенкова, посвященным значимому для теории умного регулирования понятию «дерегулирование» и проблеме применимости в одном контексте с ним термина «механизм».

Тематика отраслевых рубрик также связана с современными технологиями и влиянием их на правовое регулирование. Рубрику «Теория и практика государственно-правового развития» открывает статья к.ю.н., доцента кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного

университета Д.В. Кононенко, посвященная большим вызовам как фактору трансформации государственно-правовых отношений. Понятие «больших вызовов» (grand challenges) закреплено стратегией научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочный период, принятой Указом Президента РФ № 642 от 01.12.2016 г., и отражает те масштабные проблемы, для решения которых сегодня требуются новые методы и средства правового регулирования. Одним из ярких примеров таких проблем выступает пандемия, охватившая мир в 2019 г. и потребовавшая объединения усилий всех государств. Вопросы международного сотрудничества в сфере здравоохранения в условиях пандемии рассматриваются в статье к.ю.н., доцента Н.А. Платоновой и молодого исследователя В.М. Варгиной из Московского государственного института международных отношений (университет) при Министерстве иностранных дел Российской Федерации.

Поиск новых методов и средств правового регулирования неразрывно связан с цифровизацией, которая существенно изменяет взаимодействие государства и общества во всех областях. Вопросы цифровизации как фактора и средства развития правового регулирования затрагиваются в статьях В.В. Трофимова (д.ю.н., директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»), С.Г. Василевича (к.ю.н., доцент кафедры конституционного права юридического факультета, Белорусский государственный университет), В.А. Шавина (к.ю.н., доцент кафедры трудового и экологического права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского), В.А. Амалайнен (преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации), З.А. Мамедли (аспирант кафедры гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета), А.Ю. Чурилова (к.ю.н., аналитик Научно-образовательного центра «Интеллектуальная собственность и интеллектуальные права» Юридического института Томского

государственного университета). В этих работах проблемы правового опосредования информационных технологий рассматриваются на теоретической, нормативной и эмпирической базах разных отраслей права: конституционного, трудового, гражданского.

Представлены в журнале и статьи, охватывающие широкий спектр традиционных-теоретических и практических проблем современного права: понятие правового государства (А.В. Сарычев, к.ю.н., доцент И.Н. Архипцев, И.Ю. Лукьянова – Белгородский юридический институт МВД России), роль принципа правовой определенности в реализации конституционных прав граждан (к.ю.н., доцент С.Н. Шабуневич – Академия управления при Президенте Республики Беларусь), перспективы использования муниципальными образованиями типовых уставов (И.А. Карева – Волгоградская консерватория (институт) им. П.А. Серебрякова), проблемы равенства долей супругов в их общем имуществе (к.ю.н., доцент, Заслуженный юрист РК, Н.А. Аблятипова – Крымский филиал Российского государственного университета правосудия), особенности исследования интересов субъектов права собственности (к.ю.н., доцент А.В. Рыжик – Витебский государственный университет), формы уголовного преследования (д.ю.н., доцент И.С. Дикарев – Волгоградский государственный университет, к.ф.н., доцент С.С. Байманов – Военный университет Министерства обороны Российской Федерации), дискуссия об уголовной ответственности юридических лиц (И.З. Багаев, В.Н. Ситник – Саратовская государственная юридическая академия), новые правовые рамки сотрудничества Европейского Союза и Великобритании (к.ю.н., доцент Д.В. Галушко – Финансовый университет при Правительстве РФ), механизм регулирования утилизации медицинских отходов (Д.Е. Моторин – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС), проблема выбора средств правового регулирования возмещения вреда окружающей среде (к.ю.н., доцент О.И. Шарно, Волгоградский государственный университет). Последняя статья, затрагивая вопрос о целесообразности использования запретов в сложных ситуациях выбора средств правового регулирования, возвращает нас к главной теме номера.

В заключение следует отметить, что арсенал средств современного права достаточно широк и мастерство законодателя заключается в том, чтобы в каждом конкретном случае подобрать те из них, которые не только оптимально соответствуют режиму той или иной отрасли права, но и наиболее эффективно решают поставленную для регулирования задачу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волкова, А. В. Механизмы «умного регулирования» в публичной политике современной России: расширение гражданского участия / А. В. Волкова // Человек. Сообщество. Управление. – 2017. – Т. 18, № 3. – С. 37–52.
2. Давыдова, М. Л. «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества / М. Л. Давыдова // Журнал российского права. – 2020. – № 11. – С. 14–29.
3. Купряшин, Г. Л. Концепция «умного регулирования»: зарубежный опыт и возможность его применения в государственном управлении России / Г. Л. Купряшин, Н. Н. Сарычева // Вестник МГУ. Серия 21, Управление (государство и общество). – 2013. – № 2. – С. 3–19.
4. Davydova, M. L. Smart Technologies in Lawmaking: Towards the Concept of Smart Regulation / M. L. Davydova., V. O. Makarov // “Smart Technologies” for Society, State and Economy / ed. by E. G. Popkova, B. S. Sergi. – Cham : Springer, 2021. – P. 1296–1305. – (Lecture Notes in Networks and Systems ; vol. 155). – DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-59126-7_142.
5. Gunningham, N. Smart Regulation / N. Gunningham, D. Sinclair // Regulatory Theory: Foundations and Applications / ed. by P. Drahos. – Canberra : The Australian National University, 2017. – P. 133–148. – DOI: <https://doi.org/10.22459/RT.02.2017.08>.
6. Regulating a Revolution: From Regulatory Sandboxes to Smart Regulation / D. Zetzsche [et al.] // EBI Working Paper Series. – 2017. – № 11. – Electronic text data. – Mode of access: <https://bit.ly/2NiZlav>. – Title from screen.
7. Smart Regulation in the EU // Danish Business Authority. – Electronic text data. – Mode of access: <https://danishbusinessauthority.dk/smart-regulation-eu> (date of access: 04.06.2021). – Title from screen.
8. Stakeholder Consultation on Smart Regulation, issued by European Commission in April 2010 // European Foundation for the Improvement of

Living and Working Conditions. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.eurofound.europa.eu/observatories/eurwork/industrial-relations-dictionary/smart-regulation> (date of access: 04.06.2021). – Title from screen.

REFERENCES

1. Volkova A.V. Mekhanizmy «umnogo regulirovaniya» v publichnoy politike sovremennoy Rossii: rasshirenie grazhdanskogo uchastiya [Mechanisms of “Smart Regulation” of Public Policy in Contemporary Russia: Development of Citizen Participation]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 2017, vol. 18, no. 3, pp. 37-52.
2. Davydova M.L. «Umnoe regulirovanie» kak osnova sovershenstvovaniya sovremennogo pravotvorchestva [“Smart Regulation” As the Basis for Improving Modern Law-Making]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2020, no. 11, pp. 14-29.
3. Kupryashin G.L., Sarycheva N.N. Kontsepsiya «umnogo regulirovaniya»: zarubezhnyy opyt i vozmozhnost' ego primeneniya v gosudarstvennom upravlenii Rossii [The Concept of “Smart Regulation”: Foreign Experience and Possibility of Its Application in Public Administration in Russia]. *Vestnik MGU. Seriya 21, Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*, 2013, no. 2, pp. 3-19.
4. Davydova M.L., Makarov V.O. Smart Technologies in Lawmaking: Towards the Concept of Smart Regulation. Popkova E.G., Sergi B.S., eds. *ISC 2020: “Smart Technologies” for Society, State and Economy*. Cham, Springer, 2021. (Series: Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 155). DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-59126-7_142.
5. Gunningham N., Sinclair D. Smart Regulation. Drahos P. ed. *Regulatory Theory: Foundations and Applications*. Canberra, The Australian National University, 2017, pp. 133-148. DOI: <https://doi.org/10.22459/RT.02.2017.08>.
6. Zetzsche D. et al. Regulating a Revolution: From Regulatory Sandboxes to Smart Regulation. *EBI Working Paper Series*, 2017, no. 11. URL: <https://bit.ly/2NiZlav>.
7. Smart Regulation in the EU. *Danish Business Authority*. URL: <https://danishbusinessauthority.dk/smart-regulation-eu> (accessed 4 June 2021).
8. Stakeholder Consultation on Smart Regulation, Issued by European Commission in April 2010. *European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions*. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/observatories/eurwork/industrial-relations-dictionary/smart-regulation> (accessed 4 June 2021).

Information About the Author

Agnessa O. Inshakova, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of Civil and International Private Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

Информация об авторе

Агнесса Олеговна Иншакова, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник сферы образования РФ, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

www.volsu.ru

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.2>

UDC 340.12
LBC 67.1(0)6

Submitted: 30.04.2021
Accepted: 05.06.2021

THE THEORY OF “SMART REGULATION”: THE IDEOLOGICAL AND HISTORICAL CONTEXT OF FORMATION¹

Vladimir V. Slezhenkov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the scientific interest in studying the specifics of the formation of the “smart regulation” theory is due to both its controversial nature, novelty, practical orientation, and a certain fragmentary coverage of relevant issues in Russian jurisprudence. **Methods:** the methodological framework for the study is a set of methods of scientific cognition, among which the main ones are the general scientific dialectical, comparative law, logical-syntactic methods, the semantic methods of cognition, as well as the methods of cause-and-effect analysis, forecasting, synthesis, and analysis. **Results:** the study reveals the theoretical background and socio-historical context of the emergence of the ideas of “smart regulation”, shows the features of their conceptualization and differences from previous scientific views on the phenomenon of legal regulation. The paper substantiates the **conclusions** about the need for an expanded interpretation of the ideological and theoretical foundations of “smart regulation”, whose specifics are due to the long tradition of the development of previous political and legal thought.

Key words: smart regulation, less regulation, better regulation, state regulation, legal regulation, law-making.

Citation. Slezhenkov V.V. The Theory of “Smart Regulation”: The Ideological and Historical Context of Formation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 12-17. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.2>

УДК 340.12
ББК 67.1(0)6

Дата поступления статьи: 30.04.2021
Дата принятия статьи: 05.06.2021

ТЕОРИЯ «УМНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ»: ИДЕЙНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ФОРМИРОВАНИЯ¹

Владимир Владимирович Слеженков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: научный интерес к исследованию специфики формирования теории «умного регулирования» обусловлен как ее дискуссионным характером, новизной, практической ориентированностью, так и определенной фрагментарностью в освещении соответствующих вопросов в российской юриспруденции. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают общенаучный диалектический, сравнительно-правовой, логико-синтаксический, семантический методы познания, а также методы причинно-следственного анализа, прогнозирования, синтеза и анализа. **Результаты:** в исследовании выявлены теоретические предпосылки и социально-исторический контекст возникновения идей «умного регулирования», показаны особенности их концептуализации и отличия от предшествующих научных взглядов на феномен правового регулирования.

В статье обосновываются **выводы** относительно необходимости расширенной трактовки идейно-теоретических основ «умного регулирования», специфика которых обусловлена длительной традицией развития предшествующей политико-правовой мысли.

Ключевые слова: умное регулирование, меньшее регулирование, лучшее регулирование, государственное регулирование, правовое регулирование, правотворчество.

Цитирование. Слеженков В. В. Теория «умного регулирования»: идейно-исторический контекст формирования // *Legal Concept* = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 12–17. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.2>

Введение

Вопросы изучения особенностей формирования теории «умного регулирования» («smart regulation») остаются не вполне исследованными в рамках современной российской юриспруденции, несмотря на активное использование соответствующей терминологии и достаточно целостную характеристику отдельных аспектов современного развития данных идей. Преимущественно отечественными авторами обращается внимание на практическую ориентированность данной концепции; в теоретической плоскости преобладают феноменологические, описательные подходы к ее изучению; в свою очередь, в контексте идейной преемственности умное регулирование редуцированно оценивается как результат развития непосредственно предшествующих теорий меньшего регулирования и лучшего (качественного) регулирования (соответственно, «less regulation» и «better regulation»), что к тому же порой сопровождается не вполне корректной трактовкой хронологических рамок их возникновения и преобразования. В этой связи видится необходимым акцентировать внимание на содержательных аспектах характеристики теории умного регулирования в разрезе специфики идейных предпосылок и социально-исторического контекста ее генезиса и формирования.

Пределы государственного правового регулирования в контексте истории политико-правовой мысли

Правовое регулирование традиционно рассматривается в рамках юриспруденции в тесной связи с деятельностью государства; это характерно не только для нашей страны – достаточно, к примеру, обратить внимание на использование терминов «legal regulation», «state regulation», «government regulation» в

англоязычных исследованиях, сопровождающиеся многочисленными смысловыми переключениями.

Вопросы оптимизации регулирующей роли государства всегда в той или иной мере рассматривались в рамках политико-правовых учений как в положительном, так и в отрицательном (ограничительном) контексте. Говоря о последнем, применительно к ранним концепциям дерегулирования (вторая половина XVIII – начало XX в.) стоит упомянуть, в частности, классическую политэкономию и неоклассическую экономическую теорию в Великобритании, физиократов и «ортодоксальных экономистов» во Франции, либеральный индивидуализм в обеих названных странах и в меньшей степени в Германии и Италии (необходимо отметить, что при акценте преимущественно на экономической сфере сторонники соответствующих взглядов отнюдь не ограничивались ее рамками при оценке оптимальных пределов государственного воздействия на общественные отношения).

В то же время параллельно менявшееся в континентальной Европе концептуализированное политико-правовое представление о государственном идеале по линии «полицейское государство» – «государство законности» – «правовое государство» (хронологически этапами перехода между соответствующими концепциями выступали условно начало – середина XIX в. и начало – середина XX в.) опосредовало, напротив, рациональную аргументацию расширения спектра государственного правового регулирования (исходя из постановки проблемы правовой связанности государства, а не границ его деятельности). Это касалось как позитивистских, так и позитивно-социологических (например, солидаризм и институционализм) концепций государства. Стоит оговориться, что сходные процессы в политико-правовой науке стран системы общего права предполагали, напротив, содержа-

тельное ограничение государства, упоминание о котором, соответственно, отсутствует в названии концепции *The Rule of Law* («верховенство права»).

При этом, если континентально-европейские мыслители в деэтистских концепциях делали акцент на принципе невмешательства государства в общественные дела (сформулированная физиократами идея «*laissez-faire*») и его минимализме с функциональной точки зрения (термин «минимальное государство» появится гораздо позже, в XX в.), то англо-американские ученые в первую очередь исходили из идей «негативной свободы» в аспекте средств осуществления государственной власти [5, с. 69–71]. В данном контексте примечательно, что последующие концепции дерегулирования (а затем и лучшего регулирования, «умного регулирования») возникли именно в англо-американском научном дискурсе.

**«Классическое регулирование» –
дерегулирование –
«умное регулирование»: общие контуры
концептуального перехода**

Характеризуя непосредственные идейно-теоретические предпосылки появления современных концепций правового регулирования, необходимо отметить, что они связаны с очередным переосмыслением регуливающей роли государства в 20-е – 70-е гг. XX в., когда последняя существенно возросла в силу ряда факторов (промышленная революция, необходимость преодоления последствий мировых войн, потребность расширения социальных гарантий и т. д.), но затем столкнулась с кризисом, не преодолимым «классическими» регулятивными средствами, вызвавшим потребности дерегулирования (упрощение законодательства, уменьшение административного бремени). Так, в исследованиях по теории государственного управления, как правило, в данном аспекте выстраивается следующая концептуальная хронология: 20-е гг. XX в. – «изобретение регулирования», 50-е гг. XX в. – регулиующее государство, 80-е гг. XX в. – дерегулирование и кризис, 90-е гг. XX в. – регуляторное качество, 2000-е гг. – лучшее регулирование, 2010-е гг. – «умное регулирование» [2, с. 60–61]. По-видимому, такая хроно-

логия обусловлена оценкой превалирующих на том или ином этапе взглядов, тогда как сами концептуальные рамки более подвижны – например, основополагающие принципы «умного регулирования» формировались с 1997 по 2004 г. [10, р. 246–249].

Кроме того, стоит указать, что с середины XX в. в существенной мере стираются и обозначенные выше условные «границы» научного восприятия деэтизации правового регулирования: не только в Великобритании и США, но и в континентально-европейских странах получают значительное развитие социологические и аксиологические подходы, обосновывающие дифференциацию государственного нормативно-правового регулирования и собственно права (например, теории социального и живого права, антитезы «народного права» и «права юристов» и т. д.) [4, с. 33–34]. Примечательно, что в отечественной юриспруденции вопрос о таком различии вплоть до последнего времени ставился лишь фрагментарно (в частности, исключением выступает ряд работ Н.А. Пьянова [3, с. 60–62]), в связи с чем В.А. Цыгановкин справедливо подчеркивает сложившийся приоритет феноменологического (описательного) подхода к трактовке сущности правового регулирования с этистской составляющей над содержательным [6, с. 14].

Если концепция дерегулирования (меньшего регулирования) связана скорее с количественной стороной государственно-правового воздействия на общественную жизнь, то последующие идеи лучшего и «умного регулирования» все более относятся к качественной. Первая из них касается как оптимизации обратной связи в процессе правового регулирования (например, развитие саморегулирования, корегулирования), так и его дальнейшего упрощения и ускорения. В свою очередь, «умное регулирование» предполагает уже не выяснение оптимального объема регулирования, а перенос внимания с процесса на результат, достижение последнего наименее обременительным способом [1, с. 17]. Иными словами, очевиден переход от формальных аспектов оценки правового регулирования к содержательным.

Как отмечают, в частности, К. Кэриган и К. Кольянезе, современное развитие кон-

цепций правового регулирования в указанном направлении связано не только с теорией нового государственного менеджмента (new public management), обычно справедливо упоминаемой в этой связи [1, с. 16], но и с новым институционализмом (такой термин употребляется и применительно к экономической теории, но в данном случае речь идет о широкой трактовке, реконцептуализации классического институционализма в политико-правовом смысле) и последующим переходом к идеям «нового управления» (new governance) [7, р. 108–109]. Речь идет о смещении акцентов с оценки взаимоотношений различных регулирующих органов и структур (избираемых и неизбираемых, публичных и общественных) на взаимодействие регуляторов и регулируемых, поведенческий контроль / волюнтаризм (что упоминается в числе прочих инструментов «умного регулирования» в подобном же динамическом контексте его теоретиками Д. Ганнингом и Д. Синклером) [8, р. 140–141].

Также в разрезе современной концептуальной трансформации взглядов на правовое регулирование заслуживают упоминания такие теории, как электронное государство (с точки зрения средств регулирования), «активизирующее государство» (в структурном смысле – децентрализация, внедрение сетевых элементов в управление), «опережающее состояние государства» (информационная открытость, ориентир на социальный эффект).

Наконец, определенное влияние на развитие представлений об оптимуме правового регулирования, хотя и более косвенное, оказали современные аксиологические и социологические концепции правового государства, исходящие из идей плюрализма социальных регулятивов, оптимизации взаимодействия государства с общественными институтами, соответствие регулирования высоким содержательным стандартам (оговорки здесь, однако, необходимы, поскольку в науке вполне справедливо аргументируется наличие определенной угрозы новым подходам к правовому регулированию ценностям не только классического социального, но и правового государства [9, р. 78–81], что пока может быть осмыслено только в предварительном порядке).

Выводы

Проведенное исследование позволяет заключить, что концептуальные основы теории умного регулирования не исчерпываются переосмыслением идей нового государственного менеджмента и дерегулирования (меньшего регулирования) с точки зрения перехода от количественных аспектов (пределов регулирования) к качественным и от формальных – к содержательным. Возникновение соответствующих идей в рамках англо-американского научного дискурса связано с традиционным акцентом внимания его представителей на средствах ограничения государственной деятельности с позиции «негативной свободы» (в отличие от континентально-европейской традиции). Непосредственно формирование рассматриваемой теории сопряжено с развитием широкого комплекса политико-правовых идей, среди которых, помимо обычно упоминаемых, следует указать: новый институционализм, «новое управление», электронное государство, «активизирующее государство», «опережающее состояние государства», а также в определенной мере социологические и аксиологические концепции правовой государственности. Соответствующие взаимосвязанные в тех или иных аспектах взгляды в конечном счете иллюстрируют, что, с одной стороны, в современном обществе далеко не все правовое регулирование исходит от государства; с другой же – само государственное регулирование с точки зрения содержательных подходов к законности не всегда является правовым.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>.

The study is financially supported by the Russian Science Foundation, project № 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Давыдова, М. Л. «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества / М. Л. Давыдова // Журнал российского права. – 2020. – № 11. – С. 14–29.

2. Короленко, А. Д. Исторические аспекты формирования концепции умного регулирования в государственном управлении / А. Д. Короленко // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 2 (40). – С. 59–62.

3. Пьянов, Н. А. Государственное регулирование как самостоятельная научная проблема / Н. А. Пьянов // Журнал российского права. – 2012. – № 5. – С. 60–67.

4. Слеженков, В. В. Аксиологические подходы к исследованию правовой государственности во французской юриспруденции: ретроспективный анализ / В. В. Слеженков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. – 2013. – № 3 (20). – С. 33–37.

5. Филиппова, И. С. Концепции ограничения государственной власти: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук / Филиппова Ирина Сергеевна. – Н. Новгород, 2006. – 211 с.

6. Цыгановкин, В. А. Правовое регулирование: феноменологический и субстанциональный подходы / В. А. Цыгановкин // Вестник РГГУ. – 2014. – № 15 (137). – С. 13–17.

7. Carrigan, C. The Politics of Regulation: From New Institutionalism to New Governance / C. Carrigan, C. Coglianese // *Annual Review of Political Science*. – 2011. – Vol. 14. – P. 107–129.

8. Gunningham, N. Smart Regulation / N. Gunningham, D. Sinclair // *Regulatory Theory: Foundations and Applications* / ed. by P. Drahos. – Canberra: The Australian National University, 2017. – P. 133–148. – DOI: <https://doi.org/10.22459/RT.02.2017.08>.

9. Kennedy, R. E-regulation and the Rule of Law: Smart Government, Institutional Information Infrastructures, and Fundamental Values / R. Kennedy // *Information Polity*. – 2016. – Vol. 21. – P. 77–98.

10. Van Gossum, P. From “Smart Regulation” to “Regulatory Arrangements” / P. Van Gossum, B. Arts, K. Verheyen // *Policy Science*. – 2010. – Vol. 43. – P. 245–261.

REFERENCES

1. Davydova M.L. «Umnoe regulirovaniye» kak osnova sovershenstvovaniya sovremennogo pravotvorchestva [“Smart Regulation” As the Basis for Improving Modern Law-Making]. *Zhurnal*

rossijskogo prava [Journal of Russian Law], 2020, no. 11, pp. 14–29.

2. Korolenko A.D. Istoricheskie aspekty formirovaniya koncepcii umnogo regulirovaniya v gosudarstvennom upravlenii [Historical Aspects of the Formation of the Smart Regulation Concept in the Public Administration]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2015, no. 2 (40), pp. 59–62.

3. P’yanov N.A. Gosudarstvennoe regulirovaniye kak samostoyatel’naya nauchnaya problema [Government Regulation as an Independent Scientific Problem]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2012, no. 5, pp. 60–67.

4. Slezhenkov V.V. Aksiologicheskie podhody k issledovaniyu pravovoj gosudarstvennosti vo francuzskoj yurisprudencii: retrospektivnyj analiz [Axiological Approaches to the Rule of Law Research in French Jurisprudence: A Retrospective Analysis]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Yurisprudenciya*, 2013, no. 3 (20), pp. 33–37.

5. Filippova I.S. *Koncepcii ogranicheniya gosudarstvennoj vlasti: teoretiko-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. jurid. nauk* [The Concept of Limiting State Power: Theoretical Legal Research. Cand. jurid. sci. diss.]. Nizhniy Novgorod, 2006. 211 p.

6. Cyganovkin V.A. Pravovoe regulirovaniye: fenomenologicheskij i substancional’nyj podhody [Legal Regulation: Phenomenological and Substantial Approaches]. *Vestnik RGGU* [RGGU Bulletin], 2014, no. 15 (137), pp. 13–17.

7. Carrigan C., Coglianese C. The Politics of Regulation: From New Institutionalism to New Governance. *Annual Review of Political Science*, 2011, vol. 14, pp. 107–129.

8. Gunningham N., Sinclair D. Smart Regulation. Drahos P., ed. *Regulatory Theory: Foundations and Applications*. Canberra, The Australian National University, 2017, pp. 133–148. DOI: <https://doi.org/10.22459/RT.02.2017.08>.

9. Kennedy R. E-Regulation and the Rule of Law: Smart Government, Institutional Information Infrastructures, and Fundamental Values. *Information Polity*, 2016, vol. 21, pp. 77–98.

10. Van Gossum P., Arts B., Verheyen K. From “Smart Regulation” to “Regulatory Arrangements”. *Policy Science*, 2010, vol. 43, pp. 245–261.

Information About the Author

Vladimir V. Slezhnikov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, slezhnikov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2863-6014>

Информация об авторе

Владимир Владимирович Слеженков, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, slezhnikov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2863-6014>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.3>

UDC 340(02)
LBC 67.0

Submitted: 17.05.2021
Accepted: 14.06.2021

FACTORS FOR ESTABLISHING THE LIMITS OF LEGAL REGULATION

Ekaterina S. Zaitseva

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation

Introduction: the knowledge of the legal regulation sphere and its limits is impossible without the analysis of the factors under the influence of which it is formed. Despite the obvious significance, the factors of establishing the limits of legal regulation did not become an independent subject of research but were only indirectly affected in the context of the analysis of the legal education factors. Meanwhile, these factors are of independent importance and need additional reflection. Their identification and clarification contribute to the introduction of the concept of “smart regulation” in the law-making policy of the modern state. **Purpose:** to identify the factors of setting the limits of legal regulation. **Methods:** the methodological framework for the study was made up of the general scientific and specific scientific methods of cognition. **Results:** the analysis of the factors of the establishment of the legal regulation sphere and its limits with the aim of its most adequate reflection as a subject of legal regulation is a necessary condition for improving the effectiveness of the law-making policy of the modern state. **Conclusions:** the factors that determine the limits of legal regulation can be objective and subjective. The objective factors determine the limits of the sphere of legal regulation; as such, it is necessary to consider the properties of public relations that have a legal nature, which in turn are under the influence of the objective factors of a natural and social nature, traditionally referred to as law-forming. The main natural factors should include biological, geographical, climatic, and physiological factors. The main objective social factors are scientific and technological, axiological, economic, and psychological. The identification of the sphere of legal regulation and its consolidation as a subject of legal regulation are caused not only by the influence of the objective factors but also by the subjective ones, which should include political-legal, scientific-cognitive, and technical-legal. All these factors interact with each other and “work” in the system. Depending on the specifics of the public attitude that is in the sphere of legal regulation and is fixed as its subject, the influence of various factors will be unequal.

Key words: factors, limits of legal regulation, the scope of legal regulation, subject of legal regulation, law-making.

Citation. Zaitseva E.S. Factors for Establishing the Limits of Legal Regulation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 18-23. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.3>

УДК 340(02)
ББК 67.0

Дата поступления статьи: 17.05.2021
Дата принятия статьи: 14.06.2021

ФАКТОРЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Екатерина Сергеевна Зайцева

Омская академия МВД России, г. Омск, Российская Федерация

Введение: познание сферы правового регулирования и ее пределов невозможно без анализа факторов, под воздействием которых она формируется. Несмотря на очевидную значимость, факторы установления пределов правового регулирования не становились самостоятельным предметом исследования, а затрагивались лишь косвенно в контексте анализа факторов правообразования. Их выявление и уточнение способствуют внедрению концепции «умного регулирования» в правотворческую политику современного государства. **Цель:** выявить факторы установления пределов право-

вого регулирования. **Методы:** методологическую основу данного исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания. **Результаты:** анализ факторов установления сферы правового регулирования и ее пределов с целью наиболее адекватного ее отражения в качестве предмета правового регулирования является необходимым условием повышения эффективности правотворческой политики современного государства. **Выводы:** факторы установления пределов правового регулирования могут быть объективными и субъективными. Объективные факторы определяют пределы сферы правового регулирования, в качестве таковых следует рассматривать свойства общественных отношений, имеющих правовую природу, которые в свою очередь находятся под воздействием объективных факторов естественно-природного и социального характера, традиционно именуемых как правообразующие. К основным естественно-природным факторам следует относить биологический, географический, климатический, физиологический факторы. Основные объективные социальные факторы: научно-технологический, аксиологический, экономический и психологический. Выявление сферы правового регулирования и закрепление ее в качестве предмета правового регулирования обусловлены не только влиянием объективных факторов, но и субъективных, к числу которых следует относить политико-правовой, научно-познавательный и технико-юридический. Все они взаимодействуют между собой и «работают» в системе. В зависимости от специфики общественного отношения, находящегося в сфере правового регулирования и закрепляемого в качестве его предмета, влияние различных факторов будет неравнозначным.

Ключевые слова: факторы, пределы правового регулирования, сфера правового регулирования, предмет правового регулирования, правотворчество.

Цитирование. Зайцева Е. С. Факторы установления пределов правового регулирования // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 18–23. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.3>

Введение

Познание сферы правового регулирования как совокупности общественных отношений, сопровождающих их жизненных фактов и обстоятельств, которые объективно должны быть подвергнуты правовой регламентации, предполагает анализ факторов, под воздействием которых могут изменяться ее пределы. В 80-е гг. XX в. проблематика факторов правообразования находилась в фокусе внимания исследователей. Именно в этот период они были выявлены, обоснованы и классифицированы. Несмотря на очевидную связь факторов правообразования и факторов установления пределов правового регулирования, последние представляют самостоятельный исследовательский интерес и нуждаются в дополнительном осмыслении с учетом накопленного опыта анализа правообразовательных факторов в целом. Выявление и уточнение факторов установления пределов правового регулирования способствуют внедрению концепции «умного регулирования» [1, с. 14–20] в практику современного правотворчества, позволяя учитывать естественно-природные и социальные механизмы их воздействия на общественные отношения.

Общественные отношения, имеющие правовую природу, как объективный фактор установления пределов сферы правового регулирования

Пределы сферы правового регулирования обусловлены общественными отношениями, имеющими правовую природу. Определение правовой природы указанных отношений связано с наличием свойств-критериев, среди которых следует выделять те, что являются общими для установления границы между любыми социальными регуляторами и сферами человеческого бытия, регулируемые законами природы, к их числу мы относим волевой характер общественных отношений и возможность выбора варианта поведения. Свойства общественных отношений, имеющих непосредственно правовую природу – это возможность осуществления социального контроля, направленность общественных отношений на удовлетворение типичных, социально значимых, конфликтных интересов и эквивалентный характер [2, с. 82–109].

Указанные общественные отношения, в том числе и формирование обозначенных свойств-критериев, выступая в качестве объективного фактора, определяющего пре-

дела сферы правового регулирования, в то же время находятся в прямой зависимости от тех объективных факторов, которые традиционно в юридической литературе рассматриваются как правообразующие. Преломляясь в общественных отношениях, они оказывают влияние на свойства-критерии, обуславливающие их правовую природу, и выступают уже в качестве объективных факторов формирования указанных общественных отношений. Из всех указанных свойств наиболее подверженным влиянию разного рода объективных правообразующих факторов является направленность общественных отношений на удовлетворение типичных, социально значимых конфликтных интересов.

Естественно-природные объективные факторы

Основное внимание исследователей сконцентрировано на анализе объективных социальных правообразующих факторов. Отдельные естественные факторы хоть и обозначаются, но зачастую рассматриваются в контексте анализа объективных социальных факторов. Исключение составляет монографическое исследование А. Нашиц [3], в котором естественным факторам уделено существенное внимание. Между тем естественные факторы имеют как свою специфику, так и самостоятельное значение. К числу основных факторов естественно-природного характера, оказывающих влияние на общественные отношения, имеющие правовую природу, следует относить прежде всего биологический, географический, климатический, физиологический факторы. Так, географический фактор оказывает существенное влияние на типичный, социально значимый конфликтный интерес, который во многом определяется земельными, атмосферными, водными богатствами и ресурсами, эксплуатируемыми человеком. Особенности географической среды различных государств накладывают отпечаток на сферу и пределы правового регулирования, определяя различные правовые режимы эксплуатации земель, лесов, рек и т. д. Естественно-природные факторы характеризуются тем, что все явления и процессы, их составляющие, протекают по собственным законам и

абсолютно не зависят от сознания и воли людей. Естественно-природные факторы менее динамичны, чем социальные, поэтому в стабильной обстановке их влияние не так ощутимо, как, например, в чрезвычайных условиях.

Ярким примером проявления биологического фактора, показавшим его значение, является пандемия COVID-19 как чрезвычайное обстоятельство мирового масштаба, изменившее привычные условия жизнедеятельности людей и оказавшее существенное влияние на правовое регулирование и его пределы. Под воздействием пандемии произошла существенная трансформация типичных, социально значимых конфликтных интересов. Многие интересы, не имеющие социального значения и потенциальной конфликтности в обычной ситуации, получают эти признаки в настоящее время, что обуславливает расширение сферы правового регулирования и закрепления ее в качестве предмета. Так, например, если в обычных условиях передвижение человека как свобода в соответствии со ст. 27 Конституции РФ предполагает, что время, место, конечный пункт движения находятся вне сферы и предмета правового регулирования, то в период пандемии такие, по своей природе личные, частные аспекты жизнедеятельности, находящиеся в зоне саморегуляции, приобрели потенциальную конфликтность и социальную значимость, войдя в сферу правового регулирования и получив отражение в качестве его предмета. В частности, в соответствии с подпунктом «в» пункта 2 Указа Президента РФ от 02.04.2020 № 239 [9] нормативными правовыми актами субъектов РФ в регионах был установлен особый порядок передвижения граждан и транспортных средств.

Таким образом, естественно-природные факторы установления пределов правового регулирования нуждаются в дальнейшем осмыслении, в то же время сила воздействия естественных факторов может быть понята только с учетом взаимосвязи и взаимозависимости с факторами социальными [3, с. 41].

Социальные объективные факторы

Важнейшими объективными факторами социального характера являются экономический, научно-технологический, аксиологический,

психологический. Все они объективны постольку, поскольку являются внешними по отношению к сфере правового регулирования, но в то же время и субъективны, поскольку формируются в результате социального взаимодействия людей. Так, например, объективные экономические законы претворяются в реальные отношения через активную деятельность людей, вследствие чего их проявления в конкретных исторических условиях будут различны [4, с. 62].

При анализе правообразующих социальных факторов особое внимание уделяется экономическому фактору, его отмечают основным [8, с. 138]. Не отрицая его значения, хочется отметить, что на сегодняшний день на сферу правового регулирования и его пределы существенное влияние оказывает научно-технологический фактор. Стоит сказать, что традиционно научный фактор рассматривается как один из обеспечивающих факторов, который связан с раскрытием путей и форм обеспечения научной обоснованности законов [6, с. 79; 8, с. 145]. В этом контексте научный фактор связан с обеспечивающей ролью юридической науки по отношению к правотворческой деятельности. Это положение не вызывает возражений, но помимо обеспечивательной роли юридической науки нельзя не заметить, что научно-технологический прогресс как глобальный процесс оказывает существенное воздействие и на правообразование в целом, и на сферу и пределы правового регулирования в частности. Если в начале 80-х гг. констатировалось расширение сферы правового регулирования под влиянием использования автоматических систем и возникающих в связи с этим общественных отношений, связанных с их эксплуатацией и т. п. [4, с. 38], то в XXI в. влияние научно-технологического фактора проявляется в процессах цифровизации, под воздействием которой происходит изменение как сферы, так и предмета правового регулирования.

Не менее значимым является аксиологический фактор, предполагающий, что сфера правового регулирования ограничена правовыми ценностями как сравнительно устойчивыми категориями, исходящими из правовых традиций общества и государства и определяющими векторы и стратегии правового

развития [7, с. 24]. Законодателю приходится с этим считаться, поскольку явное несоответствие создаваемых правовых моделей и институтов основным ценностным установкам заведомо снижает их эффективность. Более того, многие ценности настолько укоренились в сознании современного общества, что государство даже при желании вряд ли может через них переступить. Например, сложно представить, что современный законодатель может проигнорировать ценность чести и достоинства человека и закрепить возможность применения пыток, ушедших из сферы правового регулирования еще в XIX веке.

Воздействие экономического фактора на сферу правового регулирования определяется прежде всего тем, что объективные экономические законы очерчивают сферу правового регулирования и любое произвольное вмешательство в эту сферу влечет за собой негативные последствия. В частности, влияя на формирование типичного, социально значимого конфликтного интереса, экономический закон спроса и предложения приводит к тому, что возникающие в связи с его удовлетворением общественные отношения, не находя адекватного отражения в предмете правового регулирования, автоматически не исключаются из сферы правового регулирования, а уходят в область теневого права.

Психологический фактор предполагает наличие закономерностей функционирования человеческой психики, ее способности сознательно воспринимать и усваивать правила поведения и строить в соответствии с ними свои поступки и взаимоотношения. Абсолютно справедливо отмечается, что «способность правовых норм к воздействию на личность не может быть шире способности ее к восприятию такого воздействия на психологическом уровне. Несответствие же этих способностей является одним из источников противоречий между правовым регулированием и социальной действительностью» [5, с. 45].

Итак, сфера правового регулирования и ее пределы обусловлены общественными отношениями, обладающими целым рядом свойств-критериев, определяющих их правовую природу. Выступая в качестве объективного фактора установления пределов сферы правового регулирования, указанные отноше-

ния находятся под воздействием целого ряда объективных правообразующих факторов.

Субъективные факторы установления предмета правового регулирования

К числу основных факторов, имеющих субъективный характер, можно отнести: политико-правовой, научно-познавательный и технико-юридический. Политико-правовой фактор является определяющим субъективным фактором, посредством которого «переплавляются» все объективные явления и процессы, находящие отражение в выше обозначенных объективных факторах. Так, например, наличие правовых ценностей, определяющих границы правового регулирования, предполагает возможность установления их иерархии с целью определения того, при помощи каких средств можно способствовать либо препятствовать развитию тех или иных отношений, какова должна быть интенсивность предоставляемой им правовой защиты или борьбы против них с помощью правовых норм [3, с. 88]. А это уже зависит от политической воли законодателя.

Научно-познавательный фактор предполагает, что только в результате научного познания можно среди всего многообразия общественных отношений отфильтровать те, которые имеют правовую природу и характеризуются необходимыми свойствами-критериями. В этой связи представляется необходимым не только осуществлять дальнейшую научную разработку критериев установления пределов сферы правового регулирования, но также и обратиться к проблеме индикаторов, позволяющих эти критерии определять. Другое дело, что степень использования законодателем достижений науки зависит от позиции самого законодателя. А для этого требуется и желание, и постоянные усилия [3, с. 84].

Технико-юридический фактор предполагает использование технологий, методов и средств, способствующих установлению пределов сферы правового регулирования. К их числу можно отнести юридическое прогнозирование, правовой мониторинг, оценку регулирующего воздействия, правовой эксперимент и многие другие. И здесь важно не только наличие соответствующего инструментария, но

и желание со стороны властных субъектов его использования. В отечественной науке, занимавшейся разработкой этих вопросов, акцентировалось внимание на рекомендательном характере использования указанных инструментов, в то время как в западных концепциях регулирования постулируется их обязательное значение [1, с. 18]. В то же время обязательность использования любой технологии, метода или средства также не является панацеей, поскольку может быть нивелирована формальным отношением в процессе ее реализации.

Выводы

Таким образом, факторы установления пределов правового регулирования могут быть объективными и субъективными. Объективные факторы определяют границы сферы правового регулирования, в качестве таковых следует рассматривать свойства общественных отношений, имеющих правовую природу. Среди них особое место занимает направленность общественных отношений на удовлетворение типичного, социально значимого конфликтного интереса. В свою очередь, общественные отношения, имеющие правовую природу, находятся под воздействием целого ряда объективных факторов естественно-природного и социального характера, которые традиционно именуют как правообразующие. К основным естественно-природным факторам следует относить биологический, географический, климатический, физиологический. Основные объективные социальные факторы – это научно-технологический, аксиологический, экономический и психологический. Процесс установления пределов предмета правового регулирования обусловлен влиянием не только объективных факторов, но и субъективных, к числу которых следует относить политико-правовой, научно-познавательный и технико-юридический. Все указанные факторы взаимодействуют между собой и «работают» в системе, их разграничение осуществляется прежде всего в познавательных целях. В зависимости от специфики общественного отношения, находящегося в сфере правового регулирования и закрепляемого в качестве его предмета, влияние различных факторов будет неравнозначным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Давыдова, М. Л. «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества / М. Л. Давыдова // Журнал российского права. – 2020. – № 11. – С. 14–20.
2. Зайцева, Е. С. Пределы правового регулирования (общетеоретический аспект) / Е. С. Зайцева. – Омск : Омская академия МВД России, 2020. – 153 с.
3. Нашиц, А. Правотворчество / А. Нашиц. – М. : Прогресс, 1974. – 256 с.
4. Научные основы советского правотворчества / под ред. Р. О. Халфиной. – М. : Наука, 1981. – 317 с.
5. Новик, Ю. И. Психологические проблемы правового регулирования / Ю. И. Новик. – Минск : Университетское, 1989. – 135 с.
6. Поленина, С. В. Законотворчество в Российской Федерации / С. В. Поленина. – М. : ИГПАН, 1996. – 145 с.
7. Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации : сб. науч. тр. / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. – М. : Инфра-М, 2020. – 430 с.
8. Трофимов, В. В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект / под ред. Н. А. Придворова. – Саратов : Изд-во ГОУ ВПО, 2009. – 308 с.
9. Указ Президента РФ от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/0001202004020025> (дата обращения: 15.05.2021). – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Davydova M.L. «Umnoye regulirovaniye» kak osnova sovershenstvovaniya sovremennogo

pravotvorchestva [«Smart Regulation» As the Basis for Improving Modern Lawmaking]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2020, no. 11, pp. 14-20.

2. Zaytseva E.S. *Predely pravovogo regulirovaniya (obshcheteoreticheskiy aspekt)* [Limits of Legal Regulation (General Theoretical Aspect)]. Omsk, 2020. 153 p.

3. Nashits A. *Pravotvorchestvo* [Lawmaking]. Moscow, 1974. 256 p.

4. *Nauchnyye osnovy sovetskogo pravotvorchestva* [Scientific Foundations of Soviet Law-making]. Moscow, 1981. 317 p.

5. Novik Yu.I. *Psikhologicheskiye problemy pravovogo regulirovaniya* [Psychological Problems of Legal Regulation]. Moscow, 1989. 135 p.

6. Polenina S.V. *Zakonotvorchestvo v Rossiyskoy Federatsii* [Lawmaking in the Russian Federation]. Moscow, 1996. 145 p.

7. *Pravovyye tsennosti v svete novykh paradigm razvitiya sovremennoy tsivilizatsii: sb. nauch. tr.* [Legal Values in the Light of New Paradigms of the Development of Modern Civilization: Collection of Scientific Papers]. Moscow, 2020. 430 p.

8. Trofimov V.V. *Pravoobrazovaniye v sovremennom obshchestve: teoretiko-metodologicheskiy aspekt* [Legal Education in Modern Society: Theoretical and Methodological Aspect]. Pridvorov N.A., ed. Saratov, 2009. 308 p.

9. *Ukaz Prezidenta RF ot 02.04.2020 № 239 «O merakh po obespecheniyu sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya na territorii Rossiyskoy Federatsii v svyazi s rasprostraneniym novoy koronavirusnoy infektsii (COVID-19)»* [Decree of the President of the Russian Federation of 02.04.2020 No. 239 “On Measures to Ensure the Sanitary and Epidemiological Well-Being of the Population on the Territory of the Russian Federation in Connection with the Spread of a New Coronavirus Infection (COVID-19)”. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/0001202004020025> (accessed 15 May 2021).

Information About the Author

Ekaterina S. Zaitseva, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Theory and History of Law and State, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Prosp. Komarova, 7, 644092 Omsk, Russian Federation, zay_tseva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0688-2967>

Информация об авторе

Екатерина Сергеевна Зайцева, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства, Омская академия МВД России, просп. Комарова, 7, 644092 г. Омск, Российская Федерация, zay_tseva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0688-2967>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.4>

UDC 347.451
LBC 67.404.2

Submitted: 13.05.2021
Accepted: 14.06.2021

“SMART REGULATION” MEANS THAT INFLUENCE CONSUMER CHOICE OF HEALTHY PRODUCTS¹

Marina Y. Kozlova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: choosing healthy foods is vital for every person. The means of legal regulation can be used to ensure healthy choices. The **purpose** of the study is to identify the main means of “smart regulation”, acceptable and effective in the field of relations with the participation of consumers. The paper uses the **methods** of description and interpretation; the theoretical methods of formal and dialectical logic. **Results:** taking into account the achievements of behavioral economics, it is necessary to recognize that a person is prone to irrational behavior, misjudging information, and possible risks. “Smart regulation” involves achieving the desired result in the simplest possible way, including the so-called “nudge”, which makes it easier to choose the desired behavior. Nudge tools in government regulation can be used to make choices in favor of healthy foods. The consumer protection legislation uses the methods to determine the architecture of consumer choice in favor of healthy, high-quality, safe food. The state can establish rules that require manufacturers to indicate a certain set of information on the product, and sellers – to lay out the products in such a way that the consumer’s attention is focused on healthy products. **Conclusions:** in relationships involving consumers, it is necessary to use “smart regulation” means to influence the choice of healthy foods. The basis for the use of such means is to bring to the attention of consumers proper and reliable information about the principles of a healthy diet, as well as about the product, its ingredients, and features. Such information can be placed in the form of product labels, which should be clear and understandable.

Key words: consumer, nudge, smart regulation, product labeling, product display.

Citation. Kozlova M.Y. “Smart Regulation” Means that Influence Consumer Choice of Healthy Products. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 24-29. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.4>

УДК 347.451
ББК 67.404.2

Дата поступления статьи: 13.05.2021
Дата принятия статьи: 14.06.2021

СРЕДСТВА «УМНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ», ВЛИЯЮЩИЕ НА ВЫБОР ПОТРЕБИТЕЛЯМИ ПОЛЕЗНЫХ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ ПРОДУКТОВ¹

Марина Юрьевна Козлова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: выбор здоровых продуктов питания жизненно необходим для каждого человека. Средства правового регулирования могут быть использованы для обеспечения здорового выбора. **Целью** исследования является выявление основных средств «умного регулирования», приемлемых и эффективных в сфере отношений с участием потребителей. В статье используются **методы** описания и интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. **Результаты:** учитывая достижения поведенческой экономики, необходимо признать, что человек склонен к нерациональному поведению, он неверно оценивает информацию и возможные риски. «Умное регулирование» предполагает достижение необходимого результата наиболее простым способом, включая так называемое «подталкивание», которое облегчает выбор желаемого поведения. Инструменты подталкивания в государственном регулировании могут использоваться для выбора в пользу здоровых продуктов. В законодательстве о защите прав потребителей применяются методы, позволяющие определять архитектуру выбора потребителя в пользу здоровых, качественных, безопасных продуктов питания. Государство может устанавливать правила, обязывающие производителей указывать на товаре определенный набор информации, а продавцов – раскладывать товар таким образом,

чтобы внимание потребителя было сосредоточено на здоровых продуктах. **Выводы:** в отношениях с участием потребителей необходимо задействовать средства «умного регулирования», чтобы влиять на выбор здоровых продуктов питания. Основой использования таких средств является доведение до сведения потребителей надлежащей и достоверной информации как о принципах здорового питания, так и о товаре, его составе и свойствах. Такие данные могут размещаться в виде маркировок товаров, которые должны быть наглядными и понятными.

Ключевые слова: потребитель, подталкивание, умное регулирование, маркировка товаров, выкладка товаров.

Цитирование. Козлова М. Ю. Средства «умного регулирования», влияющие на выбор потребителями полезных для здоровья продуктов // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 24–29. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.4>

Введение

В документах Всемирной организации здравоохранения констатируется, что крепкое здоровье является основным ресурсом для социального, экономического и индивидуального развития, а также важным аспектом качества жизни, при этом пища называется в качестве одного из неперемных условий и предпосылок здоровья [6].

Нарушение структуры питания, потребление продуктов с высоким содержанием сахара, соли, жира рассматриваются в качестве причин роста неинфекционных заболеваний. Национальными правительствами предлагается внедрение программ здорового питания, которые предполагают меры по снижению потребления критически значимых пищевых веществ – добавленного сахара, соли, насыщенных жирных кислот и трансизомеров жирных кислот. В России, согласно статистическим данным, 43,4 % респондентов старше трех лет, имеют одно или несколько заболеваний (состояний), связанных с питанием (в том числе повышенное артериальное давление, диабет или повышенный сахар в крови; высокий уровень холестерина в крови; инфаркт миокарда; инсульт) [9].

Политика здорового питания предполагает просвещение потребителей, информирование как о системе здорового питания в целом, так и о конкретных продуктах. Всемирная организация здравоохранения разрабатывает основные подходы к здоровому питанию, которые предполагают ежедневное потребление фруктов и овощей, снижение потребления жиров, сокращение потребления соли и сахара [1].

Здоровье имеет ценность не только для конкретного человека и членов его семьи, но

и для всего общества и государства в целом, поскольку влияет на экономический рост [2, с. 7]. Государство должно стремиться к тому, чтобы найти баланс между частными и публичными интересами, оптимальные компромиссные решения и нивелировать негативные последствия при невозможности учета интереса обеих сторон [7, с. 44]. Для обеспечения выбора потребителем здоровых продуктов государство может использовать разнообразные средства, в том числе связанные с запретами и ограничениями. Однако ведущую роль должны играть те, которые «мягко подталкивают» потребителя к правильному выбору.

Правовое регулирование отношений с участием потребителей

Традиционные средства правового регулирования направлены на обеспечение безопасности и качества продуктов питания, в результате чего предполагается, что при выборе потребителем любого продукта его здоровью не будет причинен вред, однако на выбор конкретных продуктов питания такие меры повлиять не могут.

Учитывая, что рынок удовлетворяет любые запросы потребителей, в том числе и неразумные [8, с. 85], государство должно заботиться не только о качестве и безопасности продуктов питания, но также и о том, чтобы возрос уровень потребления здоровых продуктов.

В этих целях могут использоваться преимущества поведенческой экономики и «умного регулирования», которое предполагает достижение максимального эффекта наиболее простым способом [3, с. 14]. Поведен-

ческая экономика исходит из того, что человек принимает нерациональные, «неидеальные» решения, подвергаясь влиянию эмоций, неверно оценивая информацию и плохо представляя себе риски. Инструменты подталкивания в государственном регулировании могут использоваться для выбора в пользу здоровых продуктов. При этом целью такого регулирования будет достижение общественного блага, хотя оно может противоречить намерениям и привычкам конкретного человека.

Для государственного регулирования сферы, связанной с выбором потребителями продуктов, которые могут оказывать влияние на здоровье, характерен патернализм, то есть государственное вмешательство, осуществляемое в интересах самих лиц, чья воля игнорируется [4]. Его проявлением будет устранение выбора, ограничение или запрет оборота каких-либо продуктов. Примером такого подхода также может служить продажа сигарет и алкоголя с определенного возраста, ограничение рекламы указанных продуктов, реализация сигарет с изображениями возможных последствий курения.

Либертарианский патернализм использует более «мягкие» средства, не связанные с запретами и ограничениями, именуемые «подталкиванием». Они могут быть классифицированы на четыре основных типа в зависимости от того, как они влияют на индивидуальный выбор: упрощение и структурирование информации, что существенным образом облегчает выбор; изменения в физической среде (особенно применительно к розничной торговле); изменение в политике по умолчанию – использование стандартных условий, с которыми склонно соглашаться большинство субъектов; использование социальных норм, принятых в сообществе [10, с. 3].

В законодательстве о защите прав потребителей применяются методы, позволяющие определять архитектуру выбора потребителя в пользу здоровых, качественных, безопасных продуктов питания. Сама по себе ситуация принятия решения имеет сравнительно большое влияние на поведение. Так, на выбор может оказывать влияние расположение продукции на полках, легкость приготовления, бренд.

Раскрытие информации и расположение товаров как средства, влияющие на выбор потребителя

Сделать выбор в пользу здоровых продуктов непросто, и важно, чтобы этот выбор не сопровождался когнитивными усилиями и обработкой сложной информации – выбор должен быть естественным и легким [11, с. 5].

В качестве примера влияния на предпочтения потребителей путем использования обращения к социальным нормам, принятым в сообществе, можно привести эксперимент по подталкиванию покупателей к приобретению фруктов и овощей, проведенный в одном из торговых центров Лиссабона. Между ручками тележек для покупок было размещено изображение тележки с яблоками, грушами, апельсинами и овощами и надписью «Самые здоровые семьи покупают в этом магазине не менее одиннадцати фруктов и овощей за один раз. А вы?». Такие же плакаты были расположены около весов и в месте для сбора корзин. Исходя из количества фруктов и овощей в корзине потребителя, были выделены три категории покупателей, приобретших: 1) менее четырех единиц товара; 2) от четырех до десяти; 3) более десяти. Исследование проводилось в течение трех месяцев, показатели сравнивались с аналогичными периодами прошлых лет, когда такого вмешательства не было. Рост покупок фруктов и овощей составил 62 % в категории менее четырех товаров, 11 % в категории от четырех до десяти товаров и 8 % у активных покупателей (более десяти). В целом увеличение разнообразия товаров, закупленных в период эксперимента, составило 30 % [10].

Маркетологи давно используют подталкивание для того, чтобы потребители покупали все больше товаров, независимо от влияния на здоровье потребителя и даже его финансовых возможностей. Достижения маркетинга могут применяться для регулирования отношений с участием потребителей и обеспечения выбора ими здоровых продуктов.

Среди внутренних факторов, показывающих уровень важности пищи в жизни человека и влияющих на выбор того или иного продукта, выделяют стиль мышления, знания, мотивацию, пищевую неофобию (нежелание

пробовать новые продукты питания) и пищевую неофилию (желание пробовать новые продукты питания) [5, с. 609]. В качестве внешних факторов названы «фейсинги» (такое расположение товара на полке, благодаря которому видна торговая марка производителя), цветовое оформление упаковки, стиль дизайна упаковки, наличие маркировок, цена [5, с. 611].

Государство может устанавливать правила, обязывающие производителей указывать на товаре определенный набор информации, а продавцов – раскладывать товар таким образом, чтобы внимание потребителя было сосредоточено на здоровых продуктах. При этом речь не идет о том, чтобы лишать покупателей права выбора или манипулировать их сознанием.

Выбор должен сопровождаться предоставлением необходимой и достоверной информации о продукте питания (его состав, включая пищевые добавки и компоненты, полученные с применением генно-инженерно-модифицированных организмов) и его пищевой ценности. Потребитель должен иметь возможность сделать выбор, основываясь на сформированных представлениях о здоровом образе жизни и достоверной информации о продукте. Владение информацией является необходимым условием выбора, но это не всегда приводит к покупке здоровых продуктов и поэтому должно дополняться иными средствами.

Подзаконные акты Российской Федерации содержат положения, влияющие на архитектуру выбора потребителя. Так, В п. 37 Постановления Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463 установлено требование к выкладке молочных, молочных составных и молочносодержащих продуктов. Товары должны быть расположены таким образом, чтобы можно было визуально отделить их от других продуктов. Выкладка должна сопровождаться надписью «Продукты без заменителя молочного жира». В качестве способов такого визуального отделения могут использоваться полочные разделители, специальное оформление товарных ценников (например, различных по цвету), выделение специальных полок, предназначенных для расположения молочных товаров без заменителя молочного жира, размещение в одном холодильнике.

Маркировки представляют собой элемент, который регламентируется государством и воздействует на выбор потребителя. Их можно разделить на четыре основные группы: маркировки здоровья (например, о безопасном использовании, возможном воздействии на здоровье), маркировки питательных веществ (состав, энергетическая ценность), маркировки вкуса (описание вкуса), маркировки производства (информация о происхождении продукта) [5, с. 612].

Согласно данным Росстата, лица в возрасте 14 лет и более всегда или почти всегда обращают внимание на информацию, напечатанную на этикетках продуктов при их выборе – 34,4 %; обращают внимание, но бывает сложно разобрать эту информацию (трудно увидеть) – 27,3 %; не обращают внимания на эту информацию – 33,4 %. Из числа лиц, не обращающих внимания на информацию на этикетках (33,4 %) 14,2 % указали, что чтение этикеток занимает много времени; 9,7 % – не верят этой информации; 9,5 % – не понимают значения этой информации; 4,6 % – другое; 0,3 % – затруднились ответить [9]. Статистические данные свидетельствуют о том, что информация на этикетках должна представляться в лаконичной, простой, наглядной, удобочитаемой форме. Наглядность может быть обеспечена использованием цветовой индикации с использованием маркировки зеленого (низкое содержание), желтого (среднее значение), красного (высокое содержание) цветов для обозначения уровня содержания соли, сахара, жиров с насыщенными жирными кислотами и трансизомерами жирных кислот в продуктах питания.

Выводы

Запреты и ограничения обоснованно применяются государством для того, чтобы обезопасить население от ядовитых и некачественных продуктов. Это влияет и на то, какие именно продукты выбирает человек. Расположение товара на полках, а также информация на упаковке товара воздействуют на выбор, и это те факторы, которые могут быть регламентированы. При этом важно, что маркировки должны быть понятными, хорошо читаемыми, простыми, узнаваемыми и наглядными.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>.

The study is financially supported by the Russian Science Foundation, project № 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всемирная организация здравоохранения. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/healthy-diet> (дата обращения: 07.05.2021). – Загл. с экрана.
2. Всемирная организация здравоохранения. Глобальный план действий по профилактике неинфекционных заболеваний и борьбе с ними на 2013-2020 гг. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/94384/9789244506233_rus.pdf?sequence=5 (дата обращения: 22.04.2021). – Загл. с экрана.
3. Давыдова, М. Л. «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества / М. Л. Давыдова // Журнал российского права. – 2020. – № 11. – С. 14–29. – DOI: 10.12737/jrl.2020.130.
4. Манджиев, А. Д. Свобода воли в договорных правоотношениях / А. Д. Манджиев. – М.: Статут, 2017. – 192 с.
5. Неделько, А. Ю. Потребительский выбор продуктов питания: факторы, текущее состояние и ожидаемые изменения / А. Ю. Неделько, О. А. Третьяк, А. Ю. Лаврова // Российский журнал менеджмента. – 2020. – № 18 (4). – С. 605–642.
6. Оттавская хартия по укреплению здоровья. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0009/146808/Ottawa_Charter_R.pdf (дата обращения: 22.04.2021). – Загл. с экрана.
7. Пожарова, Л. А. Государство и права человека: проблемы ограничений в условиях пандемии / Л. А. Пожарова, Н. А. Косолапова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 41–46. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.3.5>.
8. Талер, Р. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье / Р. Талер, К. Санстейн. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. – 240 с.
9. Федеральная служба государственной статистики. Итоги выборочного наблюдения рациона питания населения. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://gks.ru/free_doc/new_site/food18/index.html (дата обращения: 22.04.2021). – Загл. с экрана.

10. Nudging Consumers Toward Healthier Food Choices: A Field Study on the Effect of Social Norms / D. Gonçalves [et al.] // Sustainability. – 2021. – Vol. 13. – P. 1660. – DOI: <https://doi.org/10.3390/sul3041660>.

11. Report on Tailored Toolboxes to Promote Healthier Food Choice / Bauer Dr. Jan M. [et al.]. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.nudge-it.eu/images/Report_on_tailored_toolboxes_to_promote_healthier_food_choice.pdf (accessed 29 April 2021). – Title from screen.

REFERENCES

1. *Vsemirnaja organizacija zdravoohranenija* [World Health Organization]. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/healthy-diet> (accessed 7 May 2021).
2. *Vsemirnaja organizacija zdravoohranenija. Global'nyj plan dejstvuj po profilaktike neinfecionnyh zabojevanij i bor'be s nimi na 2013-2020 gg.* [World Health Organization. Global Action Plan for the Prevention and Control of Noncommunicable Diseases 2013-2020]. URL: http://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/94384/9789244506233_rus.pdf?sequence=5 (accessed 22 April 2021).
3. Davydova M.L. «Umnoe regulirovanie» kak osnova sovershenstvovanija sovremennogo pravotvorchestva [“Smart Regulation” As the Basis for Improving Modern Law-Making]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2020, no. 11, pp. 14-29. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.130>.
4. Mandzhiev A.D. *Svoboda voli v dogovornyh pravootnosheniyah* [Freedom of Will in Contractual Relations]. Moscow, Statut Publ., 2017. 192 p.
5. Nedelko A.Yu., Tretyak O.A., Lavrova A.Yu. Potrebitel'skij vybor produktov pitaniya: faktory, tekushhee sostojanie i ozhidaemye izmenenija [Consumer Food Choice: Factors, Current State and Expected Changes]. *Rossiiskij zhurnal menedzhmenta* [Russian Management Journal], 2020, 18 (4), pp. 605-642.
6. *Ottavskaja hartija po ukrepleniju zdorov'ja* [Ottawa Charter for Health Promotion]. URL: https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0009/146808/Ottawa_Charter_R.pdf (accessed 22 April 2021).
7. Pozharova L.A., Kosolapova N.A. Gosudarstvo i prava cheloveka: problemy ogranichenij v uslovijah pandemii [The State and Human Rights: The Problems of Restrictions in the Pandemic]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 3, pp. 41-46. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.3.5>.
8. Thaler R., Sunstein C. *Arhitektura vybora. Kak uluchshit' nashi reshenija o zdorov'e*,

blagosostojanii i schast'ie [Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth and Happiness]. Moscow, 2017. 397 p.

9. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. Itogi vyborochnogo nablyudeniya racionalnaya pitaniya naseleniya* [Federal State Statistics Service. Results of Selective Observation of the Diet of the Population]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/food18/index.html (accessed 22 April 2021).

10. Gonçalves D., Coelho P., Martinez L.F. and Monteiro P. Nudging Consumers Toward Healthier Food Choices: A Field Study on the Effect of Social Norms. *Sustainability*, 2021, vol. 13. 1660 p. DOI: <https://doi.org/10.3390/su13041660> (accessed 28 April 2021).

11. Bauer J.M., Belot M., Hare T., Reisch L.A. *Report on Tailored Toolboxes to Promote Healthier Food Choice*. 2018. URL: https://www.nudge-it.eu/images/Report_on_tailored_toolboxes_to_promote_healthier_food_choice.pdf (accessed 29 April 2021).

Information About the Author

Marina Y. Kozlova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Leading Researcher at Institute of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, kozlova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6651-4392>

Информация об авторе

Марина Юрьевна Козлова, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник института права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, kozlova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6651-4392>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.5>

UDC 34.06
LBC 67.410.1

Submitted: 21.04.2021
Accepted: 05.06.2021

LEGAL EXPERIMENT AS A METHOD OF “SMART LEGAL REGULATION” THROUGH THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN BAR ASSOCIATION¹

Roman G. Melnichenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: through the example of the project in the field of regulation of the legal activity “state legal bureau”, such a method of “smart legal regulation” as a legal experiment is demonstrated. The **task** is to identify errors in the implementation of this method of “smart legal regulation”. **Methods:** the methodological framework for the study is a combination of the following methods of scientific knowledge: the hermeneutical method, the method of systematicity, and the method of analysis. **Results:** the author has identified the errors that can be made during the use of “smart legal regulation” methods. **Conclusions:** a feature of such a method of “smart legal regulation” as a legal experiment is point-based legal regulation. The legal experiment, being a gentle method of legal regulation, seems very promising, provided that before it begins, the criteria for its “success” are determined and at the end, the procedure for correlating the specified criteria and the results of the experiment is followed.

Key words: smart legal regulation, advocacy, legal experiment, regulatory sandbox, pilot legal project, state legal bureau.

Citation. Melnichenko R.G. Legal Experiment As a Method of “Smart Legal Regulation” Through the Example of the Russian Bar Association. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 30-34. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.5>

УДК 34.06
ББК 67.410.1

Дата поступления статьи: 21.04.2021
Дата принятия статьи: 05.06.2021

ПРАВОВОЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК МЕТОД «УМНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ» НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ АДВОКАТУРЫ¹

Роман Григорьевич Мельниченко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: на примере проекта в сфере регулирования адвокатской деятельности «государственное юридическое бюро» демонстрируется такой метод «умного правового регулирования», как правовой эксперимент. В качестве **задачи** взято выявление ошибок при реализации этого метода «умного правового регулирования». **Методы:** методологическую основу исследования составляет совокупность следующих методов научного познания: герменевтический метод, метод системности и метод анализа. **Результаты:** автором выявлены ошибки, которые могут быть допущены в ходе использования методов «умного правового регулирования». **Выводы:** признаком такого метода «умного правового регулирования», как правовой эксперимент, является точное правовое регулирование. Правовой эксперимент, являясь щадящим приемом правового регулирования, представляется весьма перспективным при условии, если перед его началом будут определены критерии успешности и по окончании будет соблюдена процедура соотнесения заданных критериев и результатов эксперимента.

Ключевые слова: умное правовое регулирование, адвокатура, правовой эксперимент, регуляторная песочница, пилотный правовой проект, государственное юридическое бюро.

Цитирование. Мельниченко Р. Г. Правовой эксперимент как метод «умного правового регулирования» на примере российской адвокатуры // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 30–34. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.5>

Введение

В статье на примере современной адвокатуры описывается такой метод «умного правового регулирования», как правовой эксперимент. Признаком этого метода является точечное правовое регулирование отдельных социальных сфер, антиномией которого является «ковровое правовое регулирование». Важным признаком правового эксперимента является ограниченность в пространстве и времени.

В статье указываются те проблемы, которые возникли в ходе применения методов «умного правового регулирования» в адвокатской деятельности, одной из которых является отсутствие критериев и механизмов оценивания результата эксперимента.

«Умное правовое регулирование»

Основная идея концепта «умное правовое регулирование» – это отдаление горизонта планирования того, как отзовутся законодательные инициативы в социальной жизни в отдаленной перспективе. В этом смысле антиномией этого концепта будет концепт «ситуативное правовое регулирование». Господствующее сегодня ситуативное правовое регулирование приводит к феномену «правового нон-стопа», инфляции права и к значительным социальным издержкам в случае неудачного правового регулирования. Здесь можно говорить о реактивности законодательной системы, которая постоянно занята исправлением своих законодательных ошибок с параллельным продуцированием новых.

В качестве акторов «умного правового регулирования» выступают законодатель (в широком его понимании) и в меньшей степени правоприменитель. Базовым принципом «умного правового регулирования» является принцип «не навреди», реализованный лишь при отдаленном горизонте планирования. В таком случае могут быть выявлены только те проблемы, которые при добрых намерениях законодателя не могут быть выявлены в близкой перспективе.

«Умному правовому регулированию» соответствуют определенные методы, перечень которых постоянно расширяется и уточняется: правовой эксперимент, оценка регулирующего воздействия, оценка фактического воз-

действия, открытость нормативной базы, повышение доступности действующих нормативных правовых актов и их проектов, упрощение языка нормативных актов [10]. Рассмотрим один такой метод «умного правового регулирования» применительно к современному правовому регулированию в сфере адвокатуры.

Правовой эксперимент

Правовой эксперимент – это внедрение в целях апробации определенного режима правового регулирования на ограниченной территории и на ограниченное время. Исследователи указывают, что в юридической науке примерно с середины XX в. начинают встречаться такие понятия, как «правовой эксперимент», «эксперимент в области государства и права», «законодательный эксперимент», «правотворческий эксперимент» [5; 9]. Подобный метод получил свое второе рождение в концепте «регулятивная песочница» (Regulatory Sandbox), под которой понимается особый правовой режим, позволяющий юридическим лицам, занимающимся разработкой новых продуктов и услуг, проводить в ограниченной среде эксперименты по их внедрению без риска нарушения действующего законодательства; это пример «умного регулирования» [3]. Будучи по своей сути продуктом менеджмента, идея регулятивной песочницы послужила основанием для актуализации в публичной сфере подобных же проектов, но уже под ранее существующим в правовой науке наименованием «правовой эксперимент».

В 2006 г. «в целях выработки оптимального механизма по реализации государственной политики в области оказания бесплатной юридической помощи малоимущим гражданам» [6] начался эксперимент по внедрению элементов системы государственных юридических бюро. Он был ограничен как территориально (10 субъектов РФ), так и темпорально (с 1 января 2006 г. по 31 декабря 2006 г.). Рассмотрим на данном кейсе основные признаки правового эксперимента.

Ограниченность в пространстве и во времени. Этот признак предполагает, что эксперимент имеет свои временные и пространственные границы. В случае с кейсом о государственном юридическом бюро время

ограничено одним годом, а пространство – десятью субъектами РФ. Цель подобных ограничений – минимизация возможных негативных последствий от введения инновационного правового регулирования. Здесь можно провести аналогию с химчисткой костюма, когда чистящее вещество предварительно наносится на небольшой фрагмент ткани изнаночной части костюма с целью проверить реакцию ткани на данное химическое воздействие, если ткань окажется неповрежденной, реактив используют на все изделие.

Обратная связь. Одним из признаков «умного правового регулирования» является налаживание обратной связи между правоприменителями и авторами используемых правовых норм. Так, М. Давыдова, исследуя практику ряда стран, делает вывод, что «сквозной темой через все эти документы проходит необходимость налаживания всех форм обратной связи в процессе создания и реализации правовой нормы, предварительной и последующей оценки качества этой нормы, позволяющей скорректировать ее действие, минимизировать административное бремя» [1, с. 15]. Правовой эксперимент – это квинтэссенция воплощения данного признака, так как его задачей является получение обратной связи от проведенного эксперимента.

Можно выделить два вида обратной связи в правовом эксперименте: текущая и резолютивная. Текущая обратная связь – это не только сбор информации о течении эксперимента, но и корректировка самого эксперимента в формате аутопозис. Резолютивная обратная связь – это обобщение результатов правового эксперимента после его окончания. Очевидно, что текущая обратная связь требует более тонкой настройки, и потому более сложная. Рассматриваемый нами кейс «государственное юридическое бюро» предполагал лишь резолютивную обратную связь.

Ошибки правового эксперимента. Примечательны результаты эксперимента по введению государственного юридического бюро, а вернее, интерпретация его итогов. Так, согласно официальному решению, итоги эксперимента были объявлены положительными и признано целесообразным: «создание системы оказания бесплатной юридической помощи, предусматривающей равноценное участие в

этой деятельности государственных юридических бюро, адвокатов и органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [7]. Согласно же доктринальной оценке некоторых авторов: «Всю эту идею иначе как очередным экспериментом по повышению качества бесплатного сыра не назовешь» [2, с. 35]. Весьма положительно оценивая идею правового эксперимента данного кейса, мы обращаем внимание на его слабое место – отсутствие критериев его успешности или неуспешности, а также механизма применения данных критериев в ходе оценки итогов эксперимента. По сути, эксперимент окончился ничем, так как он не достиг главного результата – валидной обратной связи от его проведения.

В этой связи очевидно, что предстоящее создание в России корпуса публичной адвокатуры (*corpus publicus advocatus*) необходимо начать именно с правового эксперимента. Например, с введения в нескольких субъектах РФ института государственных адвокатов, обеспечивающих оказание бесплатной юридической помощи по уголовным делам в порядке назначения. И здесь необходимо будет наладить обратную связь от заинтересованных лиц: доверителей (получающих юридическую помощь от публичной адвокатуры), правоохранительных органов и конкурентов публичной адвокатуры – частных адвокатов.

Учитывая результаты завершеного эксперимента по созданию государственных юридических бюро, необходимо предварительно договориться о правилах на берегу, то есть о критериях оценки результативности нового правового эксперимента. Более разумным было бы проводить эксперимент при наличии «сравнительного образца» – традиционной адвокатуры. Необходимо дать возможность одновременно оказывать юридическую помощь по ст. 51 УПК РФ представителям публичной и частной адвокатуры. Применяя единые критерии оценивания к публичным и частным адвокатам, можно увидеть объективные результаты введения корпуса публичной адвокатуры в России.

Перспективы

Определим перспективные направления научного исследования, связанные с

«умным правовым регулированием» в сфере адвокатуры.

Регуляторная гильотина. Одним из смежных понятий «умного правового регулирования» является «less regulation» (меньшее регулирование). Применительно к этому подходу можно отнести метод, концептуализирующийся в идее регуляторной гильотины, которая вполне может быть применена к регулированию адвокатуры и адвокатской деятельности [4]. Стоит исследовать и иные методы, относящиеся к направлению меньшего регулирования.

Цифровой законодательный мозговой штурм. Каким бы компетентным ни был законодатель, в проект нормативно-правового акта могут закрасться ошибки. На государственном уровне институт публичного обсуждения уже существует, однако является еще несовершенным. Применительно к подобному институту в адвокатуре мы видим ряд проблем (отказ реагировать на критические замечания, забалтывание правок и т. п.), которые могут быть исследованы с последующим предложением механизма их устранения.

Выводы

Признаком такого метода «умного правового регулирования», как правовой эксперимент, является точечное правовое регулирование, которое противостоит «ковровому правовому регулированию».

Правовой эксперимент, будучи щадящим приемом правового регулирования, является весьма перспективным в случае, если перед его началом определены критерии его успешности и по окончании будет соблюдена процедура соотнесения заданных критериев и эмпирических результатов эксперимента.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>.

The research was carried out at the expense of the Russian Science Foundation Grant No. 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Давыдова, М. Л. «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества / М. Л. Давыдова // Журнал российского права. – 2020. – № 11. – С. 14–29. – DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.130>.

2. Дмитриев, Ю. А. Неудачный эксперимент по созданию государственной системы оказания бесплатной юридической помощи малоимущим гражданам / Ю. А. Дмитриев // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 1. – С. 33–35.

3. Макаров, В. О. Практические вопросы внедрения института регулятивных песочниц в российское законодательство в контексте вступления в силу Федерального закона от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» / В. О. Макаров // Юридические исследования. – 2020. – № 11. – С. 18–25. – DOI: 10.25136/2409-7136.2020.11.34587.

4. Мельниченко, Р. Г. Регуляторная гильотина для адвокатуры / Р. Г. Мельниченко // Евразийская адвокатура. – 2020. – № 1 (44). – С. 28–31.

5. Миронов, А. Н. Эксперимент в правовой сфере / А. Н. Миронов // Государственная служба. – 2009. – № 5. – С. 115–116.

6. Постановление Правительства РФ от 22.08.2005 № 534 «О проведении эксперимента по созданию государственной системы оказания бесплатной юридической помощи малоимущим гражданам». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901944680>. – Загл. с экрана.

7. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 22.06.2007 № 129 «Об объявлении решения коллегии Министерства юстиции Российской Федерации по вопросу “О ходе эксперимента по созданию государственной системы оказания бесплатной юридической помощи малоимущим гражданам и предложениях по формированию и реализации государственной политики в области оказания бесплатной юридической помощи малоимущим гражданам”». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902106277>. – Загл. с экрана.

8. Сивицкий, В. А. Правовой эксперимент и развитие права / В. А. Сивицкий, М. Ю. Сорокин // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – № 4. – С. 15–30.

9. Чагин, И. Б. Правовой эксперимент: теоретические и практические аспекты / И. Б. Чагин // E-Scio. – 2020. – № 2 (41). – С. 47–54.

10. Davydova, M. L. Smart Technologies in Lawmaking: Towards the Concept of Smart Regulation / M. L. Davydova, V. O. Makarov // Lecture Notes in Networks and Systems. – Vol 155. – P. 1296–1305. – DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-59126-7_142.

REFERENCES

1. Davydova M.L. «Umnoe regulirovanie» kak osnova sovershenstvovaniya sovremennogo pravotvorchestva [“Smart Regulation” As the Basis for Improving Modern Law-Making]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2020, no. 11, pp. 14-29. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.130>.

2. Dmitriev Yu.A. Neudachnyj eksperiment po sozdaniyu gosudarstvennoj sistemy okazaniya besplatnoj yuridicheskoj pomoshchi maloimushchim grazhdanam [An Unsuccessful Experiment to Create a State System for Providing Free Legal Aid to Low-Income Citizens]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian Legislation], 2008, no. 1, pp. 33-35.

3. Makarov V.O. Prakticheskie voprosy vnedreniya instituta regulativny'x pesochnicz v rossijskoe zakonodatel'stvo v kontekste vstupleniya v silu Federal'nogo zakona ot 31.07.2020 № 258-FZ «Ob e'ksperimental'ny'x pravovy'x rezhimakh v sfere cifrov'y'x innovacij v Rossijskoj Federacii» [Practical Issues of Introducing the Institution of Regulatory Sandboxes into Russian Legislation in the Context of the Entry into Force of the Federal Law No. 258-FZ “On Experimental Legal Regimes in the Field of Digital Innovation in the Russian Federation” Dated July 31, 2020]. *Yuridicheskie issledovaniya* [Legal Research], 2020, no. 11, pp. 18-25. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2020.11.34587>.

4. Mel'nichenko R.G. Regulyatornaya gilotina dlya advokatury [Regulatory Guillotine for the Bar]. *Evrazijskaya advokatura* [Eurasian Advocacy], 2020, no. 1 (44), pp. 28-31.

5. Mironov A. Eksperiment v pravovoj sfere [Experiment in the Legal Field]. *Gosudarstvennaya sluzhbe* [Public service], 2009, no. 5, pp. 115-116.

6. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 22 avgusta 2005 g. № 534 «O provedenii eksperimenta po*

sozdaniyu gosudarstvennoj sistemy okazaniya besplatnoj yuridicheskoj pomoshchi maloimushchim grazhdanam» [Decree of the Government of the Russian Federation No. 534 Dated August 22, 2005 “On Conducting an Experiment to Create a State System of Free Legal Aid to Low-Income Citizens”]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901944680>.

7. *Prikaz Ministerstva yusticii Rossijskoj Federacii ot 22 iyunya 2007 g. № 129 «Ob ob'yavlenii resheniya kollegii Ministerstva yusticii Rossijskoj Federacii po voprosu “O hode eksperimenta po sozdaniyu gosudarstvennoj sistemy okazaniya besplatnoj yuridicheskoj pomoshchi maloimushchim grazhdanam i predlozheniyah po formirovaniyu i realizacii gosudarstvennoj politiki v oblasti okazaniya besplatnoj yuridicheskoj pomoshchi maloimushchim grazhdanam”»* [Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 129 Dated June 22, 2007 “On the Announcement of the Decision Made by the Ministry of Justice of the Russian Federation Regarding the Issue of ‘On the Progress of the Experiment to Create a State System of Free Legal Aid to Low-Income Citizens and Proposals for the Formation and Implementation of Public Policy to Provide Free Legal Aid to Low-Income Citizens’”]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902106277>.

8. Sivickij V.A., Sorokin M.Yu. Pravovoj eksperiment i razvitie prava [Legal Experiment and Development of Law]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Right. Journal of the Higher School of Economics], 2016, no. 4, pp. 15-30.

9. Chagin I.B. Pravovoj eksperiment: teoreticheskie i prakticheskie aspekty [Legal Experiment: Theoretical and Practical Aspects]. *E-Scio* [E-Scio], 2020, no. 2 (41), pp. 47-54.

10. Davydova M.L., Makarov V.O. Smart Technologies in Lawmaking: Towards the Concept of Smart Regulation. *Lecture Notes in Networks and Systems*, 2021, vol. 155, pp. 1296-1305. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-59126-7_142.

Information About the Author

Roman G. Melnichenko, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Leading Researcher at Institute of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetskij, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, romanmelnichenko@yandex.ru, melnichenko@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2496-1511>

Информация об авторе

Мельниченко Роман Григорьевич, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник института права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, romanmelnichenko@yandex.ru, melnichenko@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2496-1511>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.6>

UDC 340.5
LBC 67.0

Submitted: 10.05.2021
Accepted: 14.06.2021

THE CLASSIFICATION OF REGULATORY SANDBOXES (EXPERIMENTAL LEGAL REGIMES): RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE ¹

Vladislav O. Makarov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the institution of regulatory sandboxes, which is a financial and legal tool aimed at testing new technological solutions, which is not subject to restrictions of the current legal regulation, has been developed in almost all countries of the world, including the Russian Federation. At the same time, a theoretical and comparative legal study of a rapidly developing institution is required. In the paper, we study the types of regulatory sandboxes that are distinguished in world practice, as well as propose other classifications of experimental legal regimes. **Purpose:** based on Russian and foreign experience, to identify approaches to the regulation of digital innovations and the classification of experimental legal regimes (regulatory sandboxes) using various criteria. The research **methodology** is based on the application of methods of formal logic, system, and structural analysis, as well as the comparative law method, the methods of legal experiment, legal forecasting, and interpretation of legal norms. As a **result** of the conducted research, four main approaches to the regulation of digital innovations are described and adapted, as well as the classifications of regulatory sandboxes (experimental legal regimes) are identified. **Conclusions:** the main approaches to the regulation of innovations in international practice are observational, approbation, stimulating, and reformation. In turn, it is possible to classify regulatory sandboxes based on Russian and foreign experience by goals, by the territory of operation, by the subject of expertise, by the duration of testing, by the type of solutions promoted, by consumer protection measures, by the regulatory body, as well as by the scope of technology application.

Key words: experimental legal regimes, regulatory sandboxes, fintech, digital economy, digital innovations, legal experiment, legal regime, classification.

Citation. Makarov V.O. The Classification of Regulatory Sandboxes (Experimental Legal Regimes): Russian and Foreign Experience. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 35-41. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.6>

УДК 340.5
ББК 67.0

Дата поступления статьи: 10.05.2021
Дата принятия статьи: 14.06.2021

КЛАССИФИКАЦИЯ РЕГУЛЯТИВНЫХ ПЕСОЧНИЦ (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ): РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ¹

Владислав Олегович Макаров

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: институт регулятивных песочниц, являющийся финансовым и правовым инструментом, направленным на тестирование новых технологических решений, на который не распространяются restrictions действующего правового регулирования, получил свое развитие практически во всех странах мира, включая Российскую Федерацию. Вместе с тем требуется теоретическое и сравнительно-правовое исследование стремительно развивающегося института. В настоящей работе изучаются выделяемые в мировой практике виды регулятивных песочниц, а также предлагаются иные классификации экспериментальных правовых режимов. **Цель:** на основе российского и зарубежного опыта выделить подходы к регулированию цифровых инноваций и классификации экспериментальных правовых режимов (регулятивных песочниц) с использованием различных критериев. **Методология** исследования базируется на применении ме-

тодов формальной логики, системного и структурного анализа, а также сравнительно-правового метода, методов правового эксперимента, правового прогнозирования и толкования правовых норм. **В результате** проведенного исследования описаны и адаптированы четыре основных подхода к регулированию цифровых инноваций, а также выделены классификации регулятивных песочниц (экспериментальных правовых режимов). **Выводы:** основными подходами к регулированию инноваций в международной практике являются наблюдательный, апробационный, стимулирующий и реформационный. В свою очередь, классифицировать регулятивные песочницы на основе российского и зарубежного опыта можно по целям, по территории функционирования, по субъекту проведения экспертизы, по продолжительности тестирования, по виду продвигаемых решений, по мерам защиты потребителя, по регулирующему органу, а также по сфере применения технологий.

Ключевые слова: экспериментальные правовые режимы, регулятивные песочницы, финтех, цифровая экономика, цифровые инновации, правовой эксперимент, правовой режим, классификация.

Цитирование. Макаров В. О. Классификация регулятивных песочниц (экспериментальных правовых режимов): российский и зарубежный опыт // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 35–41. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.6>

Введение

За последние 5 лет институт регулятивных песочниц, являющийся финансовым и правовым инструментом, направленным на тестирование новых технологических решений, на который не распространяются рестрикции действующего правового регулирования, получил свое развитие практически во всех странах мира. Российская Федерация не является исключением. В настоящее время принят и вступил в силу Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 258-ФЗ, а также ряд подзаконных нормативных правовых актов. Вместе с тем практическая реализация нового правового явления в зарубежных странах опережает теоретическое осмысление стремительно развивающегося института. Более того, в отечественной литературе отсутствуют исследования, посвященные вопросу классификации подходов к регулированию цифровых инноваций и «регулятивных песочниц», различных видов экспериментальных правовых режимов. В настоящей работе изучаются выделяемые в мировой практике виды регулятивных песочниц, а также предлагаются иные классификации экспериментальных правовых режимов.

Подходы к регулированию инноваций

В зарубежной литературе выделяются четыре подхода к регулированию финтеха [1, с. 7]. Первым подходом является «ждать и

наблюдать» (от англ. *wait-and-see*). При нем регулирующие органы осуществляют мониторинг развития технологий, вмешиваясь в этот процесс лишь в случае необходимости. В качестве примера можно привести равноправное кредитование (Peer-2-Peerlending) и мобильные платежи в Китае. Данное явление появилось в 2007 г., а по состоянию на 2018 г. функционировало уже более 8000 P2P платформ, включающих в себя более 50 млн зарегистрированных пользователей, общий оборот которых составил 17,8 млрд китайских юаней. Регулятор вмешался в рынок лишь в 2016 г. [4], когда почти 1/4 существующих платформ испытывала трудности по исполнению своих обязательств перед инвесторами, а почти 40 % платформ были признаны финансовыми пирамидами [5]. Проиллюстрировать рассматриваемый подход можно также на примере заявления Центрального Банка Ирландии в отношении криптовалют, в котором отмечалось отсутствие необходимости создания специального регулирования новых форм старых видов деятельности, которое в том числе повлекло бы за собой официальное признание неустоявшейся и неоднородной сферы [9].

Второй подход – «пробовать и обучаться» (от англ. *test-and-learn*). В данном случае регулятор создает индивидуальные условия для каждого конкретного участника, позволяя бизнесу функционировать в ограниченной, но живой среде с определенными исключениями. Такой подход использовался в 2007 г., когда Центральный Банк Кении создал специальные условия для инициативы Safaricom

в сфере мобильных денежных переводов. В результате созданный сервис M-Pesa стал крупнейшим средством денежных переводов в Кении [3]. Позднее он также был запущен в Танзании, Афганистане, Южной Африке и Индии.

В соответствии с третьим подходом – «помощник в инновациях» (от англ. *innovation facilitators*) – государство выступает катализатором развития инноваций, внедряя центры инноваций, «регулятивные песочницы» или регтех лаборатории. Последние отличаются от «песочниц», поскольку имеют более узкую сферу действия. Регтех (*regulatory technology*) – это использование финансовыми организациями инновационных технологий для повышения эффективности выполнения регуляторных требований и управления рисками [2, с. 7]. Данный подход становится наиболее распространенным, поскольку позволяет оперативно реагировать на необходимость изменения регулирования в связи с появлением новых технологий. В качестве примера можно привести инновационный хаб Управления денежного обращения Гонконга занимающийся исследованием технологии распределенного реестра (DLT) для оцифровки процессов торгового финансирования, влияния BigTech на финансовые рынки и применения технологии искусственного интеллекта (AI) в банковской сфере [7].

Четвертый подход, в свою очередь, предполагает создание новых законов или изменение действующего законодательства для его соответствия новым бизнес-моделям инновационных организаций («регулирующие законы и реформы», от англ. *regulatory laws and reform*). По такому пути пошла Мексика, приняв в 2018 г. рамочный закон о финансовых технологиях, направленный на компании, ориентированные на краудфандинг, виртуальные активы и т. д. [6].

Представляется возможным адаптировать наименования данных подходов следующим образом: наблюдательный, апробационный, стимулирующий и реформационный.

Как следует из содержания данных подходов, экспериментальные правовые режимы могут устанавливаться регулирующими органами лишь в рамках использования стимулирующего метода, то есть в ситуации, когда

государство сознательно создает условия для развития рынка инновационных технологий и помогает участникам экспериментов преодолеть сложности, вызванные неадаптированным правовым регулированием. Таким образом, подходы к регулированию инноваций являются более широким явлением, чем экспериментальные правовые режимы, а «регулятивные песочницы» выступают лишь в качестве одного из проявлений стимулирующего подхода (наравне с инновационными хабами и регтех лабораториями).

Виды экспериментальных правовых режимов

В рамках стимулирующего подхода представляется возможным классифицировать регулятивные песочницы по различным основаниям.

По своим целям «песочницы» делят на следующие виды: а) ориентированные на оценку регулятивного воздействия; б) ориентированные на инновации; в) тематические; г) трансграничные [11, с. 6]. В первом случае осуществляется мониторинг политики регулирования. Второй вид «песочниц» направлен на снижение стоимости выхода бизнеса на регулируемый рынок, что позволяет организациям проверять рыночную жизнеспособность новых бизнес-моделей. Целью тематических «регулятивных песочниц» является ускорение принятия конкретной политики или нововведений, поддержка развития какого-либо сектора или даже конкретных продуктов, нацеленных на определенные сегменты населения. Трансграничные (или также межюрисдикционные) «песочницы» нацелены на улучшение трансграничной гармонизации регулирования и более быстрое развитие финтех-компаний на международном рынке. Примером такого вида «песочниц» является GFIN – Глобальная сеть финансовых инноваций (The Global Financial Innovation Network), инициированная Управлением по финансовому регулированию и надзору Великобритании, включающая в себя взаимодействие 23 регулирующих органов 16 стран [10]. Отметим, что в данной классификации представляется достаточно спорным основание для выделения видов: целью тематических «песочниц» может также выступать

ориентация на инновации, а трансграничные режимы могут одновременно являться и тематическими, и ориентированными на оценку регулятивного воздействия.

Трансграничные экспериментальные правовые режимы также можно выделить наравне с национальными и региональными «регулятивными песочницами» по такому основанию, как территория функционирования. Национальные правовые эксперименты охватывают территорию всего государства, а региональные – отдельную географическую зону страны. Так, ч. 2 ст. 5 Федерального закона от 31.07.2020 № 258-ФЗ закрепляет норму о том, что законодательством субъекта Российской Федерации может быть предусмотрено установление экспериментального правового режима в субъекте Российской Федерации, в том числе определен порядок его установления в рамках полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам ведения субъектов Российской Федерации и полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Между тем единственным фактическим региональным экспериментальным правовым режимом в РФ является внедрение технологий искусственного интеллекта в Москве, установленное Федеральным законом от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в ст. 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных».

По субъекту проведения экспертизы экспериментальные правовые режимы можно разделить на правовые эксперименты, оценку которых производит постоянный состав экспертов, и правовые эксперименты, оценку которых проводят привлеченные специалисты. В частности, Банком Таиланда был создан специальный финтех департамент, включающий в себя как IT-специалистов, так и специалистов в области регулирования. Помимо этого, Банк Таиланда создает кросс-

функциональные команды, состоящие из представителей различных отделов для экспертизы конкретных проектов [8, с. 7].

По продолжительности тестирования регулятивные песочницы могут быть краткосрочными, среднесрочными и долгосрочными. Обычно «регулятивные песочницы» запускают на срок от двух недель до двух лет. Российское законодательство допускает установление экспериментальных правовых режимов на срок до трех лет. В связи с этим предлагается относить к краткосрочным экспериментам правовые режимы, устанавливаемые на срок до одного месяца, к среднесрочным – на срок свыше одного месяца и до одного года, а к долгосрочным – регулятивные песочницы, продолжительность которых превышает один год.

По виду продвигаемых решений экспериментальные правовые режимы делятся на общие и специальные. Часть «песочниц» может быть направлена на какую-либо широкую сферу цифровых инноваций, например искусственный интеллект или финтех в целом. Вместе с тем тестироваться для последующего внедрения могут и специальные узконаправленные технологии (блокчейн, онлайн-платежи и т. д.).

По мерам защиты потребителя «песочницы» могут быть: а) включающими внутренние меры защиты потребителя; б) выполняющими внешние требования регулятора; в) комбинированные. Экспериментальный правовой режим, в котором на этапе моделирования его концепции не продуманы надлежащие меры защиты, несут в себе потенциальные риски для рынка и конечного потребителя. «Песочница» должна предоставлять однозначную информацию о статусе субъекта экспериментального правового режима, а также о собираемых и обрабатываемых данных потребителей. Помимо добросовестности инициатора «песочницы» на этапе ее дизайна, ключевую роль должен, безусловно, играть регулятор, создающий нормативно установленные требования к необходимым мерам защиты потребителей.

Следующие две классификации применимы исключительно к российскому опыту построения экспериментальных правовых режимов и обусловлены национальным законодательством в указанной сфере.

По регулируемому органу экспериментальные правовые режимы можно разделить на «песочницы», подведомственные Министерству экономического развития РФ [1] и подведомственные Центральному Банку РФ. Указанное деление обусловлено тем, что в соответствии с п. 7 ст. 2 ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 258-ФЗ регулирующим органом экспериментальных правовых режимов в сфере финансового рынка является Банк России.

Классификация по сфере применения технологий включает в себя экспериментальные правовые режимы в следующих областях: 1) медицинская деятельность; 2) проектирование, производство и эксплуатация транспортных средств, в том числе высокоавтоматизированных транспортных средств и беспилотных воздушных судов, аттестация их операторов, предоставление транспортных и логистических услуг и организация транспортного обслуживания; 3) сельское хозяйство; 4) финансовый рынок; 5) продажа товаров, работ, услуг дистанционным способом; 6) архитектурно-строительное проектирование, строительство, капитальный ремонт, реконструкция, снос объектов капитального строительства, эксплуатация зданий, сооружений; 7) предоставление государственных и муниципальных услуг и осуществление государственного контроля (надзора) и муниципального контроля; 8) промышленное производство (промышленность); 9) иные направления разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций, установленные Правительством Российской Федерации. Российское законодательство принципиально отличается от зарубежного опыта, так как не ограничивает правовые эксперименты исключительно финтех сферой, а предполагает возможность апробации технологий и в иных нормативно установленных сферах деятельности.

Выводы

Проведенное исследование позволяет выделить следующие подходы к регулированию инноваций в мире: наблюдательный, апробационный, стимулирующий и реформаци-

онный. В свою очередь, классифицировать «регулятивные песочницы» на основе российского и зарубежного опыта можно **по целям**: а) ориентированные на оценку регулятивного воздействия; б) ориентированные на инновации; в) тематические; г) трансграничные; **по территории функционирования**: а) трансграничные; б) национальные; в) региональные; **по субъекту проведения экспертизы**: а) правовые эксперименты, оценку которых производит постоянный состав экспертов; б) правовые эксперименты, оценку которых проводят привлеченные специалисты; **по продолжительности тестирования**: а) краткосрочные; б) среднесрочные; в) долгосрочные; **по виду продвигаемых решений**: а) общие и б) специальные; **по мерам защиты потребителя**: а) включающие внутренние меры защиты потребителя; б) выполняющие внешние требования регулятора; в) комбинированные. На основе российского законодательства экспериментальные правовые режимы можно разделить **в зависимости от регулирующего органа** на «песочницы»: а) подведомственные Министерству экономического развития РФ; б) подведомственные Центральному Банку РФ; **в зависимости от сферы применения технологий** на экспериментальные правовые режимы в следующих областях: а) медицинская деятельность; б) проектирование, производство и эксплуатация транспортных средств, в том числе высокоавтоматизированных транспортных средств и беспилотных воздушных судов, аттестация их операторов, предоставление транспортных и логистических услуг и организация транспортного обслуживания; в) сельское хозяйство; г) финансовый рынок; д) продажа товаров, работ, услуг дистанционным способом; е) архитектурно-строительное проектирование, строительство, капитальный ремонт, реконструкция, снос объектов капитального строительства, эксплуатация зданий, сооружений; ж) предоставление государственных и муниципальных услуг и осуществление государственного контроля (надзора) и муниципального контроля; з) промышленное производство (промышленность); и) иные направления разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций, установленные Правительством Российской Федерации.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-011-00583 А).

The chapter was prepared with financial support of the Russian Fund for Fundamental Research. Grant of the RFFR 20-011-00583 А.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 07.10.2020 № 1618 «О внесении изменения в пункт 1 Положения о Министерстве экономического развития Российской Федерации». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010130016> (дата обращения: 09.05.2021). – Загл. с экрана.

2. Центральный Банк Российской Федерации. Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 гг. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/statichtml/file/41186/on_fintex_2017.pdf (дата обращения: 09.05.2021). – Загл. с экрана.

3. Batchelor, S. Changing the Financial Landscape of Africa: An Unusual Story of Evidence-informed Innovation, Intentional Policy Influence and Private Sector Engagement / S. Batchelor // *IDS Bulletin*, 2012. – Vol. 43 (5). – P. 84–90. – DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1759-5436.2012.00367.x>.

4. China Banking Regulatory Commission. Interim Measures on Administration of the Business Activities of Peer-to-Peer Lending Information Intermediaries. – Electronic text data. – Mode of access: <https://dfsobservatory.com/content/china-banking-regulatory-commission-interim-measures-administration-business-activities-peer> (date of access: 09.05.2021). – Title from screen.

5. Holmes, C. The Rise and Fall of P2P Lending in China / C. Holmes. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.finextra.com/blogposting/17107/the-rise-and-fall-of-p2p-lending-in-china> (date of access: 09.05.2021). – Title from screen.

6. How Regulators Respond To FinTech: Evaluating the Different Approaches. Sandboxes and Beyond // *Fintech Note*. – No. 4. – Electronic text data. – Mode of access: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33698> License: CC BY 3.0 IGO (date of access: 09.05.2021). – Title from screen.

7. Ley para Regular las Instituciones de Tecnologia Financiera. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/pdf/LRITF_090318.pdf (date of access: 09.05.2021). – Title from screen.

8. OpenGovAsia. Hong Kong Working to Foster FinTech Ecosystem. – Electronic text data. – Mode of access: <https://opengovasia.com/hong-kong-working-to-foster-fintech-ecosystem/> (date of access: 09.05.2021). – Title from screen.

9. The Alliance for Financial Inclusion. Creating Enabling Fintech Ecosystems: The Role of Regulators. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.afiglobal.org/sites/default/files/publications/2020-01/AFI_FinTech_SR_AW_digital_0.pdf (date of access: 09.05.2021). – Title from screen.

10. Tomorrow's Yesterday: Financial Regulation and Technological Change. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.centralbank.ie/news/article/financial-regulation-and-technological-change-gerry-cross> (date of access: 09.05.2021). – Title from screen.

11. The GFIN Cross-Border Testing. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.thegfin.com/crossborder-testing> (date of access: 09.05.2021). – Title from screen.

REFERENCES

1. *Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 07.10.2020 № 1618 «O vnesenii izmeneniya v punkt 1 Polozheniya o Ministerstve ekonomicheskogorazvitiya Rossijskoj Federacii»* [Resolution of the Government of the Russian Federation Dated 07.10.2020 No. 1618 “On Amending Clause 1 of the Regulation on the Ministry of Economic Development of the Russian Federation”]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010130016> (accessed 9 May 2021).

2. *Central'nyj Bank Rossijskoj Federacii. Osnovnye napravleniya razvitiya finansovyh tekhnologij na period 2018–2020 gg.* [Central Bank of the Russian Federation. The Main Directions of Development of Financial Technologies for the Period 2018–2020]. URL: http://www.cbr.ru/statichtml/file/41186/on_fintex_2017.pdf (accessed 9 May 2021).

3. Batchelor S. Changing the Financial Landscape of Africa: An Unusual Story of Evidence-informed Innovation, Intentional Policy Influence and Private Sector Engagement. *IDS Bulletin*, 2012, vol. 43 (5), pp. 84–90. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1759-5436.2012.00367.x>.

4. *China Banking Regulatory Commission. Interim Measures on Administration of the Business Activities of Peer-to-Peer Lending Information Intermediaries.* URL: <https://dfsobservatory.com/content/china-banking-regulatory-commission-interim-measures-administration-business-activities-peer> (accessed 9 May 2021).

5. Holmes, C. *The Rise and Fall of P2P Lending in China.* URL: <https://www.finextra.com/blogposting/17107/the-rise-and-fall-of-p2p-lending-in-china> (accessed 9 May 2021).

6. How Regulators Respond To FinTech: Evaluating the Different Approaches. Sandboxes and Beyond. *Fintech Note*, no. 4. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33698> License: CC BY 3.0 IGO (accessed 09 May 2021).

7. *Ley para Regular las Instituciones de Tecnologia Financiera*. URL: http://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/pdf/LRITF_090318.pdf (accessed 9 May 2021).

8. *OpenGovAsia. Hong Kong Working to Foster FinTech Ecosystem*. URL: <https://opengovasia.com/hong-kong-working-to-foster-fintech-ecosystem/> (accessed 9 May 2021).

9. *The Alliance for Financial Inclusion. Creating Enabling Fintech Ecosystems: The Role of Regulators*. URL: https://www.afi-global.org/sites/default/files/publications/2020-01/AFI_FinTech_SR_AW_digital_0.pdf (accessed 9 May 2021).

10. *Tomorrow's Yesterday: Financial Regulation and Technological Change*. URL: <https://www.centralbank.ie/news/article/financial-regulation-and-technological-change-gerry-cross> (accessed 9 May 2021).

11. *The GFIN Cross-Border Testing*. URL: <https://www.thegfin.com/crossborder-testing> (accessed 9 May 2021).

Information About the Author

Vladislav O. Makarov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, makarov.legal@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3818-6328>

Информация об авторе

Владислав Олегович Макаров, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, makarov.legal@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3818-6328>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.7>

UDC 34.01
LBC 67.00

Submitted: 15.05.2021
Accepted: 14.06.2021

BLOCKCHAIN AND OTHER TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF TRADITIONAL STATE AND LEGAL INSTITUTIONS¹

Dmitry V. Zikov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the technologies of blockchain, cryptocurrencies, and smart contracts in the context of philosophical and legal issues require their understanding. There is a voluminous body of literature on this subject today. However, the main leitmotif of the vast majority of publications is a simple description and further understanding of the structure of these technologies, the order of their implementation, development, and operation. The theoretical and philosophical aspects of the study of these new phenomena are not sufficiently covered. As a rule, the works simply postulate the legal nature of the technologies being studied. But at the same time, all national states have the problem of regulating these regulatory technologies themselves, which are autonomous information and telecommunications systems that do without an intermediary in the person of the state or other official authorities. The **purpose** of the paper is to clarify the issue of the nature of these technologies, their relationship, and mutual influence with the traditional regulatory institutes. **Methods:** formal-legal, systematicity, comparison, generalization, and analysis. As a **result**, the author emphasizes that these digital technologies, although they contain claims to a symbiotic reconciliation with the traditional institutes, are a completely new, alternative regulatory system. The basis of this system is not the legal principle of “if-then-otherwise”, which emphasizes the possibility of free action, but the principle of the physical law of “if-then”, as in the scenario language of a program code, where every event and action is invariant. The paper substantiates the conclusion that these technologies will exist in parallel with the traditional state-legal institutes, competing for the regulation of a significant part of civil law relations, as an appendix to a paper contract in terms of automating the mode of performance, and as the main contract based on the program code.

Key words: blockchain, cryptocurrencies, smart contracts, regulatory approaches, software code, regulatory system, digital society.

Citation. Zikov D.V. Blockchain and Other Technologies in the System of Traditional State and Legal Institutions. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 42-46. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.7>

УДК 34.01
ББК 67.00

Дата поступления статьи: 15.05.2021
Дата принятия статьи: 14.06.2021

БЛОКЧЕЙН И ДРУГИЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ТРАДИЦИОННЫХ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ¹

Дмитрий Валерьевич Зыков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: технологии блокчейна, криптовалют и смарт-контракта в контексте философско-правовой проблематики требуют своего осмысления. На сегодняшний день юридическая литература по данному предмету достаточно обширна. Однако основным лейтмотивом подавляющего большинства публикаций является простое описание и дальнейшее осмысление устройства данных технологий, порядка их внедрения, освоения и функционирования. Теоретическая и философская стороны исследования данных новых явлений освещены недостаточно. Как правило, в работах просто постулируется правовой характер изучаемых технологий. Но при этом у всех национальных государств возникает проблема регулирования самих данных технологий регулирования, которые представляют собой автономные информационно-телекоммуникационные системы, обходящиеся в своем действии без посредника в лице го-

сударства или иных официальных инстанций. **Целью** статьи является прояснение вопроса о сущности данных технологий, их соотношении с традиционными институтами регулирования. **Методы:** формально-юридический, системности, сравнения, обобщения и анализа. **В результате** автором акцентируется внимание, что данные цифровые технологии, хоть и содержат притязания на симбиотическое примирение с традиционными институтами, на деле являются совершенно новой, альтернативной системой регулирования. В основе данной системы лежит не правовой принцип «если-то-иначе», подчеркивающий возможность свободного действия, а принцип физического закона «если-то», как в сценарном языке программного кода, где каждое событие и действие инвариантны. В статье обосновывается **вывод**, что данные технологии будут существовать параллельно с традиционными государственно-правовыми институтами, конкурируя за регулирование значительной части гражданско-правовых отношений в качестве приложения к бумажному договору в части автоматизации способа исполнения и в качестве основного договора на основе программного кода.

Ключевые слова: блокчейн, криптовалюты, смарт-контракты, подходы к регулированию, программный код, нормативная система, цифровое общество.

Цитирование. Зыков Д. В. Блокчейн и другие технологии в системе традиционных государственно-правовых институтов // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 42–46. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.7>

Введение

Алгоритм действия традиционной структуры правовой нормы состоит из трех звеньев – «если-то-иначе». В актуализации, формализации и объективации всего содержания данной формулы значимы как минимум два аспекта. Во-первых, монопольная роль государства в принудительном обеспечении, защите и восстановлении действительности права. Отсюда следует, что традиционное правовое регулирование отличается высокой степенью централизованности, наличием привилегированного посредника в виде государства или иных властных инстанций (например, наднациональных). Во-вторых, подчеркивается модус должностования в бытии права, поскольку правовое предписание (понимаемое в духе Г. Кельзена как понятие, охватывающее не только обязывания и запреты, но и дозволения) реализуется не по принципу научного закона (если есть А, то будет В), а по принципу юридического закона (если есть А, то должно быть В). В этом смысле правовая доктрина различает нормы права и нормативные предложения (высказывания). Нормы права могут исполняться или нарушаться, быть эффективными или нет, справедливыми или нет, но они не могут быть истинными или ложными. В свою очередь, нормативные предложения не могут быть справедливыми или нет и т. п., но они истинны или ложны [1, с. 147–148].

Принцип действия технологий регулирования

Напротив, технологии в виде криптовалют, блокчейна и смарт-контрактов предполагают самоорганизацию и автономию процессов, а также полную децентрализованность регулирования и независимость от внешнего регулятора. Государство и иные социальные институты как посредники (банки, адвокаты, нотариусы, аудиторы и т. д.) заменяются взаимно согласованными действиями в запрограммированных цифровой средой рамках. Данные технологии взаимосвязаны, поэтому резонно говорить о них в одном ключе.

Так, криптовалюты существуют в виртуальном пространстве, независимо от банковской системы и каких-либо административно-бюрократических процедур. Их невозможно фальсифицировать, а в силу ограниченности эмиссии им не страшна инфляция. Они защищены методами криптографии, обеспечены рыночным спросом, сложностью майнинга и оборудованием для поддержания работы сети. Криптовалюты действуют через блокчейн, являются частными средствами обмена и обеспечивают поддержание независимости процессов регулирования имущественно-стоимостных отношений участников от какого-либо посредника. Криптовалюты не имеют материального обеспечения в виде золотовалютных резервов и подтверждаются только информацией о рыночном курсе, в достоверности которой не приходится сомне-

ваться, поскольку криптографией исключен несанкционированный доступ в блокчейн. Блокчейн – технология распределенных реестров, база учета, способная обеспечивать безопасное хранение и обмен практически любой информации (от учета бухгалтерских данных и записей о правах на имущество до выданных страховок и подсчета голосований), в том числе о транзакциях, без какого-либо внешнего посредника и централизованного руководства. Смарт-контракт – цифровой алгоритм, содержащий информацию об обязательствах между не доверяющими друг другу сторонами, включая протокол исполнения, находящийся по определенному адресу в блокчейне. В результате исполнения этого происходит запись информации, приводящей к изменению его состояния во всех копиях в сети. Состоит из условий «если-то» на основе консенсуса. В основе всех трех технологий лежит программный код.

Подходы к правовому регулированию технологий регулирования

Как современная правовая система мира соотносится с новыми коммуникативными технологиями, претендующими на статус нового регулятора? В отечественной юридической литературе сформировались три точки зрения: правовые нормы в своем нынешнем воплощении уже применимы к новым технологиям и их надо просто юридизировать, то есть принудительно ввести в орбиту правового регулирования, распространив на них привычные категории и средства [5, с. 118, 140–143]; правовые нормы нуждаются в существенной перестройке и обновлении с целью адаптироваться к данным конкурентам, допустить симбиоз программного кода с правом, то есть создать их гибридную форму [2; 4]; правовая система будет существовать параллельно с технологиями регулирования как новой нормативно-технической системой [7, с. 15–16].

На сегодняшний день законодательством РФ [3; 6] понятия «криптовалюта» и «смарт-контракт» не закреплены. Для установления правового режима в отношении данных технологий необходима их юридизация, признание, то есть четкое определение их природы в соответствующем законодательном

акте. Однако, как оказалось, сделать это, не ограничив или не видоизменив саму природу этих явлений, непросто. Первая трудность, возникающая на этом пути, связана с необходимостью выбора области права – финансовое или вещное.

Если понимать под криптовалютой форму частных денег, то возникает конкуренция с денежным обращением в стране. В условиях неокрепшей экономики ЦБ РФ прямо говорит: «...мы использование криптовалют как денежных суррогатов допускать не будем» [8]. Если относить криптовалюту к области вещного права и ставить ее в один ряд с переводным векселем на предъявителя или иным имуществом (специфический товар, электронный актив), то неизбежно налогообложение данной «вещи». Сегодняшнее законодательство РФ просто отрицает понятие цифровых денег как законного платежного средства, ограничивает доступ гражданам к покупке криптовалют. Иными словами, данное регулирование просто запрещает производство и хождение криптовалют на территории РФ.

Не лучше обстоят дела и с правовым регулированием смарт-контрактов и распределенных реестров в мире и в России в частности. Блокчейн не контролируется каким-либо одним лицом или организацией, в этом проявляется сама его суть. Безопасность транзакций в блокчейне обеспечивается именно его распределенной архитектурой. Принцип работы блокчейна можно сравнить с работой самого Интернета. Блокчейн может храниться где угодно. Скачать его полную версию может любой, и она будет храниться в качестве самообновляющейся копии. Чтобы адекватно и полностью контролировать Интернет, нужен еще один Интернет.

Платеж происходит между электронными адресами без посредников, и он необратим, нет процедуры отмены подтвержденной операции, в том числе в случае ее ошибочности. При этом нет никакой информации о владельцах адресов, что является основой анонимности транзакций участников. Но даже если каким-то образом такая информация станет обязательной при каждой транзакции, то толку от этого для контроля окажется мало, поскольку адрес можно сгенерировать полно-

стью автономно, не подключаясь к сети и впоследствии ничего не сообщая в сеть. Расплачиваться криптовалютой в виртуальном пространстве равнозначно расчетам наличными в реальном пространстве и времени.

Выводы

Думается, что, несмотря на попытки государств интегрировать данные «объекты» регулирования в национальную правовую систему, результаты не будут оправдывать тех целей воздействия, с которыми связаны такие попытки. Интернет-отношения размывают территориальные границы национальных юрисдикций за счет способа своего существования не на определенной территории, а в виртуальном пространстве, и каждый из их участников находится в одноранговой системе, где все формально равны перед механизмом их нормативно-технического регулирования. Вероятнее всего, мы имеем дело с появлением новых социально-технических феноменов регулирования общественных отношений.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>.

The research was carried out at the expense of the Russian Science Foundation Grant No. 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булыгин, Е. В. Нормы и нормативные предложения: различие между ними и опасность их смешения / Е. В. Булыгин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2008. – № 2 (277). – С. 147–153.

2. Давыдова, М. Л. Трансформация правовой системы под влиянием сети Интернет / М. Л. Давыдова, В. О. Макаров // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2016. – № 4 (33). – С. 50–57.

3. Проект Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. – Электрон. текстовые дан. – Режим

доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7> (дата обращения: 12.05.2021). – Загл. с экрана.

4. Савельев, А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав / А. И. Савельев // Закон. – 2017. – № 8. – С. 136–153.

5. Трунцевский, Ю. В. Смарт-контракт: от определения к определенности / Ю. В. Трунцевский, В. В. Севальнев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 1. – С. 118–147.

6. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Система обеспечения законодательной деятельности. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (дата обращения: 12.05.2021). – Загл. с экрана.

7. Хабриева, Т. Я. Право в условиях цифровой реальности / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 5–16.

8. ЦБ не допустит криптовалюты на российский рынок как денежные суррогаты // ТАСС. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/4546253> (дата обращения: 12.05.2021). – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Bulygin Ye.V. Normy i normativnyye predlozheniya: razlichiye mezhdru nimi i opasnost' ikh smesheniya [Norms and Regulatory Proposals: The Difference Between Them and the Danger of Confusion]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye* [Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence], 2008, no. 2 (277), pp. 147-154.

2. Davydova M.L., Makarov V.O. Transformatsiya pravovoy sistemy pod vliyaniyem seti Internet [Transformation of the Legal System under the Influence of the Internet]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State University], 2016, no. 4 (33), pp. 50-57.

3. Projekt Federal'nogo zakona № 424632-7 «O vnesenii izmeneniy v chaste pervuyu, vtoruyu i chetvertuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii» [Draft Federal Law No. 424632-7 “On Amendments to Parts One, Two and Four of the Civil Code of the Russian Federation”]. *Sistema obespecheniya zakonodatel'noy deyatel'nosti* [Legislative Support System]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7> (accessed 12 May 2021).

4. Savel'yev A.I. Kriptovalyuty v sisteme obyektov grazhdanskikh prav [Cryptocurrencies in the System of Objects of Civil Rights]. *Zakon* [Law], 2017, no. 8, pp. 136-153.

5. Truntsevskiy Yu.V., Seval'nev V.V. Smart-kontrakt: ot opredeleniya k opredelennosti [Smart Contract: From Definition to Certainty]. *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki* [Right. Journal of the Higher School of Economics], 2020, no. 1, pp. 118-147.

6. Federal'nyy zakon «O tsifrovyykh finansovykh aktivakh, tsifrovoy valyute i o vnesenii izmeneniy v ot del'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii» ot 31.07.2020 № 259-FZ [Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" Dated July 31, 2020 No. 259-FZ]. *Sistema*

obespecheniya zakonodatel'noy deyatel'nosti [Legislative Support System]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (accessed 12 May 2021).

7. Khabriyeva T.Ya., Chernogor N.N. Pravo v usloviyakh tsifrovoy real'nosti [Law in a Digital Reality]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2018, no. 1, pp. 5-16.

8. *TSB ne dopustit kriptovalyuty na rossiyskiy rynek kak denezhnyye surrogaty* [The Central Bank Will not Allow Cryptocurrencies to Enter the Russian Market As Monetary Surrogates]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4546253> (accessed 12 May 2021).

Information About the Author

Dmitry V. Zykov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, zykov_dv@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5544-5459>

Информация об авторе

Дмитрий Валерьевич Зыков, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, zykov_dv@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5544-5459>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.8>

UDC 342.7
LBC 67.0

Submitted: 21.05.2021
Accepted: 14.06.2021

THE ROLE OF INCENTIVE SANCTIONS IN THE PROCESS OF LEGAL REGULATION¹

Roman S. Markunin

Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation

Alexandra A. Musatkina

Togliatti State University, Tolyatti, Russian Federation

Introduction: the measures of encouragement, at the present stage of development of the legal state, occupy a key place among the instruments of legal stimulation of subjects of legal relations to commit lawful and socially demanded actions. For this reason, the scientific interest in finding the most effective options for their normative consolidation in the current legislative framework is quite understandable. **Purpose:** to determine the features and level of influence of incentive sanctions on the process of regulating legal relations in the company. **Methods:** the methodological framework for the paper consists of some methods of cognition, among which one can distinguish: formal-legal, systemic, comparative law, etc. **Results:** incentive sanctions contribute to the formation of a correct system of values in the subject of legal relations, which leads to the commission of exemplary actions, socially demanded acts of behavior. **Conclusions:** according to the results of the study, it can be argued that the legal regulation of incentive measures in the current legislation is fragmentary. The insufficient regulatory consolidation of the incentive procedure leads to the destabilization of public relations and a decrease in the effectiveness of the incentive function as a whole.

Key words: sanction, encouragement, incentive, benefits, discretionary powers, state award.

Citation. Markunin R.S., Musatkina A.A. The Role of Incentive Sanctions in the Process of Legal Regulation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 47-52. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.8>

УДК 342.7
ББК 67.0

Дата поступления статьи: 21.05.2021
Дата принятия статьи: 14.06.2021

РОЛЬ ПОощРИТЕЛЬНЫХ САНКЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ¹

Роман Сергеевич Маркунин

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация

Александра Анатольевна Мусаткина

Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти, Российская Федерация

Введение: меры поощрения на современном этапе развития правовой государственности занимают ключевое место среди инструментов правового стимулирования субъектов правоотношений на совершение правомерных и социально востребованных действий. По этой причине вполне объясним научный интерес к поиску наиболее эффективных вариантов их нормативного закрепления в действующей законодательной базе. **Цель:** определить особенности и уровень влияния поощрительных санкций на процесс регулирования правоотношений в обществе. **Методы:** методологическую основу статьи составил ряд методов познания, среди которых можно выделить формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и др. **Результаты:** поощрительные санкции способствуют формированию у субъекта правоотношений верной системы ценностей, которая приводит к совершению образцовых, социально востребованных актов поведения.

Выводы: по результатам проведенного исследования можно утверждать, что правовое регулирование мер поощрения в действующем законодательстве носит фрагментарный характер. Недостаточное нормативное закрепление процедуры поощрения приводит к дестабилизации общественных отношений и снижению эффективности стимулирующей функции в целом.

Ключевые слова: санкция, поощрение, стимулирование, льготы, дискреционные полномочия, государственная награда.

Цитирование. Маркунин Р. С., Мусаткина А. А. Роль поощрительных санкций в процессе правового регулирования // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 47–52. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.8>

Введение

На современном этапе, к сожалению, господствующее мнение по вопросу понимания санкции сводится к особенностям ее исключительно негативного воздействия на лицо, совершившее деяния, противоречащее установленным правовым нормам. При этом с латинского языка слово «санкция» имеет весьма широкое значение, но общее понимание сводится к властному и беспрекословному решению, которое имеет две стороны – негативную (в виде наказания) и позитивную (в виде поощрения). Следуя этому широкому подходу, санкцию можно определить в качестве меры воздействия на субъектов правоотношений, которая заключается в стимулировании правомерного поведения или пресечении и осуждении противоправных деяний.

В юридической науке существует подход, рассматривающий категорию санкции шире с включением не только отрицательные последствия влияния на субъект правоотношений. В результате этого сформировалось учение о поощрительных санкциях [2, с. 19]. В качестве видовой категории их следует определить как меру воздействия, связанную с наступлением благоприятных последствий для лица в связи с достижением им каких-либо значимых результатов или в качестве иных заслуг. Таким образом, в категории поощрения можно выделить ряд характерных признаков: 1) тесная связь с одобряемым и заслуженным поведением; 2) добровольность совершения правомерных деяний без императивного предписания, зафиксированного в нормативно-правовых актах; 3) результат правомерного поведения, превосходящий ожидаемый и ценный для государства и общества; 4) роль стимула по выполнению подобных действий другими лицами [1, с. 101].

Место поощрительных санкций в процессе правового стимулирования

На сегодняшний день правовая система Российской Федерации подвержена постоянным изменениям и реформированиям, которые должны затронуть систему стимулов, в первую очередь это относится к поощрительным санкциям. Они обеспечивают стабильное совершение добровольных положительных действий со стороны лиц, благодаря чему повышается активность институтов гражданского общества, происходит укрепление правопорядка и дисциплины, а также надлежащее исполнение субъектами возложенных на них обязанностей. Поощрения являются средством обеспечения реализации юридических норм и достижения социально полезных целей [5, с. 48].

Рассматривая вопрос о мерах поощрения, необходимо сразу отметить, что поощрение выступает правовым стимулом на уровне санкции правовой нормы. На сегодняшний день роль поощрительных санкций постоянно растет. Многие согласятся, что под угрозой наказания никогда не будет обеспечено стабильное, образцовое, социально полезное поведение. Наличие комплекса поощрительных санкций позволяет субъекту осознать благоприятные последствия, которые побуждают его на добровольные поступки, полезные не только для него, но государства и общества в целом. Таким образом, создается возможность достижения значимых результатов, которые превосходят ожидаемые прогнозы. Поощрительные санкции представляются индивиду наиболее значимым показателем.

Рассматривая санкции лишь в качестве мер наказания и иных ограничений, мы сознательно выстраиваем барьеры в процессе правового развития. Поощрительные же санкции

выступают стимулом к прогрессивным действиям и иным процессам социального, в том числе правового развития [3].

Главной задачей поощрительных санкций является повышение социально полезной деятельности субъекта за счет его заинтересованности в удовлетворении своих интересов. Таким образом, происходит вытеснение негативных поступков в обществе и создается образец поведения для других лиц. Задачей норм поощрения выступает формирование у лиц интереса к совершению действий, которые в дальнейшем получают моральное или материальное одобрение [5, с. 11].

Существование поощрительных санкций не может ставиться под сомнение, поскольку, обращаясь в целом к задачам права, можно удостовериться, что они сводятся не только к наказанию лиц, совершивших противоправные действия, но и к стимулированию правомерных действий, которые осуществляются в интересах государства и общества в целом. Значимость санкции как таковой состоит не в ее негативном или позитивном характере, а в том, насколько она способна обеспечить реализацию нормы права и достижение целей права. Особенность поощрительных санкций заключается в достижении социальных целей и благ, ради которых подобная модель поведения выстраивается и стимулируется применением мер поощрения, предусмотренных поощрительной нормой права за конкретные деяния. В данном случае важно подчеркнуть, что меры поощрительного характера применяются не за правомерные поступки в целом, а именно за заслуженные действия субъектов правоотношения.

Поощрительные санкции реализуются исключительно при наличии свободной воли субъекта и отсутствии императивной модели поведения. Меры поощрения призваны заинтересовать гражданина и обеспечить совершение им положительных действий и реализацию его обязанностей. Этим поощрительные санкции отличаются от санкций негативного типа. Добровольность является ключевым элементом в поощряемом поступке, поскольку мера принуждения не столь эффективна при стимулировании лица [4, с. 106]. Лишь внешняя, формальная, реализация прав и свобод при отсутствии свободы выбора для субъекта и его внут-

реннего положительного настроения не способна обеспечить требуемый результат ни для государства, ни для самой личности. В связи с этим именно дозволения активизируют комплекс побудительно-активных обеспечительных средств в правоотношениях, которые положительным образом будут сказываться на участниках. Одним из таких средств выступает поощрительная санкция [6, с. 143].

Классификация поощрительных санкций и их характеристика

Поощрительные санкции также можно подразделить на виды:

1. Санкции в виде материального поощрения. Достижение полезных результатов обеспечивается за счет предоставления материальных средств субъектам правоотношений за качественно выполненную работу. В этом виде санкции представлены целым перечнем поощрений: премия, надбавка к заработной плате, награждение ценным подарком и т. д.

2. Санкции в виде морального поощрения. Направлены на удовлетворение духовных и социальных потребностей людей. Целью выступает выражение признания человеку за его действия и повышения его авторитета среди окружающих лиц. Поощрением этого вида могут выступать: грамоты, знаки отличия, помещение фотографий на доску почета, информационные заметки в СМИ, дополнительные дни отдыха, продвижение по карьерной лестнице и т. д. У человека в результате применения данного вида поощрений наступает чувство удовлетворения от выполненной работы. Также имеет место благодарность со стороны сотрудников за поощрение, что создает стимул продолжать данный вид деятельности с большим энтузиазмом.

3. Льготы. Представляют собой определенные преимущества и дополнительные права для субъекта правоотношений. В данном случае имеются в виду не социальные льготы, предусмотренные законодательством, а льготы дополнительного характера, устанавливаемые в индивидуальном порядке. Это является сверхмерой, в результате которой социальная защита в отношении граждан осуществляется на более высоком уровне, гарантируемом законодательством. К числу таких

льгот можно отнести: обеспечение жильем, предоставление стоянок для транспортных средств, оплата медицинского обслуживания, организация транспортного обслуживания работников и т. д.

4. Награждение. Выступает высшей формой поощрения, которая выражается во вручении различных государственных наград в виде медалей, орденов и знаков отличия. Основанием награждения служат выдающиеся заслуги, имеющие значение для общества, государства или конкретных лиц [1, с. 101].

Недостатки правового регулирования поощрительных санкций

Многие правоведы склонны говорить о фрагментарном законодательном регулировании процесса предоставления наград и иных поощрений. В частности, рассматривая поощрительные санкции, стоит уделить внимание процессуальному аспекту их применения. Строгая процедура позволяет гарантировать своевременность, справедливость и объективность применения мер поощрения. На сегодняшний день меры поощрения лишены необходимого правового регулирования в отличие от мер наказания. В частности, наградные правоотношения регулируются в большинстве случаев министерскими инструкциями. На законодательном уровне не разработан механизм ответственности за нарушение процедуры выдачи и получения награды, что создает опасность несправедливой реализации мер поощрения со стороны государственных органов или превышения полномочий государственных служащих, в компетенцию которых входит решение вопросов подобного рода [4, с. 189]. В действующей процедуре награждения, закрепленной положением «О государственных наградах Российской Федерации», утвержденном Указом Президента РФ от 7 сентября 2010 года № 1099 (ред. от 26.10.2020) «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации», нет гарантии, обеспечивающей лицам заслуженную награду при совершении общественно полезных действий. Помимо этого, вышеназванное Положение регламентирует весьма усложненную процедуру предоставления наград с необходимостью согласования с различными

органами власти, в числе которых органы местного самоуправления, главы регионов или федеральные государственные органы. В итоге награждение гражданина становится фактически невозможным.

Актуальной проблемой является также вопрос, касающийся отказов в награждении субъекта. В вышеназванном положении «О государственных наградах Российской Федерации» имеется норма, согласно которой повторное представление к награждению государственной наградой лица, в отношении которого Комиссия при президенте Российской Федерации по государственным наградам (далее – Комиссия) приняла решение о нецелесообразности награждения государственной наградой, возможно не ранее чем через год со дня его принятия. Подробную процедуру отказа в государственной награде действующее законодательство не закрепляет, а существующая практика свидетельствует об отсутствии письменного обоснования отказа в награждении. Считаем необходимым в действующем законодательстве установить требование обязательной письменной формы в случае отказа в награждении конкретного лица с обоснованием конкретных причин такого отказа. Подобная процедура будет способствовать повышению ответственности компетентных органов и сокращению проявления субъективизма с их стороны.

В рамках применения поощрительных санкций, помимо несистематизированного подхода, существует проблема с расплывчатостью терминов и неоднозначностью формулировок поощрения. Это также создает негативные последствия, а именно способствует применению поощрительных норм по воле и усмотрению вышестоящего начальства при отсутствии заранее обозначенных условий и показателей деятельности работников. При наличии подобного рода дозволений и отсутствии образцов поведения для поощрений вполне естественным выглядит усиление субъективизма и произвола в решении вопросов предоставления каких-либо льгот и наградений. Считаем, что применение мер поощрительного характера должно реализовываться согласно точному указанию юридических норм, а не за счет дискреционных полномочий компетентных должностных лиц.

Поощрительная санкция выступает в качестве стимула к совершению положительных и одобряемых действий, за счет чего достигается планируемый результат. Одновременно с этим поощрение может реализовывать ограничивающую функцию, существенно сдерживая лицо от противозаконного, антиобщественного поведения. Помимо совершения положительных действий, поощрительная санкция стимулирует субъекты на повторяемость подобных поступков и преобразование данных актов поведения в привычку. Стоит обозначить тот факт, что, стимулируя такой вид поведения, поощрительные нормы могут одновременно обеспечивать исполнение действий, которые входят в круг юридических обязанностей субъектов, что является главным условием правомерного поведения [5, с. 46].

Выводы

1. Поощрение – особо эффективное, но крайне тонкое средство в руках правоприменителей, в связи с чем на практике использовать его необходимо исключительно на основе имеющихся результатов правовой доктрины, прибегая как к правовым, так и к моральным средствам регулирования.

2. Ошибочное применение поощрительных санкций на практике может вызвать отрицательный эффект и навредить регулируемым правоотношениям. Неверная политика в сфере применения поощрительных санкций способна вызвать нестабильность в обществе и снизить результативность данного правового стимула в целом.

3. Текущее правовое регулирование поощрительных санкций носит бессистемный характер, что не позволяет раскрыть их потенциал. Большое многообразие поощрительных норм, а также их диспозитивная основа требуют должного нормативного закрепления процедуры их реализации.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья выполнена при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00103 А «Юридическая ответственность в правовой системе России: концепция взаимодействия, взаимосвязей и устранения противоречий с иными элементами правовой системы».

The paper was supported by RFBR, Project No. 19-011-00103 A “Legal responsibility in the Russian legal system: the concept of interaction, interrelationships and elimination of contradictions with other elements of the legal system”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кашанина, Т. В. Санкции в праве: прошлое, настоящее, будущее / Т. В. Кашанина // Теория права. – 2019. – № 12. – С. 87–104.
2. Липинский, Д. А. Позитивная ответственность и поощрительные санкции: проблемы взаимосвязи / Д. А. Липинский // Право и политика. – 2008. – № 1. – С. 19–26.
3. Малько, А. В. Льготная и поощрительная правовая политика / А. В. Малько. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. – 290 с.
4. Нырков, В. В. Поощрение и наказание как парные юридические категории / В. В. Нырков. – Саратов : Саратовская государственная академия права, 2006. – 203 с.
5. Типикина, Е. В. Заслуга как основание для правового поощрения / Е. В. Типикина. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 140 с.
6. Шафиров, В. М. Поощрительные санкции как средство обеспечения права / В. М. Шафиров // Поощрительные санкции в праве: реальность и юридическая конструкция : коллектив. моногр. / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – Саратов : Саратовская государственная академия права. – 2008. – С. 138–157.

REFERENCES

1. Kashanina T.V. Sankcii v prave: proshloe, nastoyashchee, budushchee [Sanctions in Law: Past, Present, Future]. *Teoriya prava* [Theory of Law], 2019, no. 12, pp. 87-104.
2. Lipinskij D.A. Pozitivnaya otvetstvennost' i pooshchritel'nye sankcii: problemy vzaimosvyazi [Positive Responsibility and Incentive Sanctions: Problems of Interconnection]. *Pravo i politika* [Law and Politics], 2008, no. 1, pp. 19-26.
3. Mal'ko A.V. *L'gotnaya i pooshchritel'naya pravovaya politika* [Preferential and Encouraging Legal Policy]. Saint Petersburg, Yuridicheskij centr Press, 2004. 290 p.
4. Nyrkov V.V. *Pooshchrenie i nakazanie kak parnye yuridicheskie kategorii* [Encouragement and Punishment As Paired Legal Categories]. Saratov, Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava, 2006. 203 p.
5. Tipikina E.V. *Zasluga kak osnovanie dlya pravovogo pooshchreniya* [Merit As a Basis for Legal

Encouragement]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2010. 140p.

6. Shafirov V.M. Pooshchritel'nye sankcii kak sredstvo obespecheniya prava [Incentive Sanctions as a Means of Ensuring Law]. *Pooshchritel'nye*

sankcii v prave: real'nost' i yuridicheskaya konstrukciya: kollektivnaya monografiya [Incentive Sanctions in Law: Reality and Legal Structure: Collective Monograph]. Saratov, Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava, 2008, pp. 138-157.

Information About the Authors

Roman S. Markunin, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Theory of State and Law, Saratov State Law Academy, Volskaya St, 1, 410056 Saratov, Russian Federation, markunin88@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-7308-4848>

Alexandra A. Musatkina, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Togliatti State University, Belorusskaya St, 14, 445020 Tolyatti, Russian Federation, Musatkinaaa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6974-082X>

Информация об авторах

Роман Сергеевич Маркунин, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, Саратовская государственная юридическая академия, ул. Вольская, 1, 410056 г. Саратов, Российская Федерация, markunin88@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-7308-4848>

Александра Анатольевна Мусаткина, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права, Тольяттинский государственный университет, ул. Белорусская, 14, 445020 г. Тольятти, Российская Федерация, Musatkinaaa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6974-082X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.9>UDC 340
LBC 67.0Submitted: 24.04.2021
Accepted: 20.05.2021

ON THE CORRECTNESS OF THE PHRASE “THE MECHANISM OF DEREGULATION”¹

Ivan A. Usenkov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: in the Russian scientific literature, the concepts of “mechanism”, “mechanism of deregulation” concerning specific means of reducing the body of laws are used quite widely, but the theoretical construction of this phenomenon is currently not developed, and therefore the **purpose** of the study is to determine the correctness of such word usage and at the same time – the legal nature of “mechanisms of deregulation”. The methodological framework for the study is a set of **methods** of scientific knowledge, among which the main ones are the method of analysis and the system method. **Results:** the correctness of the use of the term “deregulation” is determined, the tools for reducing the body of laws are correlated with the orthodox concepts of “legal means” and “mechanism of legal regulation”, the structure of the “mechanism of deregulation” is presented, and the definition of this concept is formulated. **Conclusions:** it is concluded that the instruments of reducing the body of laws are by their nature legal means, and their system can be recognized as a mechanism with some reservations: the means of deregulation are quite special in comparison with the means of law-making itself, and therefore, if they are included in the mechanism of law-making, then as a very separate group; however, to date, the Russian Federation has not developed a full-fledged system of means of deregulation: most of the related means operate in very separate branches of law, there is a duplication of means of deregulation, and there are no established links between them. In this regard, it is possible to talk about the mechanism of deregulation as a potentially right-to-life phenomenon, but not really existing in domestic law.

Key words: deregulation, the mechanism of legal regulation, the mechanism of deregulation, law-making, legal means.

Citation. Usenkov I.A. On the Correctness of the Phrase “The Mechanism of Deregulation”. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 53-57. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.9>

УДК 340
ББК 67.0Дата поступления статьи: 24.04.2021
Дата принятия статьи: 20.05.2021

О КОРРЕКТНОСТИ ФОРМУЛИРОВКИ «МЕХАНИЗМ ДЕРЕГУЛИРОВАНИЯ»¹

Иван Алексеевич Усенков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в отечественной научной литературе понятия «механизм», «механизм дерегулирования» применительно к конкретным средствам сокращения законодательного массива используются достаточно широко, однако теоретическая конструкция данного феномена на настоящий момент не разработана, в связи с чем **целью** исследования является определение корректности подобного словоупотребления, а вместе с тем – правовой природы «механизмов дерегулирования». **Методологическую основу** работы составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают метод анализа и системный метод. **Результаты:** определена корректность употребления термина «дерегулирование», инструменты сокращения законодательного массива соотнесены с ортодоксальными понятиями «правовые средства» и «механизм правового регулирования», представлена структура «механизма дерегулирования», сформулирована дефиниция данного понятия. Сделан **вывод** о том, что инструменты сокращения законодательного массива являются по своей природе правовыми средствами, а их система

может быть признана механизмом с некоторыми оговорками: средства дерегулирования являются особыми в сравнении со средствами собственно правотворчества, в связи с чем, если и входят в механизм правотворчества, то в качестве весьма обособленной группы. Однако на сегодняшний день в Российской Федерации не сложилось полноценной системы средств дерегулирования, большинство относимых средств функционируют в весьма обособленных областях права, имеет место дублирование средств дерегулирования, отсутствуют выстроенные связи между ними. Исходя из этого, возможным представляется говорить о механизме дерегулирования как о потенциально имеющем право на жизнь, но не реально существующем в отечественном праве феномене.

Ключевые слова: дерегулирование, механизм правового регулирования, механизм дерегулирования, правотворчество, правовые средства.

Цитирование. Усенков И. А. О корректности формулировки «механизм дерегулирования» // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 53–57. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.9>

Введение

В отечественной научной литературе понятия «механизм», «механизм дерегулирования» применительно к конкретным средствам сокращения законодательного массива используются достаточно часто [3; 6; 11]. Между тем, поскольку понятие «механизм» является научным и, более того, применимым к социальным наукам, в том числе правовой, необходимо определить корректность подобного словоупотребления, а вместе с тем – правовую природу «механизмов дерегулирования».

О корректности употребления термина «дерегулирование»

На сегодняшний день отсутствует достаточное научное обоснование понятия «дерегулирование». В общем юридическом топосе находится определение дерегулирования как деятельности по сокращению массива правовых норм. Данное понимание исходит из западных трактовок «регулирования» как подзаконного [14] правотворчества [13] и «дерегулирования» как деятельности по снижению степени государственного контроля или исключению правовых предписаний [12]. При этом в отечественной правовой науке еще в прошлом веке сложился подход, согласно которому правовое регулирование представляет собой «осуществляемое при помощи системы правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний и др.) результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения» [2, с. 30]. Термин «регулирование»

в российском праве по содержанию шире своего зарубежного аналога. Корректно ли в таком случае применять понятие «дерегулирование» к деятельности, которая, на первый взгляд, состоит лишь в исключении правовых предписаний, то есть по существу представляет собой «деправотворчество»?

Имеющиеся научные изыскания по данному предмету не дают однозначного ответа на поставленный вопрос. О.В. Романовская определяет дерегулирование как «прекращение избыточного государственного регулирования» [5, с. 25]. И.В. Сехин, ориентируясь на цели дерегулирования, дает дефиницию: «Снижение административных барьеров, сокращение властных полномочий органов государственной власти, сокращение избыточного регулирования на уровне подзаконных актов» [8, с. 82]. Данные формулировки не дают четкого представления о содержании определяемого понятия, но наталкивают на мысль о том, что оно шире, чем одно лишь только сокращение массива правовых норм. Будучи направленным непосредственно на исключение правовых предписаний общего характера, опосредованное дерегулирование снижает число правоотношений (переводя ранее урегулированные правом общественные отношения в плоскость неправовых), актов реализации (в том числе применения) права, тем самым сокращая объем правового регулирования в понимании, сложившемся в отечественной правовой науке. В данном контексте применение термина «дерегулирование» к деятельности, направленной непосредственно на сокращение массива правовых норм и опосредованно на объем всего правового регулирования, является корректным.

Правовые средства и механизм дерегулирования

Правовая наука до сегодняшнего дня исследовала механизмы в весьма ограниченном объеме: теоретическая модель высокого уровня выстроена только в отношении феномена «механизм правового регулирования»; более неоднозначным, хотя и получившим достаточное освещение в научной дискуссии, является понятие «механизм правового воздействия» [9, с. 95]. Понятие «правовой механизм» используется не так часто и обычно синонимично «механизму правового регулирования» [4, с. 11]. Можно ли в такой ситуации говорить о наличии в праве иных механизмов?

Ключевое значение для становления понятия «механизм правового регулирования» имеют работы С.С. Алексева, который определил его как «взятую в единстве систему правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения» [1, с. 318]. Более того, академик Алексеев прямо указывал на то, что данное понятие являет собой пример лишь одной из многих потенциально возможных «механизменных» интерпретаций правовых явлений [1, с. 70], представляя «механизмы» в праве как «блоки» и «связки» правовых средств [1, с. 362].

В.А. Сапун обосновывает существование в рамках механизма правового регулирования механизма реализации права («блок регулятивных и охранительных правовых средств различного уровня, при помощи которых право претворяется в жизнь, воплощается в фактическом поведении и юридической деятельности субъектов») [7, с. 11] и механизма правотворчества [7, с. 23]. При этом он допускает наличие в праве иных механизмов, представляющих совместно действующие на определенных участках правового регулирования «комплексы», «связки» правовых средств (например, механизм реализации права) [7, с. 21].

Правило отмены соразмерного требования, законодательство с ограниченным сроком действия, принцип регулярности пересмотра законодательства, моратории на правотворчество, «регуляторная гильотина», а также иные феномены дерегулирования непосред-

ственно направлены на оптимизацию правотворчества путем его искусственного сдерживания либо создания системы прекращения действия правовых предписаний в противовес их произвольному исключению. Достаточно ли оснований считать их по отдельности или совместно «механизменными» явлениями, или они представляют собой только отдельные элементы механизма правотворчества?

Исходя из трактовки правовых средств как «институционных образований правовой действительности, которые в своем реальном функционировании, использовании в процессе специальной правовой деятельности приводят к достижению определенного результата и решению социально-экономических, политических, нравственных и иных задач и проблем, стоящих перед обществом и государством на современном этапе» [7, с. 21], можно прийти к выводу о том, что по отдельности означенные выше феномены представляют собой правовые средства, являясь не более чем правовыми инструментами для достижения поставленного результата.

Чтобы определить, достаточно ли оснований для отнесения означенной выше группы правовых средств к числу механизмов, попытаемся представить структуру «механизма дерегулирования»:

1. Средства дерегулирования, а также системные связи между средствами дерегулирования.
2. Объект оценки необходимости дерегулирования – реально складывающиеся общественные отношения.
3. Объект непосредственного воздействия дерегулирования – правовые нормы в определенной сфере.
4. Субъекты дерегулирования – государственные либо иные специально создаваемые органы, производящие оценку необходимости дерегулирования и реализующие его.
5. Деятельность субъектов по дерегулированию.

Выводы

Полагаем, что данных признаков достаточно для признания механизменной природы системы средств дерегулирования с некоторыми оговорками. Действительно, средства

дерегулирования являются достаточно особыми в сравнении со средствами собственно правотворчества (единая цель, нехарактерная для традиционного правотворчества, сходные особые принципы и процедуры и т. д.), в связи с чем, если и входят в механизм правотворчества, то в качестве весьма обособленной группы. Однако на сегодняшний день в Российской Федерации не сложилось полноценной системы средств дерегулирования – большинство относимых средств функционируют в весьма обособленных областях права, имеет место дублирование средств дерегулирования, отсутствуют выстроенные связи между ними [10, с. 139].

В этой связи полагаем возможным говорить о механизме дерегулирования как о потенциально имеющем право на жизнь, но не реально существующем в отечественном праве феномене, определить который можно как обособляющуюся в нормативной плоскости в особой группе правовых институтов систему юридических средств, обуславливающих деятельность государственных либо иных специально создаваемых органов по оценке эффективности влияния правовых норм на реально складывающиеся общественные отношения и воздействие на них в целях количественного либо качественного сокращения массива правовых норм.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>.

The research was carried out at the expense of the Russian Science Foundation Grant No. 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, С. С. Восхождение к праву. Поиск и решения / С. С. Алексеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2002. – 608 с.
2. Алексеев, С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1966. – 187 с.
3. Артеменко, Е. А. Регуляторная гильотина как механизм дерегулирования и борьбы с коррупцией / Е. А. Артеменко // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2020. – № 52. – С. 7–31.

дарственного университета. Экономика. – 2020. – № 52. – С. 7–31.

4. Кузнецова, С. А. К вопросу об определении понятия «Правовой механизм» / С. А. Кузнецова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – № 1 (57). – С. 9–12.

5. Романовская, О. В. Понятие дерегулирования в российской правовой науке / О. В. Романовская // Правовая политика и правовая жизнь. – 2017. – № 4. – С. 24–28.

6. Саламатина, И. В. Нормативное дерегулирование в России / И. В. Саламатина, Д. И. Смольников // Закон. – 2018. – № 3. – С. 37–44.

7. Сапун, В. А. Теория правовых средств и механизм реализации права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Сапун Валентин Андреевич. – Н. Новгород, 2002. – 49 с.

8. Сехин, И. В. К вопросу о понятии дерегулирования общественных отношений / И. В. Сехин // Закон и правопорядок в третьем тысячелетии : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Калининград : Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2017. – С. 80–82.

9. Тарасов, Н. Н. Механизм правового регулирования: становление понятия / Н. Н. Тарасов // Российский юридический журнал. – 2020. – № 5 (134). – С. 90–115.

10. Усенков, И. А. Гильотина для оценки фактического воздействия? / И. А. Усенков // Традиции и новации в системе современного российского права: материалы XX Междунар. конф. молодых ученых. – М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2021. – Т. 1. – С. 137–139.

11. Чепунов, О. И. Некоторые проблемы «Регуляторной гильотины» / О. И. Чепунов // Nomothetika: Философия. Социология. Право. – 2020. – № 1. – С. 133–140.

12. Deregulation // Cambridge Dictionary. – Electronic text data. – Mode of access: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/regulation> (date of access: 20.04.2021). – Title from screen.

13. Regulation // Cambridge Dictionary. – Electronic text data. – Mode of access: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/regulation> (date of access: 20.04.2021). – Title from screen.

14. West's Encyclopedia of American Law. – Electronic text data. – Mode of access: <https://legal-dictionary.thefreedictionary.com/regulation> (date of access: 20.04.2021). – Title from screen.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. *Voshozhdenie k pravu. Poiski i reshenija* [Ascent to the Law. Searches and Solutions]. Moscow, Norma Publ., 2002. 608 p.
2. Alekseev S.S. *Mehanizm pravovogo regulirovaniya v socialisticheskom gosudarstve* [The Mechanism of Legal Regulation in the Socialist State]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1966. 187 p.
3. Artemenko E.A. Reguljatornaja gil'otina kak mehanizm deregulirovaniya i bor'by s korrupciej [Regulatory Guillotine as a Mechanism of Deregulation and Fight Against Corruption]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Bulletin of Tomsk State University. Economy], 2020, no. 52, pp. 7-31.
4. Kuznetsova S.A. K voprosu ob opredelenii ponjatija «Pravovoj mehanizm» [On the Question of the Definition of the Concept of "Legal Mechanism"]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2013, no. 1 (57), pp. 9-12.
5. Romanovskaya O.V. Ponjatie deregulirovaniya v rossijskoj pravovoj nauke [The Concept of Deregulation in the Russian Legal Science]. *Pravovaja politika i pravovaja zhizn'* [Legal Policy and Legal Life], 2017, no. 4, pp. 24-28.
6. Salamatina I.V. Normativnoe deregulirovanie v Rossii [Normative Deregulation in Russia]. *Zakon* [Law], 2018, № 3, pp. 37-44.
7. Sapun V.A. *Teorija pravovyh sredstv i mehanizm realizacii prava: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk* [Theory of Legal Means and Mechanism of Realization of Law. Dr. jurid. sci. abs. diss.]. Nizhegor. akad. MVD Rossii. Nizhnij Novgorod, 2002. 49 p.
8. Sekhin I.V. K voprosu o ponjatii deregulirovaniya obshhestvennyh otnoshenij [To the Question of the Concept of Deregulation of Public Relations]. *Zakon i pravoporjadok v tret'em tysjacheletii: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Law and Order in the Third Millennium: Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Kaliningrad, Kaliningradskij filial Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, 2017, pp. 80-82.
9. Tarasov N.N. Mehanizm pravovogo regulirovaniya: stanovlenie ponjatija [The Mechanism of Legal Regulation: The Formation of Concepts]. *Rossijskij juridicheskij zhurnal* [Russian Law Journal], 2020, no. 5 (134), pp. 90-115.
10. Usenkov I.A. Gil'otina dlja ocenki fakticheskogo vozdejstvija? [Guillotine to Assess the Actual Impact?]. *Tradicii i novacii v sisteme sovremennogo rossijskogo prava: materialy XX Mezhdunar. konf. molodyh uchenyh* [Traditions and Innovations in the System of Modern Russian Law: Proceedings of the 20th International Conference of Young Scientists]. Moscow, Izdatel'skij centr Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGJuA), 2021, vol. 1, pp. 137-139.
11. Chepunov O.I. Nekotorye problemy «Reguljatornoj gil'otiny» [Some Problems of the "Regulatory Guillotine"]. *Nomothetica: Filosofija. Sociologija. Pravo* [Nomothetika: Filosofiya. Sociology. Pravo], 2020, no. 1, pp. 133-140.
12. Deregulation. *Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/deregulation> (accessed 20 April 2021).
13. Regulation. *Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/regulation> (accessed 20 April 2021).
14. *West's Encyclopedia of American Law*. URL: <https://legal-dictionary.thefreedictionary.com/regulation> (accessed 20 April 2021).

Information About the Author

Ivan A. Usenkov, Assistant, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, i.usenkov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2522-8517>

Информация об авторе

Иван Алексеевич Усенков, ассистент кафедры конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, i.usenkov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2522-8517>

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.10>

UDC 340.134
LBC 67.0

Submitted: 20.05.2021
Accepted: 14.06.2021

“BIG CHALLENGES” AS A FACTOR OF TRANSFORMATION OF STATE-LEGAL RELATIONS¹

Danil V. Kononenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: in recent years the “big challenges” category has rapidly come into language use. From the word combination of a prognostic-journalistic nature, the expression has penetrated normative legal acts, becoming a legal category that can potentially change social relations. However, in legal acts and a fairly small catalog of legal scientific publications, this construct is considered through the prism of socio-economic relations; its legal essence and possible state-legal transformations that may follow it are not highlighted. **Purpose:** to give an overview of the “big challenges” category through its genesis, transformation, and through the prism of legal realities. **Methods:** the methodological framework for the study was made up of general scientific methods – analysis and synthesis, as well as specific scientific methods – formal-legal and comparative-legal. **Results:** big challenges, initially referring to the category of scientific knowledge of the IT sphere, are subsequently used concerning a wide group of public relations, finding their consolidation in the program documents of an international and national nature. At the domestic level, acts are not only a declaration of intent but also a mandatory work plan for public authorities. In Russia, the final consolidation of the term “big challenges” in public-legal rhetoric took place in 2016, which led to the introduction of changes or the appearance of new legal acts of a planned nature. **Conclusions:** despite the legal definition of “big challenges” in the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation, there is still no legal description of the institution under consideration, although it carries huge legal potential, including in the field of public administration, laying the foundations for such a promising way of influencing social relations as smart regulation. An attempt is made to define “big challenges” in the legal discourse.

Key words: big challenges, strategy, smart regulation, digitalization, transformation.

Citation. Kononenko D.V. “Big Challenges” As a Factor of Transformation of State-Legal Relations. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 58-65. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.10>

УДК 340.134
ББК 67.0

Дата поступления статьи: 20.05.2021
Дата принятия статьи: 14.06.2021

«БОЛЬШИЕ ВЫЗОВЫ» КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ¹

Данил Валерьевич Кононенко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: последние годы отмечены стремительным вторжением в языковой оборот категории «большие вызовы». Из словосочетания прогностическо-публицистического плана выражение проникло в нормативные

правовые акты, став юридической категорией, потенциально способной изменить социальные отношения. Однако в правовых актах и достаточно небольшом каталоге юридических научных публикаций данный конструкт рассматривается через призму социально-экономических отношений, не выделяются его правовая суть и возможные государственно-правовые преобразования, которые могут за ним воспоследовать. **Цель:** дать обзорную характеристику категории «большие вызовы» сквозь ее генезис, преобразование и через призму правовых реалий. **Методы:** методологическую основу исследования составили общенаучные методы – анализ и синтез, а также частнонаучные – формально-юридический и сравнительно-правовой. **Результаты:** «большие вызовы», изначально относясь к категории научного знания IT-сферы, впоследствии используются применительно к широким группам общественных отношений, находя свое закрепление в программных документах международного и национального характера. На внутригосударственном уровне акты являются не только декларацией намерений, но и обязательным планом работы для публичных органов управления. В России окончательное закрепление в публично-правовой риторике термина «большие вызовы» произошло в 2016 г., что привело к внесению изменений или появлению новых правовых актов планового характера. **Выводы:** несмотря на легальное определение «больших вызовов» в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, по-прежнему отсутствует правовая характеристика рассматриваемой институции, несмотря на то что она несет в себе колоссальный правопреобразующий потенциал, в том числе и в сфере публичного управления, закладывая основы для такого перспективного способа воздействия на социальные отношения, как «smart regulation». Предпринята попытка дать дефиницию «больших вызовов» в правовом дискурсе.

Ключевые слова: большие вызовы, стратегия, умное регулирование, цифровизация, трансформация.

Цитирование. Кононенко Д. В. «Большие вызовы» как фактор трансформации государственно-правовых отношений // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 58–65. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.10>

Введение

Во второй половине 2010-х гг. в русской языковой среде (наука, публицистика) закрепилось такое понятие, как «большие вызовы». Неопределенный характер громко звучащей словесной конструкции приобретает правовое наполнение в силу стремлений отечественного правотворца включать эту категорию в нормативные правовые акты. При этом «большие вызовы» и смежный с ними лингвистический аппарат оказывают существенное воздействие на последующее нормотворчество, как правило, подзаконное, но, учитывая, что речь идет о развитии положений программного свойства, влияющих на социальные отношения в перспективной хронологии, степень их важности стоит вровень с законотворчеством.

Генезис категории «большие вызовы»: зарубежный и международный опыты

В зарубежной науке такое понятие используется по меньшей мере 30 лет, изначально относясь к сфере высоких технологий [23]. Практически одновременно искомая категория появилась в лексике национальных правительственных организаций [13; 26].

Впоследствии постановка «больших вызовов» стала использоваться и в иных сферах научного знания, а также в международной и общественной деятельности при декларировании актуальной повестки [19; 21]. Символическим актом в канун XXI столетия был доклад Генерального секретаря ООН [28], зафиксировавший постановку на общемировом уровне Целей развития тысячелетия (всего 8) как ответ на глобальные вызовы. Достижение данных целей было запланировано к 2015 г., впоследствии они были переформатированы на Цели устойчивого развития (всего 17).

Нельзя не отметить, что озвученные «большие (глобальные) вызовы» затрагивают все человечество, предполагая, что каждый субъект социальных отношений сможет включиться на своем участке в решение проблем общемирового масштаба, поскольку промедление в данной ситуации может отразиться на жизни не только последующих поколений, но и нынешнего. Несмотря на это, решающая роль в существующем формате мироустройства отводится национально-государственным и международным институциям как структурам, способным системно организовать работу большинства социальных субъектов, исходя из самого обширного перечня пол-

номочий, закрепленных в международных документах и национальных нормативных правовых актах, конституирующих текущий правовой статус этих акторов. В силу принимаемых декларативных решений происходит реформатирование государственно-правовой реальности стран, присоединяющихся к инициативам по ответу на предъявленные вызовы. Вместе с тем практика реагирования может существенным образом отличаться даже в рамках государств одной правовой семьи. В США процедура ответа на «большие вызовы» имеет децентрализованный характер и сопровождается распределением роли оператора ответа на существующие проблемы между государственными и частными субъектами. Это может быть проект DARPA Grand challenge, курируемый Министерством обороны США – спортивные соревнования робототехнических устройств с целью развития транспортных средств, управляемых без непосредственного участия человека [18]. При этом в названии используется слово *challenge* в еще одном часто используемом значении «спортивное соревнование» [16]. Целый перечень глобальных инициатив как ответ на «большие вызовы», поддерживаемый правительственным Агентством США по международному сотрудничеству (USAID) [27]. Инициатива Grand Challenges In Global Health, провозглашенная в 2003 г., курируется крупным частным некоммерческим Фондом Билла и Мелинды Гейтс [15]. В свою очередь, в Великобритании позиционирование «больших вызовов» в правовом поле носит более централизованный характер, хотя остается на ведомственном подзаконном уровне (программа Industrial Strategy, оператор – Министерство бизнеса, энергетики и промышленной стратегии) [20].

Подзаконный, а зачастую и декларативный характер «больших вызовов» несет в себе риски включить в содержание данного термина краткосрочные трендовые проблемы с неясной перспективой, тем самым добавляя популизма и размывая существующий термин или вычлняя частные элементы из более общих проблем. Это характерно для ситуации 2020–2021 гг. в связи с пандемией COVID-19, вплоть до использования термина «вызов» (challenge) в качестве маркетингового хода

для привлечения клиентов юридических услуг [17] либо закрепляя в коммуникационной среде термин «ответ» (response) [25], предполагающий собой реагирование на «вызов» (challenge).

«Большие вызовы» в российском правовом поле

Генезис правовой категории «большие вызовы» как стартовой точки связан со Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 01.12.2016 (далее – Стратегия) [8] и обозначенной на состоявшемся в ту же дату Послании главы государства Федеральному собранию [6].

Первые две декады 2000-х гг. ознаменовали собой появление документов смежного характера: с одной стороны, данные акты государственно-правового творчества носят в себе потенциал нормативно-правового измерения, будучи обязательными к выполнению в случае делегирования определенных полномочий, а также нахождения в определенной иерархичной системе российского правового корпуса. С другой стороны, документы подобного рода характеризуются программными, плановыми свойствами, декларированием ожидаемых достижений. Представляется, что подготовка таких актов придает планированию более строгий и обязательный к выполнению характер. Это оказывает перспективное влияние как на общественные отношения, которые являются предметом документа, так и на последующий каталог нормативных правовых актов, в том числе и законов.

Нормативно-правовая фиксация появления такого рода документов произошла в Федеральном законе от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [11]. Данные акты носят не только нормативно-правовое значение, но и программно-политическое, декларируя намерения государства в той или иной сфере, «в документах планирования политические аспекты всегда излагаются в юридическом преломлении» [5, с. 488–489].

Документы стратегического планирования разрабатываются на трех уровнях: феде-

ральном, региональном и муниципальном. В силу тематики данной статьи требуется перечисление документов федерального уровня. В рамках классификации по простейшему критерию, форме представления, таковыми являются: 1) Послание Президента; 2) стратегия; 3) доктрина; 4) основы государственной политики; 5) прогноз, 6) государственная программа; 7) основные направления деятельности; 8) схема; 9) план деятельности. При этом «большие вызовы» продекларированы в акте, относящемся к типу «стратегия», являющимся, с точки зрения законодателя, документом целеполагания, что подчеркивает особую важность выявленных проблем и путей решения. Исследователями отмечается, что стратегия – это «план действий по решению масштабной общественной проблемы... Стратегия, в отличие от доктрины, имеет намного больший размах» [4, с. 60]. Симптоматично, что для решения проблем (вне зависимости от степени их важности) требуется постановка и конституирование существующих проблем. В конечном итоге именно осознание существующих коллизий и их негативного влияния на общественные отношения позволяет выработать целеполагающие способы воздействия и нивелирования проблемного поля, не делая программный документ еще одним движением ради движения.

Самой Стратегией «большой вызов» определяется как «объективно требующая реакции со стороны государства совокупность проблем, угроз и возможностей, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счет увеличения ресурсов» (подпункт «б» пункт 4 Стратегии). Предполагается, что решение проблем, обозначенных в соответствующей Стратегии, невозможно лишь экстенсивным путем, необходима коренная перестройка общественных отношений и правовая регуляция – лишь одно из средств.

Стоит отметить, что присутствие термина «большие вызовы» (в первую очередь в информационно-технологической сфере) не воспрепятствовало тому, что в течение 2016 г. разработка этой и смежных с ней категорий осуществлялась в социально-экономическом русле. Провозвестниками правового закреп-

ления «больших вызовов» в правовой среде стали: 1) панельная сессия «Большие вызовы – стимул для развития науки» Петербургского международного экономического форума, который состоялся 16.06.2016 [1], 2) работа тематической группы по разработке Стратегии при Высшей школе экономики [12]. В частности, в программе панельной сессии ПМЭФ «большие вызовы» обозначались как «комплекс проблем, рисков, возможностей, значимых факторов и долгосрочных процессов», тогда как в докладе ВШЭ «Целевое будущее России: научно-технический аспект» под «большими вызовами» понимаются «явление и методический подход в государственной социально-экономической и научной политике» и в то же время «проблемы, которые стояли перед обществом», позволяющие обеспечить единство науки, технологии и инновации (*Science, technology and innovation; STI*) [24]. Отмечается, что в контексте разработки социально-экономического определения «больших вызовов» российские исследователи опирались на известную формулу, использованную в различных правовых актах и отчетах правительственных служб США: «Большая (фундаментальная) проблема, решение которой требует серьезных ресурсов (инновационных подходов) и т. д.» [21].

Вследствие принятия целеполагающего стратегического документа, которым задается тон дальнейшего преобразования социальных отношений, отмечается увеличение количества иных актов стратегического свойства, развивающего исследуемую Стратегию. К примеру, большой вызов, касающийся освоения территории Арктики, получил развитие в Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г. (утв. Указом Президента РФ от 26.10.2020 № 645) [10]. В то же время развитие цифровой экономики и стремление российского государства не остаться за бортом общественных изменений были уточнены в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. (утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490) [9]. Иные субъекты нормотворчества также для развития положений Стратегии могут принимать акты, привносящие сущностное напол-

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

нение и позволяющие спланировать конкретные мероприятия, решающие задачи Стратегии, к примеру, Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 гг.) (утв. Распоряжением Правительства РФ от 31.12.2020 № 3684-р) [7].

При этом, помимо классических методов регулирования со стороны государства, социум все больше и больше предъявляет запрос на иные формы и способы регулирования, поскольку «в условиях цифровизации правовой реальности имеет место процесс трансформации правовой политики» [2, с. 22]. В силу этого учеными разрабатывается концепция «умное регулирование» («smart regulation») [3], позволяющая внедрить публичные практики, адекватные ответам на возникающие «большие вызовы». Программные документы зарубежных государств уже включают в себя руководства по умному регулированию общественных процессов [14].

Выводы

«Большие вызовы» представляют собой фундаментальные проблемы и угрозы, которые могут привести к катастрофическим последствиям в общемировом масштабе. Они требуют нетривиальных решений, в том числе и в контексте государственно-правовой сферы.

«Большие вызовы» с правовой точки зрения представляют собой структурные единицы целеполагающих правовых документов стратегического планирования, фиксирующие в правовом контексте проблемное поле общегосударственного масштаба, инициирующие иерархичную систему общих, отраслевых и ведомственных документов стратегического планирования, а также изменения процедуры публично-правового управления.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>.

The research was carried out at the expense of the Russian Science Foundation grant No. 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>.

1. «Большие вызовы» – стимул для развития науки // Программа панельной сессии ПМЭФ-2016. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://youngscience.gov.ru/media/files/file/kMS9X6hbigAyTDwbALxFWfMGNAbr7OYM.pdf> (дата обращения: 14.05.2021). – Загл. с экрана.

2. Гаврилова, Ю. А. Трансформация правовой политики в условиях цифровизации правовой реальности / Ю. А. Гаврилова, О. С. Рыбакова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 17–23. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.2>.

3. Давыдова, М. Л. «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества / М. Л. Давыдова // Журнал российского права. – 2020. – № 11. – С. 14–29. – DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.130>.

4. Кононов, Л. А. Роль официальных документов: концепций, доктрин и стратегий в политическом управлении Российской Федерации / Л. А. Кононов // Право и современные государства. – 2017. – № 2. – С. 55–66.

5. Мушинский, М. А. Стратегии, концепции, доктрины в правовой системе российской федерации: проблемы статуса, юридической техники и соотношения друг с другом / М. А. Мушинский // Юридическая техника. – 2018. – № 9. – С. 488–499.

6. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016 «Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию» // «Парламентская газета». – 2016. – № 45.

7. Распоряжение Правительства РФ от 31.12.2020 № 3684-р «Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 гг.)» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 (ред. от 15.03.2021) «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.») // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г.» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О стратегическом планирова-

нии в Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Целевое будущее России: научно-технологический аспект // Министерство образования и науки Российской Федерации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://issek.hse.ru/data/2016/06/29/1115937313/01_Salihov.pdf (дата обращения: 14.05.2021). – Загл. с экрана.

13. A Research and Development Strategy for High Performance Computing. – Electronic text data. – Mode of access: <https://gordonbell.azurewebsites.net/CGB%20Files/FCCSET%20Research%20and%20Development%20Strategy%20for%20High%20Perf%20Com%20871120%20c.pdf> (date of access: 14.05.2021). – Title from screen.

14. A Strategy for American Innovation // National Economic Council and Office of Science and Technology Police. – 2015. – 117 p.

15. Bill and Melinda Gates Foundation. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.gatesfoundation.org/our-work> (date of access: 14.05.2021). – Title from screen.

16. Challenge // Cambridge Dictionary. – Electronic text data. – Mode of access: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/challenge> (date of access: 14.05.2021). – Title from screen.

17. COVID-19: Navigating the Legal Challenges. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.stewartslaw.com/covid-19-legal-challenges/> (date of access: 14.05.2021). – Title from screen.

18. Defense Advanced Research Projects Agency. The Grand Challenge. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.darpa.mil/about-us/timeline/-grand-challenge-for-autonomous-vehicles> (date of access: 14.05.2021). – Title from screen.

19. Grand Challenges in Global Health / H. Varmus [et al.] // Science. – 2003. – P. 398–399.

20. Industrial Strategy. Building a Britain Fit for the Future. – Electronic text data. – Mode of access: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/664563/industrial-strategy-white-paper-web-ready-version.pdf (date of access: 14.05.2021). – Title from screen.

21. Kaldewey, D. The Grand Challenges Discourse: Transforming Identity Work in Science and Science Policy / D. Kaldewey // Minerva. – 2018. – Vol. 56 (2). – P. 161–182. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s11024-017-9332-2>.

22. Reddy, R. Foundations and Grand Challenges of Artificial Intelligence: AAI Presidential Address / R. Reddy // AI Magazine. – 1988. – Vol. 9 (4). – P. 9. – DOI: <https://doi.org/10.1609/aimag.v9i4.950>.

23. Science, Technology and Innovation (STI) and Culture for Sustainable Development and the

MDGs. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.un.org/ecosoc/en/content/science-technology-and-innovation-sti-and-culture-sustainable-development-and-mdgs> (date of access: 14.05.2021). – Title from screen.

24. The COVID-19 Database of Laws. – Electronic text data. – Mode of access: <https://covidlawlab.org/> (date of access: 14.05.2021). – Title from screen.

25. The National Challenge in Computer Science and Technology // The National Academies Press. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.nap.edu/read/19119/chapter/1> (date of access: 14.05.2021). – Title from screen.

26. United States Agency for International Development. Grand Challenges for Development. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.usaid.gov/grandchallenges> (date of access: 14.05.2021). – Title from screen.

27. We The Peoples. The Role of the United Nations in the 21st Century (Millennium Report of the Secretary-General). – Electronic text data. – Mode of access: https://www.un.org/en/events/pastevents/pdfs/We_The_Peoples.pdf (date of access: 14.05.2021). – Title from screen.

28. Wilson, K. G. Grand Challenges to Computational Science / K. G. Wilson // Future Generation Computer Systems. – 1989. – Vol. 5, iss. 2–3. – P. 171–189. DOI: [https://doi.org/10.1016/0167-739X\(89\)90038-1](https://doi.org/10.1016/0167-739X(89)90038-1).

REFERENCES

1. «Bol'shie vyzovy» – stimul dlja razvitiya nauki [“Big Challenges” are a Stimulus for the Development of Science]. *Programma panel'noj sessii PMJeF-2016* [SPIEF 2016 Panel Session Program]. URL: <http://youngscience.gov.ru/media/files/file/kMS9X6hbigAyTDwbALxFWfMGNAbr7OYM.pdf> (accessed 14 May 2021).

2. Gavrilova Ju.A., Rybakova O.S. Transformacija pravovoj politiki v uslovijah cifrovizacii pravovoj real'nosti [The Transformation of Legal Policy in the Context of Digitalization of the Legal Reality]. *Legal Concept = Pravovaja paradigma*, 2020, vol.19, no. 4, pp. 17-23. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.2>.

3. Davydova M.L. «Umnoe regulirovanie» kak osnova sovershenstvovanija sovremennogo pravotvorchestva [“Smart Regulation” As the Basis for Improving Modern Law-Making]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2020, no. 11, pp. 14-29. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.130>.

4. Kononov L.A. Rol' oficial'nyh dokumentov: koncepcij, doktrin i strategij v politicheskom upravlenii Rossijskoj Federacii [The Role of Official Documents

in the Political Administration of the Russian Federation (Concepts, Doctrines and Strategies)]. *Pravo i sovremennye gosudarstva* [Law and Modern States], 2017, no. 2. 60 p.

5. Mushinskij M.A. Strategii, koncepcii, doktriny v pravovoj sisteme rossijskoj federacii: problemy statusa, juridicheskoy tehniky i sootnosheniya drug s drugom [Strategies, Concepts, Doctrines in the Legal System of the Russian Federation: Problems of Status, Legal Technique and Correlation with Each Other]. *Juridicheskaya tekhnika* [Juridical Techniques], 2018, no. 9, pp. 488-499.

6. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniju ot 01.12.2016 «Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniju» [Presidential Address to the Federal Assembly Dated December 1, 2016]. *Parlamentskaja gazeta* [Parliamentary Newspaper], 2016, no. 45.

7. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 31.12.2020 № 3684-r «Ob utverzhdenii Programmy fundamental'nyh nauchnyh issledovanij v Rossijskoj Federacii na dolgosrochnyj period (2021-2030 gg.)» [Order of the Government of the Russian Federation No. 3684-r Dated December 31, 2020 “On the approval of the Program of fundamental scientific research in the Russian Federation for the long term (2021-2030)”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

8. Ukaz Prezidenta RF ot 01.12.2016 № 642 (red. ot 15.03.2021) «O Strategii nauchno-tehnologicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii» [Decree of the President of the Russian Federation No. 642 Dated December 1, 2016 “On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

9. Ukaz Prezidenta RF ot 10.10.2019 № 490 «O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii» (vmeste s «Nacional'noj strategiej razvitija iskusstvennogo intellekta na period do 2030 g.») [Decree of the President of the Russian Federation No. 490 Dated October 10, 2019 “On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation (National strategy for the development of artificial intelligence for the period up to 2030)”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

10. Ukaz Prezidenta RF ot 26.10.2020 № 645 «O Strategii razvitija Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii i obespechenija nacional'noj bezopasnosti na period do 2035 g.» [Decree of the President of the Russian Federation No. 645 Dated October 26, 2020 “On the Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and Ensuring National Security for the Period up to 2035”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

11. Federal'nyj zakon ot 28.06.2014 № 172-FZ (red. ot 31.07.2020) «O strategicheskom planirovanii v

Rossijskoj Federacii» [Federal Law No. 172-FZ Dated June 25, 2014 “Strategic Planning in the Russian Federation”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

12. Celevoe budushhee Rossii: nauchno-tehnologicheskij aspekt: doklad, sodержashhij analiticheskie materialy tematicheskoy rabochej gruppy po razrabotke Strategii nauchno-tehnologicheskogo razvitija RF na dolgosrochnyj period [Target Future of Russia: Scientific and Technological Aspect]. *Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii, Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaya shkola ekonomiki»* [Ministry of Education and Science of the Russian Federation, National Research University “Higher School of Economics”]. URL: https://issek.hse.ru/data/2016/06/29/1115937313/01_Salihov.pdf (accessed 14 May 2021).

13. *A Research and Development Strategy for High Performance Computing*. URL: <https://gordonbell.azurewebsites.net/CGB%20Files/FCCSET%20Research%20and%20Development%20Strategy%20for%20High%20Perf%20Com%20871120%20c.pdf> (accessed 14 May 2021).

14. *A Strategy for American Innovation*. *National Economic Council and Office of Science and Technology Policy*, 2015. 117 p.

15. *Bill and Melinda Gates Foundation*. URL: <https://www.gatesfoundation.org/our-work> (accessed 14 May 2021).

16. *Challenge*. *Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/challenge> (accessed 14 May 2021).

17. *COVID-19: Navigating the Legal Challenges*. URL: <https://www.stewartslaw.com/covid-19-legal-challenges/> (accessed 14 May 2021).

18. *Defense Advanced Research Projects Agency. The Grand Challenge*. URL: <https://www.darpa.mil/about-us/timeline/-grand-challenge-for-autonomous-vehicles> (accessed 14 May 2021).

19. Varmus H., Klausner R., Zerhouni E., Acharya T., Daar A.S., Singer P.A. Grand Challenges in Global Health. *Science*, 2003, pp. 398-399.

20. *Industrial Strategy. Building a Britain Fit for the Future*. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/664563/industrial-strategy-white-paper-web-ready-version.pdf (accessed 14 May 2021).

21. Kaldewey D. The Grand Challenges Discourse: Transforming Identity Work in Science and Science Policy. *Minerva*, 2018, vol. 56 (2), pp. 161-182. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11024-017-9332-2>.

22. Reddy R. Foundations and Grand Challenges of Artificial Intelligence: AAI Presidential Address.

AI Magazine, 1988, vol. 9 (4). 9 p. DOI: <https://doi.org/10.1609/aimag.v9i4.950>.

23. *Science, Technology and Innovation (STI) and Culture for Sustainable Development and the MDGs*. URL: <https://www.un.org/ecosoc/en/content/science-technology-and-innovation-sti-and-culture-sustainable-development-and-mdgs> (accessed 14 May 2021).

24. *The COVID-19 Database of Laws*. URL: <https://covidlawlab.org/> (accessed 14 May 2021).

25. The National Challenge in Computer Science and Technology. *The National Academies Press*. URL: <https://www.nap.edu/read/19119/chapter/1> (accessed 14 May 2021).

26. *United States Agency for International Development. Grand Challenges for Development*. URL: <https://www.usaid.gov/grandchallenges> (accessed 14 May 2021).

27. *We The Peoples. The Role of the United Nations in the 21st Century (Millennium Report of the Secretary-General)*. URL: https://www.un.org/en/events/pastevents/pdfs/We_The_Peoples.pdf (accessed 14 May 2021).

28. Wilson K.G. Grand Challenges to Computational Science. *Future Generation Computer Systems*, 1989, vol. 5, iss. 2-3, pp. 171-189. DOI: [https://doi.org/10.1016/0167-739X\(89\)90038-1](https://doi.org/10.1016/0167-739X(89)90038-1).

Information About the Author

Danil V. Kononenko, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, kononenko@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2518-5526>

Информация об авторе

Данил Валерьевич Кононенко, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, kononenko@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2518-5526>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.11>

UDC 340.13+347.77
LBC 67.0+67.404.3

Submitted: 23.05.2021
Accepted: 14.06.2021

**THE MODERN STATE AND LEGAL POLICY
OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SPACE
OF FUNCTIONING INFORMATION AND TELECOMMUNICATIONS SYSTEMS:
ON SOME PROBLEMS OF FORMATION AND IMPLEMENTATION¹**

Vasily V. Trofimov

Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation

Introduction: building an information society in modern Russia is taking place at an active pace. Digital technologies are penetrating all spheres of public life. These processes are objective, but also require control and management by the state, which must create an adequate regulatory framework regulating a new type of post-industrial (information and digital) relations. To this end, it is necessary to form and implement a purposeful state and legal policy in the space of the functioning of information and telecommunications systems, through which it will be possible to effectively solve all the main tasks. **Purpose:** to identify the main problems of the formation and implementation of state and legal policy in the space of the functioning of information and telecommunications systems and to formulate directions for their solution. **Methods:** the methodological framework for the research is the dialectical approach, the information approach, the system method, the methods of analysis and synthesis, the methods of modeling and forecasting, the comparative law approach, the formal-legal method. The provisions of the theory of the information society, the theory of state and legal policy, and the theory of intellectual rights were used as the methodological guidelines for thinking in the framework of the study. **Results:** the current stage of development of the Russian Federation demonstrates the expansion of the information and digital sphere of social life. This changes the nature and algorithm of public relations, which accordingly sets the state to the task of creating a new legal climate that can ensure law and order in the space of functioning of information and telecommunications systems and the effective implementation of the entire range of subjective rights and obligations of participants in information and digital relations. **Conclusions:** it is established that to ensure proper organizational and legal conditions in the space of functioning information and telecommunications systems, it is necessary to form and implement a purposeful state and legal policy that is based on the solid scientific foundations, following the principles of consistency and continuity in the development and decision-making, can create adequate and stable organizational and legal foundations for the dynamics of public relations in the new digital reality that modern Russia faces. Some specific legal measures are proposed, including those related to the adoption of the Digital Code, improvement of the mechanism of the legal regulation of intellectual rights arising and implemented in the parameters of information and telecommunications systems, etc.

Key words: state and legal policy, information and telecommunication systems, digital technologies, artificial intelligence, digitalization, legal relations in the information sphere, intellectual rights, legal order.

Citation. Trofimov V.V. The Modern State and Legal Policy of the Russian Federation in the Space of Functioning Information and Telecommunications Systems: On Some Problems of Formation and Implementation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 66-75. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.11>

СОВРЕМЕННАЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СИСТЕМ: О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ¹

Василий Владиславович Трофимов

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация

Введение: построение в современной России информационного общества происходит активными темпами. Цифровые технологии проникают во все сферы общественной жизни. Эти процессы объективны, однако также требуют контроля и управления со стороны государства, которое должно создавать адекватную нормативно-правовую базу, регулирующую новый тип постиндустриальных (информационно-цифровых) отношений. С этой целью необходимо формировать и проводить целенаправленную государственно-правовую политику в пространстве функционирования информационно-телекоммуникационных систем, посредством которой можно будет результативно решить все основные задачи. **Цель:** выявить основные проблемы формирования и реализации государственно-правовой политики в пространстве функционирования информационно-телекоммуникационных систем и сформулировать направления их решения. **Методы:** методологическую основу исследования составили диалектический и информационный подходы, системный метод, приемы анализа и синтеза, методы моделирования и прогнозирования, сравнительно-правовой подход, формально-юридический метод. В качестве методологических ориентиров в рамках исследования были использованы положения теории информационного общества, теории государственно-правовой политики, теории интеллектуальных прав. **Результаты:** современный этап развития Российской Федерации демонстрирует расширение информационно-цифровой сферы социальной жизни. Это явно меняет характер и алгоритм общественных отношений, что закономерно ставит перед государством задачу формирования нового юридического климата, способного обеспечить законность и правопорядок в пространстве функционирования информационно-телекоммуникационных систем, эффективную реализацию всего комплекса субъективных прав и обязанностей участников информационно-цифровых отношений. **Выводы:** установлено, что для обеспечения надлежащих организационно-правовых условий в пространстве функционирования информационно-телекоммуникационных систем необходимо формировать и осуществлять целенаправленную государственно-правовую политику, которая, опираясь на прочные научные основания, следуя началам системности и последовательности в разработке и принятии решений, способна создавать адекватные и устойчивые организационно-правовые основы для динамики общественных отношений в новой цифровой реальности, с которой сталкивается современная Россия. Предлагается ряд конкретных правовых мер, в том числе связанных с принятием Цифрового кодекса, совершенствованием механизма правового регулирования интеллектуальных прав, возникающих и реализующихся в параметрах информационно-телекоммуникационных систем, и др.

Ключевые слова: государственно-правовая политика, информационно-коммуникационные системы, цифровые технологии, искусственный интеллект, цифровизация, правоотношения в информационной сфере, интеллектуальные права, правопорядок.

Цитирование. Трофимов В. В. Современная государственно-правовая политика Российской Федерации в пространстве функционирования информационно-телекоммуникационных систем: о некоторых проблемах формирования и реализации // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 66–75. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.11>

Введение

Информационно-телекоммуникационные системы и технологии стали неотъемлемой частью жизни современного общества, по праву получившего определение ин-

формационного, поскольку многие общественные процессы, что ранее осуществлялись исключительно в рамках реального взаимодействия между социальными субъектами, стали дублироваться (а где-то изначально генерироваться и происходить) в вирту-

альной сфере, которая, несмотря на свою нематериальную субстанциональную сущность, также порождает вполне социально значимые (политические, правовые, экономические, финансовые и некоторые другие) последствия, имеющие место в реальном измерении. Информационное пространство, в основе которого находятся цифровые технологии, практически полностью синтезировалось с реальным социальным пространством, став его новым измерением.

Наряду с этим, электронно-вычислительные машины (далее – ЭВМ), или цифровые машины, которые собственно и обеспечивают функционирование информационно-телекоммуникационных систем (известные с советских времен АСУ – *автоматизированные системы управления*), помимо своей вспомогательной для жизни человека роли, становятся все более и более «суверенными» в принятии решений, роль таких устройств явно возрастает. При этом эти безграничные возможности цифровой техники в существенной мере предвиделись еще на заре возникновения подобных технологий. Так, выдающийся советский и российский ученый, пионер отечественной кибернетики и информатики, разработчик электронно-вычислительной техники в СССР А.И. Китов в своей книге, посвященной цифровым машинам, замечал, что возможности ЭВМ простираются не только в область сложных арифметических подсчетов, но и за ее пределы [6]. То же самое, но более детально и развернуто было представлено в следующей книге автора, подготовленной совместно с Н.А. Криницким – «Электронные вычислительные машины», где указывается: «Электронные программно-управляемые машины возникли как средство сверхбыстрых вычислений. Вскоре, однако, стало ясно, что возможности этих машин далеко выходят за рамки возможностей автоматов скоростного вычисления» [7, с. 111].

Действительно, тенденции и результаты подобного свойства, что мы имеем сегодня в плане влияния цифровых технологий, робототехники, искусственного интеллекта на социальные отношения, сверхвпечатляюще, во многом уже близки к «мечтам роботов», представленным в книге А. Азимова – авто-

ра Трех законов робототехники [1], для которых (роботов) по сути эти законы и были сформулированы, чтобы, как представляется, сам человек не стал тем, чем роботы являлись и являются для человека, то есть, как правило, безмолвным и безоговорочным помощником.

Информационно-телекоммуникационные сети выступают средством не только собственно информационно-культурного (связанного с передачей информации, некоторого культурного опыта, знаний людей и проч.), но в силу самой специфики транслируемой информации – способом экономического, политического, правового и иного взаимодействия между «агентами» соответствующих областей социальной коммуникации. Причем эта виртуальная «реальность» стала дополнять, а где-то вытеснять и заменять реальность материальную. Информационное пространство из формы только технологий стало пространством многих жизненно важных социальных процессов (в целом самой жизни общества). Как образно отмечает М.В. Ковальчук: «Информационные технологии явились неким обручем, который объединил все межотраслевые науки» [8, с. 6]. Эту мысль резонно продолжить и охарактеризовать информационные технологии как «обруч», охвативший все вокруг (все общественное пространство).

Не исключением при этом является и пространство правовой жизни, где роль цифровых технологий становится все выше, искусственный интеллект находится по сути уже «наготове», чтобы где-то оправданно заменить, а где-то и беспрекословно сместить человека в функциях принятия политико-правовых решений. Образованное новыми технологиями «умное регулирование» [5] еще нуждается в должной рефлексии со стороны человека, поскольку, создав эти возможности, человек еще не до конца научился ими управлять и контролировать их так, чтобы не получать от этих технологий вред (а риск этого вреда часто бывает очевиден).

Кроме того, очевидно, что данный процесс информатизации предполагается наращивать, о чем свидетельствует и принятая в современных условиях глобальных вызовов (как своеобразный ответ на таковые) Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, где в качестве одного из главных

приоритетных направлений искомой динамики науки и технологий обозначается то, которое обеспечит «переход к передовым цифровым, интеллектуальным производственным технологиям, роботизированным системам, новым материалам и способам конструирования, создание систем обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта» [16]. Собственно же проблема активного применения данных технологий и систем сегодня постулируется и в новой Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации, где, в частности, определяется, что в «России наряду с задачей обеспечения всеобщего доступа к информационным и телекоммуникационным технологиям актуальной является проблема интенсификации использования самих технологий» [17]. Это, пожалуй, одно из наиболее видимых проявлений новой промышленной революции, переживаемой сегодня цивилизованным миром, получившей название «Индустрия 4.0», которая построена на цифровом подходе. Такие моменты «информационной эпохи» сегодня необходимо тщательно изучать, принимая вслед за этим адекватные решения.

Естественно, такие многогранные и непростые для регулирования процессы требуют повышенного внимания со стороны государства и общества, когерентной адаптации всех элементов рассматриваемой информационной общественной системы, их интеграции в некую единую логическую схему посредством права как главного инструмента обеспечения социальной жизнедеятельности во всех ее проявлениях. В данном случае перед правом стоит задача: информационное пространство социальной жизни сделать пространством с господствующим правом – правовым пространством инфосферы общества. На вопрос, как это сделать, способна, на наш взгляд, ответить специально ориентированная государственно-правовая политика в пространстве функционирования информационно-телекоммуникационных систем, у которой для решения подобных сложных задач есть необходимый набор ресурсов. Рассмотрим подробнее этот аспект в последующих разделах предлагаемого научно-публикационного материала.

Правовой контекст социальных связей в пространстве функционирования информационно-коммуникационных систем как предмет внимания государственно-правовой политики современной России

Процесс цифровизации общественной жизни – явление во многом объективное, отражающее общий вектор научно-технологического развития современного общества (или одно из магистральных направлений данного развития, связанное с опытом расширения возможностей ЭВМ в среде разнообразных объектов материального мира). Вместе с тем освоение и реальное использование ресурсов цифровых технологий в немалой степени зависит от активности государства и, пожалуй, всего общества в деле правильного применения на практике предлагаемого «цифрой» потенциала, всестороннего развития этой сферы (не нарушая при этом баланса природы и техники, человеческого и искусственного интеллекта). От того, насколько грамотно и конструктивно национальные государства используют «цифровой» потенциал, зависит, в свою очередь, их процветание, общая динамика и место в мировой системе. Поэтому, конечно, неслучайно в качестве одной из национальных целей современной России Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем известном указе 2018 г., изданном сразу после вступления в должность главы государства на новый срок президентских полномочий, определил «обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере» [20].

В названных выше стратегических документах российского государства указаны серьезные вызовы и связанные с ними государственные приоритеты (в том числе в сфере цифровых технологий и цифровой экономики), которые диктуют необходимость ускоренного развития российской социально-экономической системы и параллельно модернизации правовой системы государства, в том числе в части обеспечения адекватных условий для информатизации (цифровизации) общественной жизни, создания всесторонних юридических гарантий для участников рассматриваемого сегмента системы общественных отношений.

В настоящий момент можно констатировать, что эффект от внедрения информационно-телекоммуникационных технологий в социальную практику, на первых этапах явно в чем-то недооцененный (неспрогнозированный), сегодня также пока не получает своего убедительного полномасштабного и детального охвата мерами государственного и правового реагирования, надлежащего опосредования и контроля, что приводит в конечном итоге и к последствиям негативного плана (снижение уровня информационной безопасности в собственном смысле понятия, а равно – повышение уровня опасности по многим другим областям, где та или иная отрицательная информационная активность из сферы информационно-телекоммуникационных систем может принести вред – проблема информационной безопасности в широком смысле слова) [2]. Да и как уже было выше отмечено, «суверенизация» искусственного интеллекта, с одной стороны, и попадание человека в зависимость от искусственного интеллекта, для которого кроме заданного алгоритма не важны ни детали, ни специфические особенности социально-правовых ситуаций, с другой, не может не тревожить. В определенном аспекте известный мультипликационный эффект распространения роли интернет-технологий в современной жизни оказался таков, что сегодняшние попытки урегулировать отношения в этой области имеют характер «догоняющих шагов». Власть и общество немного запаздывают, а потому испытывают каждый раз неожиданные воздействия из сферы перманентно функционирующего пространства информационно-телекоммуникационных систем. Однако решать эту задачу необходимо. Закономерно в этом плане то, что основатель и бессменный руководитель Всемирного экономического форума в Давосе Клаус Мартин Шваб в книге, подготовленной с Николасом Дэвисом (руководителем одной из площадок по инновациям на данном форуме), в качестве своего рода девиза отметил: «Главное в цифровом мире – доверие. Нам нужен новый нормативно-правовой климат, без которого невозможно применение инновационных технологий» [24, с. 12].

Все это подтверждает и укрепляет мысль о том, что по данному направлению

необходимо проводить целенаправленную *государственно-правовую политику* как особым образом организованную (в соответствии с критериями научной обоснованности, системности, ориентированности на достижение позитивного результата) деятельность государственной власти по разработке и принятию (реализации) государственно-правовых решений стратегического и тактического характера, способных обеспечить должную упорядоченность процессов в информационно-телекоммуникационных системах, гарантии осуществления субъективных прав и законных интересов различных участников отношений в информационном пространстве, их охрану и защиту в случае возможных нарушений.

Государственно-правовая политика [18] в пространстве функционирования информационно-телекоммуникационных систем может быть связана с решением целого ряда принципиальных задач:

- модернизация и систематизация законодательства по вопросам, затрагивающим информационные отношения, создание и использование робототехники, искусственного интеллекта;

- совершенствование существующих и разработка новых механизмов воздействия со стороны публичной власти на область пространства функционирования информационно-телекоммуникационных систем;

- совершенствование существующих и разработка новых юридических конструкций, опосредующих участие социальных субъектов (граждан, организаций) в информационных отношениях в рамках функционирующих информационно-телекоммуникационных систем с целью правомерной реализации своих экономических, политических, интеллектуальных и иных субъективных прав и законных интересов и др.

Не лишены оснований и сегодня являются предложения о том, что в контексте проблем информационного права необходимо предупреждать монополизм СМИ, ограничивать масс-медиа в попытках манипулировать общественным сознанием людей в целях реализации каких-либо «корыстных» намерений, вводя для таких недобросовестных СМИ (за распространение недостоверной информации и проч.) меры

юридической и иной ответственности, способствуя господству в виртуальном пространстве «информационной экологии» [3, с. 48].

Также, без сомнения, назревшая проблема правовой инфосферы общества – это систематизация всего законодательства в области информационных отношений. Уже более 10 лет назад в ходе анализа тенденций и перспектив развития инфокоммуникационных технологий, динамики возрастающего массива законодательства в области информационных отношений, верно было замечено Т.А. Поляковой: «На федеральном уровне... требуется разработка сводного кодифицированного законодательного акта, регулирующего правоотношения в информационной сфере и направленного на совершенствование законодательства в информационной сфере, законодательное закрепление единых основ правового регулирования отношений, возникающих при реализации различными субъектами права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, осуществление деятельности по формированию, хранению и использованию информационных ресурсов и систем, необходимых органам государственной власти и местного самоуправления в целях реализации их задач и функций» [12, с. 66].

В рамках движения к решению этого вопроса на базе Института государства и права Российской академии наук под руководством И.Л. Бачило была проведена масштабная работа и подготовлена концепция Информационного кодекса Российской Федерации, сам факт которой свидетельствует о том, что для такого рода предметной области действительно сложились необходимые предпосылки для осуществления ревизии и систематизации информационного законодательства [9].

Вместе с тем, как представляется, такой блок отношений, как отношения информационные, в части регламентации должен сегодня более явно совмещаться с проблематикой правового регулирования искусственного интеллекта, робототехники и другими смежными и взаимосвязанными вопросами из этой области, которые вызываются на повестку с каждым новым днем и требуют своего государственно-правового решения. Соответственно регулирование в этой сфере должно быть уже более масштабным и комплексным.

И это, скорее всего, должен быть не просто Информационный кодекс, а Кодекс цифровой реальности в современной России (мнения о принятии Цифрового кодекса уже высказываются: Минкомсвязь не исключает введения цифрового кодекса в России [11, с. 59]).

Безусловно, немаловажный сегодня вопрос – это повышение качества воздействия со стороны государства на отношения, складывающиеся в информационно-телекоммуникационных сетях. Это значимо как в целях обеспечения должной упорядоченности информационных отношений, развития таковых по установленным правилам и в соответствии с требованиями законодательства, так и во многом в плане контроля за информационными ресурсами, поддержания необходимого для государства и общества уровня информационной безопасности. В этом случае вполне уместно наряду с собственными национальными подходами активнее привлекать зарубежный и международный опыт государственно-правового воздействия на информационные отношения, в рамках которого выработаны различные формы законодательного (начиная с конституционного [15]) регулирования в области информации, а также определенные алгоритмы усиления информационной безопасности [23].

Иными словами, для более активного формирования и реализации государственно-правовой политики в пространстве функционирования информационно-телекоммуникационных систем сложилось достаточно предпосылок. Но нужна соответствующая воля, чтобы эту политику целенаправленно проводить и обеспечивать складывающуюся практику всеми необходимыми результатами правотворческого, правоприменительного и иного характера.

**Интеллектуальные права
в интернет-пространстве
и проблема их правовой охраны
в системе приоритетных задач
государственно-правовой политики
современной России**

Крайне важной является разработка юридических механизмов, опосредующих реализацию субъективных прав и законных ин-

тересов граждан и организаций в сети Интернет. Особая проблемная зона здесь связана, как известно, с интеллектуальными правами [19]. Внесенные в 2013 г. дополнения в закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», ограничившие доступ к информации, распространяемой с нарушением исключительных прав, в частности к фильмам (ст. 15.2), как представляется, стали принципиальным шагом в направлении охраны и защиты интеллектуальных прав в сети Интернет [21]. Вместе с тем еще явно недостаточным, чтобы в полной мере обеспечить «чистоту» юридического поля реализации интеллектуальных прав в пространстве информационно-телекоммуникационных сетей, дающем возможность правообладателям размещать и использовать творческий контент, будучи защищенными от каких-либо нарушений и посягательств. Поэтому оправданными оказались те уточнения, которые были приняты в дальнейшем (2014 г.) [22]. Они расширили практически в полном объеме (за исключением фотографических произведений и произведений, полученных аналогичными способами фотографии) круг охраняемых объектов авторских и смежных прав.

Пределы защищенности (абсолютности) интеллектуальных прав (прежде всего в сети Интернет) тоже не могут быть безграничны. Особенно это стало очевидным с активным проникновением в жизнь цифровых технологий, благодаря которым у пользователей появилась объективная возможность осуществлять творческую деятельность (так называемое производное творчество), «свободно» используя все те ресурсы, которые есть в информационно-телекоммуникационных сетях, включая защищенные интеллектуальным правом объекты. При этом очевидно, что право на такое «свободное использование» чужих произведений вступает в прямую конкуренцию с интеллектуальными (исключительными и моральными) правами создателей оригинальных произведений. Но объективно это «использование» невозможно исключить, так же как недопустимо нарушать интеллектуальные права. Поэтому задача законодателя состоит в том, чтобы найти ту грань, благодаря которой будут учтены права и первоначальных создателей произведений, и производных. Та-

кая грань может быть выстроена путем актуализации правового института ограничений интеллектуальных прав (имея в виду институт свободного использования произведений) [4; 14].

Еще один аспект может быть связан с проблематикой правового опосредования процесса вовлечения интеллектуальных прав в экономический оборот, протекающий в условиях информационного общества, существенной частью в информационно-телекоммуникационных сетях, в параметрах так называемых инфокоммуникационных услуг, содержащих «объекты интеллектуальной собственности», причем такие объекты, «входящие в состав ИКУ, могут образовывать как контентную, так и телекоммуникационно-программную составляющую ИКУ» [10]. В этом вопросе также необходима определенная рациональная позиция, отражающая комплекс пересекающихся юридически значимых социальных интересов, которая может быть установлена в формате специальной государственно-правовой политики.

Думается, государственно-правовая политика в направлении создания и поддержания комплексных юридических гарантий интеллектуальных прав граждан и организаций в условиях информационного общества может быть продолжена и это обязательно приведет к необходимым с точки зрения современной цифровой эпохи позитивным результатам, связанным с обеспечением охраны и защиты интеллектуальных и иных субъективных прав и законных интересов участников информационных отношений в сети Интернет (информационно-телекоммуникационных сетях).

Заключение

Вполне очевидно, что вопросы функционирования пространства информационной сферы общественной жизни многочисленны (об этом можно судить даже по тому понятийному ряду, который характерен для данной области правовых отношений [13]) и их необходимо решать своевременно, поддерживая правовую упорядоченность отношений в этой области на должном уровне с помощью государственно-правовой политики в области функционирующего пространства информационно-

телекоммуникационных систем. Эти проблемы необходимо рассматривать в тесном взаимодействии с наукой (правовой, технической и проч.), поскольку государственно-правовая политика вне связи с наукой немиссия, для государственно-правовой политики, характера ее деятельности, эта связь в определенном смысле носит значение абсолютной (константной) величины, от чего зависит эффективность ее проведения на практике. Проблемы, которые стоят перед государственно-правовой политикой в рассматриваемой области (систематизация информационного законодательства, совершенствование механизма реализации и защиты интеллектуальных прав в сети Интернет и др.), очень сложные, но сам формат этого типа юридической деятельности таков, что решение подобных сложных задач и есть ее главная миссия.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Тамбовской области в рамках научного проекта № 19-411-680004.

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the administration of the Tambov region within the framework of the scientific project No. 19-411-680004.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азимов, А. Мечты роботов / А. Азимов. – М. : Эксмо, 2007. – 416 с.
2. Баранов, В. М. Информационное право и информационное общество: философские проблемы взаимодействия / В. М. Баранов, М. В. Баранова, С. И. Яночкин // Философия права. – 2001. – № 3. – С. 14–19.
3. Белов, Г. В. Парадигма информационного общества и становление информационного права / Г. В. Белов // Право и информатизация общества / под ред. И. Л. Бачило. – М. : ИНИОН РАН, 2002. – С. 33–49.
4. Войниканис, Е. А. Интеллектуальная собственность и права человека в информационном обществе / Е. А. Войниканис // Современное право. – 2008. – № 9 (1). – С. 63–65.
5. Давыдова, М. Л. «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества / М. Л. Давыдова // Журнал российского права. – 2020. – № 11. – С. 14–29.
6. Китов, А. И. Электронные цифровые машины / А. И. Китов. – М. : Советское радио, 1956. – 276 с.
7. Китов, А. И. Электронные вычислительные машины / А. И. Китов, Н. А. Криницкий. М. : АН СССР, 1958. – 132 с.
8. Ковальчук, М. В. Нанотехнологии – фундамент новой наукоемкой экономики 21 века / М. В. Ковальчук // Российские нанотехнологии. – 2007. – Т. 2, № 1–2. – С. 6–11.
9. Концепция Информационного кодекса Российской Федерации // Социальные и гуманитарные науки / Под ред. И. Л. Бачило. М. : ИГП РАН : Канон+ : Реабилитация, 2014. – 192 с.
10. Макарова, С. Н. Развитие теории прав интеллектуальной собственности в условиях информационного общества / С. Н. Макарова // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – № 1. – С. 56–63.
11. Минбалеев, А. В. Защита прав субъектов генетической информации в правовом государстве в условиях развития информационного общества / А. В. Минбалеев // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 2 (60). – С. 57–68.
12. Полякова, Т. А. Совершенствование информационного законодательства в условиях перехода к информационному обществу / Т. А. Полякова // Журнал российского права. – 2008. – № 1. – С. 62–69.
13. Понятийный аппарат в информационном праве : коллектив. моногр. / отв. ред. И. Л. Бачило, Т. А. Полякова, В. Б. Наумов. – М. : Канон+, 2017. – 264 с.
14. Савина, В. С. Развитие права интеллектуальной собственности в современном информационном обществе / В. С. Савина // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 312–319.
15. Сманалиев, К. М., Еримбетов С.С. Формы конституционного регулирования в области информации в международной практике / К. М. Сманалиев, С. С. Еримбетов // Известия вузов. – 2014. – № 11. – С. 143–145.
16. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 49. – Ст. 6887.
17. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. (утв. Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.
18. Трофимов, В. В. Государственно-правовая политика современной России: от доктрины к практике реализации / В. В. Трофимов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2018. – № 3 (72). – С. 79–87.

19. Трофимов, В. В. Интеллектуальные права как объект гражданского оборота. Научно-теоретический опыт определения понятия / В. В. Трофимов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2020. – С. 4–10.

20. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 20. – Ст. 2817.

21. Федеральный закон от 02.07.2013 № 187-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 27. – Ст. 3479.

22. Федеральный закон от 24.11.2014 № 364-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 48. – Ст. 6645.

23. Шариков, П. А. Подходы демократов и республиканцев к вопросам информационной безопасности / П. А. Шариков // Россия и Америка в XXI веке. – 2012. – № 1. – С. 4–5.

24. Шваб, К. Технологии Четвертой промышленной революции / К. Шваб, Н. Дэвис. – М.: Эксмо, 2018. – 410 с.

REFERENCES

1. Azimov A. *Mechty robotov* [Robots' Dreams]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 416 p.

2. Baranov V.M., Baranova M.V., Yanochkin S.I. *Informatsionnoye pravo i informatsionnoye obshchestvo: filosofskiye problemy vzaimodeystviya* [Information Law and Information Society: Philosophical Problems of Interaction]. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], 2001, no. 3, pp. 14-19.

3. Belov G.V. *Paradigma informatsionnogo obshchestva i stanovleniye informatsionnogo prava* [The Paradigm of the Information Society and the Formation of Information Law]. *Pravo i informatizatsiya obshchestva* [Law and Informatization of Society]. Moscow, INION RAN Publ., 2002, pp. 33-49.

4. Voinikanis E.A. *Intellektual'naya sobstvennost' i prava cheloveka v informatsionnom obshchestve* [Intellectual Property and Human Rights in the Information Society]. *Sovremennoye pravo* [Modern Law], 2008, no. 9(1), pp. 63-65.

5. Davydova M.L. «Umnoye regulirovaniye» kak osnova sovershenstvovaniya sovremennogo

pravotvorchestva [“Smart Regulation” As a Basis for Improving Modern Law-Making]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2020, no. 11, pp. 14-29.

6. Kitov A.I. *Elektronnyye tsifrovyye mashiny* [Electronic Digital Machines]. Moscow, Sovetskoe radio Publ., 1956. 276 p.

7. Kitov A.I., Krinickij N.A. *Elektronnyye vychislitel'nye mashiny* [Electronic Computing Machines]. Moscow, AN SSSR, 1958. 132 p.

8. Koval'chuk M.V. *Nanotekhnologii – fundament novoy naukoymkoy ekonomiki XXI veka* [Nanotechnology is the Foundation of a New High-tech Economy of the 21st Century]. *Rossiyskiye nanotekhnologii* [Russian Nanotechnologies], 2007, vol. 2, no. 1-2, pp. 6-11.

9. *Kontseptsiya Informatsionnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Concept of the Information Code of the Russian Federation]. Moscow, IGP RAN, Kanon+ Publ., Reabilitatsiya Publ., 2014. 192 p.

10. Makarova S.N. *Razvitiye teorii prav intellektual'noy sobstvennosti v usloviyakh informatsionnogo obshchestva* [Development of the Theory of Intellectual Property Rights in the Information Society]. *Vestnik RFFI. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki* [Bulletin of the RFBR. Humanities and social sciences], 2017, no. 1, pp. 56-63.

11. Minbaleyev A.V. *Zashchita prav subyektov geneticheskoy informatsii v pravovom gosudarstve v usloviyakh razvitiya informatsionnogo obshchestva* [Protection of the Rights of Subjects of Genetic Information in a Legal State in the Context of the Development of an Information Society]. *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika* [Legal State: Theory and Practice], 2020, no. 2 (60), pp. 57-68.

12. Polyakova T.A. *Sovershenstvovaniye informatsionnogo zakonodatel'stva v usloviyakh perekhoda k informatsionnomu obshchestvu* [Improvement of Information Legislation in the Context of the Transition to an Information Society]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2008, no. 1, pp. 62-69.

13. Bachilo I.L., Polyakova T.A., Naumov V.B. *Ponyatiynnyy apparat v informatsionnom prave: kollektiv. monograf.* [Conceptual Apparatus in Information Law]. Moscow, IGP RAN, Kanon+ Publ., Reabilitatsiya Publ., 2017. 264 p.

14. Savina V.S. *Razvitiye prava intellektual'noy sobstvennosti v sovremennom informatsionnom obshchestve* [Development of Intellectual Property Rights in a Modern Information Society]. *Permskiyy uridicheskiy al'manakh* [Perm Legal Almanac], 2019, no. 2, pp. 312-319.

15. Smanaliyev K.M., Yerimbetov S.S. *Formy konstitutsionnogo regulirovaniya v oblasti informatsii v mezhdunarodnoy praktike* [Forms of Constitutional

Regulation in the Field of Information in International Practice]. *Izvestiya VUZov Kyrgyzstana* [Kyrgyzstan Universities News], 2014, no. 11, pp. 143-145.

16. Strategiya nauchno-tehnologicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii (utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 1 dekabrya 2016 g. № 642) [Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation (Approved by the Decree of the President of the Russian Federation of December 1, 2016 No. 642)]. *Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2016, no. 49, art. 6887.

17. *Strategiya razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii na 2017–2030 gg. (utverzhdena Ukazom Prezidenta RF ot 9 maya 2017 g. № 203)* [Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030 (Approved by the Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 No. 203)], 2017, no. № 20, art. 2901.

18. Trofimov V.V. Gosudarstvenno-pravovaya politika sovremennoy Rossii: ot doktriny k praktike realizatsii [State and Legal Policy of Modern Russia: from Doctrine to Practice of Implementation]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [Legal Policy and Legal Life], 2018, no. 3 (72), pp. 79-87.

19. Trofimov V.V. Intellektual'nyye prava kak ob'ekt grazhdanskogo oborota. Nauchno-teoreticheskiy opyt opredeleniya ponyatiya [Intellectual Rights as an Object of Civil Circulation. Scientific and Theoretical Experience of Defining the Concept]. *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam* [Journal of the Court for Intellectual Rights], 2020, pp. 4-10.

20. Ukaz Prezidenta RF ot 7 maya 2018 g. № 204 «O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2024 goda» [Decree of the President of the Russian Federation No. 204 “On National Goals and Strategic

Objectives of the Development of the Russian Federation for the Period up to 2024” Dated May 7, 2018]. *Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2018, no. 20. 2817 p.

21. Federal'nyy zakon ot 02.07.2013 № 187-FZ (red. ot 12.03.2014) «O vnesenii izmeneniy v otdel'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii po voprosam zashchity intellektual'nykh prav v informatsionno-telekommunikatsionnykh setyakh» [Federal Law No. 187-FZ (as amended on 12.03.2014) “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Protection of Intellectual Rights in Information and Telecommunication Networks” Dated 02.07.2013]. *Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2013, no. 27. 3479 p.

22. Federal'nyy zakon ot 24.11.2014 № 364-FZ «O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon «Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii» i Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law No. 364-FZ “On Amendments to the Federal Law “On Information, Information Technologies and Information Protection” and the Civil Procedure Code of the Russian Federation” Dated November 24, 2014]. *Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2014, no. 48. 6645 p.

23. Sharikov P.A. Podkhody demokratov i respublikantsev k voprosam informatsionnoy bezopasnosti [Approaches of Democrats and Republicans to Information Security Issues]. *Rossiya i Amerika v XXI veke* [Russia and America in the 21st century], 2012, no. 1, pp. 4-5.

24. Shvab K., Devis N. *Tekhnologii Chetvertoy promyshlennoy revolyutsii* [Technologies of the Fourth Industrial Revolution]. Moscow, Eksmo Publ., 2018. 410 p.

Information About the Author

Vasily V. Trofimov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Director of the Research Institute of State and Legal Studies, Professor, Department of Theory and History of State and Law, Derzhavin Tambov State University, Internatsionalnaya St, 33, 392000 Tambov, Russian Federation, ri.sls@tsutmb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5039-7363>

Информация об авторе

Василий Владиславович Трофимов, доктор юридических наук, доцент, директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права, Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, ул. Интернациональная, 33, 392000 г. Тамбов, Российская Федерация, ri.sls@tsutmb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5039-7363>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.12>

UDC 342
LBC 67.401

Submitted: 17.05.2021
Accepted: 14.06.2021

INFORMATION TECHNOLOGIES AS A MEANS OF IMPROVING THE EFFICIENCY OF THE STATE AND PUBLIC AFFAIRS MANAGEMENT

Sergey G. Vasilevich

Belarusian State University, Minsk, Belarus

Introduction: the paper examines the impact of information technologies on the management of state and public affairs. It is emphasized that these technologies significantly change the nature of the relationship between a person and the state, contribute to their democratization, as well as the optimization of the system and the activities of the state bodies. Drawing attention to the positive side of the digital transformation of public relations, at the same time, it is noted that information technologies, as well as the technical developments based on them, narrow the scope of private space. In this regard, it is important to find a balance between public and private interests. Several proposals are made to improve the legal regulation and practice in this area. **Introduction:** in the modern period, more and more attention is paid to the digital transformation of public relations. The development of information technologies creates new conditions for the dynamic development of the state and law, the adoption of effective management decisions. **Purpose:** to evaluate the possibilities of using information technologies in the field of public administration, to make suggestions on possible improvements in the legislation and practice. **Methods:** the methods of systematicity, analysis, and comparative law method are used. **Results:** based on the analysis of trends in the legal regulation in using information technologies in the economic, social, and political spheres some proposals for improving the legislation and practice are made. **Conclusions:** the introduction of IT in the public space optimizes and integrates diverse processes and procedures, creating a new paradigm, which ultimately improves the quality of public services and expands communication channels, introduces people to the process of making political decisions. Regarding the digital transformation in the field of human rights and freedoms, one should be guided by the principle: the rights that a person has offline should also be protected online (on the Internet).

Key words: digitalization, public administration, information technologies, social rating, society.

Citation. Vasilevich S.G. Information Technologies As a Means of Improving the Efficiency of the State and Public Affairs Management. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 76-81. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.12>

УДК 342
ББК 67.401

Дата поступления статьи: 17.05.2021
Дата принятия статьи: 14.06.2021

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ И ОБЩЕСТВЕННЫМИ ДЕЛАМИ

Сергей Григорьевич Василевич

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

Введение: в статье исследуется влияние информационных технологий на осуществление управления государственными и общественными делами. Подчеркивается, что указанные технологии существенно меняют характер взаимоотношений человека и государства, способствуют их демократизации, а также оптимизации системы и деятельности государственных органов. Обращая внимание на позитивную сторону цифровой трансформации общественных отношений, в то же время мы отмечаем, что информационные технологии, а также технические разработки на их основе сужают сферу частного пространства. В этой связи важно

найти баланс между публичными и частными интересами. Вносится ряд предложений по совершенствованию правового регулирования и практики в указанной сфере. В современный период все большее внимание уделяется цифровой трансформации общественных отношений. Развитие информационных технологий создает новые условия для динамичного развития государства и права, принятия эффективных управленческих решений. **Цель:** оценить возможности использования информационных технологий в сфере государственного управления, высказать предложения по возможному совершенствованию законодательства и практики. **Методы:** использованы методы системности, анализа и сравнительно-правовой метод. **Результаты:** на основе анализа тенденций правового регулирования в области использования информационных технологий в экономической, социальной и политической сферах, по итогам которого высказаны предложения по совершенствованию законодательства и практики. **Выводы:** внедрение информационных технологий в публичном пространстве оптимизирует и интегрирует разноплановые процессы и процедуры, создавая новую парадигму, что в итоге улучшает качество предоставления государственных услуг и расширяет каналы коммуникации, приобщает людей к процессу принятия политических решений. Касаясь цифровой трансформации в области прав и свобод человека, следует руководствоваться принципом: права, которые человек имеет офлайн, должны защищаться и онлайн (в Интернете).

Ключевые слова: цифровизация, государственное управление, информационные технологии, социальный рейтинг, общество.

Цитирование. Василевич С. Г. Информационные технологии как средство повышения эффективности управления государственными и общественными делами // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 76–81. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.12>

Введение

Информационные технологии (далее – ИТ) играют важную роль в жизни современного общества. Активно развиваясь, они проникают во все сферы жизнедеятельности людей: торговля и оплата, банковский сектор, образование и наука, работа и отдых, а также сфера оказания государственных услуг и государственного управления с целью принятия эффективных управленческих решений – все это еще буквально 15–20 лет назад невозможно было представить в онлайн-формате. В наши дни ИТ так глубоко проникли в повседневную жизнь, что большинство людей не представляет себе своего существования без современных средств коммуникации и сервиса. В этой связи ИТ, доступ к информации, оказание услуг онлайн и т. д. нуждаются в скорейшей и качественной правовой регламентации с целью как защиты прав пользователей услуг, операторов, получающих и обрабатывающих информацию, так и возложения на них определенных обязанностей.

Информационные технологии в жизни государства и общества на современном этапе

Для современных реалий характерно динамичное и постоянно расширяющееся внедрение ИТ в основные сферы человеческой

деятельности. Они охватывают своим влиянием и юридическую сферу, для которой актуальны такие направления, как нормотворчество и правоприменение. Цифровизация в области юридической деятельности способствует принятию обоснованных и более точных решений, быстрому поиску сведений, их анализу и прогнозу последствий [8]. Цифровая трансформация становится неотъемлемым фактором эффективности государственного управления, оптимизирует систему властных отношений, деятельность государственных институтов [2, с. 26]. Ускоренный темп использования информационно-коммуникационных технологий характерен для последних трех десятилетий, хотя об информационном обществе футурологи начали заявлять еще в середине прошлого века. Воздействие ИТ направлено не только на государственные структуры, но и на субъекты гражданского общества, формирование современного образа жизни людей. Развитие информационного общества уже стало основополагающим направлением общественной динамики.

ООН рассматривает электронное правительство в качестве характеристики нового уровня взаимодействия между ветвями власти, между государством и человеком, а также обществом. Внедрение ИТ в публичном пространстве оптимизирует и интегрирует разноплановые процессы и процедуры, созда-

вая новую парадигму, что в итоге улучшает качество предоставления государственных услуг и расширяет каналы коммуникации, общает людей к процессу принятия политических решений [12].

Правильность выбранного вектора развития в контексте внедрения ИТ подтверждается зарубежным опытом, например, Эстонии, которая добилась наилучших успехов в данной области среди всех постсоветских республик. ИТ существенно экономят время. Так, благодаря их внедрению в Австрии в среднем экономится до двух часов при поиске информации по интересующему вопросу, действующий в США правительственный портал обеспечивает доступ к 20 тыс. интернет-сайтам государственных органов, он бесплатен для пользователей [2, с. 27].

Таким образом, оперативный и удобный доступ к информации создает более комфортные условия для жизни людей. Нынешние достижения основываются на фундаментальных трудах ученых, которые занимались исследованиями в области кибернетики и информатики, например, исследование Н. Винера [5, с. 33–34], показавшее органическую связь информации с теорией управления. В нынешних условиях высказывается много суждений в пользу так называемого программируемого общества.

Российский ученый М.М. Рассолов, характеризуя сущность информационной системы в области, связывал ее с процессом труда. Обращаясь к повседневной деятельности работников правоохранительных органов, предметом труда которых является разнообразная социально-правовая информация, он подчеркивал значение информации, облакаемой в необходимые формы с целью принятия управленческих решений [10, с. 19].

По справедливому замечанию И.Ю. Богдановской, право человека на информацию динамично развивалось: сначала оно было более ограниченным в период становления конституционной государственности, затем в условиях формирования информационного общества акцент смещается в сторону возникновения у государства обязательств по дополнительному регулированию механизма доступности информации, это изменило содержание права на информацию в целом [3, с. 5].

Использование ИТ было нацелено на деюрокрализацию отношений между государством и человеком, расширение прав и свобод. Мы разделяем позицию Л.В. Журавлевой, которая считает, что доступ к населению к ИТ становится ускорителем модернизации устоявшихся в течение прошлого века социальных моделей; новая ситуация предполагает использование более продуктивных средств для реализации управленческих функций и компетенций [6, с. 83].

Конечно, существует проблема готовности людей, организаций, органов управления изменить свой стиль жизни (управления), где коммуникационные и ИТ охватывают содержательную часть складывающихся отношений. Ведь человек, как субъект социума, включен во множество других его структур, а перестройка происходит под влиянием психологической, информационной, понятийной нагрузки. Это предполагает необходимость адаптации, создания для этого условий, развития компьютерной грамотности, соответствующих навыков, овладения необходимыми алгоритмами действий. Сложно возражать, что старшее поколение находится в более трудном положении в части умения использовать современные технологии [9, с. 14]. Однако ничего не мешает государству, используя телевидение и интернет, давать необходимые бесплатные уроки для желающих расширить свои навыки в использовании указанных технологий.

В Российской Федерации давно сложилась информационная система оказания государственных услуг, обсуждения проектов нормативных правовых актов, база данных, касающихся учета автотранспорта и иного имущества, осуществления сделок с ним. ИТ содействуют развитию электронной демократии, коллаборативному управлению граждан делами государства и общества. Беларусь также, используя собственный, российский и иной зарубежный опыт, активно развивает информационное общество. В Беларуси еще в 2002 г. была утверждена программа «Электронная Беларусь». У нас функционирует государственная система правовой информации [4, с. 299]. Позитивные отклики специалистов получил изданный Президентом Беларуси в декабре 2017 г. декрет № 8 «О развитии цифро-

вой экономики», которым предусмотрено создание условий для использования в экономике технологии реестра блоков транзакций (блокчейн) и иных высоких технологий. В декрете № 8 установлен ряд иных новаций.

ИТ внедряются не только в систему представительной, исполнительной власти, но и в сферу деятельности надзорных органов. Так, например, в НИИ для решения проблемы укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации была разработана Концепция создания автоматизированной системы информационного обеспечения органов прокуратуры Российской Федерации, что позволило создать в Российской Федерации единую автоматизированную информационную среду. Благодаря этому обеспечиваются потребности в области информации системы органов прокуратуры всех уровней. Усиливается оперативность надзора со стороны прокуратуры. Создание аналогичной автоматизированной информационной системы происходит и у нас. Органам прокуратуры Беларуси обеспечен доступ к автоматизированным системам иных ведомств. Надзорная функция станет еще более эффективной, когда будет завершено создание интегрированной с судами системы.

Полагаем, что и в Беларуси, и в Российской Федерации уделяется внимание организации надлежащей работы с обращениями граждан, включая электронные. Создаваемые в государственных органах информационные платформы позволяют органам прокуратуры при необходимости осуществлять надзор по своевременному выявлению нарушений. Внедрение новых механизмов и технологий направлено также на противодействие коррупции, в частности, в сфере государственных закупок, отвода земельных участков, выдачи различного рода документов и др. [7].

Укреплению законности, обеспечению оперативного рассмотрения обращений граждан и юридических лиц, снижению их потока могло бы способствовать создание такого порядка, в соответствии с которым на сайтах министерств, государственных комитетов, местных представительных и исполнительных органов размещались бы ответы на типичные вопросы. Это своего рода упреждающее консультирование может экономить время и ре-

сурсы. В перспективе следовало бы заняться созданием банка данных решений органов исполнительной власти, являющихся административными прецедентами. Конечно, пока отношение к прецедентам (судебным и административным) в наших странах неоднозначное. Об этом идут споры и между учеными. Признавая подзаконный статус прецедента, автор данной статьи убежден в его полезности с точки зрения обеспечения единообразного применения актов законодательства.

Информационной открытости принятия решений органами публичной власти может способствовать размещение на их официальных сайтах сведений о планах работы на год и их выполнении. Общественный контроль в данном случае очень важен [11, с. 157].

ИТ, а также технические разработки на их основе сужают сферу частного пространства. Это можно наблюдать в связи с широким использованием камер видеонаблюдения в местах массового проживания людей. Использование, например, дронов позволяет наблюдать за частной жизнью людей, их пребыванием на территории, где размещены их дома, постройки. Право на информацию и право частной жизни напрямую сейчас связаны с правом на анонимность, правом быть оставленным в покое, правом на информационное самоопределение и др. Возникают вопросы о границах контроля за гражданами. В Китае уже создана система социального рейтинга, то есть система оценки поведения граждан (социальный рейтинг).

С 1 января 2021 г. каждому гражданину КНР предоставляется начальный рейтинг в 1 000 баллов. Далее он растет либо уменьшается в зависимости от поведения человека. Лицу с высоким социальным рейтингом предоставляются льготы и другие преимущества от государства. Обладателю низкого рейтинга невозможно претендовать на достойную работу, в отношении него много ограничений (не дадут кредит, могут отказать в аренде велосипеда и т. п.). Как отмечают в СМИ, с помощью цифровых стимулов Китай пытается создать новое общество. В нем преимущество имеют законопослушные, вежливые и надежные люди [1]. Ученым еще предстоит основательно проанализировать основные составляющие концепции такой модели обще-

ственного устройства, оценить наличие или отсутствие дискриминации, насколько здесь соотносятся частные и публичные интересы, основания и пределы ограничения прав и свобод, насколько правомерны цели ограничения. Выделяют три сферы, где важен социальный рейтинг: государственная (уплата налогов, погашение кредитов); общественная (поведение в обществе, включая соблюдение правил дорожного движения, соблюдение норм рождаемости, честность в работе и образовании); поведение в сети (культура общения с пользователями, достоверность размещаемой информации и др.). Все это сводится в единую базу [1].

Конечно, опыт Китая впечатляет, для наших государств (Российской Федерации и Беларуси) он необычен, но изучить его полезно.

Выводы

В заключение отметим, что использование ИТ позволяет деbüroкратизировать широкий спектр отношений между государством и обществом, способствует расширению прав и свобод человека, укреплению законности и правопорядка. Появляется новый горизонт для динамичного развития нормотворческой и правоприменительной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акиншин, В. Кредит на свободу: как изменится общество в Китае после запуска системы оценки поведения граждан / В. Акиншин. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://tvzvezda.ru/news/2021117212-qp6hd.html> (дата обращения: 04.04.2021). – Загл. с экрана.
2. Алферова, Е. В. Информационные технологии в государственном управлении: новые возможности / Е. В. Алферова // Информационные технологии: Инновации в государственном управлении : сб. науч. тр. / отв. ред. Е. В. Алферова, И. Л. Бачило. – М. : ИНИОН, 2020. – С. 24–46.
3. Богдановская, И. Ю. Право на доступ к информации. Доступ к открытой информации / И. Ю. Богдановская. – М. : Юстицинформ, 2009. – 344 с.
4. Василевич, Г. А. Конституция. Человек. Государство : материалы выступлений и статьи / Г. А. Василевич. – Минск : Веды. – 2006. – 312 с.
5. Винер, Н. Кибернетика / Н. Винер. – М. : Изд-во иностр. лит., 1958. – 252 с.

6. Журавлева, Л. В. Информационные технологии в современном мире / Л. В. Журавлева // Право и информатизация общества : сб. науч. тр. / РАН ИНИОН, Центр социальных науч.-информ. исслед. – М., 2002. – С. 75–88.

7. Информационные технологии в работе законодательных органов, прокуратуры. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/2848240/page:6/> (дата обращения: 11.04.2021). – Загл. с экрана.

8. Информационные технологии в юридической деятельности. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://bizescort.ru/about/news/informacionnye-tehnologii-v-uridicheskoy-deyatelnosti/> (дата обращения: 15.04.2021). – Загл. с экрана.

9. Информационные технологии: инновации в государственном управлении : сб. науч. тр. / отв. ред. Е. В. Алферова, И. Л. Бачило. – М. : РАН; ИГП. Сектор информ. права; Инион. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отдел правоведения, 2010. – 238 с.

10. Рассолов, М. М. Правовая информатика и управление в сфере предпринимательства : учеб. пособие / М. М. Рассолов, В. Д. Элькин, И. М. Рассолов. – М. : Юристъ, 1996. – 480 с.

11. Талапина, Э. В. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект) / Э. В. Талапина. – М. : Юриспруденция, 2015. – 192 с.

12. United Nations E-Government Survey 2014: E-Government for the Future We Want. – Electronic text data. – Mode of access: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2014-Survey/E-Gov_Complete_Survey-2014.pdf (date of access: 11.01.2021). – Title from screen.

REFERENCES

1. Akinshin V. *Kredit na svobodu: kak izmenitsya obshestvo v Kitae posle zapuska sistemy ochenki povedeniya grazhdan* [Credit for Freedom: How Society Will Change in China After the Launch of the System for Assessing the Behavior of Citizens]. URL: <https://tvzvezda.ru/news/2021117212-qp6hd.html> (accessed 4 April 2021).
2. Alferova E.V. *Informacionnye tehnologii v gosudarstvennom upravlenii: novye vozmozhnosti* [Information Technologies in Public Administration: New Opportunities]. *Informacionnye tehnologii: Innovacii v gosudarstvennom upravlenii: sb. nauch. tr.* [Information Technologies: Innovations in Public Administration. Collection of Scientific Papers]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2010, pp. 24-46.
3. Bogdanovskaya I.Yu. *Pravo na dostup k informacii. Dostup k otkrytoj informacii* [The Right to

Access to Information. Access to Open Information]. Moscow, 2009. 344 p.

4. Vasilevich G.A. *Konstituciya. Chelovek. Gosudarstvo. Materialy vystuplenij i stati* [Constitution. Person. State. Materials of Speeches and Articles]. Minsk, Vedy Publ., 2006. 312 p.

5. Viner N. *Kibernetika* [Kibernetik]. Moscow, Izdatelstvo inostrannoj literatury, 1958. 252 p.

6. Zhuravleva L.V. *Informacionnye tehnologii v sovremennom mire* [Information Technologies in the Modern World]. *Pravo i informatizaciya obshestva: sb. nauch. tr.* [Law and Informatization of Society. Collection of Scientific Papers]. Moscow, RAN INION, Centr socialnyh nauch.-inform. issled, 2002, pp. 75-88.

7. *Informacionnye tehnologii v rabote zakonodatelnyh organov, prokuratury* [Information Technologies in the Work of Legislative Bodies and the Prosecutor's Office]. URL: <https://studfiles.net/preview/2848240/page:6/> (accessed 11 April 2021).

8. *Informacionnye tehnologii v juridicheskoj deyatelnosti* [Information Technologies in Legal Activity]. URL: <http://bizescort.ru/about/news/>

informacionnye-tehnologii-v-uridicheskoy-deyatelnosti/(accessed 15 April 2021).

9. Alferova E.V., Bachilo I.L. *Informacionnye tehnologii: innovacii v gosudarstvennom upravlenii: sb. nauch. tr.* [Information Technologies: Innovations in Public Administration: sb. nauch. tr.]. Moscow, INION RAN, 2010. 238 p.

10. Rassolov M.M., Elkin V.D., Rassolov I.M. *Pravovaya informatika i upravlenie v sfere predprinimatelstva: ucheb. posobie* [Legal Informatics and Management in the Field of Entrepreneurship: studies. manual]. Moscow, Yurist Publ., 1996. 480 p.

11. Talapina E.V. *Gosudarstvennoe upravlenie v informacionnom obshestve (pravovoj aspekt)* [State Management in the Information Society (Legal Aspect)]. Moscow, Yurisprudenciya Publ., 2015. 192 p.

12. United Nations E-Government Survey 2014: E-Government for the Future We Want. *Department of Economic and Social Affairs*. URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2014-Survey/E-Gov_Complete_Survey-2014.pdf (accessed 11 January 2021).

Information About the Author

Sergey G. Vasilevich, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Constitutional Law, Faculty of Law, Belarusian State University, Prosp. Nezavisimosti, 4, 220030 Minsk, Belarus, sergey.workmail.135@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1016-8782>

Информация об авторе

Сергей Григорьевич Василевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права, Белорусский государственный университет, просп. Независимости, 4, 220030 г. Минск, Беларусь, sergey.workmail.135@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1016-8782>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.13>

UDC 340.12
LBC 67.0

Submitted: 22.04.2021
Accepted: 05.06.2021

THE PROBLEMATIC ISSUES OF DEFINING THE CONCEPT OF THE RULE OF LAW AT THE PRESENT STAGE OF SOCIETY DEVELOPMENT

Alexander V. Sarychev

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Ivan N. Arkhiptsev

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Irina Y. Lukyanova

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Introduction: the concept of the rule of law is rooted directly in the ancient period, which had a significant influence on the legal concepts and theories of such Enlightenment scholars as Grotius, Montesquieu, Locke, Rousseau, Kant, and others. For many years, scientists have tried to identify and trace the existing relationship between the concept of the state and human rights, based on the principles of freedom of political and legal relations. The development of legal concepts of scientists and thinkers of several centuries allowed us to form well-established ideas and principles of the rule of law at the present stage. The fundamental principle of the rule of law is the recognition of human and civil rights and freedoms as the highest value. On this basis, the state policy is formed under the influence of the ideas of popular sovereignty, the rule of law, democracy, the mutual responsibility of the individual and the state. The **purpose** of the study: to study and form the concept and principles of the rule of law, as well as to analyze the measures taken to improve the foundations of the rule of law in the context of the processes of globalization. **Methods:** the research uses such general scientific methods as the analysis and synthesis of scientists' positions on the definition of key theoretical concepts in the field of the rule of law, systematic and structural approaches to the consideration of problematic issues, the formal logical method, and others. **Results and conclusions:** the authors formulated the main reasons for the existence of globalization at the present stage of the development of statehood. In particular, the measures taken by the state to improve the foundations of the rule of law under the influence of these processes taking place in society are considered. Based on the results obtained, it is concluded that the state policy is developing the ideas for improving the economic, political, legal, technological, socio-cultural, religious, and other areas.

Key words: the rule of law, processes of globalization, fundamental principles, ensuring the rights and freedoms of man and citizen, state policy.

Citation. Sarychev A.V., Arkhiptsev I.N., Lukyanova I.Y. The Problematic Issues of Defining the Concept of the Rule of Law at the Present Stage of Society Development. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 82-87. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.13>

УДК 340.12
ББК 67.0

Дата поступления статьи: 22.04.2021

Дата принятия статьи: 05.06.2021

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Александр Викторович Сарычев

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород, Российская Федерация

Иван Николаевич Архипцев

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород, Российская Федерация

Ирина Юрьевна Лукьянова

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород, Российская Федерация

Введение: понятие правового государства уходит корнями непосредственно в античный период, который оказал заметное влияние на правовые концепции и теории таких ученых эпохи Просвещения, как Гроций, Монтескье, Локк, Руссо, Кант и др. На протяжении долгих лет ученые пытались выявить и проследить имеющуюся взаимосвязь между понятиями «государство» и «права человека», основываясь при этом на принципах свободы политических и правовых отношений. Развитие правовых концепций ученых и мыслителей нескольких столетий позволило сформировать устоявшиеся идеи и принципы правового государства на современном этапе. основополагающим принципом правового государства является признание прав и свобод человека и гражданина высшей ценностью. На этом основании государственная политика сформирована под влиянием идей народного суверенитета, верховенства закона, демократизма, взаимной ответственности личности и государства. **Цель исследования:** изучить и сформировать понятие и принципы правового государства, а также проанализировать принимаемые меры для совершенствования основ правового государства в условиях процессов глобализации. **Методы исследования:** в процессе исследования используются такие общенаучные методы, как анализ и синтез позиций ученых по определению ключевых теоретических понятий в сфере правового государства, системный и структурный подходы к рассмотрению проблемных вопросов, формально-логический метод и др. **Выводы:** авторами сформулированы основные причины существования процесса глобализации на современном этапе развития государственности. В том числе были рассмотрены принимаемые государством меры по усовершенствованию основ правового государства под воздействием данных процессов, происходящих в обществе. На основании полученных результатов были сделаны выводы о том, что государственная политика разрабатывает идеи по улучшению экономического, политического, правового, технологического, социокультурного, религиозного и иных направлений.

Ключевые слова: правовое государство, процессы глобализации, основополагающие принципы, обеспечение прав и свобод человека и гражданина, государственная политика.

Цитирование. Сарычев А. В., Архипцев И. Н., Лукьянова И. Ю. Проблемные вопросы определения понятия правового государства на современном этапе развития общества // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 82–87. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.13>

Введение

В современных условиях глобализации происходит изменение основных правовых идей, касающихся общественного развития, а также отношений личности и государства. Это относится и к понятию правового государства, сформированного в первую очередь под воздействием концепций эпохи Просвещения.

Совершенствование основ правового государства в условиях глобализации

Анализ научной литературы и различных правовых источников позволил определить правовое государство как действующее в рамках закона, но ограниченное суверенной волей народа.

Существует множество экономических, социальных, культурных, политических причин, обусловивших появление такого понятия, как глобализация. Экономические причины в первую очередь имеют тесную связь с процессами формирования транснациональной экономики. По мнению некоторых ученых, ее основой является глобальное разделение труда, при этом взаимосвязь различных государств в рамках экономических отношений выступает в качестве формы транснациональной экономики [1]. Классическим примером регулирования процессов транснациональной экономики является законодательство о Еврорегионах, которые представляют собой приграничные сообщества, осуществляющие международное сотрудничество со странами Европы в различных сферах жизнедеятельности.

Причины глобализации социокультурного характера связаны с принимаемыми мера-

ми по объединению этических, идеологических, ценностных характеристик общественно-го сознания, фундаментом которых служат обобщенные социокультурные установки развитых стран, выступающих инициаторами процессов глобализации. В данной сфере большое внимание принадлежит средствам массовой информации, представителям западной культуры, а также праву.

Укрепление основ правового государства выступает в качестве одного из основных направлений государственной политики, а следовательно, требует комплексного изучения и разработки совокупности мер в различных сферах жизни общества.

Основные мероприятия в сфере укрепления основ правового государства, как правило, закреплены в программных и иных документах органов государственной власти (стратегии, концепции и др.).

На наш взгляд, в сфере формирования и укрепления правового государства особого внимания заслуживают «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» [3]. В п. 1 данного документа отмечается, что развитие правового государства и формирование основ гражданского общества неразрывно связаны с понятиями правовой культуры граждан, без существования которой невозможно реализовать основополагающие принципы российского государства.

Существует также Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденная 21.01.2020 Указом Президента Российской Федерации [7]. В данном документе акцентировано внимание на том, что основным направлением формирования правового государства на долгосрочный период выступает повышение качества жизни населения страны путем обеспечения высокого уровня жизнедеятельности.

Состояние основополагающих характеристик и принципов правового государства тесно связано с уровнем социально-экономического развития всего населения страны, а также с уровнем и качеством жизни отдельных граждан. На этом основании государством были приняты определенные меры, одной из которых является разработка Кон-

цепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г. [4]. Основными позициями, сформированными в данном правовом документе, выступают обеспечение стабильной демографической обстановки, совершенствование основ экономического развития, а также поддержание международных связей с другими государствами.

Немаловажным нормативным правовым актом в сфере совершенствования основ правового государства является Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» [6]. Данный документ определяет одну из основных целей государственной национальной политики – обеспечение прав и свобод человека и гражданина, а также принцип их равенства перед законом и судом вне зависимости от расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Проанализировав все вышесказанное, можно прийти к выводу о том, что укрепление основ правового государства должно содержать в себе несколько основных направлений, первое из которых связано с ускоренным экономическим развитием. На наш взгляд, в целях повышения эффективности укрепления экономического направления необходимо предпринять следующие меры: повысить конкурентоспособность национальной экономики и уровень защиты отечественных производителей; обеспечить более устойчивую государственную поддержку занятости; расширить меры государственной поддержки малого и среднего бизнеса. Наиболее острой проблемой на данный момент является расширение теневой сферы трудовых отношений. Ввиду отсутствия в нашем государстве эффективных средств по защите от безработицы, а также из-за водимых карантинном ограничений граждане все чаще соглашаются на временную занятость и неофициальную оплату труда. Неформальные трудовые отношения оказывают негативное влияние на экономическую сферу нашего государства, так как сокращают финансовые по-

ступления во внебюджетные фонды. Именно поэтому считаем необходимым совершенствование мер по борьбе с безработицей в Российской Федерации.

Следующее направление, способствующее укреплению основ правового государства, характеризуется обеспечением правопорядка и законности на территории страны. Качественные и количественные показатели нарушений законности зависят в первую очередь от того, насколько неукоснительно соблюдаются гражданами нормы законодательства, а также насколько эффективна работа правоохранительных органов и органов безопасности. Основным направлением в данной сфере является повышение престижности службы в различных ведомствах, а также привлечение в их состав самых профессионально подготовленных и компетентных сотрудников.

Развитие социально-экономической сферы, здравоохранения, образования и науки также являются важнейшими факторами обеспечения политики правового государства. Так, 31.07.2020 был принят Федеральный закон № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся» [9]. Распоряжением Правительства Российской Федерации № 3155-р утвержден план мероприятий по реализации Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 г. [5]. Данный документ содержит мероприятия по усовершенствованию инфраструктуры медицинских учреждений, подходов к оказанию медицинской помощи, снижению количества лиц, страдающих алкогольной или наркотической зависимостью. Кроме того, в условиях эпидемии коронавирусной инфекции появилась возможность упрощенной регистрации новых лекарственных препаратов, что позволит в значительной мере оптимизировать процесс допуска лекарств на рынок в условиях различных эпидемий.

Необходимо также отметить, что в условиях пандемии стало очевидно недостаточное количество медицинских учреждений и организаций в нашем государстве, а также компетентных врачей и медицинского персонала. В целях развития эффективности системы здравоохранения считаем целесообразным активизацию работы госу-

дарственных органов в данном направлении, посредством увеличения количества медицинских учреждений и повышения престижа профессии врача.

Отметим, что, на наш взгляд, важнейшими направлениями в социально-экономической сфере по укреплению основ правового государства являются повышение среднего размера пенсий и эффективности социальной поддержки отдельных групп населения, а также выравнивание уровня доходов граждан. В рассматриваемом направлении на данный момент приняты соответствующие меры. Так, с 01.01.2021 изменилась ставка налога на доходы физических лиц. Она составляет 15 % для лиц, уровень дохода которых свыше 5 млн руб. в год. Однако считаем необходимым совершенствовать работу в данном направлении и ввести прогрессивную шкалу налогообложения в зависимости от уровня дохода физических лиц.

Последним, но не менее важным направлением государственной политики по обеспечению политики правового государства является решение демографических проблем. Главная задача в данной сфере – уменьшение смертности населения и повышение рождаемости, что в первую очередь требует укрепления института семьи. Неслучайно Конституция Российской Федерации была дополнена новой ст. 67.1, в ч. 4 которой акцентировано внимание на том, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России [2].

Материальные гарантии поддержки семьи, материнства, отцовства и детства закреплены федеральным законодательством и касаются различных пособий и денежных выплат в зависимости от состава и материального положения семей. Одной из ключевых мер в данном направлении является увеличение суммы материнского капитала. С 01.01.2020 родителям выплачивается за первого ребенка 466 617 руб. и 616 617 руб. за второго и последующих детей, а саму программу продлят до 2026 г. [8].

В данном направлении применяются и иные меры. Так, В.В. Путин в ходе ежегодной пресс-конференции, которая состоялась 17.12.2020, поручил выплатить всем российским семьям с детьми в возрасте от 0 до 7 лет

включительно новую единовременную выплату в размере 5 000 рублей.

Вывод

Таким образом, основы правового государства на современном этапе развития законодательства подвергаются изменениям под влиянием процессов глобализации. В связи с этим в данном направлении необходимо осуществить ряд мероприятий по совершенствованию государственной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кикоть, В. Я. Теория государства и права : учебник / В. Я. Кикоть. – М. : Форум, 2019. – 117 с.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.02.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, 04.03.2020 № 1-ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
3. «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168) // Российская газета. – 2011. – № 151.
4. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с 12 «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. – 2008. – 24 нояб. (№ 47). – Ст. 5489.
5. Распоряжение Правительства РФ от 28.11.2020 № 3155-р «О Плане мероприятий по реализации Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.12.2020). – Загл. с экрана.
6. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 06.12.2018) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – 24 янв. (№ 52). – Ст. 7477.
7. Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безо-

пасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – 27 янв. (№ 4). – Ст. 345.

8. Федеральный закон от 01.03.2020 № 35-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам, связанным с распоряжением средствами материнского (семейного) капитала» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – 2 марта (№ 9). – Ст. 1127.

9. Федеральный закон от 31.07.2020 № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – 3 авг. (№ 31; ч. I). – Ст. 5063.

REFERENCES

1. Kikot V.Ia. *Teoriia gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, Forum Publ., 2019. 117 p.
2. Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii (priniata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabria 1993 g.) (s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami Rossiiskoi Federatsii o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ, 04.03.2020 № 1-FKZ, s izmeneniami, odobrennymi v khode obshcherossiiskogo golosovaniia 01.07.2020) [The Constitution of the Russian Federation (Adopted by Popular Vote on December 12, 1993) (Taking into Account the Amendments Made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 No. 6-FKZ, of 30.12.2008 No. 7-FKZ, of 05.02.2014 No. 2-FKZ, of 21.07.2014 No. 11-FKZ, 04.03.2020 No. 1-FKZ, with Amendments Approved During the all-Russian Vote on 01.07.2020)]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398.
3. «Osnovy gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v sfere razvitiia pravovoi gramotnosti i pravosoznaniia grazhdan» (utv. Prezidentom RF 28.04.2011 № Pr-1168) [“Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Development of Legal Literacy and Legal Awareness of Citizens” (Approved by the President of the Russian Federation on 28.04.2011 No. Pr-1168)]. *Rossiiskaia gazeta*, 2011, no. 151.
4. Rasporiashenie Pravitelstva RF ot 17.11.2008 № 1662-r (red. ot 28.09.2018) «O Kontseptsii dolgosrochnogo sotsialno-ekonomicheskogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda» (vmeste s 12 «Kontseptsiei dolgosrochnogo sotsialno-ekonomicheskogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda») [Decree of the Government of

the Russian Federation of 17.11.2008 No. 1662-r (ed. of 28.09.2018) “On the Concept of Long-term Socio-Economic Development of the Russian Federation for the Period up to 2020” (together with 12 “The Concept of Long-Term Socio-Economic Development of the Russian Federation for the Period up to 2030”). *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], no. 47, art. 5489.

5. *Rasporiazhenie Pravitelstva RF ot 28.11.2020 № 3155-r «O Plane meropriiatii po realizatsii Strategii razvitiia zdravookhraneniia v Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda»* [Order of the Government of the Russian Federation of 28.11.2020 No. 3155-r “On the Action Plan for the Implementation of the Strategy for the Development of Healthcare in the Russian Federation for the Period up to 2025”]. URL: <http://pravo.gov.ru>. (accessed 1 January 2020).

6. Ukaz Prezidenta RF ot 19.12.2012 № 1666 (red. ot 06.12.2018) «O Strategii gosudarstvennoi natsionalnoi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda» [Decree of the President of the Russian Federation of 19.12.2012 No. 1666 (ed. of 06.12.2018) “On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025”]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], no. 52, art. 7477. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

7. Ukaz Prezidenta RF ot 21.01.2020 № 20 «Ob utverzhdenii Doktriny prodovolstvennoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii» [Decree of the President of the Russian Federation of 21.01.2020 No. 20 “On the approval of the Doctrine of Food Security of the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], No. 4, art. 345.

8. Federalnyi zakon ot 01.03.2020 № 35-FZ «O vnesenii izmenenii v otdelnye zakonodatelnye akty Rossiiskoi Federatsii po voprosam, svyazannym s rasporiazheniem sredstvami materinskogo (semeinogo) kapitala» [Federal Law No. 35-FZ of 01.03.2020 “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Issues Related to the Disposal of Funds of the Parent (family) Capital”]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], No. 9, art. 1127.

9. Federalnyi zakon ot 31.07.2020 № 304-FZ «O vnesenii izmenenii v Federalnyi zakon “Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii” po voprosam vospitaniia obuchaiushchikhsia» [Federal Law No. 304-FZ of 31.07.2020 “On Amendments to the Federal Law ‘On Education in the Russian Federation’ on Issues of educating students”]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], No. 31 (pt. I), art. 5063.

Information About the Authors

Alexander V. Sarychev, Lecturer, Department of Tactical and Special Training, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, w0773@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-3191>

Ivan N. Arkhiptsev, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, ArhiptsevIN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2307-2712>

Irina Y. Lukyanova, Cadet, Faculty of Transport Security, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, atonement24@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7822-9660>

Информация об авторах

Александр Викторович Сарычев, преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, w0773@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-3191>

Иван Николаевич Архипцев, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, ArhiptsevIN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2307-2712>

Ирина Юрьевна Лукьянова, курсант факультета обеспечения безопасности на транспорте, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, atonement24@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7822-9660>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.14>

UDC 342. 519
LBC 67.400.11

Submitted: 29.04.2021
Accepted: 20.05.2021

THE PRINCIPLE OF LEGAL CERTAINTY AS A GUARANTEE OF EFFECTIVE IMPLEMENTATION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS OF CITIZENS

Svetlana N. Shabunevich

Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Introduction: based on the analysis of scientific approaches and the Belarusian constitutional legislation, the paper examines the problem of the legal regulation of human rights mechanisms of the constitutional rights and freedoms of citizens, identifies such reasons for the unconstitutionality of the regulation of these issues as uncertainty in the legal regulation of the guarantees of the constitutional rights and freedoms of citizens established by the legislation, inaccuracies and difficulties in the presentation of legal norms, the presence of conflicts, etc., which negatively affects the effectiveness of the implementation of legal interests of citizens. Some possible ways of improving the legal regulation of human rights mechanisms of citizens' rights and freedoms are proposed. The category of "legal certainty" is multi-faceted and therefore can manifest itself in all areas of the legal sphere. The universality of the principle of legal certainty is because it ensures the stability of the legal regulation of public relations both in the field of law-making and in the field of law enforcement practice. Ensuring the effectiveness of the legislative regulation of public relations, the principle of legal certainty serves as a criterion for the quality of norm control of the subjects of constitutional justice, is a measure of the assessment of constitutional procedural norms. In the sphere of legislative activity, the principle of legal certainty is the degree of its effectiveness. The qualitative implementation of the principle of legal certainty in the field of the legislative regulation of guarantees of citizens' rights and freedoms directly affects the quality of the law enforcement process. **Purpose:** to identify the problems of the legal regulation of human rights mechanisms of the constitutional rights and freedoms of citizens. **Methods:** the methodological framework for the study is a combination of general scientific and special research methods: dialectical, systematic, formal-legal, comparative law, sociological, analytical methods, etc. **Results:** the paper is devoted to identifying the causes of existing problems of the legal regulation of human rights mechanisms of the constitutional rights and freedoms of citizens and identifying possible ways to solve them. To effectively ensure the constitutional rights and freedoms of citizens, the stability of the legal regulation is important, which can be ensured by an accurate statement of the content of a legal norm that regulates the boundaries of proper and prohibited behavior of all subjects of legal relations designed to ensure the legitimate interests of citizens. The author believes that it is possible to improve the legal regulation of the human rights mechanisms of citizens' rights and freedoms by adopting special laws on the interpretation of articles of the Constitution that establish these guarantees. **Conclusions:** as a result of the conducted research, it is found that the national Belarusian legislation has formed an effective system for protecting the constitutional rights and freedoms of citizens, and the corresponding procedural mechanisms are fixed. At the same time, the presence of uncertainty in the legal regulation, the guarantees of the constitutional rights and freedoms of the individual established by law, and the inaccuracy of the legal norms directly regulating the sphere of the studied relations often indicate that the existing system of human rights mechanisms for the legitimate interests of citizens fully ensures their implementation and needs to be improved.

Key words: human rights mechanisms, the principle of legal certainty, restrictions on rights and freedoms, compensation for damages, official.

Citation. Shabunevich S.N. The Principle of Legal Certainty As a Guarantee of Effective Implementation of the Constitutional Rights and Freedoms of Citizens. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 88-93. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.14>

ПРИНЦИП ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ КАК ГАРАНТИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН

Светлана Николаевна Шабуневич

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь

Введение: в статье на основе анализа научных подходов и белорусского конституционного законодательства исследована проблема правовой регламентации правозащитных механизмов конституционных прав и свобод граждан, выявлены такие причины неконституционности регулирования данных вопросов, как неопределенности в правовой регламентации установленных законодательством гарантий конституционных прав и свобод граждан, неточности и сложности в изложении правовых норм, наличие коллизий и проч., что негативно отражается на эффективности реализации законных интересов граждан. Предложены возможные пути совершенствования правовой регламентации правозащитных механизмов прав и свобод граждан. Категория «правовая определенность» многогранна и поэтому может проявляться во всех областях правовой сферы. Универсальность принципа правовой определенности обусловлена тем, что он обеспечивает стабильность правового регулирования общественных отношений как в сфере правотворчества, так и в сфере правоприменительной практики. Обеспечивая эффективность законодательного регулирования общественных отношений, принцип правовой определенности служит критерием качества нормоконтроля субъектов конституционного правосудия, является мерилем оценки конституционных процессуальных норм. В сфере законотворческой деятельности принцип правовой определенности являет собой степень ее эффективности. Качественное воплощение принципа правовой определенности в сфере законодательной регламентации гарантий прав и свобод граждан напрямую влияет на качество правоприменительного процесса. **Цель:** выявить проблемы правового регулирования правозащитных механизмов конституционных прав и свобод граждан. **Методы:** методологическую основу данного исследования составила совокупность общенаучных и специальных методов исследования: диалектического, системного, формально-юридического, сравнительно-правового, социологического, аналитического методов и др. **Результаты:** данная статья посвящена выявлению причин существующих проблем правового регулирования правозащитных механизмов конституционных прав и свобод граждан и определению возможных путей их решения. В целях эффективного обеспечения конституционных прав и свобод граждан важна стабильность правового регулирования, что может быть обеспечено точным изложением содержания правовой нормы, ясно регламентирующей границы должного и запрещенного поведения всех субъектов правовых отношений, призванных обеспечивать законные интересы граждан. Совершенствование правовой регламентации правозащитных механизмов прав и свобод граждан становится возможным благодаря принятию специальных законов о толковании статей Конституции, устанавливающих указанные гарантии. **Выводы:** в итоге проведенного исследования установлено, что национальным белорусским законодательством сформирована действенная система защиты конституционных прав и свобод граждан, закреплены соответствующие процессуальные механизмы. При этом зачастую наличие неопределенности в правовой регламентации, установленных законодательством гарантий конституционных прав и свобод личности, неточности правовых норм, непосредственно регулирующих сферу исследуемых отношений, свидетельствуют о том, что сложившаяся система правозащитных механизмов законных интересов граждан в полной мере обеспечивает их реализацию и нуждается в своем совершенствовании.

Ключевые слова: правозащитные механизмы, принцип правовой определенности, ограничения прав и свобод, возмещение ущерба, должностное лицо.

Цитирование. Шабуневич С. Н. Принцип правовой определенности как гарантия эффективной реализации конституционных прав и свобод граждан // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 88–93. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.14>

Введение

На современном этапе развития конституционного белорусского законодательства система правозащитных механизмов прав и свобод граждан максимально направлена на соответствие таким важнейшим международно-правовым актам, как Европейская конвенция «О защите прав человека и основных свобод» от 04.11.1950, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года. Основные принципы и руководящие положения, касающиеся прав на юридическую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права 2005 г. и др. В развитие положений указанных актов Конституция Республики Беларусь в ч. 2 ст. 21 закрепила гарантии прав и свобод граждан Беларуси, предусмотренные международными обязательствами государства [4]. Таким образом, белорусское государство превентивно обязалось обеспечить всю систему прав и свобод личности, которые соответствуют принципам и нормам международного права. Однако присутствующие неопределенности в правовой регламентации установленных законодательством гарантий конституционных прав и свобод личности, неточности правовых норм, непосредственно регулирующих сферу исследуемых отношений, свидетельствуют о том, что сложившаяся система правозащитных механизмов законных интересов граждан не в полной мере обеспечивает их реализацию и нуждается в своем совершенствовании.

Проблемы правовой регламентации правозащитных механизмов в сфере обеспечения прав и свобод граждан

Анализ конституционной судебной практики по вопросам применения соответствующего законодательства при рассмотрении судами дел о защите конституционных прав и свобод граждан доказывает, что зачастую неконституционность правового регулирования данных вопросов обусловлена неточностью и неясностью изложения сущности нормы права. Следствием подобного рода правовых де-

фектов является невыполнение гарантий государственной (в том числе судебной) защиты прав и свобод граждан, а также нарушение принципов равенства и верховенства закона. Г.А. Василевич отмечает: «Серьезные проблемы для граждан возникают в связи с пробелами в законодательстве, несвоевременным приведением нормативных актов и практикой их применения в соответствие с Конституцией и актами, обладающими по отношению к ним более высокой юридической силой» [1, с. 57].

Стоит также обратить внимание на то, что конституционным законодательством предусматриваются случаи ограничения законных интересов граждан. Именно в такой ситуации неопределенность правовых регламентаций прав и свобод граждан может привести к их незаконному ограничению. Подобные ограничения присутствуют и в ряде международных актов, однако здесь они четко регламентированы. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека основанием ограничений законных интересов граждан могут служить: необходимость обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других граждан, удовлетворение справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе [2]. В развитие указанного положения ст. 23 Конституции Республики Беларусь установлены следующие основания ограничения прав и свобод личности: случаи, предусмотренные законом, интересы национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц [4]. Полагаем, что национальное законодательство обязано идти по пути конкретизации установленных международными актами гарантий прав и свобод граждан, максимально учитывая принцип правовой определенности при их законодательном закреплении.

Влияние неопределенности правовых норм на судебную и правоприменительную практику в сфере реализации законных интересов граждан

Неопределенность правовых норм в исследуемой сфере оказывает негативное влияние и на правоприменительную судебную

практику, поскольку влечет возможность правового маневрирования правоприменителя. В связи с отмеченным важную роль в обеспечении законных интересов граждан играет принцип правовой определенности, который одновременно выступает критерием оценки качества норм права и нормативных правовых актов. Напрямую это относится и к четкому и недвусмысленному законодательному закреплению указаний на конкретные субъекты властных структур, действиями которых могут быть нарушены права и свободы граждан. Полагаем, что учет такого юридического условия, как принцип правовой определенности, напрямую повлияет на реализацию и защиту конституционных прав личности.

За последнее десятилетие процесс модернизации белорусского законодательства, закрепляющего правовые механизмы защиты прав и свобод граждан, отражает факт последовательной имплементации норм и принципов международного права в национальную правовую систему. Свидетельством тому служит закрепление в белорусской Конституции положений об обязательствах государства в сфере основных прав и свобод личности, а также гарантий их реализации. По мнению конституционалистов, такие права и свободы обладают абсолютным и универсальным характером. При этом в правовом регулировании правозащитных механизмов законных интересов граждан имеются определенные недостатки.

Анализ законодательства Беларуси в исследуемой сфере свидетельствует о том, что нередко в отраслевом законодательстве вопросы защиты законных интересов граждан от неправомερных действий властных субъектов регламентированы по-разному. В соответствии с национальным гражданским законодательством в случае причинения гражданину незаконными действиями государственных органов или должностных лиц этих органов, органов местного управления и самоуправления либо должностных лиц этих органов убытков (вреда), источником их возмещения могут быть государство, казна государства или казна административно-территориальной единицы [3]. При этом отсутствует четкая и ясная регламентация порядка возмещения причиненных убытков. В подобных случаях име-

ется общая отсылка к действующему законодательству (п. 2.8 ст. 9 Закона Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» [5]) и др. Известные проблемы при реализации законных интересов граждан возникают в связи с наличием пробелов, несоответствием нормативных правовых актов и несвоевременным приведением практики применения нормативных правовых актов Конституции, а также актам, которые имеют более высокую юридическую силу. Определенные трудности в обеспечении защитных механизмов прав и свобод граждан обусловлены тем, что в отдельных случаях нормы Конституции противоречат действующей реальности. До настоящего времени не выработаны общепризнанные подходы толкования и непосредственного применения норм Конституции. Полагаем, что подобные правовые конструкции лишь препятствуют эффективной реализации правозащитных механизмов законных интересов граждан. Кроме того, указанные проблемы оказывают негативное влияние на судебную правоприменительную практику.

Конституционный суд Республики Беларусь неоднократно высказывался о необходимости решения проблем, касающихся неточности и противоречивости в регулировании исследуемых отношений. Такой подход в правовом регулировании ослабляет гарантии конституционных прав и свобод и потому недопустим. В данном случае для четкого и недвусмысленного толкования правовой нормы необходимо единообразие ее понимания.

Выводы

Таким образом, существенным препятствием в эффективной реализации прав и свобод граждан, гарантированных нормами Конституции Республики Беларусь и установленных важнейшими международно-правовыми актами, являются сложность и неопределенность правовых предписаний, наличие коллизионных норм и проч. Важность реализации принципа правовой определенности при регламентации правозащитных механизмов законных интересов граждан заключается в том, что он обеспечивает системность и комплекс-

ность правового регулирования исследуемых общественных отношений. Благодаря реализации принципа правовой определенности достигается точность и непротиворечивость правовых норм, их логическая согласованность, ведение четких правил законодательной техники. Только такой подход в правовой регламентации гарантий прав и свобод граждан обеспечит единообразие правоприменительной практики. Совершенствование правовой регламентации правозащитных механизмов прав и свобод граждан становится возможным благодаря принятию специальных законов о толковании статей Конституции, устанавливающих гарантии защиты прав и свобод граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Василевич, Г. А. Конституционно-правовая ответственность в Республике Беларусь / Г. А. Василевич // Выбранные научные работы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, 1921–2001. У 7 т. Т. 3. Юрыспрудэнцыя. Эканоміка. Міжнародныя адносіны / рэдкал.: В. М. Гадуноў (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2001. – С. 54–66.
2. Всеобщая декларация прав человека, принятая резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г. // Права человека : международ.-правовые документы / сост. В. В. Щербов. – Минск, 1999. – С. 761–772.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
4. Конституция Республики Беларусь : 15 марта 1994 г. : с изм. и доп., принятыми на референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
5. О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции : Закон Респ. Беларусь, 12 дек. 2013 г., № 94-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

REFERENCES

1. Vasilevich G.A. Konstitucionno-pravovaya otvetstvennost' v Respublike Belarus' [Constitutional and Legal Responsibility in the Republic of Belarus]. Gadunoy V.M. et al., eds. *Vybrannyya navukovyya pracy Belaruskaga dzyarzhavnaga universiteta, 1921-2001. U 7 t. T. 3. Jurysprudentsyya. Ekanomika. Mizhnarodnyya adnosiny* [Selected Scientific Works of Belarusian State University, 1921-2001. In 7 vols. Vol. 3. Jurisprudence. Economy. Foreign Affairs]. Minsk, 2001, pp. 54-66.
2. Shcherbov V.V. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka, prinyataya rezolyuciej 217 A (III) General'noj Assamblei OON ot 10 dek. 1948 g. [The Universal Declaration of Human Rights, Adopted by the UN General Assembly Resolution 217 A(III) of 10 Dec. 1948]. *Prava cheloveka: mezhdunar.-pravovye dokumenty* [Human Rights: International Legal Documents]. Minsk, 1999, pp. 761-772.
3. Grazhdanskij kodeks Respubliki Belarus' ot 7 dek. 1998 g., 218-Z: prinyat Palatoj predstavitelej 28 okt. 1998 g.: odobr. Sovetom Resp. 19 noyab. 1998 g.: v red. Zakona Resp. Belarus' ot 09.01.2017 g. [Civil Code of the Republic of Belarus: 7 Dec. 1998, No. 218-Z: Adopted by the House of Representatives on October 28, 1998: Approved by the Council of Rep. November 19, 1998: ed. The Law of Rep. Belarus from 09.01.2017]. *ETALON. Zakonodatel'stvo Respubliki Belarus', Nac. centr pravovoj inform. Resp. Belarus'*. [ETALON. Legislation of the Republic of Belarus, National Center for Legal Information. Republic of Belarus]. Minsk, 2021.
4. Konstituciya Respubliki Belarus': 15 marta 1994 g.: s izm. i dop., prinyatymi na resp. referendumah 24 noyab. 1996 g. i 17 okt. 2004 g. [The Constitution of the Republic of Belarus: March 15, 1994: With Amendments and Additions Adopted at the Rep. Referendums of November 24, 1996 and October 17, 2004]. *ETALON. Zakonodatel'stvo Respubliki Belarus', Nac. centr pravovoj inform. Resp. Belarus'*. [ETALON. Legislation of the Republic of Belarus, National Center for Legal Information. Republic of Belarus]. Minsk, 2021.
5. O protivodejstvii monopolisticheskoy deyatel'nosti i razvitii konkurencii: Zakon Resp. Belarus', 12 dek. 2013 g., 94-Z [On Countering Monopolistic Activity and Developing Competition: Law of the Republic of Belarus. Belarus, 12 Dec. 2013, No. 94-Z]. *ETALON. Zakonodatel'stvo Respubliki Belarus', Nac. centr pravovoj inform. Resp. Belarus'*. [ETALON. Legislation of the Republic of Belarus, National Center for Legal Information. Republic of Belarus]. Minsk, 2021.

Information About the Author

Svetlana N. Shabunovich, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Moskovskaya St, 17, 220007 Minsk, Belarus, snshabunovich@yandex.ru, post@pac.by, <https://orcid.org/0000-0001-8215-9442>

Информация об авторе

Светлана Николаевна Шабуневич, кандидат юридических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, доцент, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, ул. Московская, 17, 220007 г. Минск, Беларусь, snshabunovich@yandex.ru, post@pac.by, <https://orcid.org/0000-0001-8215-9442>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.15>

UDC 340.113.2:342.553
LBC 67.400.7

Submitted: 11.05.2021
Accepted: 14.06.2021

THE STANDARD CHARTER OF A MUNICIPALITY AS A MEANS OF LEGAL TECHNIQUE

Irina A. Kareva

Volgograd Conservatory (Institute) named after P.A. Serebryakov, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the constitutional changes open a new round of scientific discussion about the place of municipal power in the system of separation of powers. Municipalities are experiencing a shortage of resources. Despite this, they are responsible for the development and adoption of statutes. The work is based on the hypothesis that the use of standard charters allows for more efficient use of the resources of municipalities and the improvement of the quality of the legal text. **Purpose:** to determine the possibility and necessity of using standard charters of municipalities. **Tasks:** to establish a link between the resources of a municipality and the effectiveness of its law-making; to analyze the examples of standard charters of municipalities; to predict the effect of the application of standard charters; to develop a roadmap for the implementation of standard charters. **Methods:** analysis, comparative law, predictive, statistical. **Results:** law-making is very burdensome for small municipalities, and the existing easing is insufficient. In foreign legislation, Russian and foreign practice, standard charters are used to save the resources of municipalities. The mechanism of standard charters has signs of smart regulation. There are two types of standard documents: template documents and model documents (actually standard documents). **Conclusions:** a comparison of the resources of the municipality with the scope of its rights and obligations revealed an imbalance in the legal regulation of municipal law-making. The model charters of municipalities allow us to solve this problem to some extent. We have proposed concrete steps for the legislative implementation of the legal mechanism of model charters in the digital economy. The analysis of the results of this project may confirm or refute the nature of the model statutes as a manifestation of smart regulation. In the course of the research, the author concluded that the topic of standard documents is not sufficiently studied in the science of legal technology. To eliminate this gap, it is necessary to define the concept and features of standard documents, their place among the tools of legal technology. The study of model documents is particularly important in the light of the upcoming spread of machine-readable law.

Key words: charter of a municipality, standard document, draft legal act, document templates, legal technique, municipal law-making, smart regulation.

Citation. Kareva I.A. The Standard Charter of a Municipality As a Means of Legal Technique. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 94-99. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.15>

УДК 340.113.2:342.553
ББК 67.400.7

Дата поступления статьи: 11.05.2021
Дата принятия статьи: 14.06.2021

ТИПОВОЙ УСТАВ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК СРЕДСТВО ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

Ирина Александровна Карева

Волгоградская консерватория (институт) им. П.А. Серебрякова, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: конституционные изменения открывают новый раунд научной дискуссии о месте муниципальной власти в системе разделения властей. Муниципальные образования испытывают дефицит ресурсов. Несмотря на это, на них возлагается обязанность по разработке и принятию уставов. В основе работы лежит гипотеза о том, что применение типовых уставов позволяет эффективнее использовать ресурсы муниципальных образований и повысить качество правового текста. **Цель:** определить возможность и необходимость использования типовых уставов муниципальных образований. **Задачи:** установить

связь между ресурсами муниципального образования и эффективностью его правотворчества; проанализировать примеры типовых уставов муниципальных образований; спрогнозировать эффект от применения типовых уставов; разработать дорожную карту внедрения типовых уставов. **Методы:** анализ, сравнительно-правовой, прогностический, статистический. **Результаты:** правотворчество очень обременительно для небольших муниципальных образований, а существующие послабления недостаточны. В зарубежном законодательстве, российской и зарубежной практике для экономии ресурсов муниципальных образований используют типовые уставы. Механизм типовых уставов имеет признаки «умного регулирования». Существует два вида типовых документов: шаблонные и модельные (собственно типовые). **Выводы:** сопоставление ресурсов муниципального образования с объемом его прав и обязанностей выявило несбалансированность правового регулирования в части муниципального правотворчества. Типовые уставы муниципальных образований позволяют в некоторой степени решить эту проблему. Мы предложили конкретные шаги по законодательной реализации правового механизма типовых уставов в рамках цифровой экономики. Анализ результатов этого проекта может подтвердить или опровергнуть характер типовых уставов как проявление «умного регулирования». В процессе исследования мы пришли к выводу о том, что в науке юридической техники недостаточно изучена тема типовых документов. Для устранения этого пробела необходимо определить понятие и признаки типовых документов, их место среди инструментов юридической техники. Исследование типовых документов представляется особенно важным в свете грядущего распространения машиночитаемого права.

Ключевые слова: устав муниципального образования, типовой документ, проект правового акта, шаблоны документов, юридическая техника, муниципальное правотворчество, умное регулирование.

Цитирование. Карева И. А. Типовой устав муниципального образования как средство юридической техники // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 94–99. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.15>

Введение

Среди изменений, которые были внесены в 2020 г. в Конституцию Российской Федерации, есть и те, что затрагивают нормы о местном самоуправлении. Так, ст. 132 была дополнена ч. 3, в которой говорится о том, что органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории.

В науке высказываются различные мнения относительно правовых и политических последствий принятых поправок: от восприятия их как неизбежного этапа на пути совершенствования правовой системы Российского государства и окончательного определения места муниципальной власти [2, с. 32] до опасений относительно снижения роли местного самоуправления [7, с. 81]. Оценка принятых изменений выходит за рамки настоящей статьи. С уверенностью можно заявить лишь о том, что для реализации положений обновленной конституции будут внесены поправки и в ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (далее – закон о МСУ).

В ожидании предстоящей муниципальной реформы мы, пользуясь таким случаем, предлагаем законодательно закрепить существующую практику использования типовых уставов муниципальных образований (далее – МО). Это позволит не только укрепить единство системы публичной власти, но и решить ряд других насущных проблем, которые стоят перед муниципальной властью. Более того, в статье мы покажем, что использование типового устава как особого вида юридической конструкции позволит создать задел для ответа на те вопросы, которые встанут перед юридической наукой в ближайшем будущем.

Ресурсоемкость муниципального правотворчества

Поселения являются самым распространенным видом МО. Средняя численность населения в поселениях Волгоградской области составляет 1 141 человек. При этом их бюджеты крайне ограничены, собственных доходов зачастую не хватает на содержание органов местного самоуправления. Даже федеральный законодатель при лучшем финансировании и кадровом обеспечении не может гарантировать стабильно высокое качество законов.

Одним из способов «сглаживания» неравенства муниципалитетов является прямая зависимость объема прав и обязанностей от финансов [8, с. 20]. У крупных и более обеспеченных МО шире круг полномочий, сложная система органов и больше муниципальных правовых актов. У поселений небольшой перечень вопросов местного значения, причем у сельских меньше, чем у городских. В некоторых случаях они могут создавать упрощенную систему органов: с совмещением должностей главы МО, главы администрации и председателя представительного органа; без администрации и представительного органа. На них не распространяются требования о проведении экспертизы и оценки регулирующего воздействия муниципальных правовых актов.

Последнее наиболее интересно для нашего исследования, поскольку таким образом законодатель уменьшил объем обязанностей в сфере муниципального правотворчества. Однако изъятие представляется недостаточным в свете принципа пропорциональности прав и обязанностей субъекта права имеющимся в его распоряжении ресурсам. Речь идет об уставе, который каждое МО вне зависимости от количества жителей и размера бюджета обязано разработать, принять и поддерживать в актуальном состоянии. Требования, предъявляемые к уставам, не дифференцируются в зависимости от вида МО. Это, например, затрудняет реализацию структуры органов местного самоуправления в поселениях без представительного органа. В этом случае устав должен быть принят населением на сходе. Но отсутствие представительного органа означает и отсутствие аппарата, который мог бы подготовить проект устава. Получается, что такой учредительный документ жители должны подготовить самостоятельно. О нежизнеспособности подобной модели говорит и тот факт, что в Волгоградской области, например, нет ни одного поселения, где функции представительного органа осуществляет сход граждан, хотя право на это имеют семь муниципалитетов. Вместо этого проводится политика укрупнения сельских поселений либо объединения их в городской округ.

Часто меняется и само законодательство, появляются новые требования к уставу.

МО должны осуществлять постоянный мониторинг подобных изменений и периодически вносить «технические» изменения.

Наконец, сам устав и изменения в нем подлежат государственной регистрации в Минюсте. Обнаруженные на этапе регистрации ошибки могут стать основанием для отказа в регистрации. Это также требует дополнительных действий со стороны уполномоченных органов МО.

Российский и зарубежный опыт использования типовых уставов

Поскольку вопрос несоответствия ресурсов МО и возложенных на него обязанностей в сфере муниципального правотворчества не был снят законодателем, его решение осуществляется на уровне юридической практики.

Здесь находит подтверждение наша гипотеза о востребованности типовых уставов МО – в ряде регионов есть опыт создания таких документов на надмуниципальном уровне следующими субъектами: 1) территориальными органами Минюста; 2) органами исполнительной власти субъектов РФ; 3) советами МО субъектов РФ; 4) научным сообществом.

Об этом свидетельствует и международный опыт.

Типовые уставы МО утверждены в Киргизии на государственном уровне [4], на Украине их разрабатывает и публикует при поддержке государства некоммерческая организация [5, с. 9–26].

Некоммерческие организации США также участвуют в разработке модельных уставов [11, р. 35–36]. Описания готовых организационных моделей муниципалитетов закреплены в законах. Но поскольку местное самоуправление является правом, а не обязанностью населения, то в городах без уставов местные органы создаются и функционируют в соответствии с законом штата [10, р. 2], то есть по установленной модели.

Законодательство Белоруссии вообще не предусматривает наличие муниципального устава – все положения императивным образом определены в законе [3], что похоже на подход США.

Типовые уставы как средство юридической техники применяются в администра-

тивном и гражданском праве России. Общества с ограниченной ответственностью могут вести деятельность на основании типовых уставов.

Таким образом, использование типовых уставов МО обосновано с точки зрения международного опыта, по аналогии с другими отраслями российского права и практикой муниципального права.

Для типовых уставов характерны проявления таких признаков «умного регулирования», как осуществление воздействия на разных уровнях, привлечение суррогатных регуляторов, поиск наиболее оптимальной формы, направленность на экономию средств [9, р. 1296–1297].

Проблемы законодательного закрепления типовых уставов МО

В федеральном законодательстве требования к уставам МО закреплены настолько подробно, что большинство из них копируют соответствующие нормы закона и различаются только по названиям [6, с. 3, 16–17]. Реализация конституционных поправок оставит, на наш взгляд, еще меньше простора для муниципального правотворчества. Это можно и нужно использовать для того, чтобы перенаправить ресурсы с выполнения формальных обязанностей на решение насущных вопросов местного значения.

Анализ приведенных примеров позволяет сделать вывод о том, что есть две формы существования данного правового явления.

Во-первых, это шаблонные уставы, то есть примеры, образцы, на основании которых МО должны самостоятельно принять текст собственного устава, максимально приближенный к шаблону.

Во-вторых, собственно типовые или модельные уставы, положения которого определены в виде законченного юридического текста и могут быть приняты только в целом.

Представляется, что необходимо стремиться к использованию второй формы, поскольку она минимизирует количество действий по принятию устава для МО. Но это требует более тщательной проработки самой концепции. Так, обязанность осуществления

правотворческой деятельности делегируется на федеральный уровень.

В самом общем виде стратегия реализации инициативы состоит из следующих шагов:

1. Дополнить ст. 44 закона о МСУ нормой о том, что МО *может* принимать устав в форме типового устава, утвержденного уполномоченным органом.

2. Сформулировать конкретные варианты структуры и порядка формирования органов местного самоуправления, исходя из возможных в соответствии с законом.

3. Изменить государственный реестр уставов МО таким образом, чтобы он в явном виде отражал сведения, подлежащие определению уставом, но которые не могут быть включены в текст типового устава (наименование муниципалитета, количество депутатов и др.).

4. Предусмотреть необходимость существования типовых уставов в машиночитаемой форме. Это необходимое условие «умного регулирования» [1, с. 158–159] позволит создавать, обрабатывать и просматривать документы как в текстовом виде для восприятия человеком, так и в виде, распознаваемом компьютерными программами.

5. Определить орган, ответственный за утверждение типовых уставов – Минюст. Разработка типовых уставов должна происходить при участии представителей науки и практических работников.

В случае, если опыт использования типовых уставов будет признан успешным, можно распространить его и на некоторые другие муниципальные правовые акты: а) к которым предъявляются повышенные формальные требования; б) которые требуют периодического принятия либо частого внесения изменений и дополнений (о внесении изменений и дополнений в устав, о бюджете, о налогах и сборах).

Выводы

Возможность законодательного закрепления типовых уставов МО в Российской Федерации представляется вполне обоснованной как с научной, так и с практической точки зрения.

Учитывая комплексный характер муниципального права, реализация настоящей иници-

циативы будет способствовать достижению нескольких целей в различных сферах общественной жизни. С конституционно-правовой точки зрения это поможет интеграции местного самоуправления в систему единой публичной власти. С экономической – такая реформа должна увеличить эффективность использования ограниченных ресурсов МО. Повысится качество муниципальных правовых актов с точки зрения юридической техники. Наконец, эксперимент с созданием правовых актов в машиночитаемой форме полностью вписывается в рамки национального проекта «Цифровая экономика». Типизация права, то есть стандартизация его формы в той мере, которая позволяет стать объектом обработки с помощью технических средств, не теряя при этом свойства регулятора общественных отношений, открывает путь к действительно «умному регулированию».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковалева, Н. Н. Машиночитаемое право как механизм умного регулирования в области связи / Н. Н. Ковалева // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 3. – С. 158–159.
2. Мухлынина, М. М. Система публичной власти и вопросы местного самоуправления в свете поправки 2020 года к Конституции Российской Федерации / М. М. Мухлынина // Государственная служба и кадры. – 2020. – № 2. – С. 30–33. – DOI: 10.24411/2312-0444-2020-10055.
3. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь : Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 108-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h11000108> (дата обращения: 22.04.2021). – Загл. с экрана.
4. Об утверждении Типового устава местного сообщества (айылного аймака) : Приказ Государственного агентства по делам местного самоуправления и межэтнических отношений при правительстве Киргизской Республики от 28 мая 2020 г. № 01-18/48 // Институт политики развития. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://dpi.kg/upload/file/Prikaz_GAMSUMO_N01-18-48_ot_28052020_Ob_utverjdenii_Tipovogo_ustava_mestnyh_soobshestv_RUS.pdf (дата обращения: 22.04.2021). – Загл. с экрана.
5. Типовий статут територіальної громади / В. Козіна [та ін.]; Асоціація міст України. – 3-є вид. –

Київ, 2020. – 68 с. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://auc.org.ua/sites/default/files/library/modul_1.pdf (дата обращения: 22.04.2021). – Загл. с экрана.

6. Чермит, А. Ю. Устав муниципального образования в системе нормативно-правового регулирования местного самоуправления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Чермит Асиет Юрьевна ; Краснодарский ун-т МВД России. – Владикавказ, 2011. – 22 с.
7. Чихладзе, Л. Т. Местное самоуправление в правовых позициях Конституционного Суда РФ и его судей в контексте конституционной реформы-2020 / Л. Т. Чихладзе, О. В. Болдырев // Антиномии. – 2020. – Т. 20. – № 3. – С. 71–87. – DOI: 10.24411/2686-7206-2020-10304.
8. Шугрина, Е. С. Особенности правового статуса разных видов муниципальных образований / Е. С. Шугрина // Lex Russica. – 2017. – № 2 (123). – DOI: 10.17803/1729-5920.2017.123.2.017-025.
9. Davydova, M. L. Smart Technologies in Lawmaking: Towards the Concept of Smart Regulation / M. L. Davydova, V. O. Makarov // Lecture Notes in Networks and System. – Vol. 155. – P. 1296–1305. – DOI: 10.1007/978-3-030-59126-7_142.
10. Deslatte, A. Municipal Charters / A. Deslatte // Encyclopedia of Public Administration and Public Policy / ed. by A. Domonic [et al.]. – [S. l.] : Taylor & Francis Group, 2015. – 4196 p.
11. Svava, J. Revising the Model City Charter: The Case for Change / J. Svava // National Civic Review. – 2020. – Vol. 109, № 3. – P. 35–45. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/10.32543/naticivirevi.109.3.0035> (date of access: 22.04.2021). – Title from screen.

REFERENCES

1. Kovaleva N.N. Mashinochitayemoye pravo kak mekhanizm umnogo regulirovaniya v oblasti svyazi [Machine-Readable Law As a Mechanism of Smart Regulation in the Field of Communication]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [Legal Policy and Legal Life], 2019, no. 3, pp. 158-159.
2. Muhlynina M.M. Sistema publichnoy vlasti i voprosy mestnogo samoupravleniya v svete popravki 2020 goda k Konstitucii Rossijskoj Federacii [The System of Public Power and Issues of Local Self-Government in the Light of the 2020 Amendment to the Constitution of the Russian Federation]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry* [Civil Service and Personnel], 2020, no. 2, pp. 30-33. DOI: 10.24411/2312-0444-2020-10055.
3. Zakon Respubliki Belarus' ot 4 yanvarya 2010 g. No. 108-Z "O mestnom upravlenii i samoupravlenii v

Respublike Belarus” [Law No. 108-Z on Local Government in the Republic Dated Belarus of January 4, 2010]. *Nacional’nyj pravovoj Internet-portal Respubliki Belarus’* [National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h11000108> (accessed 22 April 2021).

4. Prikaz Gosudarstvennogo agentstva po delam mestnogo samoupravleniya i mezhe’tnicheskikh otnoshenij pri pravitel’stve Kirgizskoj Respubliki ot 28 maya 2020 g. No. 01-18/48 “Ob utverzhdenii Tipovogo ustava mestnogo soobshhestva (ajylnogo ajmaka)” [Order of the State Agency for Local Self-Government and Inter-Ethnic Relations Under the Government of the Kyrgyz Republic No. 01-18/48 on Approval of the Model Charter of the Local Community (ayil aimak) Dated May 28, 2020]. *Institut politiki razvitiya* [Development Policy Institute]. URL: http://dpi.kg/upload/file/Prikaz_GAMSUMO_N01-18-48_ot_28052020_Ob_utverjdenii_Tipovogo_ustava_mestnyh_soobshestv_RUS.pdf (accessed 22 April 2021).

5. Chermit A. Yu. *Ustav municipal’nogo obrazovaniya v sisteme normativno-pravovogo regulirovaniya mestnogo samoupravleniya: dis. ... kand. jurid. nauk.* [A Municipality Charter in the System of Local Self-Government Legal Regulation. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Vladikavkaz, 2015. 22 p.

6. Chikhladze L.T., Boldyrev O.Yu. *Mestnoe samoupravlenie v pravovykh pozitsiyakh*

Konstitucionnogo Suda RF i ego sudey v kontekste konstitucionnoy reformy-2020 [Local Self-Government in Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and its Judges in the Context of Constitutional reform 2020]. *Antinomii* [Antinomies], 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 71-87. DOI: 10.24411/2686-7206-2020-10304.

7. Shugrina E.S. *Osobennosti pravovogo statusa raznykh vidov municipal’nykh obrazovaniy* [Peculiarities of the Legal Status of Different Types of Municipalities]. *Lex Russica*, 2017, no. 2 (123), pp. 17-25. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.123.2.017-025.

8. *Typovyj statut terytorial’noi’ hromady* [A Model Charter of a Territorial Community]. Kyiv, 2020. 68 p. URL: http://auc.org.ua/sites/default/files/library/modul_1.pdf (accessed 22 April 2021).

9. Davydova M.L., Makarov V.O. *Smart Technologies in Lawmaking: Towards the Concept of Smart Regulation. Lecture Notes in Networks and Systems*, vol. 155, pp. 1296-1305. DOI: 10.1007/978-3-030-59126-7_142.

10. Deslatte A. *Municipal Charters. Encyclopedia of Public Administration and Public Policy*. Taylor & Francis Group, 2015. DOI: 10.1081/E-EPAP3-120053329.

11. Svava J. *Revising the Model City Charter: The Case for Change. National Civic Review*, 2020, vol. 109, no. 3, pp. 35-45. URL: <https://www.jstor.org/stable/10.32543/naticivirevi.109.3.0035> (accessed 22 April 2021).

Information About the Author

Irina A. Kareva, First Vice-Rector, Volgograd Conservatory (Institute) named after P.A. Serebryakov, Mira St, 5a, 400066 Volgograd, Russian Federation, kareva19@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0558-9833>

Информация об авторе

Ирина Александровна Карева, первый проректор, Волгоградская консерватория (институт) им. П.А. Серебрякова, ул. Мира, 5а, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, kareva19@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0558-9833>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.16>

UDC 354
LBC 66.4(2Рос)

Submitted: 05.04.2021
Accepted: 10.05.2021

INTERNATIONAL COOPERATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN HEALTH CARE AMID THE PANDEMIC

Natalia I. Platonova

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Valeria M. Vargina

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Introduction: the current epidemiological situation in the world, characterized as a pandemic since March 11, 2020, has proved the importance of developing national health systems, and also emphasized the need to develop the channels of international cooperation in health care for joint operational measures to combat the spread of the virus. In this regard, the **purpose** of the study was to determine the prospects for the development of this area and the opportunities for improving the existing systems. **Methods:** the general scientific methods were used in the research process: logical, system-structural, complex, and functional, as well as the specific scientific methods in the form of the method of concrete-sociological research, the method of modeling, and the formal-legal method. **Results:** the paper considers the basics of the implementation of international cooperation of the Russian Federation in healthcare amid the pandemic: the differentiation of international cooperation formats is carried out, the legal bases of cooperation are analyzed, and the organization of interaction with the World Health Organization is studied. Justified in the work the trajectories of the development of international cooperation in healthcare are predicted. **Conclusions:** as a result of the study, it is established that the post-coronavirus era will be characterized by new priorities for cooperation. On the basis of the conducted research, a proposal was made to amend the Federal Law “On the Basics of Public Health Protection in the Russian Federation”, as well as the main recommendations for further implementation of international cooperation in healthcare.

Key words: international cooperation of the Russian Federation, public health, health care system, the coronavirus pandemic, the World Health Organization.

Citation. Platonova N.I., Vargina V.M. International Cooperation of the Russian Federation in Health Care amid the Pandemic. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 100-107. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.16>

УДК 354
ББК 66.4(2Рос)

Дата поступления статьи: 05.04.2021
Дата принятия статьи: 10.05.2021

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Наталья Игоревна Платонова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
при Министерстве иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Валерия Михайловна Варгина

Московский государственный институт международных отношений (университет)
при Министерстве иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Введение: современная эпидемиологическая обстановка в мире, характеризующаяся с 11 марта 2020 г. как пандемия, доказала важность развития национальных систем здравоохранения, а также подчеркнула необходимость развития каналов международного взаимодействия в сфере здравоохранения в рамках

принятия совместных оперативных мер для борьбы с распространением вируса. В связи с этим **целью** исследования стало определение перспективы развития данного направления и возможности для совершенствования существующих систем. **Методы:** в процессе исследования были использованы общенаучные (логический, системно-структурный, комплексный и функциональный) и частнонаучные (метод конкретно-социологических исследований, моделирования, формально-юридический) методы. **Результаты:** в статье рассмотрены основы реализации международного сотрудничества Российской Федерации в сфере здравоохранения в условиях пандемии: проведена дифференциация форматов международного сотрудничества, проанализированы правовые основы сотрудничества, изучена организация взаимодействия с Всемирной организацией здравоохранения. Спрогнозированы охарактеризованные в работе траектории развития международного сотрудничества в сфере здравоохранения. **Выводы:** в результате исследования установлено, что для посткоронавирусной эпохи будут характерны новые приоритеты сотрудничества. На основе проведенного исследования высказано предложение внести изменения в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», а также представлены основные рекомендации дальнейшей реализации международного сотрудничества в сфере здравоохранения.

Ключевые слова: международное сотрудничество Российской Федерации, здравоохранение, система здравоохранения, пандемия коронавируса, Всемирная организация здравоохранения.

Цитирование. Платонова Н. И., Варгина В. М. Международное сотрудничество Российской Федерации в сфере здравоохранения в условиях пандемии // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 100–107. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.16>

Введение

11 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения (далее – ВОЗ) впервые охарактеризовала сложившуюся ситуацию как пандемию. Современная эпидемиологическая обстановка в мире в очередной раз доказала важность развития национальных систем здравоохранения, а также подчеркнула необходимость развития каналов международного взаимодействия в сфере здравоохранения в рамках принятия совместных оперативных мер для борьбы с распространением вируса.

Анализируя совокупность национальных, региональных и международных норм и принципов, которая лежит в основе реализации международного сотрудничества в сфере здравоохранения, стоит отметить 17 Целей устойчивого развития, среди которых третья – «Хорошее здоровье и благополучие» [10], а также Устав профильной международной организации ВОЗ, где основная цель деятельности в сфере здравоохранения – достижение всеми народами возможного высшего уровня здоровья [3].

Безусловно, здоровье населения также напрямую зависит от степени развитости системы здравоохранения в конкретной стране, так как материальные и нематериальные ресурсы распределены неравномерно. В Указе Президента Российской Федерации от 2020 г. среди национальных целей развития страны до

2030 г. первой упомянута цель сохранения «населения, здоровья и благополучия людей» [15].

Формы международного взаимодействия в сфере здравоохранения в условиях пандемии

На современном этапе для международного сотрудничества в сфере здравоохранения характерно то, что созданные ранее форматы претерпевают изменения. Вопросы глобального, регионального и национального здравоохранения постепенно проникают в смежные отрасли. Обеспечение здоровья и благополучия человечества, представляя собой основу дальнейшего прогресса и экономического, технологического, научного и политического развития, выходит на повестку дня даже у непрофильных международных организаций. Как следствие, на сегодняшний день международное взаимодействие в области здравоохранения многогранно. Вопросы здравоохранения носят междисциплинарный характер, что приводит к расширению форматов международного сотрудничества в данной области.

В зависимости от количества участвующих сторон, которыми на сегодняшний день могут быть как государственные, так и негосударственные акторы, можно выделить двусторонние и многосторонние формы международного взаимодействия [13, с. 646].

В более широком смысле формы осуществления международного взаимодействия также зависят от направления реализации совместных действий, они могут быть политическими и профессиональными. Первые предполагают осуществление деятельности по выработке политики в области здравоохранения, вторые – взаимодействие специалистов, направленное на реализацию совместных научно-практических проектов и программ [7, с. 101].

Обособленное место в системе международного взаимодействия занимает экспорт медицинских услуг [9]. Данный формат осуществления международной деятельности в сфере охраны здоровья предполагает оказание помощи иностранным гражданам на территории государства. Развитие экспорта медицинских услуг привлекает финансирование в систему здравоохранения, стимулирует ее модернизацию и в настоящее время наращивает потенциал.

Описанная Дж. Наем концепция мягкой силы, направленной на убеждение, а не принуждение реализации интересов конкретных государств, может рассматриваться в контексте осуществления международного сотрудничества в области здравоохранения [17, с. 206]. В связи с этим Россия, будучи донором международной помощи, может использовать институты международного сотрудничества в сфере здравоохранения для продвижения интересов государства и улучшения имиджа страны.

Правовая основа международного сотрудничества в сфере здравоохранения

Рассматривая правовые основы международного сотрудничества в сфере здравоохранения, стоит отметить, что оно строится на основе системы международного права, обеспечивающего верховенство общих норм и принципов, признаваемых сторонами, вовлеченными в решение общих проблем и задач.

Международно-правовое сотрудничество государств в области здравоохранения характеризуется наличием специфических особенностей: всеохватывающий характер, обособленность юридического инструментария, гибкость правового режима, универсаль-

ность, высокая степень взаимозависимости субъектов сотрудничества [1, с. 80].

Существует концепция, согласно которой нормы, затрагивающие процесс оказания медицинской помощи и защиты здоровья населения, являются частью здравоохранительного права [4, с. 15]. Учитывая сложную современную санитарно-эпидемиологическую ситуацию, в настоящее время вопросам здравоохранения уделяется больше внимания, что, вероятно, приведет к модернизации данного правового института в будущем.

Основой международного сотрудничества в сфере здравоохранения являются национальные нормативные правовые акты. В Конституции Российской Федерации закрепляется статус государства как социального, а также право граждан на охрану здоровья и бесплатную медицинскую помощь в государственных и муниципальных учреждениях. Нормы международного права и международные договоры являются составной частью правовой системы страны. В случае их несоответствия нормам российского законодательства, правилам международного договора отдается приоритет. На конституционном уровне также закрепляется стремление государства к модернизации системы здравоохранения и развития здоровья населения [8].

Основополагающим федеральным законом, регулирующим вопросы оказания медицинской помощи в России, является уже упомянутый ранее ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Данный нормативный правовой акт охватывает вопросы организации системы здравоохранения, процесса оказания медицинской помощи, взаимодействия пациентов и медицинских работников [14]. Однако ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» не содержит положений, касающихся международного взаимодействия в области здравоохранения, которое приобретает актуальность в связи с распространением социально значимых инфекционных заболеваний и нестабильной санитарно-эпидемиологической ситуацией.

Полагаем необходимым в ст. 2, раскрывающей основные понятия, используемые в ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в

Российской Федерации», закрепить определение международного сотрудничества в сфере здравоохранения как деятельности уполномоченных органов государственной власти по взаимодействию с представителями иностранных государств, направленному на совершенствование механизмов охраны здоровья на основе законодательно закрепленных принципов для достижения наиболее высокого уровня здоровья. Данное дополнение обосновано закрепленным в ст. 17 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» полномочием федеральных органов государственной власти в сфере охраны здоровья осуществлять международное сотрудничество в сфере охраны здоровья, в частности заключение международных договоров Российской Федерации [14].

Более того, ст. 9 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» об ответственности органов государственной власти и органов местного самоуправления, должностных лиц организаций за обеспечение прав граждан в сфере охраны здоровья можно дополнить п. 3, содержащим положение о том, что в процессе обеспечения прав граждан в сфере охраны здоровья органы государственной власти и местного самоуправления должностные лица организаций опираются на лучшую международную практику охраны здоровья. Введение данных изменений будет способствовать повышению значимости международного взаимодействия для достижения наилучшего результата.

**Организация сотрудничества
Российской Федерации
с Всемирной организацией
здравоохранения в условиях пандемии**

Основной площадкой для решения глобальных вопросов в сфере здравоохранения остается ВОЗ. Ее рекомендации служат основой для предпринятия мер в связи со сложившейся ситуацией [2]. Россия признает ее как эффективный инструмент реализации политики в сфере глобального здравоохранения.

Российским органом, ответственным за участие страны в деятельности ВОЗ, выступает Министерство здравоохранения РФ в соответствии с Постановлением Правительства

РФ «Об утверждении межведомственного распределения обязанностей по обеспечению участия Российской Федерации в международных организациях системы ООН» [11]. Практическая реализация деятельности происходит в соответствии с двухгодичными соглашениями.

Стоит отметить, что с недавнего времени Российская Федерация закрепила свое положение в качестве государства-донора международной помощи (особенно в условиях борьбы с коронавирусной инфекцией), направляя отечественных специалистов за рубеж, разрабатывая вакцину и участвуя в других процессах, имевших ключевое значение для сохранения здоровья и жизни населения. Доля Российской Федерации в финансировании деятельности ВОЗ составляет 1,78 % (41,8 млн долл. США). Для сравнения, доля Германии, занимающей лидирующую позицию, составляет 22,39 % (525,8 млн долл. США) [18].

Представитель ВОЗ в Российской Федерации Мелита Вуйнович не раз позитивно оценивала работу российских медиков, а также высокую эффективность и своевременность принимаемых мер в стране [6]. Важную роль в этом сыграли волонтерские организации, активно вовлеченные в процессы оказания помощи населению. Эпидемиологическая ситуация в России связана с высоким уровнем заражения и низкой долей смертности среди инфицированного населения. Данная тенденция, в частности, объясняется демографической спецификой региона и указывает на высокий уровень развития системы здравоохранения.

Взаимодействие ВОЗ и национальных органов можно проиллюстрировать примером совместного заседания внутри фракционной группы Первого заместителя руководителя фракции «Единая Россия» Адальби Шхагашева и представителя ВОЗ Мелитой Вуйнович 30 апреля 2020 года. Круг обсуждаемых вопросов был достаточно широким. В первую очередь было принято решение об участии ВОЗ в информировании граждан о коронавирусной инфекции через официальный портал Государственной Думы РФ. Кроме того, обсуждалась эффективность принятых в России мер и дальнейших перспектив развития ситуации, организации тестирования и лечения пациентов с коронавирусом. В России высоко

оценивают роль международного взаимодействия в решении глобальных вопросов, поэтому были затронуты вопросы координации проведения научных исследований, разработки вакцин, протоколов лечения пациентов. Утилизация использованных средств индивидуальной защиты и других отходов, возникающих в процессе оказания медицинской помощи, также обсуждалась участниками встречи. Мелита Вуйнович озвучила выработанные рекомендации для стабилизации обстановки [5].

Разработка российской вакцины от коронавируса оказала влияние на векторы развития международного сотрудничества Российской Федерации в условиях пандемии. Зарегистрировав первую в мире вакцину, разработанную НИЦ им. Гамалеи, Россия внесла весомый вклад в процесс стабилизации обстановки в мире. В ВОЗ позитивно оценили участие страны в разрешении кризисной ситуации. Однако на данный момент вопрос о включении российской вакцины от коронавируса в COVAX (инициатива сотрудничества в интересах справедливого доступа к вакцинам против COVID-19) и в перечень лекарственных средств, одобренных ВОЗ для использования в чрезвычайных ситуациях (Российская Федерация уже подала заявку на внесение Спутника-V в данный перечень), находится в процессе рассмотрения [2; 9]. Критерии готовности вакцины были определены ВОЗ уже весной 2020 года.

Основные направления международного взаимодействия в условиях пандемии

На развитие здравоохранения также оказал прямое влияние научно-технический прогресс. Так, актуальной тенденцией развития глобального здравоохранения является внедрение цифровых технологий: интернет-навигация граждан в системе здравоохранения, профилактика заболеваний и контроль за здоровьем, телемедицина, дистанционное образование, поддержка научных исследований, развитие соответствующей инфраструктуры [12, с. 112–115].

Важной тенденцией остается профилактика заболеваний. Именно превентивные меры

являются наиболее эффективными, в том числе с экономической точки зрения. Международная политика в сфере здравоохранения направлена на укрепление здоровья людей и пропаганду здорового образа жизни [16].

Кроме того, вопросы охраны здоровья постепенно становятся совокупной частью системы безопасности. Некоторые страны обратились к Совету Безопасности ООН для признания коронавируса угрозой международному миру и безопасности.

Прогнозируя дальнейшее развитие международного взаимодействия в области здравоохранения, можно выделять ряд направлений деятельности, которые приобрели актуальность после стремительного распространения коронавирусной инфекции. Как правило, они уже озвучивались на международных площадках, однако сложившаяся кризисная обстановка стимулировала их пересмотр и доработку. Среди этих направлений можно выделить: корректировку дорожных карт для дальнейшего устойчивого развития; модернизацию механизмов готовности и реагирования на глобальные вызовы и угрозы; пересмотр концепции безопасности; вакцинацию и развитие профилактической медицины; цифровизацию здравоохранения; при условии достаточной кадровой обеспеченности. Они актуальны для развития в краткосрочной перспективе и являются основой для принятия стратегических решений на международном уровне.

Новые тенденции развития международных отношений и изменение основных направлений международной повестки в области здравоохранения откроют перед мировым сообществом не только перспективы для модернизации и улучшения качества жизни, но и повлекут за собой появление новых вызовов и угроз в области глобального здравоохранения. Пандемия коронавируса позволила по-новому взглянуть на существующие системы оказания медицинской помощи и развития здравоохранения.

Выводы

В результате проведенного исследования можно выделить следующие рекомендации для осуществления международного сотруд-

ничества в сфере здравоохранения Российской Федерации.

Во-первых, пандемия коронавируса может стать отправной точкой для изменения имиджа России на международной арене. Благодаря приобретению статуса донора гуманитарной помощи дальнейшее сотрудничество в сфере здравоохранения будет способствовать укреплению международных связей и авторитета на международной арене.

Во-вторых, учитывая сложившуюся в мире ситуацию и особенности научно-технологического прогресса, представляется необходимым продолжать процесс цифровизации здравоохранения на основе имеющегося опыта. Расширение каналов онлайн-взаимодействия между лечебными учреждениями, научным сообществом, медицинскими работниками и пациентами будет способствовать более оперативному и эффективному принятию решений относительно здоровья населения. В России уже функционирует Единая государственная информационная система в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ), в Москве запущена Единая медицинская информационно-аналитическая система (ЕМИАС) и Система социального мониторинга. Многие административные функции (запись к врачу, запись на вакцинацию и другие) также доступны онлайн на портале «Госуслуги» [9].

В-третьих, базой для реализации вышеупомянутых направлений, безусловно, будут служить высококвалифицированные кадры, представляющие государство не только в рамках национальных систем оказания медицинских услуг, но и на международных политических, экономических, научных, технологических и других площадках, посвященных развитию сферы здравоохранения. Отдельно стоит выделить увеличение числа российских специалистов в ВОЗ.

В рамках практической реализации дальнейшего международного сотрудничества в области здравоохранения рекомендуется внести изменения в действующий ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в части регулирования вопросов международного взаимодействия медицинских учреждений, профессионалов с зарубежными партнерами для реализации совместной деятельности, направленной на развитие здравоохранения. Полагаем необходимым допол-

нить ст. 2 и ст. 9 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» необходимыми положениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронцов, А. Л. Международно-правовое взаимодействие государств в области охраны здоровья: анализ современной практики / А. Л. Воронцов, Е. В. Воронцова // *Lex russica*. – 2018. – С. 71–82. – DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.134.1.071-082>.
2. Всемирная организация здравоохранения. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.who.int/ru> (дата обращения: 12.03.2021). – Загл. с экрана.
3. Всемирная организация здравоохранения. Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения от 22 июля 1946 // Всемирная организация здравоохранения. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd47/RU/constitution-ru.pdf?ua=1> (дата обращения: 12.03.2021). – Загл. с экрана.
4. Глашев, А. А. Медицинское право. Практическое руководство для юристов и медиков. – М. : ВолтерсКлувер, 2004. – 202 с.
5. Государственная Дума РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://duma.gov.ru> (дата обращения: 12.03.2021). – Загл. с экрана.
6. Карабут, Т. В ВОЗ оценили действия российских медиков в пандемию как образцовые / Т. Карабут // *Российская газета*. – 2021. – 2 янв. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://rg.ru/2021/01/02/v-voz-ocenili-dejstviia-rossijskih-medikov-v-pandemiiu-kak-obrazcovoye.html> (дата обращения: 12.03.2021). – Загл. с экрана.
7. Карпенко, А. М. Развитие глобального здравоохранения в контексте мировой политики в XXI веке : 23.00.04 : дис. ... канд. полит. наук / Карпенко Александр Михайлович. – СПб., 2020. – 392 с.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // *Российская газета*. – 2020. – 4 июля (№ 144).
9. Министерство здравоохранения. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://minzdrav.gov.ru/ru> (дата обращения: 12.03.2021). – Загл. с экрана.
10. Организация Объединенных наций. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru> (дата обращения: 12.03.2021). – Загл. с экрана.

11. Постановление Правительства РФ «Об утверждении межведомственного распределения обязанностей по обеспечению участия Российской Федерации в международных организациях системы ООН» от 3 июня 2003 г. № 323 // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 23. – Ст. 2238.

12. Развитие интернет-технологий в здравоохранении Российской Федерации / Г. Лебедев [и др.] // Public Health Panorama. – 2019. – Vol. 5, iss. 1. – С. 112–119.

13. Современные международные отношения : учебник / под ред. А. В. Торкунова, А. В. Мальгина ; Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России. – М. : Аспект Пресс, 2017. – 688 с.

14. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

15. Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21 июля 2020 г. № 474 // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 30. – Ст. 4884.

16. Deloitte. Прогноз развития мировой отрасли здравоохранения // Deloitte. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/life-sciences-and-healthcare/articles/global-health-care-sector-outlook.html> (дата обращения: 12.03.2021). – Загл. с экрана.

17. Nye, J. S. Jr. Soft Power. The Means to Success in World Politics / J.S.Jr. Nye. – N. Y. : Public Affairs, 2004. – 206 p.

18. World Health Organization. Financial Flow // World Health Organization. – Electronic text data. – Mode of access: <http://open.who.int/2020-21/budget-and-financing/flow> (date of access: 12.03.2021). – Title from screen.

REFERENCES

1. Vorontsov A.L., Vorontsova E.V. Mezhdunarodno-pravovoe vzaimodejstvie gosudarstv v oblasti ohrany zdorov'ja: analiz sovremennoj praktiki [International Cooperation of States in the Field of Health Protection: Analysis of Current Practices]. *Lex russica*, 2018, pp. 71-82. URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.134.1.071-082> (accessed 12 March 2021).

2. *Vsemirnaja organizacija zdavoohranenija* [World Health Organisation], 2021. URL: <https://www.who.int/ru> (accessed 12 March 2021).

3. *Vsemirnaja organizacija zdavoohranenija. Ustav (Konstitucija) Vsemirnoj organizacii zdavoohranenija ot 22 ijulja 1946* [Constitution of World Health Organisation], 2021. URL: <https://>

apps.who.int/gb/bd/PDF/bd47/RU/constitution-ru.pdf?ua=1 (accessed 12 March 2021).

4. Glashev A.A. *Medicinskoje pravo. Practicheskoe rukovodstvo dlya juristov y medikov* [Medical law. Handbook for Lawyers and Doctors]. Moscow, Walters Kluver Publ., 2004. 202 p.

5. *Gosudarstvennaja Duma* [State Duma], 2021. URL: <http://duma.gov.ru> (accessed 12 March 2021).

6. Karabut T. *VOZ ocenili dejstvija rossijskih medikov v pandemiju kak obrazcovye* [WHO Evaluated Actions of Russian Doctors During Pandemic As Exemplary]. *Rossiyskaya gazeta*, 2021. URL: <https://rg.ru/2021/01/02/v-voz-ocenili-dejstviia-rossijskih-medikov-v-pandemiiu-kak-obrazcovye.html> (accessed 12 March 2021).

7. Karpenko A.M. *Razvitie globalnogo zdavoohranenija v kontekste mirovoy politiki v XXI veke: dis. ... kand. polit. nauk.: 23.00.04* [Development of Global Healthcare in the Context of World Politics in 21st Century. Dr. polit. sci. diss.: 23.00.04]. Saint Petersburg, 2020. 392 p.

8. Konstitucija Rossijskoj Federacii (prinjata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmenenijami, odobrennymi v hode obshherossijskogo golosovanija 01.07.2020) [Constitution of the Russian Federation]. *Rossiyskaya gazeta*, 2009, 21 Jan. (iss. 7).

9. *Ministerstvo zdavoohranenija* [Ministry of Health], 2021. URL: <https://minzdrav.gov.ru/ru> (accessed 12 March 2021).

10. *Organizacija Ob'edinennyh nacij* [United Nations], 2021. URL: <https://www.un.org/ru/> (accessed 12 March 2021).

11. Postanovlenie Pravitelstva RF “Ob utverzhdenii mezhdunarodnogo raspredeleniya obyazannostey po obespecheniyu uchastiya Rossijskoj Federacii v mezhdunarodnyh organizacijah sistemy OON” [Decree of the Government of the Russian Federation “On Approval of the Interdepartmental Distribution of Responsibilities for Ensuring the Participation of the Russian Federation in International Organizations of the UN System”]. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2003, no. 23, art. 2238.

12. Lebedev G., et al. Razvitie internet-tehnologiy v zdavoohranenii [Development of Internet-Technologies in the Healthcare]. *Public Health Panorama*, 2019, vol. 5, iss. 1, pp. 112-119. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/325142/php-5-1-112-121-rus.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed 12 March 2021).

13. Torkunov A.V., Malgin A.V. *Sovremenniye mezhdunarodnye otnoshenija: uchebnik* [Modern International Relations: A Student Book]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2017. 688 p.

14. Federalniy zakon “Ob osnovah ohrany zdoroviya grahdan v Rossijskoj Federacii” [Federal

Law “On the Basics of Health Care of Citizens in Russian Federation]. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2011, no. 48, art. 6724.

15. Ukaz Prezidenta RF “O nacionalnyh celyah razvitiya Rossiyskoy Federacii na period do 2030 goda” [The Order of the President “On the National Goals of the Russian Federation for the Period Till 2030 year]. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2020, no. 30, art. 4884.

16. *Deloitte*, 2021. URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/life-sciences-and-healthcare/articles/global-health-care-sector-outlook.html> (accessed 12 March 2021).

17. Nye J.S.Jr. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, Public Affairs, 2004. 206 p.

18. *World Health Organization. Financial Flow*, 2021. URL: <http://open.who.int/2020-21/budget-and-financing/flow> (accessed 12 March 2021).

Information About the Authors

Natalia I. Platonova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Legal Fundamentals of Management, MGIMO University, Prosp. Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation, platonovani@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2603-3025>

Valeria M. Vargina, Student, Faculty of Management and Politics, MGIMO University, Prosp. Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation, valeria.vargina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3967-6326>

Информация об авторах

Наталья Игоревна Платонова, кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых основ управления, Московский государственный институт международных отношений (университет) при Министерстве иностранных дел Российской Федерации, просп. Вернадского, 76, 119454 г. Москва, Российская Федерация, platonovani@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2603-3025>

Валерия Михайловна Варгина, студент факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) при Министерстве иностранных дел Российской Федерации, просп. Вернадского, 76, 119454 г. Москва, Российская Федерация, valeria.vargina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3967-6326>

ВОПРОСЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.17>

UDC 349.2

LBC 67.405.1-3

Submitted: 04.05.2021

Accepted: 20.05.2021

DIGITALIZATION OF PERSONNEL PROCEDURES AS A HARSH REALITY OF OUR TIME

Vasily A. Shavin

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation;
Chamber of Lawyers of the Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Introduction: based on the current regulatory framework, draft laws, research, and news in the field of economics and sociology, the paper presents the author's periodization of the phenomenon of digitalization of personnel procedures. The examples of using the software products of each of the three generations are given. The conclusion is made about the negative consequences of total digitalization. The **task** is to identify the generations of digitalization of personnel procedures and evaluate the positive and negative features of this process. **Methods:** the methodological framework for the research is a combination of the following methods of scientific knowledge: comparative law method, the method of analysis and synthesis, the empirical methods (observation, experiment, measurement, comparison). **Results:** the author's periodization of the process of digitalization of personnel procedures is proposed, some positive and negative features of this process are given. **Conclusions:** the software products of the first generation allow you to automatically fill in all the necessary personnel documents with the data of a specific employee. In the second generation, documents are created and "live" completely in electronic form without the need to print them on paper. During the transition to the third generation, individual personnel decisions are made without human participation.

Key words: labor law, digitalization, industry 4.0, personnel procedures, recruitment, transfer, dismissal.

Citation. Shavin V.A. Digitalization of Personnel Procedures As a Harsh Reality of Our Time. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 108-115. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.17>

УДК 349.2

ББК 67.405.1-3

Дата поступления статьи: 04.05.2021

Дата принятия статьи: 20.05.2021

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАДРОВЫХ ПРОЦЕДУР КАК СУРОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Василий Анатольевич Шавин

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация;
Палата адвокатов Нижегородской области, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Введение: основываясь на действующей нормативной базе, проектах законов, исследованиях и новостях в области экономики и социологии, автор представил периодизацию явления цифровизации кадровых процедур. Приведены примеры использования программных продуктов каждого из трех поколений. Сделан

вывод о негативных последствиях тотальной цифровизации. В качестве **задачи** взято выявление поколений цифровизации кадровых процедур и оценка положительных и отрицательных черт этого процесса. **Методы:** методологическую основу исследования составляет совокупность следующих методов научного познания: сравнительно-правовой метод, метод анализа и синтеза, эмпирические методы (наблюдение, эксперимент, измерение, сравнение). **Результаты:** предложена авторская периодизация процесса цифровизации кадровых процедур, даны положительные и отрицательные черты этого процесса. **Выводы:** программные продукты первого поколения позволяют в автоматическом режиме заполнять данными конкретного работника все необходимые кадровые документы. Во втором поколении документы создаются и «живут» полностью в электронной форме без необходимости их распечатки на бумажном носителе. При переходе в третье поколение отдельные кадровые решения принимаются без участия человека.

Ключевые слова: трудовое право, цифровизация, индустрия 4.0, кадровые процедуры, прием, перевод, увольнение.

Цитирование. Шавин В. А. Цифровизация кадровых процедур как суровая реальность нашего времени // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 108–115. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.17>

Введение

Цифровизация всего и вся идет семимильными шагами. «Цифровизируй это!» и «Все в сеть!» – вот девизы 2020 и текущего 2021 года. А уголек, подкинутый пандемией COVID-19 в топку локомотива «Индустрия 4.0» с ее технологиями искусственного интеллекта, разогнал его до суборбитальной скорости. Перевод кадровых процедур из бумажного в электронный формат – дело решенное; вопрос только когда он произойдет повсеместно и какие будут условия перехода. Закон о тотальной цифровизации кадровых процедур уже внесен в Госдуму.

Исследование этого вопроса позволило выявить неочевидный, на первый взгляд, побочный эффект – резкое сужение возможности человеческого общения на работе, которое может стать критическим для существования самой организации и всего социума.

Рассмотрим возможности и проблемы тотальной цифровизации.

Кадровые процедуры

Кадровая процедура – это термин, который не используется законом, однако является ключевым в теме цифровизации трудовых отношений.

Трудовой кодекс прибегает к слову «оформление», говоря о кадровых процедурах, например «оформление приема на работу» (название ст. 68), «общий порядок оформления прекращения трудового договора» (название ст. 84.1) [10]. Под оформлением понима-

ется внешний вид, форма чего-нибудь, оформить означает придать чему-нибудь окончательную, установленную или необходимую форму [9]. Оформление в Кодексе означает издание соответствующего приказа и ознакомление с ним работника под подпись.

Оформляются в Кодексе кадровые решения, принятые работодателем, хотя прямо об этом и не говорится. Например, прием на работу (кадровое решение) оформляется приказом (распоряжением) о приеме работника на работу (ч. 1 ст. 68 Трудового кодекса и Унифицированная форма № Т-1, утв. постановлением Госкомстата России от 05.01.2004 № 1 [5]), прекращение трудового договора оформляется приказом (распоряжением) о прекращении (расторжении) трудового договора с работником (увольнении) (ч. 1 ст. 84.1 Трудового кодекса и Унифицированная форма № Т-8, утв. постановлением Госкомстата России от 05.01.2004 № 1).

Термин «кадровые решения» применяется Верховным судом. Так, под кадровыми решениями Пленум Верховного суда понимает подбор, расстановку, увольнение персонала (абз. 2 п. 10 постановления Пленума Верховного суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации») [6].

Законопроект № 1162885-7 «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации (в части регулирования электронного документооборота в сфере трудовых отношений)» [3] определяет электронный документооборот в сфере трудовых отношений как создание, использование и хранение работода-

телем, работником или лицом, поступающим на работу, документов, оформленных в электронном виде без дублирования на бумажном носителе (электронные документы). Опять-таки речь идет об оформлении кадровых решений в аспекте формы документа, замещении бумажного документа электронным.

Введение нового термина «кадровая процедура» вызвано тем, что диджитализация на сегодняшний день позволяет перевести в электронный формат не только оформление кадровых решений, но и кадровые решения (принимать их без участия человека).

Предлагаем под кадровой процедурой понимать кадровое решение и его оформление.

Поколения цифровизации

В лексиконе программистов, разработчиков программного обеспечения для определения стадий жизни или существования продукта используется термин «поколения», который удачно вписывается в задачу описания стадий внедрения цифровых продуктов в трудовые отношения.

Я выделяю 3 стадии, или 3 поколения, цифровизации трудовых отношений. Первое поколение – автоматизация, второе поколение – безбумажное оформление, третье поколение – кадровые процедуры без участия человека.

В рамках первого поколения осуществляется автоматизация ведения кадрового документооборота путем внедрения Систем управления персоналом, то есть цифровых решений по управлению персоналом (HR) и работе с кадрами. Как правило, такие системы являются подсистемами комплексной Автоматизированной системы управления предприятием, но могут быть и самостоятельными программными продуктами. Понятно, что во втором варианте их возможности значительно ниже. На сегодняшний день существует множество Систем управления персоналом, имеющих разный функционал для решения разных задач, требующихся заказчику-работодателю (в источнике [8] представлен список из 53 программных продуктов, обеспечивающих реализацию Системы управления персоналом; к каждой из них имеется описание с расшифровкой возможностей программы).

Наиболее продвинутые программные продукты по управлению персоналом позволяют решать следующие задачи:

- оформление всех необходимых кадровых документов;
- расчет заработной платы, больничных, премий, налогов;
- ведение базы данных сотрудников;
- быстрый поиск информации по сотрудникам и документам;
- настройка календаря напоминаний по работникам;
- архивирование документов;
- отчетности и аналитика;
- импорт и экспорт данных, печать документов;
- ведение кадровой статистики.

Программные продукты первого поколения позволяют в автоматическом режиме заполнять данными конкретного работника все необходимые кадровые документы. Программа «по щелчку мыши» «подтягивает» всю информацию из карточки работника, ранее заполненную сотрудником, в шаблоны трудового договора, приказа о приеме на работу и проч. и выводит их на печать.

Автоматизация кадрового документооборота не является чем-то новым, поскольку программные продукты, позволяющие решать основные из указанных задач, появились на рынке уже в 2004 г. (например, подсистема «Зарплата и Управление персоналом» (ред. 2.0) для технологической платформы «1С: Предприятие 8.0» запущена в эксплуатацию в декабре 2004 г. [1]). Однако нужно понимать, что их внедрение произошло не на всех предприятиях, поскольку это зависит от усмотрения работодателя, его материальных и организационных возможностей, задач.

Второе поколение цифровизации трудовых отношений разворачивается прямо сейчас. В его рамках обеспечивается электронное (то есть безбумажное) оформление кадровых документов (договоров, приказов, локальных нормативных актов и иных), а факт подписи сторон подтверждается не собственноручной, а электронной подписью.

На основании Федерального закона от 24.04.2020 № 122-ФЗ «О проведении эксперимента по использованию электронных документов, связанных с работой» в период с

1 июля 2020 г. по 15 ноября 2021 г. проводится эксперимент по использованию работодателями и работниками в электронном виде без дублирования на бумажном носителе документов, связанных с работой, в отношении которых законом предусмотрено их оформление на бумажном носителе и (или) ознакомление с ними работника в письменной форме, в том числе под подпись. При этом период проведения эксперимента на конкретном предприятии определяется самостоятельно работодателем. Заявления от работодателей на включение в число участников принимались до 30 мая текущего года. На 31.05.2021 в эксперименте участвуют 345 предприятий, учреждений, организаций [4].

Участие работодателей, работников и лиц, поступающих на работу, в эксперименте является добровольным. Сам работодатель определяет конкретный перечень документов, в отношении которых проводится эксперимент. Ими могут быть любые виды кадровых документов, оформляемых в процессе трудовых отношений, от заявлений, объяснений и извещений до коллективного и трудового договоров.

Кроме компаний – участников эксперимента по кадровому электронному документообороту использовать безбумажное оформление трудовых отношений могут любые работодатели в отношениях с дистанционными работниками (ст. 312.3 Трудового кодекса) [10]. Обновленная гл. 49.1 Трудового кодекса, позволяющая заключать трудовой договор, иные договоры, осуществлять взаимодействие между работником и работодателем путем обмена электронными документами с использованием электронной подписи вступила в силу 01.01.2021 [11].

Программные продукты второго поколения позволяют обеспечить «прохождение» документа от его создания до подписания всеми заинтересованными лицами полностью в электронной форме без необходимости их распечатки на бумажном носителе на любом этапе его существования. При этом используются все возможности автоматизации, то есть заполнение документов происходит в автоматическом режиме.

Цифровизация 3.0, используя возможности и решения предыдущего поколения, позво-

ляет обеспечить принятие отдельных кадровых решений без участия человека. На этом этапе ряд кадровых процедур осуществляется с помощью искусственного интеллекта. Несмотря на то что широкое применение сейчас получают программные решения только предыдущего, второго поколения, некоторые возможности третьего поколения используются уже сегодня. При этом они получили достаточно широкое распространение и не вызывают удивления или недоумения.

Наиболее известным примером можно назвать проведение программным продуктом (онлайн-сервисом, цифровым ботом) отбора кандидатов на вакансию путем оценки резюме и проведения видео- или телефонного собеседования по подготовленному сценарию. Нужно пояснить, что отбор резюме и проведение собеседования осуществляется без участия человека (в качестве примеров можно назвать «Робот Вера» от компании Стафори [7] или Huntica от Агентства Аккорд [14]).

Еще одним примером использования возможностей третьего поколения цифровизации является «цифровой оффер», внедренный X5 Retail Group в марте текущего года. «Цифровой оффер автоматически собирает данные из внутренней CRM-системы подбора, включая все согласования. При изменении в CRM индикатора «Сделано предложение» кандидату отправляется ссылка на лендинг на сайте X5, на котором соискатель может проставить ответ «принимаю / не принимаю», а также выбрать дату выхода на работу» [15].

Та же компания X5 Retail Group совместно с Альфа-Банк автоматизировали работу с самозанятыми – курьерами экспресс-доставки. Сервис Альфа-Банка автоматически переводит вознаграждение на карту курьера в любом банке, проверяет статус каждого самозанятого, регистрирует доход в налоговой инспекции [2].

На сегодняшний день не существует технологических ограничений по внедрению технологий цифровизации третьего поколения в практику работы любой организации. Ограничения носят исключительно организационный и экономический характер.

Однако есть и правовые ограничения для подобных технологий. Статья 16 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О пер-

сональных данных» запрещает принимать решения, порождающие юридические последствия в отношении субъекта персональных данных или иным образом затрагивающих его права и законные интересы, на основании исключительно автоматизированной обработки персональных данных. Такие решения могут приниматься только при наличии письменного согласия на это субъекта персональных данных или в иных случаях, установленных законом [12]. При этом Трудовой кодекс содержит более жесткие требования для обработки персональных данных и вообще запрещает работодателю при принятии решений, затрагивающих интересы работника, основываться на персональных данных работника, полученных исключительно в результате их автоматизированной обработки или электронного получения (п. 3 ст. 86 Трудового кодекса) [10].

Суровая реальность

Реальность от внедрения решений из любого и каждого поколения цифровизации кадровых процедур оказывается не столь радужной, как это может представляться на первый взгляд. Реальность может приобретать признаки, позволяющие назвать ее суровой. Это проявляется в нескольких моментах, выделим из них три наиболее значимых.

Во-первых, внедрение любого электронного продукта вызывает осознанное и неосознанное сопротивление людей, поскольку требует здесь и сейчас приложить больше усилий для выполнения той же работы. Тот факт, что в дальнейшем эта же работа будет требовать меньше времени и сил, не всегда осознается. Интересно, что успех у людей того или иного новшества предсказать практически невозможно, поскольку на восприятие нововведения самым непредсказуемым образом влияет неисчислимое количество факторов. Эффект бабочки здесь работает в полной мере.

Во-вторых, использование любой автоматизированной системы для взаимодействия между людьми уменьшает пространство свободы выбора. В трудовых отношениях провозглашена свобода договора, действует принцип свободы труда, все условия трудового договора (как обязательные, так и дополнительные) подлежат согласованию сторонами.

В случае заполнения бланка документа, тем более без присутствия второй стороны, никакие условия договора обсуждаться не могут в связи с физической невозможностью этого. Понятно, что при желании переговорный процесс между потенциальными работником и работодателем возможен, однако он существенно, кардинально затруднен. Ситуация, когда работнику дают выбор только из двух вариантов: согласиться или отказаться от предложений работодателя по условиям трудового договора или любых иных соглашений, при любом уровне цифровизации становится единственно возможной.

В-третьих, негативным последствием тотальной цифровизации, пожалуй, самым неприятным, трудно- или вообще нерегулируемым правом является критическое уменьшение возможностей человеческого общения. Гуманистические теории единодушно считают человека социальным существом, которое живет в социуме себе подобных и несет на себе его отпечаток. Общение между людьми, а не просто нахождение среди них, выступает ключевым фактором социализации, проявления социальной сущности человека. Подрывая его, мы ставим под сомнение существование человека как члена трудового коллектива. При этом нужно учитывать, что работа занимает у россиян второе место по временным затратам [13]. Человеку придется найти иные варианты для удовлетворения потребности в общении.

Результаты

Дана периодизация такого явления, как цифровизация кадровых процедур; выявлены три поколения: автоматизация, безбумажное оформление, кадровые процедуры без участия человека. Проанализированы положительные и отрицательные черты цифровизации кадровых процедур.

Заключение

Программные продукты первого поколения позволяют в автоматическом режиме заполнять данными конкретного работника все необходимые кадровые документы. Программа «по щелчку мыши» «подтягивает» всю информацию из карточки работника, ранее

заполненную сотрудником, в шаблоны трудового договора, приказа о приеме на работу и проч. и выводит их на печать.

Программные продукты второго поколения позволяют обеспечить «прохождение» документа от его создания до подписания всеми заинтересованными лицами полностью в электронной форме без необходимости их распечатки на бумажном носителе на любом этапе его существования. Используются все возможности автоматизации при заполнении документов.

При переходе в третье поколение с использованием возможностей и решений предшествующих обеспечивается принятие отдельных кадровых решений без участия человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «1С: Зарплата и Управление персоналом 8.0» – новый инструмент кадровой политики // Интернет-ресурс для бухгалтеров БУХ.1С. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://buh.ru/articles/documents/13669> (дата обращения: 24.04.2021). – Загл. с экрана.

2. Альфа-Банк автоматизировал работу X5 Retail Group с самозанятыми. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://yandex.ru/turbo/retail-loyalty.org/s/news/alfa-bank-avtomatiziroval-rabotu-x5-retail-group-s-samozanyatymi/?utm_source=turbo_turbo (дата обращения: 24.04.2021). – Загл. с экрана.

3. Законопроект № 1162885-7 «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации (в части регулирования электронного документооборота в сфере трудовых отношений)». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1162885-7> (дата обращения: 24.04.2021). – Загл. с экрана.

4. Перечень работодателей – участников эксперимента по использованию электронных документов, связанных с работой, утв. приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 14.05.2020 № 241 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Постановление Госкомстата РФ от 05.01.2004 № 1 «Об утверждении унифицированных форм первичной учетной документации по учету труда и его оплаты» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской

Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Проект «Робот Вера». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://hr.robotvera.ru/static/about/index.html> (дата обращения: 24.05.2021). – Загл. с экрана.

8. Сравнение Системы управления персоналом // Проект «Соваре». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://soware.ru/categories/personnel-management-systems> (дата обращения: 24.05.2021). – Загл. с экрана.

9. Толковый словарь Ожегова. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/ozhegov> (дата обращения: 24.04.2021). – Загл. с экрана.

10. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Федеральный закон от 08.12.2020 № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. «Эксперты сравнили сокращение рабочего времени женщин и мужчин за пять лет» // РБК. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/16/07/2020/5f0fd3039a79479073a98708> (дата обращения: 24.04.2021). – Загл. с экрана.

14. Huntica. Сервис виртуальных собеседований. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.facebook.com/huntica.works/?utm_source=soware&utm_medium=organic&utm_campaign=analytics&utm_term=huntica&utm_content=facebook-page (дата обращения: 24.04.2021). – Загл. с экрана.

15. X5 первой среди ритейлеров запустила цифровой оффер при приглашении соискателей на работу. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://retailer.ru/h5-pervoj-sredi-ritejlerov-zapustila-cifrovoj-offer-pri-priglasenii-soiskatelej-na-rabotu/?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 24.04.2021). – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. «1S: Zarplata i Upravlenie personalom 8.0» – novyj instrument kadrovoj politiki [“1S: Salary and Personnel Management 8.0” – A New Tool for Personnel Policy]. *Internet-resurs dlja buhgalterov*

BUH.1S [Internet Resource for Accountants BUKH.1S]. URL: <https://buh.ru/articles/documents/13669> (accessed 24 April 2021).

2. *Al'fa-Bank avtomatiziroval rabotu X5 Retail Group s samozanjatymi* [Alfa-Bank Has Automated the Work of X5 Retail Group with Self-Employed]. URL: https://yandex.ru/turbo/retail-loyalty.org/s/news/alfa-bank-avtomatiziroval-rabotu-x5-retail-group-s-samozanjatymi/?utm_source=turbo_turbo (accessed 24 April 2021).

3. *Zakonoproekt № 1162885-7 «O vnesenii izmenenij v Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii (v chasti regulirovanija jelektronnoho dokumento-oborota v sfere trudovyh otnoshenij)»* [Bill No. 1162885-7 “On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation (Regarding the Regulation of Electronic Document Management in the Field of Labor Relations)”]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1162885-7> (accessed 24 April 2021).

4. *Perechen' rabotodatelej - uchastnikov jeksperimenta po ispol'zovaniju jelektronnyh dokumentov, svjazannyh s rabotoj, utv. prikazom Ministerstva truda i social'noj zashhity RF ot 14.05.2020 № 241* [The List of Employers - Participants in the Experiment on the Use of Electronic Documents Related to Work, Approved by Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation of May 14, 2020 No. 241]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

5. *Postanovlenie Goskomstata RF ot 05.01.2004 № 1 «Ob utverzhdenii unificirovannyh form pervichnoj uchetnoj dokumentacii po uchetu truda i ego oplaty»* [Resolution of the State Statistics Committee of the Russian Federation of January 5, 2004 No. 1 “On Approval of Unified Forms of Primary Accounting Documentation for Labor Accounting and Remuneration”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

6. *Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 17.03.2004 № 2 «O primenenii sudami Rossijskoj Federacii Trudovogo kodeksa Rossijskoj Federacii»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 17, 2004 No. 2 “On the Application by the Courts of the Russian Federation of the Labor Code of the Russian Federation”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

8. *Sravnenie Sistemy upravlenija personalom* [Comparison of the Personnel Management System].

Proekt «Sovare» [Project “Sovare”]. URL: <https://soware.ru/categories/personnel-management-systems> (accessed 24 April 2021).

9. *Tolkovyj slovar' Ozhegova* [Ozhegov's Explanatory Dictionary]. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov> (accessed 24 April 2021).

10. *Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 № 197-FZ* [Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 No. 197-FZ]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

11. *Federal'nyj zakon ot 08.12.2020 № 407-FZ «O vnesenii izmenenij v Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii v chasti regulirovanija distancionnoj (udalennoj) raboty i vremennogo perevoda rabotnika na distancionnuju (udalennuju) rabotu po iniciative rabotodatelja v iskljuchitel'nyh sluchajah»* [Federal law of December 8, 2020 No. 407-FZ “On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation Regarding the Regulation of Remote (Remote) Work and Temporary Transfer of an Employee to Remote (Remote) Work at the Initiative of the Employer in Exceptional Cases”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

12. *Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 № 152-FZ «O personal'nyh dannyh»* [Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ “On Personal Data”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

13. *Jeksperty sravnili sokrashhenie rabocheho vremeni zhenshhin i muzhchin za pjat' let* [Experts Have Compared the Reduction in Working Hours of Women and Men over Five Years]. *RBK [RBC]*. URL: <https://www.rbc.ru/society/16/07/2020/5f0fd3039a79479073a98708> (accessed 24 May 2021).

14. *Huntica. Cervis virtual'nyh sobesedovanij* [Huntica. Virtual Interview Service]. URL: https://www.facebook.com/huntica.works/?utm_source=soware&utm_medium=organic&utm_campaign=analytics&utm_term=huntica&utm_content=facebook-page (accessed 24 April 2021).

15. *H5 pervoj sredi ritejlerov zapustila cifrovoj offer pri priglashenii soiskatelej na rabotu* [X5 Was the First Among Retailers to Launch a Digital Offer When Inviting Job Seekers]. URL: https://retailer.ru/h5-pervoj-sredi-ritejlerov-zapustila-cifrovoj-offer-pri-priglashenii-soiskatelej-na-rabotu/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (accessed 24 April 2021).

Information About the Author

Vasily A. Shavin, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Labor and Environmental Law, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Prosp. Gagarina, 23, 603950 Nizhny Novgorod, Russian Federation; Lawyer, Chamber of Lawyers of the Nizhny Novgorod Region, Bolshaya Pokrovskaya St, 25, 603005 Nizhny Novgorod, Russian Federation, vshavin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2235-0496>

Информация об авторе

Василий Анатольевич Шавин, кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового и экологического права, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, просп. Гагарина, 23, 603950 г. Нижний Новгород, Российская Федерация; адвокат Палаты адвокатов Нижегородской области, ул. Большая Покровская, 25, 603005 г. Нижний Новгород, Российская Федерация, vshavin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2235-0496>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.18>

UDC 347.626.6
LBC 67.404.522

Submitted: 15.04.2021
Accepted: 05.06.2021

CONSISTENCY OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN MATTERS OF DEVIATION FROM THE PRINCIPLE OF EQUALITY OF THE SPOUSES' SHARES IN THEIR COMMON PROPERTY

Natalia A. Ablyatipova

Russian State University of Justice (Crimean Branch), Simferopol, Russian Federation

Introduction: the issues of the division of the jointly acquired property of spouses do not lose their relevance. As a general rule, in the absence of an agreement between the spouses, the division is carried out in court based on the legally established presumption of equality of shares, regardless of the method of participation in the formation of joint property. However, this principle is not absolute and the court has the right to deviate from the principle of equality by increasing the share of one of the spouses. Meanwhile, the possibility of increasing the share in the marital property is interpreted ambiguously in law enforcement, and the incorrect interpretation of the norm is revealed. In this regard, the author sets the **goal:** to summarize the approaches developed by the judicial practice on this issue, to identify and analyze the grounds for deviation from the principle of equality of shares in the division of property of spouses. **Results:** the reasons for the increase in the marital share are investigated, the problems of determining the criteria are identified, and the inconsistency of court decisions in similar cases when considering the categories “child’s interest” and “spouse’s interest” is established. **Conclusions:** based on the analysis of the legislation and materials of judicial practice, the problems of applying the grounds for derogating from the equality of the shares of spouses in the division of jointly acquired property and the ambiguity of the law enforcement are highlighted. Based on the results of the work, the author has developed some practical proposals and recommendations for improving the legislation.

Key words: property of spouses, division of common property, an increase of share, interest of the child, deviation from the principle of equality of shares of spouses, judicial practice.

Citation. Ablyatipova N.A. Consistency of Law Enforcement Practice in Matters of Deviation from the Principle of Equality of the Spouses’ Shares in Their Common Property. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 116-124. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.18>

УДК 347.626.6
ББК 67.404.522

Дата поступления статьи: 15.04.2021
Дата принятия статьи: 05.06.2021

СИСТЕМНОСТЬ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В ВОПРОСАХ ОТСТУПЛЕНИЯ ОТ НАЧАЛА РАВЕНСТВА ДОЛЕЙ СУПРУГОВ В ИХ ОБЩЕМ ИМУЩЕСТВЕ

Наталья Айдеровна Аблятипова

Российский государственный университет правосудия (Крымский филиал),
г. Симферополь, Российская Федерация

Введение: вопросы раздела совместно нажитого имущества супругов не утрачивают своей актуальности. По общему правилу, при отсутствии соглашения супругов раздел осуществляется в судебном порядке на основе установленной законодательно презумпции равенства долей независимо от способа участия в формировании совместной собственности. Однако указанный принцип не является абсолютным и суд вправе отступить от начала равенства, увеличив долю одного из супругов. Между тем возможность увеличения доли в супружеском имуществе трактуется в правоприменении неоднозначно, выявляется неверное толко-

вание нормы. В связи с этим автором поставлена **цель**: обобщить выработанные судебной практикой подходы по данному вопросу, выявить и проанализировать основания отступления от принципа равенства долей при разделе имущества супругов. **Результаты**: исследованы основания увеличения супружеской доли, выявлены проблемы определения критериев, установлены несоответствия в судебных решениях по схожим делам при рассмотрении категорий «интерес ребенка» и «интерес супруга». **Выводы**: на основе анализа законодательства и материалов судебной практики выделены проблемы применения оснований отступления от равенства долей супругов при разделе совместно нажитого имущества и неоднозначность правоприменения. По результатам работы, автором выведены практические предложения и рекомендации по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: имущество супругов, раздел общего имущества, увеличение доли, интерес ребенка, отступление от принципа равенства долей супругов, судебная практика.

Цитирование. Аблятипова Н. А. Системность правоприменительной практики в вопросах отступления от начала равенства долей супругов в их общем имуществе // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 116–124. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.18>

Введение

Семейное законодательство закрепляет законный режим имущества супругов и подчеркивает их равные права на общее имущество независимо от способа участия в формировании совместной собственности. Данное правило лежит в основе владения, пользования и распоряжения супружеским имуществом, а также устанавливает особый порядок его раздела. Основной целью последнего является выделение долей супругов и прекращение общей совместной собственности. В силу п. 1 ст. 39 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [20] при разделе общего имущества супругов и определении долей в этом имуществе доли супругов признаются равными, если иное не установлено договором между супругами. Следовательно, при отсутствии брачного договора доли супругов определяются на основании принципа равенства долей.

При этом закон допускает раздел имущества как добровольно на основании соглашения супругов, так и принудительно в судебном порядке. Особое значение приобретает способ раздела при реализации правомочий супругов изменить размер доли, установленной законодателем. При добровольном разделе имущества и отсутствии спора между супругами они вправе заключить соглашение о разделе совместно нажитого имущества и самостоятельно определить принадлежащие им доли без соблюдения принципа их равенства. Также в судебной практике довольно часто встречаются заявленные требования

истца об увеличении размера доли, против которых ответчик не возражает [15]. Указанное значительно упрощает процедуру раздела и подчеркивает диспозитивность отдельных норм семейного права.

В случае недостижения соглашения раздел общего имущества производится судом по требованию супругов, основываясь на установленной презумпции равенства долей. Тем не менее, как следует из п. 2 ст. 39 СК РФ, принцип равенства долей супругов не является абсолютным и суд вправе отступить от начала равенства долей в общем имуществе супругов при наличии значимых обстоятельств. При этом нормам действующего законодательства предусмотрено право, но не обязанность суда при разрешении требований о разделе имущества супругов отступить от равенства их долей в общем имуществе. Полагаем, необходимо рассмотреть особенности оснований отступления от начала равенства долей супругов и проанализировать проблемы правоприменения.

Проблемы определения интересов детей как основания отступления от начала равенства долей супругов в их общем имуществе

Анализ п. 2 ст. 39 СК РФ позволяет разделить основания отступления от равенства долей супругов условно на две группы. При этом следует отметить, что указанные группы оснований не должны существовать одновременно, закон не требует их совокупности. В первой группе закон отметил интересы де-

тей, не достигших совершеннолетия. Отступление от начала равенства долей супругов в их общем имуществе, исходя из интересов несовершеннолетних детей, согласуется также с конституционным принципом, закрепленным в ч. 2 ст. 7, ч. 1 ст. 38 Конституции Российской Федерации [2].

Обратим внимание, что в СК РФ при указании на интересы несовершеннолетних детей не установлены требования, чтобы это были общие дети супругов. Следовательно, при разделе общего имущества супругов могут быть приняты во внимание интересы несовершеннолетних детей одного из супругов [8, с. 28]. Сложно не согласиться с данной позицией, что подтверждается немногочисленной практикой, хотя в обзорах и отдельных определениях ВС РФ в последние годы отображается указание именно на общих детей.

Безусловно, защита интересов детей при расторжении брака имеет важное значение и направлена на сохранение условий, необходимых для нормального полноценного развития и обучения. Ошибочное толкование указанной нормы приводит к тому, что заявители считают достаточным для удовлетворения их требований об увеличении доли указания в обосновании факта совместного проживания с детьми. Например, истец просит отступить от равенства долей супругов на основании факта проживания с ней двоих детей [18], в другом деле бывшая жена указывает на беременность, воспитание несовершеннолетнего ребенка и отсутствие участия отца в воспитании и содержании ребенка [9]. Как правило, суды отказывают в удовлетворении таких требований обосновано [4; 16]. Например, в решении от 16 января 2020 г. по делу № 2-141/2019 справедливо отмечено, что наличие у сторон от брака пятерых детей, четверо из которых являются несовершеннолетними, в силу закона не является основанием для увеличения доли супруга, совместно с ними проживающего после прекращения брака. Законом предусмотрены иные гарантии защиты прав и законных интересов такого родителя в виде права требований уплаты алиментов на содержание детей от отдельно проживающего родителя [19].

Однако встречается противоположная практика. Например, из материалов дела от

16 июля 2020 г. № 2-516/2020 прослеживается, что согласно заключенному между родителями соглашению об определении места жительства детей, они должны были проживать с отцом на протяжении года, а потом они должны были переехать к матери. Срок действия мирового соглашения истек, однако дети продолжают проживать и находятся на полном иждивении отца. На основании свидетельских показаний подтверждено, что мать свои родительские обязанности по содержанию детей не выполняет. Важно отметить, что истцом в данном деле выступал финансовый управляющий в силу введенной процедуры банкротства (реализации имущества матери). Мать в заседание не явилась, и суд не уточнил порядок ее участия в жизни детей. Однако указанные обоснования суд счел достаточными и, учитывая интересы несовершеннолетних детей, которые остались проживать с отцом, неучастие матери детей в их содержании увеличивает долю ответчика в праве собственности на автомобиль до 3/4 доли, за истцом суд признает право собственности на 1/4 доли [11].

Следовательно, отсутствует единое понимание соблюдения интересов детей при разделе имущества их родителей. Как пояснил Верховный Суд еще в 2019 г. в своем Обзоре (п. 14): «Наличие общего несовершеннолетнего ребенка не является безусловным основанием для отступления от начала равенства долей при разделе имущества супругов» [3]. Проживание с одним из супругов их общего несовершеннолетнего ребенка само по себе не является достаточным основанием для отступления от принципа равенства долей супругов в общей собственности, поскольку родитель, проживающий отдельно от ребенка, обязан участвовать в его воспитании и содержании (в том числе уплачивать алименты на содержание ребенка). Поддерживая аналогичную позицию, суды отмечают, что бывшие супруги находятся в равном положении относительно своего отношения к соблюдению имущественных интересов несовершеннолетних детей [5].

Также в качестве обоснований своих требований заявители часто привязывают возможность увеличения доли с целью соблюдения жилищных прав детей. Так, истец

заявила требования о передаче ей в собственность 2/3 доли на земельный участок и жилой дом и признании права собственности по 1/2 доли на остальное имущество и долговые обязательства, тем самым просит отступить от принципа равенства долей супругов только в отношении земельного участка и жилого дома. В качестве мотивировки своих требований она указывает, что несовершеннолетний ребенок проживает с ней и другого жилого помещения в собственности у ребенка нет. Суд, принимая решение, отметил, что отсутствие у ребенка в собственности жилого помещения не относится к основаниям отступления от принципа равенства долей, поскольку дети не имеют права собственности на имущество родителей [17]. В решении Лермонтовского городского суда от 9 июля 2020 г. по делу № 2-20/2020 суд отмечает отсутствие обстоятельств для отступления с указанием на то, что жилищные права детей по отношению к имуществу родителей сохраняются, их содержание обеспечивается алиментными обязательствами [13].

Анализ судебной практики выявил, что в большинстве случаев суды приходят к выводу об отсутствии доказательств, подтверждающих наличие исключительных существенных обстоятельств, свидетельствующих о необходимости учета интересов несовершеннолетних детей при разделе имущества супругов и отступления от принципа равенства долей супругов в общем имуществе. Однако закон не содержит перечня заслуживающих внимания интересов несовершеннолетних детей, с учетом которых суд вправе отступить от начала равенства долей супругов в общем имуществе. Указанные причины (обстоятельства) устанавливаются в каждом конкретном случае с учетом представленных сторонами доказательств.

В этой связи следует отметить необходимость представления серьезных, веских доказательств того, что наличествует основание для отступления от принципа равенства долей супругов. Так как дети не наделены самостоятельным правом на имущество родителей, в решении суда должно быть отражено, каким именно образом соблюдаются интересы детей данным отступлением.

Положительная практика не обширна и чаще направлена на соблюдение интересов

детей-инвалидов поддерживать материальный уровень жизни с учетом диагноза. Например, исходя из интересов несовершеннолетнего ребенка, истец просила увеличить размер ее доли. В качестве доказательства отмечена инвалидность ребенка, необходимость дорогостоящего лечения, отсутствие иного жилого помещения. Также отмечено, что раздел имущества супругов неизбежно влечет ухудшение материального положения их дочери, поскольку то имущество, которым она раньше могла владеть и пользоваться, становится для нее недоступным или доступ к нему существенно ограничивается, что приобретает особое значение для нее как инвалида, нуждающегося по состоянию здоровья в дополнительном уходе, требующем соответствующих материальных затрат [12].

Таким образом, судебная практика показывает, что в рамках разрешения вопроса об интересах ребенка при разделе имущества супругов необходимо учитывать уровень материального положения ребенка во взаимосвязи с состоянием его здоровья, наличием потребности в дополнительном уходе, определенных условиях проживания, поскольку ухудшение материального положения ребенка в таком случае влечет за собой негативные последствия для его жизни и здоровья [1, с. 102].

Соблюдение интереса одного из супругов как основание отступления от принципа равенства долей супругов

Вторая группа оснований базируется на заслуживающем внимания интересе одного из супругов, в частности, в случаях, если другой супруг не получал доходов по неуважительным причинам или расходовал общее имущество супругов в ущерб интересам семьи.

Как отражено в п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» [6], под такими интересами следует понимать не только случаи, когда супруг без уважительных причин не получал доходов либо расходовал общее имущество супругов в ущерб интересам семьи, но и когда один из супругов по состоянию здоровья или по иным, не зависящим от него обстоятельствам, ли-

шен возможности получать доход от трудовой деятельности.

Тем не менее практика отражает неправильное толкование норм материального права заявителями, которые часто связывают интерес супруга, указанный в п. 2 ст. 39 СК РФ, и способы наращивания совместного имущества. Так, истец в обоснование увеличения своей доли указывает на то, что спорная квартира, равно как и спорный автомобиль были приобретены на ее личные средства, поскольку в период брака она была постоянно трудоустроена и получала заработную плату [14]. Подчеркнем, что закон не связывает возникновение режима общей собственности супругов на такой доход от того, в какой форме он может быть получен.

В деле № 2-362/2020 от 30 июля 2020 г. заявитель указала, что основанием для отступления от начала равенства долей супругов в общем имуществе является то обстоятельство, что в период брака бывший супруг официально не работал, брался изредка за временную подработку [10]. В подтверждение указанных доводов представлена трудовая книжка. Между тем, по мнению суда, отсутствие записей в трудовой книжке само по себе не свидетельствует о том, что супруг не получал дохода и не вкладывал никаких средств в семейный бюджет. Такая практика довольно обширна. Отметим, что, как правило, суды верно и обоснованно отказывают в увеличении доли по данным требованиям.

Следовательно, для удовлетворения требования необходимо предоставить доказательства отсутствия заработка и (или) иного дохода без уважительных причин либо расхода общего имущества в ущерб интересам семьи, что, как правило, относится к затрудненным фактам. Перечень действий другого супруга, которые являются основанием для снижения размера его доли, открыт и может быть дополнен исходя из конкретной ситуации. Как правило, суды признают обоснованными доказательства причинения ущерба имущественным интересам семьи (неоднократные штрафы за хулиганство, алкоголизм, наркомания, игровая зависимость), упуская сферу личных неимущественных отношений (недостойное поведение, неуважительное отношение к членам семьи).

Полагаем, очевидна потребность дальнейшего совершенствования указанных норм, в том числе разъяснений Верховного суда касательно общих правил толкования материальных норм для единого правоприменения. В Проекте Федерального закона № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7], в частности, предусмотрен механизм дополнительной защиты одного из супругов в случае недобросовестного поведения при распоряжении супружеским имуществом. Предлагается расширить п. 2 ст. 39 СК РФ возможностью отступления от долей и соответственно уменьшению доли того из супругов, который совершал сделки по отчуждению общего имущества на невыгодных условиях без согласия другого супруга. Данное основание может быть реализовано только при условии, что к указанным сделкам не применялись последствия недействительности по требованию второго супруга. Полагаем, такое расширение нормы лишь усложнит правоприменительную практику, так как необходимо будет доказать не только отсутствие согласия, но и невыгодные для семьи условия заключения сделки.

Выводы

Исходя из вышеизложенного, следует подчеркнуть:

- при рассмотрении споров супругов о разделе совместно нажитого имущества следует разграничивать требования об увеличении доли супруга в целях соблюдения интересов детей и одного из супругов, если другой супруг не получал доходов по неуважительным причинам или расходовал общее имущество супругов в ущерб интересам семьи;
- дети не наделены самостоятельным правом на имущество родителей, наличие общего несовершеннолетнего ребенка не является безусловным основанием для отступления от начала равенства долей при разделе имущества бывших супругов;
- интересы ребенка, которые учитываются при отступлении от принципа равенства долей супругов, подразумевают наличие системы обстоятельств, в которой в зависимости от возможности сохранения прежнего материального положения ребенка ставится воз-

возможность реализации его личных неимущественных прав, сохранение прежнего уровня жизни; также имеет значение то обстоятельство, что в противном случае присутствует риск существенного снижения уровня жизни ребенка [1, с. 106];

– следует учитывать, что увеличение доли одного из супругов должно распространяться не на все совместно нажитое имущество, а только на то, в использовании которого имеется интерес несовершеннолетнего ребенка или супруга;

– для изменения имущественного положения супругов, которое законодатель устанавливает в качестве общего правила, отступления от принципа равенства долей супругов требуется наличие исключительных обстоятельств, обоснованных надлежащими доказательствами, в то время как законодательство нуждается в совершенствовании для единой практики правоприменения и недопущения субъективизма при принятии различных решений в схожих ситуациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аблятипова, Н. А. Проблемы реализации имущественных прав супругов, связанные с прекращением брака / Н. А. Аблятипова, А. А. Кравцова // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9, № 7А. – С. 100–109.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 2020. – Июль (№ 14).

3. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2020. – Апр. (№ 4).

4. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26.05.2020 № 18-КГ20-15. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 01.04.2021). – Загл. с экрана.

5. Определение СК по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 15.06.2020 по делу № 8Г-5699/2020[88-6563/2020]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 01.04.2021). – Загл. с экрана.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами

законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // Российская газета. – 1998. – 18 нояб.

7. Проект Федерального закона № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 14.11.2019). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7> (дата обращения: 01.04.2021). – Загл. с экрана.

8. Расторгуева, А. А. Раздел имущества между супругами и наследниками: правовые аспекты / А. А. Расторгуева. – М. : Редакция «Российской газеты», 2019. – 143 с.

9. Решение Верхнепышминского городского суда (Свердловская область) № 2-205/2020 2-205/2020(2-2733/2019);~М-2350/2019 2-2733/2019 М-2350/2019 от 12.02.2020 по делу № 2-205/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/Wiux7RCpAxdj/> (дата обращения: 01.04.2021). – Загл. с экрана.

10. Решение Эссентукского городского суда (Ставропольский край) № 2-362/2020 2-362/2020~М-80/2020 М-80/2020 от 30.07.2020 г. по делу № 2-362/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/Tg2NEDLme7IW/> (дата обращения: 01.04.2021). – Загл. с экрана.

11. Решение Зейского районного суда (Амурская область) № 2-516/2020 2-516/2020~М-472/2020 М-472/2020 от 16.07.2020 г. по делу № 2-516/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/QOpTrYvGaEdC/> (дата обращения: 01.04.2021). – Загл. с экрана.

12. Решение Кисловодского городского суда (Ставропольский край) № 2-1842/2019 2-1842/2019~М-1605/2019 М-1605/2019 от 26.11.2019 г. по делу № 2-1842/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/O3ENfzOsvRLC/> (дата обращения: 01.04.2021). – Загл. с экрана.

13. Решение Лермонтовского городского суда (Ставропольский край) № 2-20/2020 2-20/2020 (2-331/2019);~М-331/2019 2-331/2019 М-331/2019 от 9 июля 2020 г. по делу № 2-20/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/VqyJNXjGorJn/> (дата обращения: 01.04.2021). – Загл. с экрана.

14. Решение Люберецкого городского суда (Московская область) № 2-2205/2020 2-2205/2020~М-1408/2020 М-1408/2020 от 07.09.2020 г. по делу № 2-2205/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/EdmDnssnFmmT/> (дата обращения: 01.04.2021). – Загл. с экрана.

15. Решение Пластского городского суда (Челябинская область) № 2-75/2020 2-75/2020~М-724/2019 М-724/2019 от 28.05.2020 по делу № 2-75/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/qS6RhQeDruV5/> (дата обращения: 01.04.2021). – Загл. с экрана.

16. Решение Промышленного районного суда г. Ставрополя (Ставропольский край) № 2-277/2020 2-277/2020(2-6826/2019;)-М-6463/2019 2-6826/2019 М-6463/2019 от 17.02.2020 по делу № 2-277/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/F3A5op6GQwx/> (дата обращения: 01.04.2021). – Загл. с экрана.

17. Решение Светлогорского городского суда (Калининградская область) № 2-16/2020 2-16/2020(2-660/2019;)-М-498/2019 2-660/2019 М-498/2019 от 13 мая 2020 г. по делу № 2-16/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/v0usvCX6GXIH/> (дата обращения: 01.04.2021). – Загл. с экрана.

18. Решение Соль-Илецкого районного суда (Оренбургская область) № 2-305/2020 2-305/2020~М-103/2020 М-103/2020 от 29.07.2020 по делу № 2-305/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/PGmU265Z2aQf/> (дата обращения: 01.04.2021). – Загл. с экрана.

19. Решение Центрального районного суда г. Симферополя (Республика Крым) № 2-141/2019 2-2805/2018 2-8/2020 2-8/2020(2-141/2019;2-2805/2018;)-М-2737/2018 М-2737/2018 от 16.01.2020 по делу № 2-141/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/Ks0XPWiS1b6W/> (дата обращения: 01.04.2021). – Загл. с экрана.

20. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 04.02.2021) // Российская газета. – 1996. – 27 янв. (№ 17).

REFERENCES

1. Abliatipova N.A., Kravtsova A.A. Problemy realizatsii imushchestvennykh prav suprugov, svyazannye s prekrashcheniem braka [Problems of the Implementation of Property Rights of Spouses Associated with the Termination of Marriage] *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 2019, vol. 9, no. 7A, pp. 100-109.

2. Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii (priniata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniami, odobrennymi v khode obshcherossiiskogo

golosovaniia 01.07.2020) [The Constitution of the Russian Federation]. *Rossiiskaia gazeta*, 2020, July (no. 14).

3. Obzor sudebnoi praktiki Verkhovnogo Suda RF №3 (2019) (utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 27 noiabria 2019 g.) [Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2019) (Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on November 27, 2019)]. *Biulleten Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2020, April, no. 4.

4. *Opredelenie SK po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda RF ot 26 maia 2020 g. №18-KG20-15* [Determination of the IC in Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation Dated May 26, 2020 No. 18-KG20-15]. URL: <https://www.garant.ru/> (accessed 1 April 2021).

5. *Opredelenie SK po grazhdanskim delam Tretego kassatsionnogo suda obshchei iurisdiksii ot 15 iunia 2020 g. po delu №8G-5699/2020 (88-6563/2020)* [Determination of the IC in Civil Cases of the Third General Jurisdiction Court of Cassation Dated June 15, 2020 in Case No. 8G-5699/2020 (88-6563/2020)]. URL: <https://www.garant.ru/> (accessed 1 April 2021).

6. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 5 noiabria 1998 g. №15 “O primeneniі sudami zakonodatelstva pri rassmotrenii del o rastorzhenii braka” [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 5, 1998. No. 15 “On the Application of Legislation by Courts When Considering Cases of Divorce”]. *Rossiiskaia gazeta*, 1998, Nov. 18.

7. *Proekt Federalnogo zakona №835938-7 «O vnesenii izmenenii v otdelnye zakonodatelnye akty Rossiiskoi Federatsii»* (red., vnesennaia v GD FS RF, tekst po sostoiianiiu na 14.11.2019) [Draft Federal Law No. 835938-7 “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” (As Amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of 11/14/2019)]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7> (accessed 1 April 2021).

8. Rastorgueva A.A. *Razdel imushchestva mezhdru suprugami i naslednikami: pravovye aspekty* [Division of Property Between Spouses and Heirs: Legal Aspects]. Moscow, Rossiyskaya Gazeta, 2019, 143 p.

9. Reshenie Verkhnepyshminskogo gorodskogo suda (Sverdlovskaiia oblast) № 2-205/2020 2-205/2020(2-2733/2019;)-М-2350/2019 2-2733/2019 М-2350/2019 от 12 fevralia 2020 g. po delu № 2-205/2020 [Decision of the Verkhnepyshminsky City Court (Sverdlovsk Region) No. 2-205/2020 2-205/2020 (2-2733/2019;)-М-2350/2019 2-2733/2019 М-2350/2019

dated February 12, 2020 to Case No. 2-205] *Sudebnye i normativnye akty RF* [Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Wiux7RCpAxdj/> (accessed 1 April 2021).

10. Reshenie Essentukского городского суда (Stavropolskii krai) № 2-362/2020 2-362/2020~M-80/2020 M-80/2020 ot 30 iul'ia 2020 g. po delu № 2-362/2020 [Decision of the Essentuki City Court (Stavropol Territory) No. 2-362/2020 2-362/2020~M-80/2020 M-80/2020 Dated July 30, 2020 in Case No. 2-362/2020]. *Sudebnye i normativnye akty RF* [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Tg2NEDLme7IW/> (accessed 1 April 2021).

11. Reshenie Zeiskogo raionnogo suda (Amurskaia oblast) № 2-516/2020 2-516/2020~M-472/2020 M-472/2020 ot 16 iul'ia 2020 g. po delu № 2-516/2020 [Decision of the Zeyskiy District Court (Amur Region) No. 2-516/2020 2-516/2020 ~ M-472/2020 M-472/2020 Dated July 16, 2020 in Case No. 2-516/2020]. *Sudebnye i normativnye akty RF* [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/QOpTrYvGaEdC/> (accessed 1 April 2021).

12. Reshenie Kislovodskogo городского суда (Stavropolskii krai) № 2-1842/2019 2-1842/2019~M-1605/2019 M-1605/2019 ot 26 noiabria 2019 g. po delu № 2-1842/2019 [Decision of the Kislovodsk City Court (Stavropol Territory) No. 2-1842/2019 2-1842/2019~M-1605/2019 M-1605/2019 Dated November 26, 2019 in Case No. 2-1842/2019]. *Sudebnye i normativnye akty RF* [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/O3ENfzOsvRLC/> (accessed 1 April 2021).

13. Reshenie Lermontovskogo городского суда (Stavropolskii krai) № 2-20/2020 2-20/2020(2-331/2019;)-M-331/2019 2-331/2019 M-331/2019 ot 9 iul'ia 2020 g. po delu № 2-20/2020 [Decision of the Lermontov City Court (Stavropol Territory) No. 2-20/2020 2-20/2020(2-331/2019;)-M-331/2019 2-331/2019 M-331/2019 Dated July 9, 2020 in Case No. 2-20/2020]. *Sudebnye i normativnye akty RF* [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/VqyJNXjGorJn/> (accessed 1 April 2021).

14. Reshenie Liuberetskogo городского суда (Moskovskaia oblast) № 2-2205/2020 2-2205/2020~M-1408/2020 M-1408/2020 ot 7 sentiabria 2020 g. po delu № 2-2205/2020 [Decision of the Lyubertsy City Court (Moscow Region) No. 2-2205/2020 2-2205/2020~M-1408/2020 M-1408/2020 Dated September 7, 2020 in Case No. 2-2205/2020]. *Sudebnye i normativnye akty RF* [Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/EdmDnssnFmmT/> (accessed 1 April 2021).

15. Reshenie Plast'skogo городского суда (Cheliabinskaia oblast) № 2-75/2020 2-75/2020~M-724/

2019 M-724/2019 ot 28 maia 2020 g. po delu № 2-75/2020 [Decision of the Plast City Court (Chelyabinsk Region) No. 2-75 / 2020 2-75 / 2020 ~ M-724/2019 M-724/2019 Dated May 28, 2020 in Case No. 2-75 / 2020]. *Sudebnye i normativnye akty RF* [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/qS6RhQeDruV5/> (accessed 1 April 2021).

16. Reshenie Promyshlennogo raionnogo suda g. Stavropol'ia (Stavropolskii krai) № 2-277/2020 2-277/2020(2-6826/2019;)-M-6463/2019 2-6826/2019 M-6463/2019 ot 17 fevral'ia 2020 g. po delu № 2-277/2020 [Decision of the Industrial District Court of Stavropol (Stavropol Territory) No. 2-277/2020 2-277/2020 (2-6826/2019;)-M-6463/2019 2-6826/2019 M-6463/2019 Dated 17 February 2020 in Case No. 2-277/2020]. *Sudebnye i normativnye akty RF* [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/F3A5op6GQwxc/> (accessed 1 April 2021).

17. Reshenie Svetlogorskogo городского суда (Kaliningradskaia oblast) № 2-16/2020 2-16/2020(2-660/2019;)-M-498/2019 2-660/2019 M-498/2019 ot 13 maia 2020 g. po delu № 2-16/2020 [Decision of the Svetlogorsk City Court (Kaliningrad Region) No. 2-16/2020 2-16/2020 (2-660/2019;)-M-498/2019 2-660/2019 M-498/2019 Dated May 13, 2020 in Case No. 2-16/2020]. *Sudebnye i normativnye akty RF* [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/v0usvCX6GXIH/> (accessed 1 April 2021).

18. Reshenie Sol-Ilet'skogo raionnogo suda (Orenburgskaia oblast) № 2-305/2020 2-305/2020~M-103/2020 M-103/2020 ot 29 iul'ia 2020 g. po delu № 2-305/2020 [Decision of the Sol-Iletsk District Court (Orenburg Region) No. 2-305/2020 2-305/2020~M-103/2020 M-103/2020 Dated July 29, 2020 in Case No. 2-305/2020]. *Sudebnye i normativnye akty RF* [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/PGmU265Z2aQf/> (accessed 1 April 2021).

19. Reshenie Tsentral'nogo raionnogo suda g. Simferopol'ia (Respublika Krym) № 2-141/2019 2-2805/2018 2-8/2020 2-8/2020(2-141/2019; 2-2805/2018;)-M-2737/2018 M-2737/2018 ot 16 ianvar'ia 2020 g. po delu № 2-141/2019 [Decision of the Central District Court of Simferopol (Republic of Crimea) No. 2-141/2019 2-2805/2018 2-8/2020 2-8/2020 (2-141/2019; 2-2805/2018;)-M-2737/2018 M-2737/2018 Dated January 16, 2020 in Case No. 2-141/2019]. *Sudebnye i normativnye akty RF* [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Ks0XPWiS1b6W/> (accessed 1 April 2021).

20. Semeinyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 29.12.1995 № 223-FZ (red. ot 04.02.2021) [Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 No. 223-FZ]. *Rossiiskaia gazeta*, 1996, 27 Jan. (no.17).

Information About the Author

Natalia A. Ablyatipova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Kazakhstan, Department of Civil Law, Russian State University of Justice (Crimean Branch), Pavlenko St / Studencheskiy Lane, 5/2, 295006 Simferopol, Russian Federation, ve_na2014@mail.ru, mail@crb.rsuj.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4579-3871>

Информация об авторе

Наталья Айдеровна Аблятипова, заслуженный юрист Республики Казахстан, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Российский государственный университет правосудия (Крымский филиал), ул. Павленко / переулок Студенческий, 5/2, 295006 г. Симферополь, Российская Федерация, ve_na2014@mail.ru, mail@crb.rsuj.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4579-3871>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.19>

UDC 347.1
LBC 67.404

Submitted: 18.05.2021
Accepted: 15.06.2021

THE LEGISLATIVE INNOVATIONS IN THE REGULATION OF INVESTMENT TRANSACTIONS MADE USING THE FINANCIAL PLATFORM: EFFECTIVENESS EVALUATION¹

Denis E. Matytsin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation;
Volzhsky Branch of International Law Institute, Volzhsky, Russian Federation

Introduction: the relevance of the paper is justified by the fact that the civil doctrine regarding the study of the topics of investment transactions made using the financial platform is in the stage of gradual formation. While academic economists are quite actively developing issues of forming new approaches to the remote provision of financial services to a wide range of consumers. The **purpose** of the study: the paper provides a detailed analysis of Federal Law of July 20, 2020, No. 211-FZ “On Making Financial Transactions Using the Financial Platform”, which entered into force in 2020 and regulates the activities of special legal entities – operators providing investment services to individuals. The aim is to evaluate the effectiveness of the provisions enshrined in Federal Law No. 211-FZ of July 20, 2020, “On Making Financial Transactions Using the Financial Platform”. Analyzing the provisions of the newly adopted document, the author answers the question of whether they facilitate, accelerate and simplify the execution of transactions by a private investor made using the financial platform. The Rules of the financial platform are also analyzed as a legal regulatory basis for the entrepreneurial activity of the operator of the financial platform. **Research methods:** based on the materialistic worldview, the author uses a combination of general scientific and specific scientific methods. The main research methods are the logical and system-structural methods, the methods of induction and deduction, analysis and synthesis, as well as the formal legal method. **Conclusions:** it is concluded that the activity of recording data on financial transactions, which the repository (the registrar of financial transactions) must carry out according to Federal Law No. 211-FZ of 20.07.2020, is very cumbersome, complex, and costly, is subject to the risks of improper execution and improper preservation of personal data of consumers of financial services. It is proposed to use the depository and registration platform, which functions as a special electronic service on the website of the Bank of Russia, to record data on financial transactions using the financial platform. It is recommended to record the facts of financial transactions made in the system of a polysubject jurisdictional blockchain. The recommended scheme of polysubject blockchain interaction of entities operating on the territory of the Russian Federation has been developed, which allows each participant of the blockchain to simultaneously receive complete and reliable information on each stage of a financial transaction in the online mode and exclude irrational data transfer related to financial transactions and their participants, reduce the risk of improper storage of personal data of consumers of financial services, etc. It is proved that in Federal Law No. 211-FZ of 20.07.2020 the legislator has created a legal business scheme that is beneficial, first of all, for the operator of the financial platform – an intermediary organization. The amendments and additions to Federal Law No. 211-FZ of 20.07.2020 are proposed. The expediency of borrowing and integrating into the unified federal law “On Making Investment Transactions by Consumers in the Information and Telecommunications Network “Internet” all viable legislative provisions developed in Federal Law No. 211-FZ of 20.07.2020 is justified. This document also proposes to fix a set of rules for regulating remote digital transactions of investment in traditional financial assets, securities, digital financial assets, and derivative financial assets made by retail private investors (individuals) in the Internet information and telecommunications network.

Key words: investment transactions, investment services, investor (consumer of financial services), information and telecommunications network “Internet”, remote digital transactions, financial assets, financial platform, blockchain technologies.

Citation. Matytsin D.E. The Legislative Innovations in the Regulation of Investment Transactions Made Using the Financial Platform: Effectiveness Evaluation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 125-137. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.19>

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ НОВЕЛЛЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ СДЕЛОК, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ФИНАНСОВОЙ ПЛАТФОРМЫ: ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ¹

Денис Евгеньевич Матыцин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация;
Волжский филиал Международного юридического института, г. Волжский, Российская Федерация

Введение: актуальность статьи обосновывается тем фактом, что цивилистическая доктрина в части исследования тематики инвестиционных сделок, совершаемых с использованием финансовой платформы, находится в стадии постепенного формирования. В то же время экономисты довольно активно разрабатывают вопросы формирования новых подходов к дистанционному предоставлению финансовых услуг широкому кругу потребителей. **Цель исследования:** в статье проводится детальный анализ Федерального закона от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы», который вступил в силу в 2020 г. и регулирует деятельность особых юридических лиц – операторов, оказывающих частным лицам инвестиционные услуги. Преследуется цель оценки эффективности положений, закрепленных в Федеральном законе от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы». Анализируя положения вновь принятого документа, автор отвечает на вопрос – облегчают, ускоряют и упрощают ли они совершение частным инвестором сделок, совершаемых с использованием финансовой платформы. В качестве юридического регламентационного базиса предпринимательской деятельности оператора финансовой платформы анализируются также Правила финансовой платформы. **Методы исследования:** на базе материалистического мировоззрения автором применены в сочетании общенаучные и частнонаучные методы. Основными методами исследования выступают логический и системно-структурный методы, методы индукции и дедукции, анализа и синтеза, а также формально-юридический метод. **Выводы:** в заключении делается вывод о том, что деятельность по учету данных о финансовых сделках, которую репозитарий (регистратор финансовых транзакций) согласно Федеральному закону от 20.07.2020 № 211-ФЗ должен осуществлять, весьма громоздкая, сложная и затратная, подвержена рискам ненадлежащего исполнения и ненадлежащего сохранения персональных данных потребителей финансовых услуг. Предлагается для учета данных о финансовых сделках с использованием финансовой платформы применять депозитарно-регистрационную платформу, функционирующую в качестве специального электронного сервиса на веб-сайте Банка России. Фиксацию фактов совершаемых финансовых сделок рекомендуется осуществлять в системе полисубъектного юрисдикционного блокчейна. Разработана рекомендованная схема полисубъектного блокчейн-взаимодействия субъектов, действующих на территории Российской Федерации, позволяющая каждому участнику блокчейна одновременно получать полную и достоверную информацию по каждому этапу совершаемой финансовой сделки в режиме онлайн и исключить нерациональную передачу данных, касающихся финансовых сделок и их участников, снизить риск ненадлежащего сохранения персональных данных потребителей финансовых услуг и т. д. Доказано, что законодатель в Федеральном законе от 20.07.2020 № 211-ФЗ создал юридическую схему бизнеса, выгодную, прежде всего, для оператора финансовой платформы – организационно-посредника. Предлагаются изменения и дополнения в Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ. Обоснована целесообразность заимствования и интегрирования в единый федеральный закон «О совершении потребителями инвестиционных сделок в информационно-телекоммуникационной сети Интернет» всех жизнеспособных законодательных положений, разработанных в Федеральном законе от 20.07.2020 № 211-ФЗ. В данном документе предлагается также закрепить комплекс правил регулирования дистанционно-цифровых сделок инвестирования в традиционные финансовые активы, в ценные бумаги, в цифровые финансовые активы, в производные финансовые активы, совершаемых розничными частными инвесторами (физическими лицами) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Ключевые слова: инвестиционные сделки, инвестиционные услуги, инвестор (потребитель финансовых услуг), информационно-телекоммуникационная сеть Интернет, дистанционно-цифровые сделки, финансовые активы, финансовая платформа, блокчейн технологии.

Цитирование. Матыцин Д. Е. Законодательные новеллы регулирования инвестиционных сделок, совершаемых с использованием финансовой платформы: оценка эффективности // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 125–137. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.19>

Введение

Федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» вступил в силу в 2020 г. и регулирует деятельность особых юридических лиц – операторов, которые оказывают частным лицам инвестиционные услуги [20]. Эти услуги предусматривают создание условий для граждан по совершению в Интернете сделок двух видов: частный инвестор – финансовая организация; частный инвестор – эмитент. Несомненно, указанные сделки в полной мере относимы к дистанционно-цифровым инвестиционным сделкам.

В отличие от правоведов экономисты довольно активно разрабатывают вопросы формирования новых подходов к дистанционному предоставлению финансовых услуг широкому кругу потребителей [4, с. 41–51; 6, с. 134–142; 7; 9, с. 280–292; 12, с. 91–101; 14, с. 86–98; 17, с. 59–69; 18; 26, с. 91–100; 27; 28; 29; 30]. Полагаем, что цивилистическая доктрина в части исследования тематики инвестиционных сделок, совершаемых с использованием финансовой платформы, пока только формируется, при этом ученые юристы отрасли финансового права немного впереди [2, с. 149–152; 11, с. 228–234; 13, с. 45–51; 15, с. 27–31; 20, с. 28–33].

Оператор финансовой платформы содействует частным инвесторам (потребителям финансовых услуг) в совершении сделок, во-первых, с финансовыми организациями, во-вторых, с эмитентами. Зададимся вопросом, как это облегчало, ускоряло, упрощало совершение частным инвестором таких сделок, если бы он не обращался на данную посредническую площадку? Ответы получим в итоге детального анализа правового регулирования, закрепленного в Федеральном законе от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» (Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ).

Финансовая платформа

как новая инвестиционная площадка

Исходя из названия Федерального закона от 20.07.2020 № 211-ФЗ, можно предположить, что Законодателем реализован порядок

применения оператором финансовой платформы особой информационной технологии, суть которой – веб-сайт с передовыми сервисами для несложного совершения частными инвесторами дистанционно-цифровых сделок. Мы полностью поддерживаем решение Законодателя о том, что для оказания услуг частным инвесторам у оператора финансовой платформы должны быть во владении основной и резервный комплексы программно-аппаратных средств, которые обеспечивают непрерывную работу платформы (веб-сайта), сохранность данных и их резервное копирование. Причем сами комплексы программно-аппаратных средств, согласно закону, должны быть расположены на территории Российской Федерации.

Банк России непосредственно причастен к легитимации юридического лица в статусе оператора финансовой платформы. Согласно ст. 11 Федерального закона от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ заявитель подает от семи до десяти разновидностей документов, Банк России в срок до 30 дней их рассматривает, затем включает (либо отказывает заявителю включить) сведения о нем в Реестр операторов финансовых платформ [26]. По нашему мнению, это та же процедура лицензирования, только более экономичная, потому что реестр – это всего лишь таблица на веб-сайте Банка России, не нужно изготавливать бланк лицензии, оформлять ее, подписывать, выдавать документ юридическому лицу. Заметим, что в семи определенных ситуациях Банк России вправе принять решение об исключении сведений об операторе финансовой платформы из указанного реестра. Добровольно оператор финансовой платформы вправе подать Банку России заявление о своем исключении из реестра в связи прекращением данного бизнеса только при условии отсутствия обязательств перед участниками финансовой платформы по договору об оказании услуг оператора финансовой платформы.

Для деятельности оператора финансовой платформы характерна полная информационная прозрачность. Тринадцать позиций данных об операторе должны быть раскрыты на его веб-сайте и находиться в свободном доступе. Так, например, установлена обязанность представить на веб-сайте Правила финансовой

платформы, зарегистрированные в Банке России; указать на веб-сайте размер вознаграждения оператора (порядок его определения), указать порядок уплаты услугополучателем такого вознаграждения; раскрыть на веб-сайте реквизиты специального счета (счетов) оператора финансовой платформы. Наряду с этим, на веб-сайте должны быть раскрыты все лица, которые ведут учет прав на ценные бумаги (права на которые потребители финансовых услуг получают при совершении финансовых сделок). Должен быть представлен перечень лиц, которых оператор финансовой платформы привлек с целью размещения данных о совершаемых на платформе финансовых сделках и раскрыт состав банков, которые по поручению оператора платформы осуществляют идентификацию потребителей финансовых услуг. Осуществляют идентификацию и представителей этих потребителей, а также выгодоприобретателей, бенефициарных владельцев при заключении с такими лицами договора об оказании услуг оператора финансовой платформы при их личном присутствии. Помимо этого, раскрываются реквизиты веб-сайтов, фирменные наименования и места нахождения финансовых организаций и то же самое – эмитентов, являющихся участниками финансовой платформы (ст. 13 Федерального закона от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ).

Кроме того, в рамках ст. 12 Федерального закона от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ Законодатель большое внимание обращает на порядок работы с данными, которые получает оператор финансовой платформы при оказании услуг. Требования к защите информации и по операционной надежности, установленные в Федеральных законах от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [23] (защита информации, информационная надежность), от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [22] (аутентификация участника финансовой платформы) оператором должны неукоснительно соблюдаться. Законодателем отдельно закреплено, что оператор непрерывно проводит мероприятия, предусматривающие выявление попыток совер-

шения сделок на финансовой платформе без волеизъявления участников финансовой платформы, оператор обязан противодействовать совершению таких сделок. Если такие действия имеют место, о них оператор обязан уведомлять Банк России, который формирует специальную базу данных о таких случаях.

По нашему мнению, юридическим регламентационным базисом предпринимательской деятельности оператора финансовой платформы являются Правила финансовой платформы. Этот документ проходит регистрацию в Банке России одновременно с приобретением юридическим лицом – заявителем правового статуса оператора финансовой платформы, возникающий, как отмечено выше, с момента включения оператора в Реестр операторов финансовых платформ. Если у оператора в процессе ведения деятельности возникает необходимость внести в Правила изменения и (или) дополнения, в Банк России представляются Правила финансовой платформы в новой редакции. Представляется заявление о регистрации изменений (этот электронный документ создается с использованием компьютерной программы с веб-сайта Банка России), копия решения оператора об утверждении изменений в Правила финансовой платформы, документ, в котором выделены вносимые в Правила финансовой платформы изменения, а также объясняются причины внесения изменений (ст. 16 Федерального закона от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ). Как видим, Правила финансовой платформы суть Устав по ведению данного дистанционно-цифрового бизнеса в инвестиционной сфере.

Так, в ст. 4 Федерального закона от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ Законодатель установил шестнадцать развернутых позиций, которые подробнейшим образом регламентируют содержание Правил финансовой платформы. Первое: требования, которым должны соответствовать участники данной финансовой платформы (правоспособность юридических лиц, дееспособность потребителей финансовых услуг). Второе: варианты сделок, совершаемых по Правилам, установленным на данной платформе. Третье: положения договора с условиями оказания услуг оператором финансовой платформы. Логично, что указанный договор является договором присоединения,

включающим права и обязанности оператора финансовой платформы, присоединившихся к этому договору потребителей финансовых услуг, финансовых организаций или эмитентов. Кроме того, этот договор регламентирует порядок взаимодействия между оператором финансовой платформы и указанными субъектами при заключении и исполнении финансовых сделок. Опустим позиции с четвертой по седьмую. Восьмое: регламентация указаний через финансовую платформу потребителя финансовых услуг оператору финансовой платформы. Данные указания на определенных условиях принимаются к исполнению, после чего исполняются, затем в определенный срок об их исполнении оператор финансовой платформы сообщает потребителю финансовых услуг. Девятое: в составе указаний потребителя финансовых услуг для оператора регламентируется срок, в течение которого оператор обязан дать от своего лица распоряжение в кредитную организацию о совершении операций по специальному счету оператора на основании указания, полученного от потребителя финансовых услуг. Если не установлен конкретный срок (дата), оператор обязан дать распоряжение о списании денежной суммы со специального счета в течение одного рабочего дня с момента получения оператором указания от потребителя финансовых услуг.

Ключевым юридическим инструментом, посредством которого организуется взаимодействие всех субъектов финансовых дистанционно-цифровых сделок, является договор об оказании услуг оператора финансовой платформы. Условия договора закреплены и представлены в Правилах финансовой платформы, участники финансовой платформы становятся стороной договора, присоединяясь к нему в ходе электронно-дистанционного взаимодействия. В рамках этого договора об оказании услуг оператора финансовой платформы услугодатель (оператор) обязуется по действующим Правилам финансовой платформы оказывать специфические услуги. Во-первых, содержание его услуг – предоставить на платформе информацию участникам финансовой платформы для совершения дистанционно-цифровой финансовой сделки. Во-вторых, оператор в рамках этого договора может обеспечивать информационное взаимодействие

участников финансовой платформы непосредственно для совершения финансовых сделок (ст. 3 Федерального закона от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ).

Согласно ст. 6 Федерального закона от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ принципиально важным элементом предпринимательского строения финансовой платформы и услуг самого оператора является специальный счет, который оператор финансовой платформы императивно обязан открыть в системно значимой кредитной организации на территории Российской Федерации, заключив договор специального счета. В этот банк оператор ежедневно в рабочие дни предоставляет за предыдущий рабочий день сведения об общем денежном остатке на этом специальном счете и о персональных остатках денежных средств каждого потребителя финансовых услуг внутри общего денежного остатка. Следует уточнить, что указанная обязанность оператора финансовой платформы может быть установлена указанным выше договором специального счета и сторонами договора специального счета для банка, в котором функционирует данный специальный счет. По нашему мнению, специальный счет представляет собой электронно-дистанционный транзитный инструмент разграничения прав собственности на денежные средства оператора финансовой платформы и потребителей финансовых услуг.

Восемь разновидностей операций могут проводиться по специальному счету оператора финансовой платформы. Прежде всего, зачисление денежных сумм в пользу частного инвестора, например, со счета его банковского вклада по окончании срока вклада и в его пользу могут быть зачислены согласно условиям финансовой сделки данного частного инвестора с финансовой организацией или с эмитентом в качестве исполнения от указанной стороны, обязанной по сделке или как доход (иная выплата) по тем или иным ценным бумагам. Допускается также зачисление денег в пользу потребителя финансовых услуг в виде страховой выплаты по Федеральному закону от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» [21]. Закономерно, что в соответствующих случаях по специальному счету будут осуществляться расходы – списания

денежных сумм по указаниям частного инвестора по конкретным финансовым сделкам, а также в качестве денежного вознаграждения оператору финансовой платформы по договору. Следует уточнить, что списание денежных сумм будет также осуществлено со специального счета (из соответствующего остатка определенного частного инвестора по его обязательствам), если в банк будет представлено решение суда, имеются и иные, предусмотренные федеральными законами случаи.

Информация о движении принадлежащих потребителю финансовых услуг денежных средств по специальному счету доводится до него оператором бесплатно в порядке, предусмотренном Правилами финансовой платформы. В ч. 10 ст. 6 Федерального закона от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ Законодатель закрепил норму о том, что срок направления частному инвестору информации о движении денежных средств не может превышать один рабочий день со дня их зачисления (списания).

Следует отметить, что частный инвестор вправе выбрать способ возврата со специального счета принадлежащих ему денежных средств, закрепив этот способ в договоре об оказании услуг оператора финансовой платформы. Несомненно, данный договорный способ возврата денег потребителю финансовых услуг может быть заменен сторонами на другой способ при необходимости. Очевидно, что частный инвестор должен включить в договор об оказании услуг оператора финансовой платформы со своей стороны реквизиты своего банковского счета физического лица. Уточним, что в зависимости от полноты правоспособности оператора финансовой платформы (например, исключение из Реестра операторов финансовых платформ) договор специального счета может прекратиться. Здесь, во-первых, возникает вопрос о судьбе денежных средств, которые принадлежат частному инвестору. Законодатель решил, что остаток этих денег выдается кредитной организацией потребителю финансовых услуг наличными либо по указанию последнего зачисляется на любой его банковский счет физического лица безналичными денежными средствами. Во-вторых, показанная гипотетическая ситуация с исключением оператора из Реестра операторов финансовых платформ

ярко высвечивает сугубо посредническую функцию оператора финансовой платформы между частным инвестором и кредитной организацией, в которой имеется специальный счет.

В ст. 7 Федерального закона от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ находится упоминание о регистраторе финансовых транзакций, которое мы встречали в ст. 2. Казалось бы, что это некое новое субъектное явление в инвестиционном обороте, но на самом деле Законодателем так экзотично назван репозитарий (сам центральный депозитарий либо его 100 %-ное дочернее общество), который ведет учет финансовых сделок. В словаре банковских терминов раскрывается термин «транзакция» – слово, производное от английского – transaction – «дело, сделка, соглашение». По сути, имеется в виду операция с денежными средствами: перевод, вывод или зачисление денег на банковский счет [10]. К сожалению, Законодатель, по нашему мнению – для красного словца, создал в федеральном законе новый термин для юридического лица специальной правоспособности, под которым понимается всего лишь регистратор операций с денежными средствами.

Репозитарий, ведущий учет финансовых сделок, действует в рамках Правил осуществления репозитарной деятельности. Оператор финансовой платформы обязан досконально знать и соблюдать эти Правила (порядок, состав, форма, сроки предоставления сведений), предоставлять репозитарию (регистратору финансовых транзакций) полную и, что особенно важно – достоверную, следующую информацию:

1. О размещенных с использованием финансовой платформы банковских вкладах и об операциях с денежными средствами по ним (обязанность оператора).

2. О совершении иных финансовых сделок и об операциях по ним с использованием финансовой платформы (обязанность оператора).

3. Когда это предусмотрено Правилами осуществления репозитарной деятельности может предоставлять регистратору финансовых транзакций иную информацию по таким сделкам (право оператора).

Также в ст. 7 Федерального закона от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ регламентирован

правовой режим предоставления информации, которую репозитарий (регистратор финансовых транзакций) доводит до указанных в законе субъектов. Во-первых, это сам клиент репозитария; во-вторых, суды (судьи); в-третьих, органы предварительного следствия; в-четвертых, Государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов»; в-пятых, нотариус, ведущий наследственное дело; в-шестых, иные лица в соответствии с федеральными законами. Положительно, что Законодатель допускает доведение информации до самого потребителя финансовых услуг через интернет-портал «Госуслуги». При этом способ доведения информации до частного инвестора выбирается репозитарием (регистратором финансовых транзакций) из его же Правил осуществления репозитарной деятельности. Кроме того, репозитарию допускается использовать единую систему идентификации и аутентификации, а также межведомственного электронного взаимодействия. Указанному субъекту разрешается получить целый комплекс касающихся частного инвестора персональных данных: номер оператора подвижной радиотелефонной связи и адреса электронной почты потребителя финансовых услуг, его СНИЛС в ПФР и др.

Ряд особенностей Законодатель выделяет, регламентируя сам процесс совершения финансовых сделок в ст. 5 Федерального закона от 20.07.2020 № 211-ФЗ:

1. Только договор страхования именно как договор в пользу третьего лица (при необходимости) можно заключить с использованием финансовой платформы. Другие договоры в пользу третьего лица на финансовой платформе не могут заключаться.

2. При исполнении денежных обязательств участниками финансовой платформы не допускается зачисление денежных средств, которые принадлежат (причисляются) частным инвесторам, на банковские счета, где размещаются собственные денежные средства оператора финансовой платформы.

3. Денежные средства потребителя финансовых услуг через оператора финансовой платформы могут зачисляться либо напрямую на банковский счет финансовой организации (на банковский счет эмитента), с которой (которым) потребителем заключена финансовая

сделка, либо на специальный счет, открытый в банке оператору финансовой платформы, либо на банковский счет самого частного инвестора как физического лица.

4. Возможна ситуация, при которой потребитель финансовых услуг заключит договор банковского вклада через финансовую платформу, затем этот договор изменит или вообще прекратит, но без использования финансовой платформы, что вполне законно и допустимо. В такой ситуации у банка – стороны по такому договору банковского вклада – возникает обязанность сообщить об этом факте оператору финансовой платформы, причем сообщить незамедлительно, при этом подобная ситуация должна регламентироваться Правилами финансовой платформы.

5. Трансферт частному инвестору ценных бумаг во исполнение обязательств по финансовой сделке, совершенной с использованием финансовой платформы, завершается зачислением этих ценных бумаг только на лицевой счет (счет депо) данного частного инвестора в депозитории.

6. Выданное через финансовую платформу распоряжение частного инвестора о списании ценных бумаг с его лицевого счета (со счета депо) исполняется только путем зачисления этих ценных бумаг на иные лицевые счета или счета депо другого частного инвестора (в том числе через номинального держателя ценных бумаг), либо путем их передачи (возврата) финансовой организации или эмитенту в целях исполнения обязательств по финансовой сделке.

7. Стороны финансовых сделок с ценными бумагами отдельно регламентируются Законодателем. Субъекты, с одной стороны, только потребитель финансовых услуг, с другой – лица, обязанные по таким ценным бумагам. В том числе эмитенты ценных бумаг в отношении ценных бумаг, выпущенных ими самими, а также лица, действующие по поручению эмитентов. В том числе финансовые организации, имеющие лицензию на осуществление дилерской деятельности. Дилер совершает финансовые сделки путем объявления цен: а) продажи определенных ценных бумаг с обязательством продажи таких ценных бумаг по объявленным ценам; б) покупки ценных бумаг такого эмитента с обязательством

покупки этих ценных бумаг по объявленным ценам. Следует уточнить, что по финансовым сделкам с ценными бумагами, допущенными к организованным торгам, покупателями таких бумаг могут выступать только частные инвесторы – потребители финансовых услуг.

8. Обязанное по ценным бумагам лицо может выплатить по ним деньги (если бумаги принадлежат частному инвестору) на специальный счет оператора финансовой платформы. Такую же выплату может осуществить депозитарий. Это, очевидно, можно реализовать при условии, что реквизиты специального счета переданы потребителем финансовых услуг регистратору или депозитарию (который учитывает права потребителя финансовых услуг на такие ценные бумаги), а также при условии присоединения регистратора или депозитария к договору об оказании услуг оператора финансовой платформы. Сам регистратор или депозитарий, совмещая бизнесы, может действовать еще и как оператор финансовой платформы.

9. Исходя из требований к лицам, которые могут являться стороной сделок, или к лицам, в пользу и (или) за счет которых могут совершаться сделки с использованием финансовой платформы, должны соблюдаться особые ограничения, установленные Федеральным законом от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [24]. Во-первых, ограничения на заключение сделок с ценными бумагами. Во-вторых, ограничения на заключение договоров, являющихся производными финансовыми инструментами. В-третьих, ограничения на заключение иных сделок на рынке ценных бумаг. В-четвертых, имеется общее ограничение: если требования, связанные с участием в определенных сделках, не подлежат судебной защите, то такие сделки недопустимо совершать с использованием финансовой платформы.

Результаты

По истечении года после вступления в силу Федерального закона от 20.07.2020 № 211-ФЗ Реестр операторов финансовых платформ выглядел более чем скромно. На веб-сайте Банка России в указанном реестре мы видим всего лишь 3 организации: Публичное акционер-

ное общество «Московская Биржа ММВБ-РТС»; Акционерное общество ВТБ Регистратор; Акционерное общество «Специализированный депозитарий «ИНФИНИТУМ» [3]. Как было отмечено выше, фактически все 3 организации стали операторами финансовых платформ на условиях совмещения бизнесов.

К сожалению, хотя и прошел год после вступления в силу Федерального закона от 20.07.2020 № 211-ФЗ, на веб-сайте финансовой платформы Мосбиржи мы видим довольно слабый ассортимент предложений для инвестирования [8]: 9 вкладов в различных коммерческих банках, а также единственное предложение по страхованию – оформление электронного полиса ОСАГО. Следует подтвердить, что в Правилах финансовой платформы Публичного акционерного общества «Московская Биржа ММВБ-РТС» (Зарегистрированы Банком России 24.12.2020 (Уведомление Банка России о регистрации документа Публичного акционерного общества «Московская Биржа ММВБ-РТС» от 24.12.2020 № 14-6-10/10650)) в разделе 6 «Финансовые сделки», в пункте 6.3 действительно закреплено такое правило: «6.3 Оператор платформы обеспечивает возможность совершения следующих Финансовых сделок: 1) договор банковского вклада (депозита); 2) договор обязательного страхования» [8].

На веб-сайте финансовой платформы АО ВТБ Регистратор [5] мы находим только 1 вариант инвестирования – предлагаются облигации субъекта Российской Федерации – Томской области (RU25068TMSO; RU25071TMSO). Однако имеется ли возможность их продать, получить стоимость погашения в конце срока облигаций, не указано. На веб-сайте АО «Специализированный депозитарий «ИНФИНИТУМ» представлено 44 варианта инвестирования в различные паевые инвестиционные фонды [25]. При этом фактически купить можно паи только 20 паевых инвестиционных фондов, не указано, есть ли возможность продать имеющиеся паи обратно через эту же платформу. Также на веб-сайте АО «Специализированный депозитарий «ИНФИНИТУМ» указано довольно странное изречение, что Финансовая платформа – это цифровая перезагрузка ПИФ [1].

По нашему мнению, такая фатальная неактивность хозяйствующих субъектов под-

тверждает следующую нашу позицию. Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ перегружен громоздкими конструкциями, содержит излишества по количеству участвующих в регулируемых отношениях субъектов, а также имеет дисбаланс по объему сложных обязанностей, который не покрывается экономическими интересами их исполнителей. Прежде всего, тщательный анализ приводит к пониманию того, что никакой финансовой платформы, которая давала бы частному инвестору (потребителю финансовых услуг) прибыль от инвестирования, вообще-то не существует. Фактически существует только веб-сайт – визитная карточка организации-посредника. Поразительно, но сам Законодатель, раскрывая самое первое из основных понятий, используемых в законе, указывает, что «финансовая платформа – информационная система, которая обеспечивает взаимодействие финансовых организаций или эмитентов с потребителями финансовых услуг посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»» (ст. 2 Федерального закона от 20.07.2020 № 211-ФЗ).

Можно сформулировать это следующим образом: имеется веб-сайт инвестиционного посредника (оператора), способного помочь розничному частному инвестору заключить, например, договор банковского вклада, страхования автогражданской ответственности или договор покупки облигаций. Однако «на платформе» этому частному инвестору предстоит: 1) заключить договор с этим оператором; 2) зачислить деньги на специальный счет этого оператора; 3) дать указание, в какой банк, на какой вклад деньги разместить; 4) заплатить оператору за услуги. Из представленных согласно закону 4 шагов – 3 шага нерациональные и совершенно бессмысленные. С ценными бумагами ситуация складывается еще более тяжелая. Розничному частному инвестору, который не идет «на финансовую платформу», необходимо открыть брокерский счет, зачислить на него сумму, затем можно давать брокеру поручение о приобретении тех или иных ценных бумаг, заключить договор с депозитарием. Но согласно Федеральному закону от 20.07.2020 № 211-ФЗ получается, что частный инвестор должен: 1) заключить договор с этим оператором; 2) зачислить деньги на спе-

циальный счет этого оператора; 3) заключить договор на брокерское обслуживание; 4) дать оператору указание о транзите денег на брокерский счет; 5) заплатить оператору за услуги; 6) дать брокеру поручение о приобретении ценных бумаг; 7) заплатить брокеру за услуги; 8) вступить в договорные отношения с регистратором финансовых транзакций.

Здесь сразу возникает вопрос, а что у конкретного банка, в который, пройдя транзитом через «финансовую платформу», будет помещен денежный вклад розничного частного инвестора, веб-сайт больше не работает? Разве розничный частный инвестор, который может отыскать в Интернете веб-сайт загадочного в своей новизне субъекта – оператора финансовой платформы, почему-то вдруг не смог отыскать веб-сайт банка и заключить с ним договор банковского вклада? Каким же образом тогда в российских коммерческих банках в начале 2021 г. накоплены более 20 трлн руб. вкладов населения? Те же аргументы можно приводить в отношении сделок розничного частного инвестора с ценными бумагами.

В «Толковом словаре В.И. Даля» платформа – это помост, настилка, пол, ток, ладонь, для установки чего-либо, напр. пушки; помост перед караульной [16]. Финансы мы понимаем как работающие деньги и отношения по поводу рационального осуществления денежных потоков. Однако, глубоко вникнув в положения Федерального закона от 20.07.2020 № 211-ФЗ, видим, что финансовая площадка не позволяет рационально выстроить денежные потоки. Невозможно розничному частному инвестору (потребителю финансовых услуг) достичь самой главной цели инвестирования – прибыли. Поскольку инвестирование с обращением ко вновь созданному Законодателем инвестиционному посреднику (оператору финансовой платформы) не происходит легче, быстрее, проще, а главное, такое обращение влечет затраты, которых можно избежать и которых до вступления в силу Федерального закона от 20.07.2020 № 211-ФЗ у частного инвестора вообще не было.

Выводы

Таким образом, деятельность по учету данных о финансовых сделках, которую

репозитарий (регистратор финансовых транзакций) согласно Федеральному закону от 20.07.2020 № 211-ФЗ должен осуществлять, весьма громоздкая, сложная и затратная, подвержена рискам ненадлежащего исполнения и ненадлежащего сохранения персональных данных потребителей финансовых услуг. Предлагаем для учета сведений о финансовых сделках с использованием финансовой платформы применять депозитарно-регистрационную платформу, функционирующую в качестве специального электронного сервиса на веб-сайте Банка России. Фиксацию фактов совершаемых финансовых сделок следует осуществлять в системе полисубъектного юрисдикционного блокчейна. В схему полисубъектного блокчейна должны быть объединены 6 субъектов, действующих на территории Российской Федерации: частный инвестор; оператор финансовой платформы; Минцифры России (веб-сайт «Госуслуги» с личным кабинетом инвестора); Федеральная налоговая служба (веб-сайт ФНС с личным кабинетом юридического лица – контрагента оператора финансовой платформы); Банк России (веб-сайт Банка России с депозитарно-регистрационной платформой для данных о финансовых сделках); Верховный Суд Российской Федерации (веб-сайт Суда со специальным сервисом хранения доказательств в электронной форме).

Это позволит каждому участнику блокчейна одновременно получать полную и достоверную информацию по каждому этапу совершаемой финансовой сделки в режиме онлайн; исключить нерациональную и бессмысленную передачу данных, касающихся финансовых сделок и их участников; вывести лишнего участника (регистратора финансовых транзакций) из межсубъектного взаимодействия, снизить риск ненадлежащего сохранения персональных данных потребителей финансовых услуг. В этой части Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ требует предложенных изменений и дополнений.

Следует сделать вывод, что для юридических лиц, участвующих в финансовых сделках, совершаемых с использованием финансовой платформы, бизнес происходит с положительными финансовыми результатами. Получается, что Законодатель в Федеральном законе от 20.07.2020 № 211-ФЗ создал

юридическую схему бизнеса, выгодную, прежде всего, для оператора финансовой платформы – организации-посредника. От функционирования финансовой платформы банки получают вклады, страховщики получают страховые премии, брокеры за комиссионные оказывают брокерские услуги, репозитарий оказывает депозитарные услуги, сам оператор финансовой платформы получает прибыль, оказывая услуги, предусмотренные законом. Но все указанные прибыли одновременно являются затратами, которые оплачивает розничный частный инвестор (потребитель финансовых услуг). Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ перегружен громоздкими конструкциями, содержит излишества по количеству участвующих в регулируемых отношениях субъектов, а также имеет дисбаланс по объему сложных обязанностей, который не покрывается удовлетворением экономических интересов исполнителей этих обязанностей.

Необходимо все жизнеспособные законодательные положения, разработанные в Федеральном законе от 20.07.2020 № 211-ФЗ, заимствовать и интегрировать в единый федеральный закон «О совершении потребителями инвестиционных сделок в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”». В этом федеральном законе следует закрепить комплекс правил регулирования дистанционно-цифровых сделок инвестирования в традиционные финансовые активы, в ценные бумаги, в цифровые финансовые активы, в производные финансовые активы, совершаемых розничными частными инвесторами (физическими лицами) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-18-00314 «Трансформация общественных отношений в условиях индустрии 4.0: юридическая превенция».

The research was carried out with the financial support of the Russian National Research Foundation within the framework of Scientific Project No. 20-18-00314 “Transformation of public relations in the conditions of Industry 4.0: legal prevention”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. АО «Специализированный депозитарий «ИНФИНИТУМ». Официальный сайт. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://specdep.ru/platform/> (дата обращения: 14.05.2021). – Загл. с экрана.
2. Арзуманова, Л. Л. Новеллы законодательства по финансовым сделкам / Л. Л. Арзуманова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 9 (49). – С. 149–152.
3. Банк России. Официальный сайт. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.cbr.ru/registries/?cf.date.time=Any&cf.search/> (дата обращения: 14.05.2021). – Загл. с экрана.
4. Бауэр, В. П. Цифровые платформы как инструмент трансформации мировой и российской экономики в 2021–2023 годах / В. П. Бауэр, В. В. Еремин, В. В. Смирнов // Экономика. Налоги. Право. – 2021. – № 14 (1). – С. 41–51. – DOI: 10.26794/1999-849X2021-14-1-41-51.
5. ВТБ Регистратор. Официальный сайт. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://pos.vtbreg.ru/marketplace/marketplace/market.html> (дата обращения: 14.05.2021). – Загл. с экрана.
6. Комаров, А. В. Необанкинг как направление развития современных финансовых технологий / А. В. Комаров, В. М. Мартюкова // Вестник университета. – 2020. – № 3. – С. 134–142.
7. Месропян, В. Р. Цифровые платформы – новая рыночная власть / В. Р. Месропян. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.econ.msu.ru/science/News.20180417134253_6961/ (дата обращения: 08.05.2021). – Загл. с экрана.
8. Московская Биржа. Официальный сайт. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://finuslugi.ru/vklady/katalog/vse-vklady> (дата обращения: 14.05.2021). – Загл. с экрана.
9. Никонцев, О. Е. Дистанционное банковское обслуживание как элемент экосистемы современного банка / О. Е. Никонцев, К. А. Попова // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2020. – Т. 2. – № 1. – С. 280–292.
10. ООО ИА «Банки.ру». Официальный сайт. Словарь банковских терминов. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.banki.ru/wikibank/transaksiya/> (дата обращения: 14.05.2021).
11. Пастушенко, Е. Н. Новеллы правового регулирования развития защиты прав потребителей финансовых услуг как функции Центрального банка Российской Федерации в условиях цифровой экономики / Е. Н. Пастушенко, Л. Н. Земцова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2020 – № 5 (136). – С. 228–234.
12. Петрова, Л. А. Цифровизация банковской системы: цифровая трансформация среды и бизнес-процессов / Л. А. Петрова, Т. Е. Кузнецова // Финансовый журнал. – 2020. – Т. 12. – № 3. – С. 91–101. – DOI: 10.31107/2075-1990-2020-3-91-101.
13. Раздорожный, К. Б. Банк России как регулятор на рынке финансовых технологий / К. Б. Раздорожный // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 3. – С. 45–51. – DOI: 10.17803/1994-1471.2021.124.3.045-051.
14. Самиев, П. А. Экосистемы и маркетплейсы: обзор рынка финансовых услуг / П. А. Самиев, В. Р. Закирова, Д. В. Швандар // Финансовый журнал. – 2020. – Т. 12. – № 5. – С. 86–98. – DOI: 10.31107/2075-1990-2020-5-86-98.
15. Ситник, А. А. Финансовые технологии: понятие и виды / А. А. Ситник // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 6. – С. 27–31.
16. Словари онлайн. Официальный сайт. Толковый словарь Даля онлайн. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=26144> (дата обращения: 14.05.2021). – Загл. с экрана.
17. Смирнов, Е. Н. Императивы управления глобальными цифровыми платформами / Е. Н. Смирнов, С. А. Лукьянов // Управленец. – 2020. – Т. 11, № 4. – С. 59–69. – DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-4-5.
18. Тропская, С. С. Финансовый рынок в условиях развития цифровой экономики (финансово-правовой аспект) / С. С. Тропская // Финансовое право. – 2018. – № 8. – С. 28–33.
19. Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Российская газета. – 2002. – Июль (№ 127).
20. Федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» // Российская газета. – 2020. – Июль (№ 162).
21. Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // Российская газета. – 1996. – Апр. (№ 79).
22. Федеральный закон от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» // Российская газета. – 2003. – Дек. (№ 261).
23. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Российская газета. – 2001. – Авг. (№ 151).
24. Финансовая платформа реализована Группой компаний «ИНФИНИТУМ». Официальный сайт. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://platform.finance/> (дата обращения: 14.05.2021). – Загл. с экрана.
25. Финансовое право в условиях развития цифровой экономики : монография / К. Т. Анисина [и др.] ; под ред. И. А. Цинделиани. – М. : Проспект, 2019.

26. Формирование экосистем банков в условиях цифровизации банковского пространства / Н. И. Быканова, Ю. А. Соловей [и др.] // Экономика. Информатика. – 2020. – Т. 47, № 1. – С. 91–100.

27. Accenture. Five Ways to Win with Digital Platforms. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.accenture.com/nl-en/insight-g20-year-digital-platforms#blockhero> (date of access: 08.05.2021). – Title from screen.

28. Daum, T. Understanding Digital Capitalism / T. Daum. – Electronic text data. – Mode of access: <http://dasfilter.com/gesellschaft/understanding-digital-capitalism-what-time-are-we-living-in-an-introduction>. – Title from screen.

29. Schiller, D. Digital capitalism stagnation and contention? / D. Schiller. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.opendemocracy.net/digitaliberties/dan-schiller/digital-capitalism-stagnation-and-contention> (date of access: 08.05.2021). – Title from screen.

30. Van Alstyne, M. Pipelines, Platforms, and the New Rules of Strategy / M. Van Alstyne, G. Parker, S. P. Choudary // Harvard Business Review. – 2016. – April. – Electronic text data. – Mode of access: <http://ide.mit.edu/sites/default/files/publications/Pipelines%2C%20Platforms%2C%20and%20the%20New%20Rules%20of%20Strategy.pdf.pdf> (date of access: 08.05.2021). – Title from screen.

REFERENCES

1. AO «Specializirovannyj depozitarij «INFINITUM». *Oficial'nyj sajt*. URL: <https://specdep.ru/platform/> (accessed 14 May 2021).

2. Arzumanova L.L. Novelty zakonodatel'stva po finansovym sdelkam [Novelties of Legislation on Financial Transactions]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGJuA)* [Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSLA)], 2018, no. 9 (49), pp. 149-152.

3. *Bank Rossii. Oficial'nyj sajt*. URL: <http://www.cbr.ru/registries/?cf.date.time=Any&cf.search/> (accessed 14 May 2021).

4. Baujer V.P., Erjomin V.V., Smirnov V.V. Cifrovye platformy kak instrument transformacii mirovoj i rossijskoj jekonomiki v 2021–2023 godah. [Digital Platforms As a Tool for Transforming the World and Russian Economy in 2021-2023]. *Jekonomika. Nalogi. Pravo* [Economy. Taxes. Right]. 2021, no. 14 (1), pp. 41-51. DOI: 10.26794/1999-849X.2021-14-1-41-51.

5. *VTB Registrator. Oficial'nyj sajt*. URL: <https://pos.vtbreg.ru/marketplace/marketplace/market.html> (accessed 14 May 2021).

6. Komarov A.V., Martjukova V.M. Neobanking kak napravlenie razvitiya sovremennyh finansovyh tehnologij

[Neobanking As a Direction of Development of Modern Financial Technologies]. *Vestnik universiteta* [Bulletin of the University], 2020, no. 3, pp. 134-142.

7. Mesropjan V.R. *Cifrovye platformy – novaja rynochnaja vlast'*. URL: https://www.econ.msu.ru/science/News.20180417134253_6961/ (accessed 8 May 2021).

8. *Moskovskaja Birzha. Oficial'nyj sajt*. URL: <https://finuslugi.ru/vklady/katalog/vse-vklady> (accessed 14 May 2021).

9. Nikonec O.E., Popova K.A. Distancionnoe bankovskoe obsluzhivanie kak jelement jekosistemy sovremennogo banka [Remote Banking Services as an Element of the Ecosystem of a Modern Bank]. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishheva* [Bulletin of the V.N. Tatishchev Volga State University], 2020, vol. 2, no. 1, pp. 280-292.

10. *OOO IA «Banki.ru». Oficial'nyj sajt. Slovar' bankovskih terminov*. URL: <https://www.banki.ru/wikibank/transaktsiya/> (accessed 14 May 2021).

11. Pastushenko E.N., Zemcova L.N. Novelty pravovogo regulirovanija razvitiya zashhity prav potrebitelej finansovyh uslug kak funkcii Central'nogo banka Rossijskoj Federacii v uslovijah cifrovoj jekonomiki [Novelties of Legal Regulation of the Development of Consumer Protection of Financial Services as a Function of the Central Bank of the Russian Federation in the Digital Economy]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoy akademi* [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 2020, no. 5 (136), pp. 228-234.

12. Petrova L. A., Kuznecova T. E. Cifrovizacija bankovskoj sistemy: cifrovaja transformacija sredy i biznes-processov [Digitalization of the Banking System: Digital Transformation of the Environment and Business Processes]. *Finansovyj zhurnal* [Financial Journal], 2020, vol. 12, no. 3, pp. 91-101. DOI: 10.31107/2075-1990-2020-3-91-101.

13. Razdorozhnyj K.B. Bank Rossii kak reguljator na rynke finansovyh tehnologij [The Bank of Russia as a Regulator in the Financial Technology Market]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2021, vol. 16, no. 3, pp. 45-51. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.124.3.045-051.

14. Samiev P.A., Zakirova V.R., Shvandar D.V. Jekosistemy i marketplejisy: obzor rynka finansovyh uslug [Ecosystems and Marketplaces: a Review of the Financial Services Market]. *Finansovyj zhurnal* [Financial Journal], 2020, vol. 12, no. 5, pp. 86-98. DOI: 10.31107/2075-1990-2020-5-86-98.

15. Sitnik A.A. Finansovye tehnologii: ponjatie i vidy // [Financial Technologies: the Concept and Types]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2019, no. 6, pp. 27-31.

16. *Slovari onlajn. Oficial'nyj sajt. Tolkovyj slovar' Dalja onlajn*. URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=26144> (accessed 14 May 2021).

17. Smirnov E.N., Luk'janov S.A. Imperativy upravlenija global'nymi cifrovymi platformami [Imperatives of Managing Global Digital Platforms]. *Upravlenec* [Manager], 2020, vol. 11, no. 4, pp. 59-69. DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-4-5.

18. Tropskaja S.S. Finansovyy rynek v uslovijah razvitiya cifrovoj jekonomiki (finansovo-pravovoj aspekt) [Financial Market in the Conditions of Digital Economy Development (Financial and Legal Aspect)]. *Finansovoe pravo* [Financial Law], 2018, no. 8, pp. 28-33.

19. Federal'nyj zakon ot 10 ijulja 2002 goda № 86-FZ «O Central'nom banke Rossijskoj Federacii (Banke Rossii)». *Rossijskaja gazeta* [Russian Newspaper Dated], 2002, July 13 (no. 127).

20. Federal'nyj zakon ot 20 ijulja 2020 g. № 211-FZ «O sovershenii finansovyh sdelok s ispol'zovaniem finansovoj platformy» [“On Making Financial Transactions Using a Financial Platform”]. *Rossijskaja gazeta* [Russian Newspaper], 2020, July 24 (no. 162).

21. Federal'nyj zakon ot 22 aprelja 1996 goda № 39-FZ «O rynke cennyh bumag» [“On the Securities Market”]. *Rossijskaja gazeta* [Russian Newspaper], 1996, April 25 (no. 79).

22. Federal'nyj zakon ot 23 dekabrja 2003 goda № 177-FZ «O strahovanii vkladov v bankah Rossijskoj Federacii» [On Insurance of Deposits in Banks of the Russian Federation]. *Rossijskaja gazeta* [Russian Newspaper], 2003, Dec. 27 (no. 261).

23. Federal'nyj zakon ot 7 avgusta 2001 g. № 115-FZ «O protivodejstvii legalizacii (otmyvaniju) dohodov, poluchennyh prestupnym putem, i finansirovaniju terrorizma» [Federal Law No. 115-FZ Dated August 7, 2001 “On Countering the Legalisation of Illegal Earnings (Money Laundering) and the Financing of Terrorism”]. *Rossijskaja gazeta* [Russian Newspaper], 2001, Aug. 9 (no. 151).

24. *Finansovaja platforma realizovana Gruppoy kompanij «INFINITUM»*. *Oficial'nyj sajt* [Financial Platform is Implemented by the “INFINITUM” Company Group. Official Website]. URL: <https://platform.finance/> (accessed 14 May 2021).

25. Anisina K.T., Badmaev B.G., Bit-Shabo I.V., et al. *Finansovoe pravo v uslovijah razvitiya cifrovoj jekonomiki: monografija* [Financial Law in the Conditions of Digital Economy Development]. Moscow, Prospekt Publ., 2019.

26. Bykanova N.I., Solovej Ju.A., Gordja D.V., Kon'shina L.A. Formirovanie jekosistem bankov v uslovijah cifrovizacii bankovskogo prostranstva [Formation of Bank Ecosystems in the Conditions of Digitalization of the Banking Space]. *Jekonomika. Informatika*. [Economy. Computer science], 2020, vol. 47, no. 1, pp. 91-100.

27. *Accenture. Five ways to win with digital platforms*. URL: <https://www.accenture.com/nl-en/insight-g20-yea-digital-platforms#blockhero> (accessed 8 May 2021).

28. Daum T. *Understanding digital capitalism*. URL: <http://dasfilter.com/gesellschaft/understanding-digital-capitalism-what-time-are-we-living-in-an-introduction> (accessed 14 May 2021).

29. Schiller D. *Digital capitalism stagnation and contention?* URL: <https://www.opendemocracy.net/digital-liberties/dan-schiller/digital-capitalism-stagnation-and-contention> (accessed 8 May 2021).

30. Van Alstyne M., Parker G., Choudary S.P. Pipelines, Platforms, and the New Rules of Strategy. *Harvard Business Review*, April, 2016. URL: <http://ide.mit.edu/sites/default/files/publications/Pipelines%2C%20Platforms%2C%20and%20the%20New%20Rules%20of%20Strategy.pdf> (accessed 8 May 2021).

Information About the Author

Denis E. Matytsin, Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Department of Entrepreneurial Law, Civil and Arbitration Proceeding, Volgograd State University, Prosp. Universitetskij, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation; Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Volzhsky Branch of International Law Institute, Bolshevistskaya St, 7, 404106 Volzhsky, Russian Federation, ppagp@volsu.ru, dmatytsin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4038-4032>

Информация об авторе

Денис Евгеньевич Матыцин, кандидат экономических наук, научный сотрудник кафедры предпринимательского права, арбитражного и гражданского процесса, Волгоградский государственный университет, Университетский проспект, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация; доцент кафедры гражданского права и процесса, Волжский филиал Международного юридического института, ул. Большевикская, 7, 404106 г. Волжский, Российская Федерация, ppagp@volsu.ru, dmatytsin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4038-4032>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.20>

UDC 347
LBC 67.404.3

Submitted: 09.04.2021
Accepted: 05.06.2021

LEGAL ASPECTS OF 3D PRINTING

Victoria A. Ammalainen

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Volgograd, Russian Federation

Introduction: the article discusses the legal aspect of 3D printing and computer 3D models, which are printed using a 3D printer. The prospects, threats and challenges that the development of 3D printing technologies entails are examined. The author comes to the conclusion that it is necessary to adapt the new technological realities to the current legislation and it is necessary to take into account which particular object will be displayed in the three-dimensional model, since this will determine which rights to objects will be affected. **Methods:** the methodological basis of this scientific article is a number of methods of scientific knowledge, among which the main place is occupied by methods of information processing and logical analysis, synthesis, induction, deduction and generalization. **Results:** the author's position on 3D models and their legal regulation is presented. **Conclusions:** as a result of the study, recommendations were made for improving the regulatory framework, the author proposes to delimit the legal protection of 3D models by amending Art. 1259, 1352 of the Civil Code of the Russian Federation.

Key words: 3D printing, three-dimensional printing, technology, protection of rights, legal aspects, responsibility, intellectual property law, protection, object, civil law.

Citation. Ammalainen V.A. Legal Aspects of 3D Printing. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 138-142. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.20>

УДК 347
ББК 67.404.3

Дата поступления статьи: 09.04.2021
Дата принятия статьи: 05.06.2021

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ 3D-ПЕЧАТИ

Виктория Алексеевна Аммалайнен

Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в статье рассматривается правовой аспект трехмерной печати и компьютерных 3D-моделей, печать которых осуществляется с использованием 3D-принтера. Анализируются перспективы, угрозы и вызовы, которые несет в себе развитие технологий трехмерной печати. Автор приходит к выводу, что необходимо адаптировать новые технологические реалии к действующему законодательству, при этом следует учитывать отображаемый в трехмерной модели объект, так как от этого будет зависеть, какое право на объекты будет затрагиваться. **Методы:** методологической основой данной научной статьи является ряд методов научного познания, среди которых обработка информации и логический анализ, синтез, индукция, дедукция и обобщение. **Результаты:** изложена авторская позиция по поводу 3D-моделей и их правового регулирования. **Выводы:** в результате проведенного исследования даны рекомендации по совершенствованию нормативной базы, автор предлагает разграничить правовую охрану 3D-моделей путем внесения изменений в ст. 1259, 1352 ГК РФ.

Ключевые слова: 3D-печать, трехмерная печать, технология, защита прав, правовые аспекты, ответственность, интеллектуальное право, охрана, объект, гражданское право.

Цитирование. Аммалайнен В. А. Правовые аспекты 3D-печати // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 138–142. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.20>

Введение

Использование 3D-печати в инновациях, творчестве, медицине, протезировании и в других сферах жизнедеятельности человека вносит большой вклад в окружающий мир. Она помогает в дизайне, производстве, позволяет создать свои собственные продукты, учитывая личные потребности каждого. Исследователи из Университета Мэриленда, Уханьского университета и Восточно-Китайского политехнического университета напечатали ствольными клетками на 3D-принтере роговицу глаза [6]. 3D-печать не стоит на месте и постоянно развивается в различных направлениях и помогает внести значительный вклад во многие сферы жизнедеятельности.

Многие говорят о том, что с помощью 3D-печати можно будет создать что угодно: одежду, автомобильные запчасти, оружие, лекарства, продукты питания и т. д. По прогнозам исследователей, к 2025 г. до 10 % всех потребительских товаров будет создаваться путем 3D-печати [8]. Вместе с этим возникают социальные, этические и правовые вопросы: если люди смогут распечатать, что захотят, как будут решаться проблемы, например, с нарушениями, связанными с интеллектуальной собственностью, и каким будет эффект от домашней полиграфии? Необходимо начать уже сейчас регулировать 3D-печать на законодательном уровне.

Что же такое 3D-печать? По сути, 3D-принтер – это машина, которая может превратить чертеж в физический объект. Принтер такого формата создает объекты слой за слоем [7], 3D-принтер может создавать объекты с внутренними подвижными частями. 3D-принтер может печатать отдельные детали и запасные части. Некоторые принтеры такого рода могут печатать свои собственные части тем самым самовоспроизводиться. Что бы начать 3D-печать, необходим чертеж, который создается с помощью компьютера с использованием программ проектирования САД. Последние пользуются успехом у архитекторов, дизайнеров и инженеров, с их помощью становится возможным представить физические объекты, прежде чем они будут созданы в реальном мире. Один человек может создать новый объект, отправить дизайн по электрон-

ной почте своему другу в другую страну, и он сможет распечатать идентичный объект.

3D-принтеры в настоящее время не относятся к принтерам, которыми мы привыкли пользоваться в повседневной деятельности, но такие устройства, как 3D Systems Cube Silver 381000, Makerbot's Replicator 2X, 3D-принтер Wanhao Duplicator 10 White, делают эту возможность на шаг ближе к реальности, ведь 3D-принтер в настоящее время можно приобрести в магазине бытовой техники или заказать через Интернет. Уже сейчас 3D-принтеры пользуются большим спросом среди населения. Люди, ставшие обладателями такого рода принтеров, пытаются найти и распространить 3D-модели через Интернет, при этом не хотят тратить денежные средства на покупку 3D-моделей, а хотят получить их бесплатно, из-за этого происходит незаконное распространение трехмерных моделей через Интернет.

3D-модель как объект гражданского права

Ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) закрепляет исчерпывающий перечень объектов гражданского права. Так, к объектам гражданского права относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права), результаты работ и оказание услуг, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность), нематериальные блага [2].

3D-модель – это благо, которое может быть объектом гражданских правоотношений. Такого рода модели могут участвовать в гражданском обороте и находиться под защитой от незаконного использования. Все эти особенности характеризуют 3D-модель как объект гражданского права.

В процессе использования 3D-печати могут создаваться как объекты, дизайн которых будет являться новым и оригинальным,

так и те, которые не будут являться результатом собственного творчества, поскольку в большинстве случаев объект загружается и распечатывается при помощи дизайнера, который был создан другим человеком. Получается, что в таких случаях созданный объект будет являться копией существующего коммерческого продукта, а первоначальная модель, разработанная дизайнером, будет охраняться законом как самостоятельное произведение.

Согласно п. 88 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»: «Исходя из изложенного исключительное право автора производного или составного произведения возникает в силу факта создания такого произведения, но использоваться такое произведение может только с согласия авторов (других правообладателей) использованных произведений на переработку их произведения или на включение его в составное произведение» [5]. Как отмечает Э.П. Гаврилов: «Следует учитывать, что “создание” произведения является творческим актом, с точки зрения гражданского права это юридический поступок, не волевой акт и не сделка» [1].

Новый объект возникает, когда изменения вносят в его внутреннюю художественную форму, а не просто во внешнюю форму. Изменение только внешней формы, порой не связано с творческой деятельностью, в связи с этим новый объект возникнуть не может.

Правовая охрана 3D-моделей

Также необходимо определить, под охраной авторского или патентного права должны находиться 3D-модели.

Согласно п. 1 ст. 1255 ГК РФ, «интеллектуальные права на произведения науки, литературы и искусства являются авторскими правами» [3]. Правовая охрана авторского права направлена на каждую творческую работу (но только на ее текст, рисунок и т. п., но не на саму идею) за исключением нормы о признании практической реализации архитектурного, дизайнерского, градостроительного или садово-паркового проекта, закрепленной

в подп. 10 п. 2 ст. 1270 ГК РФ. Как отметил В.О. Колятин, для творчества необходим определенный осознанный контроль над процессом, поэтому простое нажатие кнопки обработки изображения (или совершение иных действий над имеющимся материалом) не может сделать лицо автором полученного результата [4].

Для того, чтобы 3D-модель находилась под правовой охраной авторского права, необходимо, чтобы она выражала творческий характер, который будет присущ охраняемому элементу нематериального объекта.

Если мы возьмем оригинальную 3D-модель, которая разработана в графическом редакторе и создана при помощи фантазии дизайнера, то она будет охраняться авторским правом, в качестве произведения графики или дизайнера. Права на данную модель будут принадлежать ее автору.

Для авторского права характерен высокий срок охраны. Если 3D-модели взять под охрану авторского права, то мы предполагаем, что из-за большого срока охраны будет затормаживаться развитие экономической, научной, технической деятельности, так как будет невозможно получить из Интернета информацию о неохранных технических решениях, необходимых для их реализации.

К патентному праву согласно п. 1 ст. 1345 ГК РФ относятся «интеллектуальные права на изобретения, полезные модели и промышленные образцы» [3].

На первый взгляд можно предположить, что модель, созданная при помощи 3D-печати, не относится к техническим решениям, которые находятся под охраной патентного права. Но, в свою очередь, введение товаров с воплощенными в них изобретениями, моделями и т. д., созданными при помощи 3D-печати, в гражданском обороте будет нарушать исключительное право на патент. Если под 3D-моделью рассматривать само изделие, полученное при помощи 3D-печати, то его можно считать промышленным образцом, являющимся объектом патентного права.

Получается, что 3D-модели можно зарегистрировать в качестве промышленного образца или в качестве объемных товарных знаков, что в свою очередь позволит получить самостоятельную охрану в этом качестве.

Как решается вопрос с 3D-моделями, которые содержат в себе запатентованные решения? Этот вопрос неоднозначен. Так, с одной стороны, гл. 72 ГК РФ закрепляет способы использования запатентованных решений, которые реализуются в продукте или изделии, но 3D-модель таковым не является.

Можно сказать, что авторское право направлено на охрану формы нематериального объекта, тогда как патентное право направлено на охрану содержания безотносительно к форме.

На наш взгляд, необходимо учитывать, какой именно объект будет отображен в трехмерной модели, так как от этого будет зависеть, какое право на объекты будет затрагиваться.

Выводы

Проблема с урегулированием правовой охраны 3D-моделей имеется не только в законодательстве Российской Федерации, но и в других зарубежных странах. В ГК РФ нет нормы, которая урегулировала бы данный вопрос.

В связи с вышеизложенным мы предлагаем сделать следующее: разграничение правовой охраны творческих и нетворческих 3D-моделей по аналогии баз данных. Творческие базы данных – базы данных, которые могут находиться под охраной авторского права; нетворческие базы данных – под охраной смежного права. Поэтому мы предлагаем внести изменения в ст. 1259, 1352 ГК РФ. Необходимо в п. 1 ст. 1259 ГК РФ добавить к существующему перечню объектов авторских прав 3D-модели. Добавить в п. 1 ст. 1352 ГК РФ 5 абзац в следующей редакции: «К промышленному образцу относятся 3D-модели, созданные с использованием аддитивных технологий».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаврилов, Э. «Формат» аудиовизуального произведения и некоторые вопросы права интеллектуальной собственности / Э. Гаврилов // *Хозяйство и право*. – 2016. – № 3. – С. 64–79.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (последняя редакция) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (последняя редакция) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Калятин, В. О. Объекты авторского права, созданные с использованием компьютера / В. О. Калятин // *Патенты и лицензии*. – 2011. – № 5.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. 3D-принтер напечатал роговицу глаза // *Новости науки и техники*. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://indicator.ru/medicine/3d-printer-napechatal-rogovicu-glaza-30-05-2019.htm>. – Загл. с экрана.

7. Lipson, H. *Fabricated: The New World of 3D Printing* / H. Lipson, M. Kurman. – Wiley, 2013. – 320 p.

8. *Disruptive Technologies: Advances That Will Transform Life, Business, and the Global Economy* / J. Manyika [et al.]. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.mckinsey.com/business-functions/digital-mckinsey/our-insights/disruptive-technologies>. – Title from screen.

REFERENCES

1. Gavrilov E. «Format» audiovizual'nogo proizvedeniya i nekotorye voprosy prava intellektual'noj sobstvennosti [“Format” of an Audiovisual Work and Some Issues of Intellectual Property Law]. *Hoz'yajstvo i pravo*, 2016, no. 3, pp. 64-79.

2. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast pervaya) ot 30.11.1994 g. № 51-FZ (posledniaia redaktsiia) [Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ (Last Edition)]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

3. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast chetvertaya) ot 18.12.2006 g. № 230-FZ (posledniaia redaktsiia) [Civil Code of the Russian Federation (Part Four) of 18.12.2006 No. 230-FZ (Last Edition)]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

4. Kalyatin V.O. Ob'ekty avtorskogo prava, sozdannye s ispol'zovaniem komp'yutera [The Objects of Copyright Created Using the Computer]. *Patenty i litsenzii* [Patents and Licenses], 2011, no. 5.

5. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 23.04.2019 № 10 «O primenenii chasti chetvertoi Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the

Russian Federation dated April 23, 2019 No. 10 “On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

6. *Novosti nauki i tekhniki* [News of Science and Technology]. URL: <https://indicator.ru/medicine/3d-printer-napechatal-rogovicu-glaza-30-05-2019.htm>.

7. Lipson H., Kurman M. *Fabricated: The New World of 3D Printing*. Wiley, 2013. 320 p.

8. Manyika J., Chui M., Bughin J., Dobbs R., Bisson P., Marrs A. *Disruptive Technologies: Advances That Will Transform Life, Business, and the Global Economy*. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/digital-mckinsey/our-insights/disruptive-technologies>.

Information About the Author

Victoria A. Ammalainen, Lecturer, Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Istoricheskaya St, 130, 400089 Volgograd, Russian Federation, Ammalaynen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3542-1334>

Информация об авторе

Виктория Алексеевна Аммалайнен, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, ул. Историческая, 130, 400089 г. Волгоград, Российская Федерация, Ammalaynen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3542-1334>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.21>

UDC 34.347.45
LBC 67.0

Submitted: 25.04.2021
Accepted: 10.06.2021

OBLIGATIONAL RELATIONS IN THE MIDST OF DIGITALIZATION OF BUSINESS ACTIVITY: THE CONCEPT AND TYPES

Nizami Elmar oglu Safarli

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: civil obligations are one of the central institutions of the civil law system, which is currently undergoing a new stage of understanding and development. The domestic civil law quite clearly identified the tasks that are urgent for theoretical, as well as comparative and practical research aimed at analyzing the problems of obligations that arise from civil law and business contracts. **Purpose:** to analyze the features of the regulation of market relations at the contractual level in the midst of digitalization of business activity. **Methods:** the methods of systematicity, analysis, and comparative law are used in the work. **Results:** the legal regulation ensures the implementation of equality as one of the most important principles of civil law: by setting additional requirements for entrepreneurs, the state equalized them with other participants in the turnover. This also dictates the need for the active introduction and application of legal means as proactive actions based on the permissibility of the law. One of them is a contract, so the specifics of business relations are most clearly demonstrated by contractual obligations. **Conclusions:** the provisions of the Civil Code of the Russian Federation, in addition to the general provisions on obligations, also contain provisions that are only applicable to obligations related to the implementation of business activities. Business obligations are specific in nature, and sometimes directly opposite to traditional obligations. As a result of the process of evolution, the digital economy has become one of the main engines of the growth of the global economic system. The widespread use of digital technologies increases competition in global markets and encourages leading industrial countries to implement appropriate economic policies and develop contractual relations.

Key words: obligations, contractual level, digitalization, economy, business activity, transaction, debtor.

Citation. Safarli N.E. oglu. Obligational Relations in the Midst of Digitalization of Business Activity: The Concept and Types. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 143-148. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.21>

УДК 34.347.45
ББК 67.0

Дата поступления статьи: 25.04.2021
Дата принятия статьи: 10.06.2021

ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ

Низами Эльмар оглы Сафарли

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: гражданско-правовые обязательства являются одним из центральных институтов, входящих в систему гражданского права, который сегодня переживает новый этап осмысления, а также развития. Отечественная цивилистика достаточно отчетливо обозначила задачи, которые являются неотложными для теоретических, а также сравнительно-практических исследований, направленных на анализ проблем обязательств, которые вытекают из гражданско-правовых и предпринимательских договоров. **Цель:** проанализировать особенности регулирования рыночных отношений на договорном уровне в условиях цифровизации предпринимательской деятельности. **Методы:** в работе использованы методы системности, анализа и сравнительно-правовой. **Результаты:** правовое регулирование обеспечивает реализацию равенства как одного из важнейших принципов гражданского права: установив для предпринимателей дополнительные требования, государство уравнило их с другими участниками оборота. Этим же продиктована необходимость в активном внедрении и применении правовых средств как инициативных действий, основанных на дозволении

закона. В качестве одного из них выступает договор, поэтому специфику предпринимательских отношений наиболее ярко демонстрируют именно договорные обязательства. **Выводы:** ГК РФ, помимо общих положений об обязательствах, также содержат те, которые применимы только к обязательствам, связанным с осуществлением предпринимательской деятельности. Предпринимательские обязательства специфичны по своей сути и иногда прямо противоположны традиционным обязательствам. В результате процесса эволюции цифровая экономика стала одним из главных двигателей роста мировой экономической системы. Широкое распространение цифровых технологий усиливает конкуренцию на глобальных рынках и стимулирует ведущие индустриальные страны к проведению соответствующей экономической политики и развитию договорных отношений.

Ключевые слова: обязательства, договорной уровень, цифровизация, экономика, предпринимательская деятельность, сделка, должник.

Цитирование. Сафарли Н. Э. оглы. Обязательственные отношения в условиях цифровизации предпринимательской деятельности: понятие и виды // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 143–148. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.21>

Введение

В соответствии со ст. 307 ГК РФ, закрепляющей понятие обязательства как правоотношение, в силу которого одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие по передаче имущества, выполнению работы, оказанию услуги, внесению вклада в совместную деятельность, уплате денег и т. п. или же воздержаться от определенного действия, а кредитор наделен правом требования от должника исполнения его обязанности [3].

Виды обязательств

Существуют различные критерии классификации обязательств. Так, по основаниям возникновения они делятся на две группы [1, с. 21]:

– вытекающие из нормального гражданского оборота, возникающие из правомерных действий, в которых основание возникновения абсолютного большинства обязательств составляют сделки, к одному из наиболее распространенных видов которых относятся двусторонние сделки – договоры, а возникающие из них обязательства получили название договорных;

– обязательства, направленные на восстановление нарушенного гражданского права, получившие название деликтных, к основным из которых относятся обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. Возникая в результате нарушения одним лицом имущественного положения дру-

го лица, данные обязательства имеют общую направленность: восстановление прежнего имущественного состояния потерпевшего.

Обязательства могут классифицироваться на возникающие из договора, то есть соглашения двух и более лиц и на обязательства, возникающие из положенных в их основу односторонних действий, которые получили название односторонних сделок. Примером обязательства из односторонних действий является публичное обещание награды, как это предусмотрено ст. 1055 ГК РФ [4].

Бывают обязательства солидарными и долевыми. По солидарному обязательству кредитор при множественности лиц на стороне должника имеет право предъявить требование как ко всем должникам, так и к любому из них. При этом любой из должников отвечает перед кредитором как в полном объеме, так и в части общего долга. При неполучении от одного из солидарных должников полного удовлетворения кредитор имеет право требования недополученного от солидарных должников.

При множественности лиц в долевыми обязательствах на стороне кредитора и на стороне должника на основании ст. 321 ГК РФ каждый из кредиторов вправе требовать исполнения, а каждый из должников обязан исполнить обязательство в равной доле с другими, если иное не вытекает из закона, иных правовых актов или условий обязательства.

Обязательства можно классифицировать на возникающие из договора как соглашения двух и более лиц и из односторонних действий в их основе – односторонних сделок. Пример –

публичное обещание награды согласно ст. 1055 ГК РФ.

Научная литература содержит достаточно много высказываний об особенностях обязательств, связанных с предпринимательской деятельностью их сторон [8, с. 103]:

– ст. 310 ГК РФ допускается односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение условий такого обязательства не только по общему правилу, когда это предусмотрено законом, но и в случаях, предусмотренных договором, если из закона или существа обязательства не вытекает иное;

– ст. 315 ГК РФ установлена возможность досрочного исполнения обязательств лишь в случаях, когда такое исполнение предусмотрено законом, иными правовыми актами, условиями обязательства либо вытекает из обычаев делового оборота или существа обязательства, тогда как по общему правилу должнику предоставлено право досрочного исполнения обязательства, кроме случаев, предусмотренных законом, иными правовыми актами или условиями обязательства, либо не вытекает из его существа;

– ст. 322 ГК РФ закреплены особенности ответственности и требования по такому обязательству – солидарной обязанности должников, как и требований нескольких кредиторов, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или условиями обязательства, тогда как по общему правилу солидарная ответственность (обязанность) или солидарное требование возникает, если такая солидарность установлена законом или предусмотрена договором;

– ст. 401 ГК РФ определена безвиновная ответственность лица, не исполнившего обязательства или исполнившего его ненадлежащим образом, тогда как общее правило требует наличия вины лица, не исполнившего обязательства либо исполнившего его ненадлежащим образом, кроме случаев, когда иные основания ответственности предусмотрены договором или законом.

Обязательства, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности, возникают на основании заключения предпринимательского договора. На основе анализа гражданско-правовых норм может быть вы-

делено несколько их групп, косвенно подразумевающих предпринимательский договор:

– нормы, указывающие на участников договорных обязательств как на субъектов предпринимательской деятельности. Это ст. 426 ГК РФ – публичный договор, ст. 825 ГК РФ – финансовый агент, ст. 1015 ГК РФ – доверительный управляющий, ст. 1027 ГК РФ – договор коммерческой концессии;

– нормы, которые как на сторону обязательства указывают на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Это ст. 506 – договор поставки, ст. 525 – основания поставки товаров для государственных и муниципальных нужд, ст. 535 – договор контрактации, ст. 907 – договор складского хранения;

– нормы, которыми цели использования передаваемого имущества определены как предпринимательские. Это ст. 665 – договор финансовой аренды.

Но подобная классификация норм с позиций определения особенностей предпринимательского договора представляется формальной. Так, ст. 426, 825, 1015, 1027 ГК РФ на принадлежность к субъектам предпринимательской деятельности лиц – участников договорных обязательств не указывают, а отмечают только участие в таких отношениях коммерческих организаций либо и коммерческих организаций, и индивидуальных предпринимателей.

Понятия «субъект предпринимательской деятельности», «коммерческая организация» и «индивидуальный предприниматель» не идентичны [5, с. 133].

Статьей 2 ГК РФ предпринимательская деятельность определена как самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, в установленном законом порядке зарегистрированными в этом качестве [2, с. 96].

Статьей 23 ГК РФ закреплено право гражданина осуществлять предпринимательскую деятельность без образования юридического лица с момента его государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Административным, налоговым

и уголовным законодательством предусмотрены довольно серьезные последствия несоблюдения этого требования. При нарушении указанной нормы граждан, осуществляющий предпринимательскую деятельность без образования юридического лица в отношении заключенных им при этом сделок, не может ссылаться на то, что он предпринимателем не является.

Несколько иная ситуация складывается в отношении юридических лиц – коммерческих и некоммерческих организаций. Коммерческие организации ст. 50 ГК РФ определены как юридические лица, в качестве основной цели своей деятельности, преследующие извлечение прибыли. К некоммерческим отнесены организации, извлечение прибыли основной целью своей деятельности не имеющие и между участниками ее не распределяющие, но в силу ст. 50 ГК РФ способные к осуществлению предпринимательской деятельности, поскольку это соответствует целям их создания и служит достижению этих целей.

Из этого следует, что некоммерческие организации также относятся к субъектам предпринимательской деятельности и это отмечается не только в учебной литературе [6, с. 47], но и в судебной практике: с одной стороны, особенности правового режима предпринимательской деятельности судами распространяются на отношения независимо от организационно-правовой формы участвующих в них лиц, а с другой – признают возможность заключения сделок, не относящихся к предпринимательской деятельности, коммерческими организациями.

По соотношению свободы и ответственности предпринимательские договоры подразделяются на три группы:

- 1) заключаемые между предпринимателями;
- 2) заключаемые между предпринимателями и потребителями;
- 3) заключаемые предпринимателями с публичными образованиями.

Свобода договора в наибольшей степени проявляется в двусторонних предпринимательских договорах, поскольку взаимная ответственность предпринимателей основана на правовом равенстве, изъятия из этого правила в большинстве случаев установлены к обя-

зательствам предпринимателей перед потребителями, что подтверждает особую его защищенность как участника гражданского оборота [7, с. 136].

Выводы

Таким образом, положения ГК РФ, помимо общих положений об обязательствах, также содержат положения, которые применимы только к обязательствам, связанным с осуществлением предпринимательской деятельности. Целесообразно заметить, что предпринимательские обязательства специфичны по своей сути, а также иногда прямо противоположны традиционным обязательствам.

Как экономическое явление, предпринимательство объективно требует правового регулирования, поскольку его отсутствие неизбежно проявляется в таких отрицательных последствиях, как неравномерность распределения благ, безработица, монополизация экономики. Правовое регулирование обеспечивает реализацию равенства как одного из важнейших принципов гражданского права: установив для предпринимателей дополнительные требования, государство уравнило их с другими участниками оборота. Этим же продиктована необходимость в активном внедрении и применении правовых средств как инициативных действий, основанных на дозволении закона. В качестве одного из них выступает договор, поэтому специфику предпринимательских отношений наиболее ярко демонстрируют именно договорные обязательства.

Таким образом, следует заключить, что цифровая экономика стала итогом глубокого проникновения мобильного интернета, облачных вычислений, больших данных и других технологий нового поколения на каждый уровень социума. В результате процесса эволюции цифровая экономика стала одним из главных двигателей роста мировой экономической системы. Широкое распространение цифровых технологий усиливает конкуренцию на глобальных рынках и стимулирует ведущие индустриальные страны к проведению соответствующей экономической политики и увеличению инвестиций в научные исследования.

К трендам цифровизации экономики в рамках технического подхода относятся об-

ланные вычисления, интернет вещей, искусственный интеллект, робототехника, блокчейн. В рамках экономического подхода тренды цифровизации экономики связаны с модернизацией реальных секторов экономики, цифровым развитием предпринимательской среды, развитием инноваций, а также снижением энергопотребления и выбросов в атмосферу.

Развитие цифровой экономики является основой экономической независимости и обеспечивает конкурентоспособность страны на рынке. В связи с этим правительства различных стран (Евразийский экономический союз, Соединенные Штаты Америки, Китай и Россия) разрабатывают и внедряют государственные программы по развитию цифровой экономики и дальнейшей модернизации производств. Государственные программы развития цифровой экономики направлены на эффективное продвижение новых технологий в те области, которые обладают конкурентоспособным потенциалом и дают возможность структурной перестройки экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов, В. А. Вещное и обязательственное право в структуре арендных отношений (имущественного найма). Правомочия арендатора / В. А. Белов // Научные труды РАЮН. Вып. 14. В 2 т. Т. 2 / под ред. В. В. Гриб. – М. : Юрист, 2014. – С. 18–24.
2. Волос, А. А. Отличительные признаки принципов обязательственного права / А. А. Волос // Вестник Воронежского государственного университета. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2014. – № 2 (17). – С. 91–96.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
5. Матыцин, Д. Е. Обеспечение исполнения государственных и муниципальных контрактов: банковские гарантии и цифровые технологии / Д. Е. Матыцин, И. В. Балтутите // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 11 (150). – С. 133–136.
6. Матыцин, Д. Е. Опыт судебного правоприменения по корпоративным спорам, связан-

ным с истребованием акций из незаконного чужого владения и цифровые технологии / Д. Е. Матыцин // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. – № 10. – С. 43–47.

7. Матыцин, Д. Е. Цифровые технологии реализации гражданско-правовых сделок: договор репо на инвестиционные активы рынка ценных бумаг / Д. Е. Матыцин // Право и практика. – 2020. – № 2. – С. 136–140.

8. Рузанова, В. Д. Видовые особенности гражданско-правовых предпринимательских обязательств и обязательственных прав / В. Д. Рузанова // Субъективные права в сфере обязательств: проблемы юридической сущности и систематизации : сб. науч. ст. / под ред. С. В. Мартышкин, Ю. С. Поваров. – Самара : Самарский университет. – 2010. – С. 88–104.

REFERENCES

1. Belov V.A. Veshchnoe i obyazatel'stvennoe pravo v strukture arendnyh otnoshenij (imushchestvennogo najma). Pravomochiya arendatora [Real and Binding Law in the Structure of Rental Relations (Property Hiring). The Rights of the Tenant]. *Nauchnye trudy RAYUN. Вып. 14. V 2 t. T. 2* [Scientific Works of RAYUN. No. 14. In 2 vol., vol. 2]. Moscow, Yurist Publ., 2014, pp. 18-24.
2. Volos A.A. Otlichitel'nye priznaki principov obyazatel'stvennogo prava [Distinctive Features of the Principles of the Law of Obligations]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Voronezh State University]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. un-ta, 2014, no. 2 (17), pp. 91-96.
3. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 09.03.2021) [Civil Code of the Russian Federation (Part One)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of the Legislation of the Russian Federation], 1994, no. 32, art. 3301.
4. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 09.03.2021) [The Civil Code of the Russian Federation (Part Two)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of the Legislation of the Russian Federation], 1996, no. 5, art. 410.
5. Matyicin D.E., Baltutite I.V. Obespechenie ispolneniya gosudarstvennyh i municipal'nyh kontraktov: bankovskie garantii i cifrovye tekhnologii [Ensuring the Execution of State and Municipal Contracts: Bank Guarantees and Digital Technologies]. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal* [Eurasian Legal Journal], 2020, no. 11 (150), pp. 133-136.
6. Matyicin D.E. Opyt sudebnogo pravopriimeneniya po korporativnym sporam, svyazannym s

istrebovaniiem akcij iz nezakonnogo chuzhogo vladeniya i cifrovyte tekhnologii [Experience of Judicial Law Enforcement in Corporate Disputes Related to the Recovery of Shares from Illegal Alien Ownership and Digital Technologies]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2020, no. 10, pp. 43-47.

7. Matycin D.E. Cifrovyte tekhnologii realizacii grazhdansko-pravovyh sdelok: dogovor repo na investicionnye aktivy rynka cennyh bumag [Digital Technologies for the Implementation of Civil Law Transactions: A Repo Agreement for Investment

Assets of the Securities Market]. *Pravo i praktika* [Law and Practice], 2020, no. 2, pp. 136-140.

8. Ruzanova V.D. Vidovye osobennosti grazhdansko-pravovyh predprinimatel'skih obyazatel'stv i obyazatel'stvennyh prav [Specific Features of Civil Legal Business Obligations and Contractual Rights]. *Subyektivnye prava v sfere obyazatel'stv: problemy yuridicheskoy sushchnosti i sistematizacii: sbornik nauchnyh statej* [Rights in the Sphere of Obligations: Problems of Legal Entities and Systematization: Collected Articles]. Samara, Samarskij universitet, 2010, pp. 88-104.

Information About the Author

Nizami Elmar oglu Safarli, Postgraduate Student, Department of Civil and Private International Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, Nizami1994@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4568-5774>

Информация об авторе

Низами Эльмар оглы Сафарли, аспирант кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, Nizami1994@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4568-5774>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.22>

UDC 347.451.031
LBC 67.404.9

Submitted: 18.04.2021
Accepted: 05.06.2021

THE FEATURES OF CONSUMER RIGHTS VIOLATIONS IN ONLINE TRADING

Zaur Azer oglu Mammadli

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the development of the Internet and e-commerce has largely changed the habits, behaviors, and preferences of consumers. This dynamic and efficient means of providing goods has been able to overcome many of the obstacles inherent in offline trading. This became especially relevant in 2020 and does not lose its relevance at the present time in the situation of the lockdown precedent on a global scale. It is possible to increase the protection of business entities and, first of all, consumers, if there is an effective system of the legal regulation of the sphere under consideration. There is a need for legally established guarantees, an appropriate level of legal regulation, effective measures, methods and means implemented within the framework of monitoring the compliance with the norms of the current legislation. To protect the rights of consumers, respect their legitimate interests, and create a civilized competitive environment, the state must fully establish legal means to ensure the rule of law in the field of online commerce without restricting the freedoms of entrepreneurs. The **purpose** of the paper is to review the current state of the violations of the rights of participants in economic relations that occur when making online purchases. **Methods:** in the process of writing the paper, general scientific methods (qualitative and logical analysis, synthesis, induction, deduction, comparison, system approach, retrospective analysis, morphological analysis), and a special method (scenario analysis) were used. **Results:** the main aspects related to the legal regulation of electronic commercial activity regarding the protection of buyers are considered. It is indicated that when buying through e-commerce, various violations of consumer rights often occur. This is expressed, in many cases, in the discrepancy between the actual condition of the goods provided to the buyer with the information contained on the seller's website, in the delivery of goods with obvious defects, non-compliance with the requirements of GOST. **Conclusions:** the protection of the rights of online buyers includes two main aspects. First, it concerns the protection of consumer rights regarding the improper quality of the delivered goods, the specifics of the purchase return, and the funds spent. Secondly, what the world community pays considerable attention to is the legal regulation and protection of consumer data privacy. It is noted that domestic researchers place more emphasis on the first aspect of the problem. It is indicated that the improvement of the legal regulation of e-commerce should be carried out following the global trends in the development of international law in this area.

Key words: Internet trading, e-commerce, consumer, product, consumer protection, the legislation of the Russian Federation, electronic transactions.

Citation. Mammadli Z.A. oglu. The Features of Consumer Rights Violations in Online Trading. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 149-154. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.22>

УДК 347.451.031
ББК 67.404.9

Дата поступления статьи: 18.04.2021
Дата принятия статьи: 05.06.2021

ОСОБЕННОСТИ НАРУШЕНИЯ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПРИ ИНТЕРНЕТ-ТОРГОВЛЕ

Заур Азер оглы Мамедли

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: развитие Интернета и электронной коммерции в значительной степени изменило привычки, поведение и предпочтения потребителей. Это динамичное и эффективное средство предоставления товаров смогло преодолеть многие препятствия, присущие офлайн-торговле. Особенно актуальным это стало в 2020 г.

и не утрачивает своей актуальности в настоящее время в ситуации прецедента локдауна в мировом масштабе. Повысить защищенность субъектов предпринимательской деятельности и в первую очередь потребителей представляется возможным при наличии эффективной системы правового регулирования рассматриваемой сферы. Необходимы законодательно закрепленные гарантии, соответствующий уровень правовой регламентации, эффективные меры, способы и средства, реализуемые в рамках осуществления надзора за соблюдением норм действующего законодательства. Для защиты прав потребителей, соблюдения их законных интересов, формирования цивилизованной конкурентной среды государством без ограничений свобод предпринимателей должны быть установлены в полном объеме правовые средства обеспечения законности в сфере онлайн-торговли. **Цель:** обзор современного состояния отмечающихся нарушений прав участников экономических отношений, возникающих при совершении онлайн-покупок. **Методы:** в процессе написания статьи применялись общенаучные (качественно-логический анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, системный подход, ретроспективный анализ, морфологический анализ), специальный метод (сценарный анализ). **Результаты:** рассмотрены основные аспекты, связанные с правовым регулированием электронной коммерческой деятельности относительно защиты покупателей. Указывается, что при покупке посредством электронной торговли зачастую происходят различные нарушения прав потребителей. Во многих случаях это выражается в расхождении фактического состояния предоставляемых товаров покупателю с той информацией, которая содержалась на сайте продавца, при доставке товара обнаруживаются очевидные признаки брака, несоответствие ГОСТу. **Выводы:** защита прав онлайн-покупателей включает два основных аспекта. Во-первых, это касается защиты прав потребителей относительно ненадлежащего качества доставленного товара, особенностей возврата приобретенной покупки и затраченных средств. Во-вторых, на что в мировом сообществе обращается значительное внимание, это правовое регулирование и защита конфиденциальности данных потребителей. Отмечается, что отечественными исследователями делается больший акцент на первом аспекте проблематики. Указывается, что совершенствование правового регулирования электронной коммерции необходимо осуществлять в соответствии с мировыми тенденциями в развитии международного права в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: интернет-торговля, электронная коммерция, потребитель, товар, защита прав потребителей, законодательство Российской Федерации, электронные транзакции.

Цитирование. Мамедли З. А. оглы. Особенности нарушения прав потребителей при интернет-торговле // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 149–154. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.22>

Введение

В современной России сформировано правовое государство с рыночной экономикой. Активно развивается информационное общество и аспекты его правового регулирования. Происходит реформирование многих составляющих, предназначенных для обеспечения динамичного социально-экономического развития страны. Вследствие формирования в Российской Федерации рыночной экономической модели происходит активное развитие предпринимательского сектора. Это подразумевает использование принципов честной конкуренции, свободы перемещения товаров и услуг. Важным условием для эффективности отмеченных процессов является наличие отлаженного механизма правовой защиты участников данного сегмента общественно-экономических отношений [4, с. 43].

Цель статьи заключается в аналитическом обзоре проблем, касающихся нарушения прав участников общественно-экономических

отношений, возникающих в процессе электронной (дистанционной, онлайн-овой) торговли.

Трудно переоценить значение в повседневном бизнесе электронной коммерции – она становится предпочтительным методом заключения сделок различного масштаба, особенно в розничной торговле [3, с. 136]. Во многом это связано со значительными преимуществами, которые онлайн-овые платформы предоставляют обеим сторонам, главным из которых является удобство, сокращение штата сотрудников, снижение расходов на аренду помещения, относительно высокий уровень обеспечения безопасности осуществляемых сделок, повышение эффективности процессов обмена информацией, рентабельности, ускорение связи с потребителями.

Развитие Интернета и электронной коммерции в значительной степени изменило привычки, поведение и предпочтения потребителей. Это динамичное и эффективное средство предоставления товаров смогло преодолеть многие препятствия, присущие офлайн-

торговле. Особенно распространенным это стало в 2020 г. и не утрачивает своей актуальности в настоящее время в ситуации прецедента локдауна в мировом масштабе.

Повысить защищенность субъектов предпринимательской деятельности и в первую очередь потребителей представляется возможным при наличии эффективной системы правового регулирования рассматриваемой сферы. Необходимы законодательно закрепленные гарантии, соответствующий уровень правовой регламентации, эффективные меры, способы и средства, реализуемые в рамках осуществления надзора за соблюдением норм действующего законодательства. Для защиты прав потребителей, соблюдения их законных интересов, формирования цивилизованной конкурентной среды государством без ограничений свобод предпринимателей должны быть установлены в полном объеме правовые средства обеспечения законности в сфере онлайн-торговли.

Необходимо урегулировать вопросы, связанные с защитой прав потребителей в рассматриваемой сфере, такие как достаточное и достоверное раскрытие продавцами соответствующей информации, искоренение недобросовестной практики продаж и отказа в возврате товаров, несправедливых условий договоров, недостаточно защищенных методов онлайн-расчетов, повышение уровня защиты личных данных и предоставляемой информации, урегулирование споров правовой защиты и трансграничных онлайн-операций.

Основные проблемы, возникающие при правовом регулировании интернет-торговли

Очевидно, что онлайн-покупатели сталкиваются со многими неизбежными проблемами, присущими Интернету, особенно в отношении нарушения их потребительских прав. Помимо того, что покупателю может быть предоставлен товар, не соответствующий описанию на сайте компании электронной торговли, в данной форме товарно-денежных отношений присутствует второй аспект, имеющий более важное значение для его урегулирования. Это касается защиты тех сведений, которые потребитель предоставляет продавцу

при совершении транзакции. Каждый потребитель имеет право на соблюдение конфиденциальности предоставляемой им информации, на возмещение ущерба в случае его возникновения, на неприкосновенность частной жизни [5, с. 140]. Необходимо более тщательное и продуманное законодательство, регулирующее этот аспект.

Защита личных данных касается безопасности и неприкосновенности информации, предоставленной потребителем в ходе электронной торговли. Прежде чем любая транзакция может быть завершена, потребителю может потребоваться предоставить определенную личную информацию для совершения онлайн-сделки [7, р. 23], что является законным для дистанционной торговли [9, р. 491]. Однако проблема заключается в возможности злоупотребления этой информацией, что может происходить в основном тремя способами:

1. Предоставленная информация может быть использована для целей, не предусмотренных потребителем в то время, когда она была предоставлена (например, маркетинговые операции, интеллектуальный анализ данных).

2. Информация может быть собрана на законных основаниях, но небрежно обработана лицом, владеющим информацией. Распространенные опасения среди онлайн-потребителей – это ненадлежащий уровень безопасности, при котором будут предоставлены их данные. Первостепенное значение имеет и сохранность предоставленной информации.

3. Данные потребителя могут быть использованы в мошеннических целях, информация может быть получена обманным путем, чтобы незаконно снять деньги со счета потребителя либо применить для иных нелегальных целей.

Фактически исследования показали, что эти причины продолжают оставаться основными причинами недоверия потребителей к электронной коммерции как бизнес-модели [2, с. 189]. Так, на международном уровне ОЭСР ввела руководящие принципы по защите прав потребителей в Интернете, выступающие в качестве платформы для стран-участниц при разработке собственного национального законодательства в соответствии

с международным правом. В руководящих принципах подчеркивается, что потребителям, участвующим в электронной торговле, должна быть доступна прозрачная и эффективная защита не ниже уровня защиты, предоставляемой при других форматах процесса торговли. Разработка руководящих принципов Организации Объединенных Наций по защите прав потребителей (UNGCP) является последним важным шагом международного уровня в направлении совершенствования защиты потребителей. UNGCP обеспечивает передовой мировой стандарт для защиты потребителей. Среди региональных механизмов подход Европейского Союза к онлайн-защите потребителей по всему миру имеет большое значение.

**Аспекты, касающиеся
защиты прав потребителей,
осуществляющие онлайн-покупки**

Возникают недостатки и пробелы, многочисленные коллизии при разночтении законодательства, устаревание терминов, упоминания в нормативных документах отмененных ведомств. Также правовая грамотность участников экономических отношений характеризуется недостаточным уровнем.

Состоявшиеся трансформации в общественном развитии, выразившиеся в первую очередь в глобализации и цифровизации пространства, обусловили бурное развитие предпринимательской сферы, осуществляемой в Интернете. Это выражается в заключении дистанционных договоров купли-продажи товаров. Дистанционная реализация продукции осуществляется на территории Российской Федерации на основе договора розничной купли-продажи в соответствии со ст. 497 ГК РФ. Покупатель заключает данный договор в результате процесса ознакомления с описанием товаров, предоставленных продавцом, преимущественно на сайте продавца. Потребитель имеет право осуществить отказ от приобретенного товара в любое время до его передачи, а после передачи товара – в течение 7 дней либо в течение 3 месяцев в случае, если продавец не проинформировал покупателя в письменной форме при доставке товара о порядке и сроках его возврата [1].

В рыночной среде, насыщенной динамичным взаимодействием ее участников, происходит частое нарушение требований норм законодательства в области интернет-торговли. Подобные нарушения выражаются, например, в распространении недостоверных сведений о товарах. Это приводит к нарушению прав и законных интересов в первую очередь потребителей. Существующее российское законодательство в данной области характеризуется пробельностью. Стремительное развитие Интернета нуждается в своевременном адаптированном изменении законодательства. Вероятно, даже может состояться в скором времени выделение данного сектора в отдельную, новую отрасль права, предназначенную для регулирования взаимоотношений, возникающих в Интернете, определение правового статуса субъектов и объектов деятельности, определение видов ответственности за правонарушения в области интернет-торговли.

**Рост электронной торговли приводит
к возрастанию числа нарушений
прав потребителей**

Согласно последним имеющимся оценкам, опубликованным органом ООН по торговле и развитию, ЮНКТАД, объем продаж электронной торговли во всем мире в 2018 г. составил 25,6 трлн долл., что на 8 % больше, чем в 2017 году. Стоимость глобальной электронной коммерции в сегменте B2B в 2018 г. составила 21 трлн долл., что составляет 83 % всей электронной коммерции, включая продажи на платформах онлайн-рынка и транзакции электронного обмена данными. Электронная коммерция B2C была оценена в 4,4 трлн долл., что на 16 % больше, чем в 2017 году. Объем продаж международной B2C-торговли в 2018 г. составил 404 млрд долл., что на 7 % больше, чем в 2017 году. В 2018 г. более 1,4 млрд чел. сделали покупки в Интернете [8]. В 2019 г. около 1,92 млрд человек приобрели товары или услуги в Интернете, а мировой объем продаж электронной розничной торговли превысил 3,5 трлн долл. США, и ожидается, что рост электронной коммерции в будущем ускорится еще больше.

При совершении онлайн-покупок велика вероятность того, что потребитель

приобретет товар ненадлежащего качества, то есть будет введен в заблуждение ложной информацией. В ст. 26.1. Закона РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 08.12.2020) обозначены требования к предоставлению потребителям достоверных и исчерпывающих сведений о товарах (их свойствах, местонахождении производителя, полном наименовании, условиях приобретения возврата, сроках и способах оплаты и доставки, гарантийном сроке. В большинстве случаев у потребителя отсутствует возможность произвести визуальный осмотр товара до момента его получения.

Потребителя следует рассматривать как уязвимое звено, так как он приобретает товар, в значительной степени рассчитывая на порядочность продавца. Исходя из сложившейся ситуации и необходимости урегулирования данной сферы отношений, Правительством Российской Федерации было издано распоряжение от 28.08.2017 № 1837-р «Об утверждении Стратегии государственной политики РФ в области защиты прав потребителей на период до 2030 года» [6], в котором приведены цели, достижение которых сможет обеспечить достаточный уровень защиты всех базовых потребительских прав граждан.

Выводы

Даже при всех преимуществах интернет-торговли, ставшей особенно актуальной в ситуации новых вызовов 2020 г., выразившихся во введении карантинных мер, доверие значительной части населения к онлайн-торговле остается низким. Тем не менее цифровизация общества будет возрастать и доля онлайн-приобретений различных товаров неизбежно увеличится. Требуется разработка надежных юридических рычагов, позволяющих регулировать данную сферу экономических отношений с учетом всего их разнообразия. Следует констатировать, что необходимо совершенствование отечественного законодательства, регулирующего деятельность в Интернете с учетом возникновения новых механизмов и инструментов реализации товаров. Требуется более четко обозначить условия, при которых распространение товаров осуществляется на законных основа-

ниях, разграничить ответственность всех сторон торговых отношений.

Необходимо приведение нормативных документов в соответствие с современными нормами международного законодательства, упорядочить имеющиеся законодательные акты на предмет их соответствия современным понятиям, условиям осуществления торговой деятельности в Интернете. Требуется пересмотр имеющихся законодательных актов в совокупности с целью исключения дублирования информации, использования устаревших понятий во избежание возникновения юридических коллизий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – 15 янв. (№ 3). – Ст. 140.
2. Козинец, Н. В. Особенности правового регулирования трансграничной электронной торговли: дис. ... канд. юрид. наук / Козинец Никита Владимирович. – М., 2016. – 210 с.
3. Матыцин, Д. Е. Обеспечение исполнения государственных и муниципальных контрактов: банковские гарантии и цифровые технологии / Д. Е. Матыцин, И. В. Балтутите // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 11 (150). – С. 133–136.
4. Матыцин, Д. Е. Опыт судебного правоприменения по корпоративным спорам, связанным с истребованием акций из незаконного чужого владения и цифровые технологии / Д. Е. Матыцин // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. – № 10. – С. 43–47.
5. Матыцин, Д. Е. Цифровые технологии реализации гражданско-правовых сделок: договор репо на инвестиционные активы рынка ценных бумаг / Д. Е. Матыцин // Право и практика. – 2020. – № 2. – С. 136–140.
6. Распоряжение Правительства РФ от 28.08.2017 № 1837-р «Об утверждении Стратегии государственной политики РФ в области защиты прав потребителей на период до 2030 года» // Собрание Законодательства РФ. – 2017. – № 37. – Ст. 5543.
7. Ariyaratna, R. Protection of Consumer Rights on the Internet: Prospects and Challenges for the Sri Lanka Legal System / R. Ariyaratna // OUSL Journal. – 2018. – № 13 (2). – P. 5–23.
8. Global E-Commerce Hits \$25.6 Trillion – Latest UNCTAD Estimates. – Electronic text data. – Mode of access: <https://unctad.org/pressmaterial/global-e>

commerce-hits-256-trillion-latest-unctad-estimates (date of access: 06.02.2021). – Title from screen.

9. Peiris, P. M. An Empirical Study of Customer Adoption of E-Commerce A Customer Trust Model to Support the Adoption of E-Commerce Among Small and Medium Size Enterprises in Sri Lanka / P. M. Peiris, D. Kulkarni // *International Journal of Business and Information*. – 2015. – 10 (4). – P. 491–518.

REFERENCES

1. Закон Rossiiskoi Federatsii ot 07.02.1992 № 2300-1 «O zashchite prav potrebitel'ei» (red. ot 08.12.2020) [Law of Russian Federation of 07.02.1992 No. 2300-1 “On Consumer Rights Protection”]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 15.01.1996, no. 3, art. 140.

2. Kozinets N.V. *Osobennosti pravovogo regulirovaniya transgranichnoi elektronnoi trgovli: dis. ... kand. jurid. nauk* [Features of Legal Regulation of Cross-border: Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, 2016. 210 p.

3. Matycin D.E., Baltutite I.V. Obespechenie ispolneniya gosudarstvennyh i municipal'nyh kontraktov: bankovskie garantii i cifrovye tekhnologii [Ensuring the Execution of State and Municipal Contracts: Bank Guarantees and Digital Technologies]. *Evrazijskij juridicheskij zhurnal* [Eurasian Legal Journal], 2020, no. 11 (150), pp. 133-136.

4. Matycin D.E. Opyt sudebnogo pravopriemeneniya po korporativnym sporam, svyazannym s istrebovaniem akcij iz nezakonnogo chuzhogo vladeniya i cifrovye tekhnologii [Experience of Judicial

Law Enforcement in Corporate Disputes Related to the Recovery of Shares from Illegal Alien Ownership and Digital Technologies]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2020, no. 10, pp. 43-47.

5. Matycin D.E. Cifrovye tekhnologii realizatsii grazhdansko-pravovyh sdelok: dogovor repo na investicionnye aktivy rynka cennyh bumag [Digital Technologies for the Implementation of Civil Law Transactions: a Repo Agreement for Investment Assets of the Securities Market]. *Pravo i praktika* [Law and Practice], 2020, no. 2, pp. 136-140.

6. *Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 28.08.2017 № 1837-r «Ob utverzhdenii Strategii gosudarstvennoi politiki RF v oblasti zashchity prav potrebitel'ei na period do 2030 goda»* [Order of the Government of the Russian Federation No. 1837-r Dated August 28, 2017 “On Approval of the Strategy of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Consumer Rights Protection for the Period up to 2030”]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2017, no. 37, art. 5543.

7. Ariyaratna R. Protection of Consumer Rights on the Internet: Prospects and Challenges for the Sri Lanka Legal System. *OUSL Journal*, 2018, no. 13, pp. 5-23.

8. *Global E-Commerce Hits \$25.6 Trillion – Latest UNCTAD Estimates*. URL: <https://unctad.org/pressmaterial/global-e-commerce-hits-256-trillion-latest-unctad-estimates> (accessed 6 February 2021).

9. Peiris P.M., Kulkarni D. An Empirical Study of Customer Adoption of E-Commerce A Customer Trust Model to Support the Adoption of E-Commerce among Small and Medium Size Enterprises in Sri Lanka. *International Journal of Business and Information*, 2015, no. 10 (4), pp. 491-518.

Information About the Author

Zaur Azer oglu Mammadli, Postgraduate Student, Department of Civil and International Private Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, mamedlizaur@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9204-1261>

Информация об авторе

Заур Азер оглы Мамедли, аспирант кафедры гражданского права и международного частного права, Волгоградский государственный университет (базовая кафедра ЮИЦ РАН), просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, mamedlizaur@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9204-1261>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.23>

UDC 342.721
LBC 67.404.9

Submitted: 03.05.2021
Accepted: 20.05.2021

THE PROBLEMS OF THE LEGAL REGULATION OF BIG DATA

Alexey Y. Churilov

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Introduction: the development of technologies for collecting and processing information gave rise to the emergence of a recent phenomenon on the market – Big Data, which is in a certain conflict with the current legislation on personal data. **Objective:** to study the problems and features of the legal regulation of Big Data considering their technological features. **Methods:** the methodological basis of the study is a set of methods of scientific knowledge, among which the primary place is occupied by the methods of historicism, systematic method, analysis. **Results:** the problems of compliance of the current regulation of relations regarding personal data with the realities of the technological development of society were analyzed, including the compliance of Big Data technology with the general principles of processing personal data, reflected in both domestic and foreign legislation. **Conclusions:** the author concludes that regulation of personal data lags the needs of entrepreneurs using Big Data in their work, and the need for a careful choice of a model for the legal regulation of relations arising from the use of this technology to achieve a balance of private and public interests.

Key words: Big Data, personal data, principles, legality, consent, regulation.

Citation. Churilov A.Y. The Problems of the Legal Regulation of Big Data. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 155-160. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.23>

УДК 342.721
ББК 67.404.9

Дата поступления статьи: 03.05.2021
Дата принятия статьи: 20.05.2021

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БОЛЬШИХ ДАННЫХ

Алексей Юрьевич Чурилов

Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

Введение: развитие технологий сбора и обработки информации породили возникновение нового явления на рынке – больших данных, которые находятся в определенном конфликте с действующим законодательством о персональных данных. **Цель:** исследовать проблемы и особенности правового регулирования больших данных с учетом их технологических особенностей. **Методы:** методологическую основу исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают методы историзма, системности, анализа. **Результаты:** проанализированы проблемы соответствия текущего регулирования отношений по поводу персональных данных реалиям технологического развития общества, в том числе соответствие технологии больших данных общим принципам обработки персональной информации, отраженных как в отечественном, так и зарубежном законодательстве. **Выводы:** зафиксировано отставание регулирования персональных данных от потребностей предпринимателей, использующих в своей работе большие данные, и необходимости тщательного выбора модели правового регулирования отношений, возникающих в связи с применением этой технологии для достижения баланса частных и публичных интересов.

Ключевые слова: большие данные, персональные данные, принципы, законность, согласие, регулирование.

Цитирование. Чурилов А. Ю. Проблемы правового регулирования больших данных // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 155–160. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.23>

Введение

В условиях ускоряющегося технологического развития законодателю все труднее становится своевременно реагировать на изменения общественных отношений. Большие данные, или Big Data, еще не получили единого доктринального или легального толкования. Некоторые исследователи определяют большие данные как процесс обработки компьютерами большого количества информации для выявления поведенческих моделей с целью предсказания действий людей или компаний [10]. Другие же под этим термином понимают простую совокупность информации, которую не может обработать традиционная база данных [11], или раскрывают это понятие через особую архитектуру такой базы данных [1]. Большие данные начали активно использоваться для управления бизнес-процессами и прогностической аналитики [1], аудиторской деятельности [3].

Ключевые особенности больших данных традиционно раскрывают через 4 основных признака (или 4 V больших данных): большой объем (volume); разнообразие (variety); высокая скорость изменения (velocity); точность (veracity) [6]. Для хранения и обработки больших данных создаются особые распределенные системы хранения данных, в том числе распределенные файловые системы, позволяющие использовать внешнее файловое пространство системы хранения для обработки данных на устройствах, входящих в вычислительных кластер [4].

Постановка проблемы

Одной из проблем, с которой столкнулся как отечественный, так и зарубежный законодатель, является поиск адекватной модели правового регулирования отношений, возникающих по поводу так называемых больших данных, которые могут содержать в себе и использовать при работе персональные данные. Следует отметить, что законодательство под обработкой персональных данных понимает любое действие или совокупность действий, совершаемых с использованием средств автоматизации или без использования таких средств с персональными данными,

включая сбор, запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение, использование, передачу (распространение, предоставление, доступ), обезличивание, блокирование, удаление, уничтожение персональных данных. Таким образом, практически любая операция с персональными данными будет являться их обработкой.

Поскольку технология больших данных позволяет хранить и анализировать (обрабатывать) не только информацию о каких-либо производственных процессах, но и информацию, относящуюся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных), возникает закономерный вопрос – насколько действующее законодательство адекватно регулирует отношения, возникающие при использовании больших данных. Ответ можно дать, проанализировав применение основных принципов обработки персональных данных к большим данным. Как отечественное, так и зарубежное законодательство о персональных данных выделяет 7 основных принципов обработки персональных данных: законность, справедливость и прозрачность; ограничение цели обработки; минимизация данных; точность; ограничение хранения; целостность и конфиденциальность; ответственность (подотчетность) [7].

В рамках исследования будет проведен анализ трех принципов – *законности* (в частности, при обработке особых категорий персональных данных), *ограничения цели и минимизации данных*, поскольку именно они представляют наибольшую проблему для работы с большими данными. Также будет рассмотрена возможность принятия решений на основании исключительно автоматизированной обработки персональных данных посредством больших данных.

Большие данные и принципы регулирования персональных данных

Принцип целевого ограничения, закрепленный в ст. 5 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» и ст. 5 Регламента № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского

Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных)» (далее – Регламент), состоит в том, что данные собираются оператором для *конкретных, заранее определенных и законных* целей и в дальнейшем не должны обрабатываться несовместимым с ними способом. Цели обработки персональных данных могут происходить из анализа правовых актов, регламентирующих деятельность оператора, целей фактически осуществляемой оператором деятельности, а также деятельности, которая предусмотрена учредительными документами оператора, и конкретных бизнес-процессов оператора в конкретных информационных системах персональных данных.

Следовательно, контролер или обрабатывающее данные лицо должны ясно обозначить пользователю, для каких целей собираются и планируют использоваться персональные данные, а также отразить это в документации, предусмотренной ст. 18.1 ФЗ «О персональных данных» и ст. 30 Регламента. Существование этого принципа, распространяющегося и на обработку персональных данных при использовании больших данных, необходимо для того, чтобы у субъекта персональных данных оставался определенный контроль над тем, как будет использоваться переданная им оператору информация.

Представляется, что технология больших данных не может полностью соответствовать принципу целевого ограничения – используемые при обработке механизмы машинного обучения зачастую выходят не только за те цели, которые были первоначально определены оператором персональных данных, но и даже за пределы ожиданий. В этой связи оператор должен уведомлять каждого субъекта персональных данных об изменении цели и способах обработки, а также осуществлять постоянный мониторинг своих систем на предмет соответствия обработки заявленным целям. Попытка обойти этот принцип установлением максимально широких и неконкретно сформулированных целей обработки персональных данных может быть расценено как нарушение требований законности обработки

и повлечь в том числе административную ответственность в рамках отечественного (ст. 13.11 КоАП РФ) и европейского законодательства [8; 9]. При изменении цели обработки персональных данных необходимо учитывать и характер обрабатываемых данных.

Запрещено обрабатывать данные способом и для целей, которые не предусмотрены соответствующей документацией и соглашением с субъектом, не совместимы с первоначальной целью и о которых не уведомлен пользователь (и не получено его согласие), кроме ряда исключений: для публичных интересов, научных или исторических исследований, статистических целей. Эти цели, закрепленные в ст. 6 ФЗ «О персональных данных» и в ст. 5 Регламента, считаются априори совместимыми с первоначальной целью сбора и обработки персональных данных. Для больших данных статистические цели являются той лазейкой, которой может воспользоваться оператор для того, чтобы обработка оставалась в законных рамках.

Под термином «статистические цели» понимается любая деятельность по сбору и обработке персональных данных, необходимых для статистического изучения или для подготовки статистических результатов. Указанные статистические результаты могут быть в дальнейшем использованы в других целях, в том числе в рамках научного исследования. Статистическая цель подразумевает, что результатом обработки являются не персональные, а сводные данные, и что указанный результат, или персональные данные, не используются для обеспечения выполнения мер и решений, относящихся к определенному физическому лицу (п. 162 преамбулы Регламента). Следовательно, до тех пор, пока с помощью информации, полученной при обработке больших данных, не принимаются юридически значимые решения, обработка может соответствовать статистическим целям. Однако основной целью использования больших данных является дальнейшее их применение для, к примеру, таргетированной рекламы или принятия решений в отношении субъекта персональных данных, что автоматически выводит их из-под действия исключения статистических целей – к примеру, отечественный законодатель прямо исключает совмещение

исследовательски, статистических целей и целей продвижения товаров, работ, услуг на рынке путем осуществления прямых контактов с потенциальным потребителем с помощью средств связи, а также в целях политической агитации.

Одним из важнейших проявлений принципа целевого ограничения является обязанность оператора не допускать объединения баз данных, содержащих персональные данные, обработка которых осуществляется в целях, несовместимых между собой. Более того, согласно ст. 25 Регламента и ст. 18.1 ФЗ «О персональных данных», оператор должен имплементировать соответствующие технические и организационные меры для обеспечения того, что по умолчанию обрабатываются только те персональные данные, которые необходимы для каждой конкретной цели обработки. В рамках больших данных, представляющих собой не структурированную в привычном понимании базу данных, такое практически невозможно и, как минимум, экономически нецелесообразно.

В соответствии с принципом *минимизации данных* лицо должно обрабатывать и собирать персональные данные адекватно, то есть в достаточном количестве для обозначенных целей (исходя из прямого указания, к примеру, ФЗ «О персональных данных», обрабатываемые персональные данные не должны быть избыточными по отношению к заявленным целям их обработки); персональные данные должны соответствовать заявленной цели (предполагается разумная связь данных в целях их обработки); сбор персональных данных должен быть ограничен тем количеством, которое необходимо для достижения заявленных целей. В соответствии с этим принципом также недопустимо собирать слишком большое количество информации о пользователях в надежде, что она когда-нибудь пригодится. Проблему соответствия больших данных этому принципу неоднократно отмечали исследователи [5; 11], поскольку сама основа больших данных заключается в сборе как можно большего количества персональных данных за единицу времени. Более того, большие данные не вполне будут соответствовать смежному принципу *ограничения хранения*, поскольку технологии обработ-

ки постоянно совершенствуются, и до тех пор, пока существует вероятность того, что уже собранные данные можно проанализировать иначе, они будут храниться у оператора. Безусловно, и в данном случае возможно применить уже упомянутое исключение обработки для «статистических целей», но оно затрагивает лишь крайне узкую сферу применения технологии больших данных. Представляется необходимым скорректировать регулирование применения этого принципа в отношении больших данных, в том числе путем *ex post* регулирования отдельных видов обработки персональных данных, входящих в состав больших данных.

Принцип *законности* обработки персональных данных требует наличия правового основания для обработки персональных данных – будь то согласие субъекта или предусмотренные законодательством случаи допустимости обработки без согласия субъекта. Для больших данных существенную проблему представляет получение согласия каждого субъекта на обработку чувствительных персональных данных – в соответствии с нормами отечественного законодательства такое согласие должно быть дано в форме электронного документа с цифровой подписью и содержать довольно большой перечень обязательных реквизитов. Более того, сложившаяся практика идет по пути дачи согласия в форме отдельного документа, а не, к примеру, приложения или пункта договора [2], что еще больше усложняет обработку такой информации с помощью больших данных. Особенностью информации, которая обрабатывается с помощью больших данных, является ее способность менять категорию – к примеру, при анализе списка покупок программа может создать результат, имеющий отношение уже к специальным категориям персональных данных – о состоянии здоровья человека. В этой связи можно утверждать, что большие данные в принципе стирают грань между общими персональными данными и специальными. Эта особенность требует соответствующего изменения регулирования для того, чтобы достигнуть баланса частных интересов предпринимателей, работающих с большими данными, и публичных интересов защиты различных категорий персональных данных.

Еще одной проблемой, с которой сталкивается правовое регулирование больших данных, является автоматическое принятие юридически значимых решений исключительно с их помощью. По общему правилу, закрепленному как в отечественном, так и европейском законодательстве, такая обработка допустима только с согласия субъекта персональных данных. Проблема видится в том, что законодатель обязывает оператора разъяснить субъекту персональных данных процедуру принятия решений на основе анализа информации о них при том, что эта процедура может подпадать под режим коммерческой тайны, помимо того факта, что рядовой сотрудник организации вряд ли в состоянии объяснить принцип работы машинного обучения в достаточной для выполнения требования «разъяснения», которое также не уточнено в законодательстве. Более того, сам факт существования такого запрета ставит под угрозу применение больших данных во многих отраслях экономики. Существующий обход этого правила путем внедрения в процедуру принятия решения человека (который, как правило, слепо следует решению алгоритмов) делает эту норму практически неработоспособной.

Выводы

Подводя итог, следует заключить, что технология больших данных в определенной степени находится в конфликте с базовыми принципами законодательства о персональных данных и законодательство, и правоприменителю необходимо принимать взвешенные решения при регулировании сложившихся отношений для соблюдения хрупкого баланса между интересами предпринимателей и субъектов персональных данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Войниканис, Е. А. Регулирование больших данных и право интеллектуальной собственности: общие подходы, проблемы и перспективы развития / Е. А. Войниканис // Закон. – 2020. – № 7. – С. 135–156.
2. Защита данных: научно-практический комментарий к судебной практике / Э. В. Алимов

[и др.]; отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев. – М. : ИЗИСП : Контракт, 2020. – 176 с.

3. Казакова, Н. А. Перспективы внедрения аналитики больших данных в аудиторскую профессию / Н. А. Казакова, М. В. Мельник, Е. В. Дудорова // Аудитор. – 2021. – № 3. – С. 40–47.
4. Радченко, И. А. Технологии и инфраструктура Big Data / И. А. Радченко, И. Н. Николаев. – СПб : Университет ИТМО, 2018. – 52 с.
5. Ромашов, П. А. К вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни в цифровой век / П. А. Ромашов // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. – 2019. – № 1. – С. 103–118.
6. Савельев, А. И. Направления регулирования Больших данных и защита неприкосновенности частной жизни в новых экономических реалиях / А. И. Савельев // Закон. – 2018. – № 5. – С. 122–144.
7. Чурилов, А. Ю. Принципы Общего регламента Европейского союза о защите персональных данных (GDPR): проблемы и перспективы имплементации / А. Ю. Чурилов // Вестник Омской юридической академии. – 2019. – № 1. – С. 29–35.
8. Bennett, C. J. Privacy Protection in the Era of “Big Data”: Regulatory Challenges and Social Assessments. Exploring the Boundaries of Big Data / C. J. Bennet, R. M. Bayley // Amsterdam University Press. – Amsterdam, 2016. – P. 205–230.
9. Mayer-Schönberger, V. Regime Change? Enabling Big Data through Europe’s New Data Protection Regulation / V. Mayer-Schönberger, Y. Padova // Science and Technology Law Review. – 2016. – № 2. – P. 188–228.
10. Strahilevitz, L. J. Toward a Positive Theory of Privacy Law / L. J. Strahilevitz // Harvard Law Review. – 2013. – Vol. 126. – P. 2010–2042.
11. Tucker, D. S. Big Mistakes Regarding Big Data / D. S. Tucker, H. Wellford // Antitrust Source, American Bar Association. – 2014. – P. 1–12.

REFERENCES

1. Vojnikanis E.A. Regulirovanie bol’shih dannyh i pravo intellektual’noj sobstvennosti: obshchie podhody, problemi i erspektivy razvitiya [Regulation of Big Data and Intellectual Property Law: General Approaches, Problems and Development Prospects]. *Zakon* [The Law], 2020, no. 7, pp. 135-156.
2. Alimov E.V., Alimova D.R., Gadzhiev H.I. *Zashchita dannyh: nauchno-prakticheskij kommentarij k sudebnoj praktike* [Data Protection: Scientific and Practical Commentary on Judicial Practice]. Moscow, IZiSP Publ., Kontrakt Publ., 2020. 176 p.
3. Kazakova N.A., Mel’nik M.V., Dudorova E.V. Perspektivy vnedreniya analitiki bol’shih dannyh v

auditorskuyu professiyu [Prospects for Implementing Big Data Analytics in the Auditing Profession]. *Auditor*, 2021, no. 3, pp. 40-47.

4. Radchenko I.A., Nikolaev I.N. *Tekhnologii i infrastruktura Big Data* [Technology and Infrastructure of the Big Data]. Saint Petersburg, Universitet ITMO, 2018. 52 p.

5. Romashov P.A. K voprosu o prave na neprikosновенnost' chastnoj zhizni v cifrovoj vek [On the Issue of Right to Privacy in the Digital Age]. *Permskiy uridicheskij al'manah. Ezhegodnyj nauchnyj zhurnal* [Perm Legal Almanac. Annual Scientific Journal], 2019, no. 1, pp. 103-118.

6. Savel'ev A.I. Napravleniya regulirovaniya Bol'shih dannyh i zashchita neprikosновенnosti chastnoj zhizni v novyh ekonomicheskikh realiyah [Areas of Big Data Regulation and Protection of Privacy in New Economic Realities]. *Zakon* [The Law], 2018, no. 5, pp. 122-144.

7. Churilov A.Yu. Principy Obshchego reglamenta Evropejskogo soyuza o zashchite

personal'nyh dannyh (GDPR): problemy i perspektivy implementacii [Principles of the European Union General Data Protection Regulation (GDPR): Problems and Perspectives for Implementation]. *Vestnik Omskoj yuridicheskoy akademii* [Herald of the Omsk Law Academy], 2019, no. 1, pp. 29-35.

8. Bennett C.J., Bayley R.M. Privacy Protection in the Era of "Big Data": Regulatory Challenges and Social Assessments. Exploring the Boundaries of Big Data. *Amsterdam University Press*. Amsterdam, 2016, pp. 205-230.

9. Mayer-Schönberger V., Padova Y. Regime Change? Enabling Big Data through Europe's New Data Protection Regulation. *Science and Technology Law Review*, 2016, no. 2, pp. 188-228.

10. Strahilevitz L.J. Toward a Positive Theory of Privacy Law. *Harvard Law Review*, 2013, vol. 126, pp. 2010-2042.

11. Tucker D.S., Wellford H. Big Mistakes Regarding Big Data. *Antitrust Source, American Bar Association*, 2014, pp. 1-12.

Information About the Author

Alexey Y. Churilov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Analyst, Scientific and Educational Center "Intellectual Property and Intellectual Rights", Law Institute, Tomsk State University, Prosp. Lenina, 36, 634050 Tomsk, Russian Federation, Lefikantor@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9435-1626>

Информация об авторе

Алексей Юрьевич Чурилов, кандидат юридических наук, аналитик научно-образовательного центра «Интеллектуальная собственность и интеллектуальные права», Томский государственный университет, просп. Ленина, 36, 634050 г. Томск, Российская Федерация, Lefikantor@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9435-1626>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.24>

UDC 347.233

LBC 67.404.11

Submitted: 05.05.2021

Accepted: 14.06.2021

METHODOLOGICAL FEATURES OF STUDYING THE INTERESTS OF THE SUBJECTS OF PROPERTY RIGHTS

Andrey V. Ryzhik

Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Belarus

Introduction: the problem of identifying the features of studying the interests of the subjects of property rights is of great methodological importance. The question of what are the specifics of the study of a particular scientific problem is the key one that sets the beginning of the entire process of scientific knowledge. The **purpose** of the study: to identify the features of studying the legal institute of the interests of the subjects of property rights. **Methods:** the research involved both general methods of scientific knowledge and private law methods, namely, formal legal, the method of interpretation of legal norms, comparative legal analysis. **Results:** the problems of the interests of the subjects of property rights were studied from different conceptual and methodological positions. Along with the applied and theoretical level, a theoretical and cognitive approach to the study of the interests of property rights subjects is proposed. Special attention is focused on the development of linguistic-hermeneutical and anthropological components of the modern methodology of cognition. The opinion on the need to take into account these trends in the study of the problems of interests of subjects of various forms of ownership is justified. **Conclusions:** the features of studying the interests of the subjects of property rights are that highlighting the applied and theoretical levels, it is advisable to focus on the actual theoretical and cognitive core of the study of this legal institute, on the positioning of the content, features of the legal vision, understanding of the legal reality. The models and mechanisms for the realization of the interests of owners in modern Russian law should be studied from a philosophical and sociological perspective, as well as from the perspective of the development of modern theoretical jurisprudence. One of the current trends in the field under study is the strengthening of the role of linguistic and anthropological components in studying the interests of subjects of private, state, and other forms of property. These developing areas of the methodology of knowledge of law open up new opportunities for the interpretation and understanding of legal texts and legal vocabulary.

Key words: interests of owners, property, methodology of legal research, the general methodology of cognition, subject of law.

Citation. Ryzhik A.V. Methodological Features of Studying the Interests of the Subjects of Property Rights. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 161-166. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.24>

УДК 347.233

ББК 67.404.11

Дата поступления статьи: 05.05.2021

Дата принятия статьи: 14.06.2021

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ СУБЪЕКТОВ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

Андрей Владимирович Рыжик

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, г. Витебск, Беларусь

Введение: проблематика выявления особенностей исследования интересов субъектов права собственности имеет важное методологическое значение. Вопрос о том, в чем заключается специфика исследования той или иной научной проблемы, является ключевым, задающим начало всему процессу научного познания. **Цель:** выявление особенностей исследования правового института интересов субъектов права собственности. **Методы:** в процессе исследования были задействованы общие методы научного познания и такие частнопроводимые методы, как формально-юридический, метод толкования правовых норм, сравнительно-правовой анализ. **Результаты:** проблематика интересов субъектов права собственности была изучена с разных концепту-

ально-методологических позиций. Наряду с прикладным и теоретическим уровнем предложен теоретико-познавательный подход к изучению интересов субъектов права собственности. Акцентировано внимание на развитии лингвистически-герменевтической и антропологической составляющих современной методологии познания. Обосновано мнение о необходимости учета данных тенденций при исследовании проблем интересов субъектов различных форм собственности. **Выводы:** особенности исследования интересов субъектов права собственности заключаются в том, что, выделяя прикладной и теоретический уровни, целесообразно делать акцент на собственно теоретико-познавательном ядре исследования данного правового института, на позиционировании содержания, особенностей правового видения, понимания правовой реальности. Модели и механизмы реализации интересов собственников в современном российском праве должны изучаться с философского и социологического ракурсов, а также с позиций развития современного теоретического правоведения. Одной из современных тенденций в изучаемой сфере является усиление роли лингвистической и антропологической составляющих в исследовании интересов субъектов частной, государственной и иных форм собственности. Эти развивающиеся направления методологии познания права открывают новые возможности для толкования и осмысления юридических текстов и юридической лексики.

Ключевые слова: интересы собственников, собственность, методология правового исследования, общая методология познания, субъект права.

Цитирование. Рыжик А. В. Методологические особенности исследования интересов субъектов права собственности // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 161–166. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.24>

Введение

Под теоретико-методологическими принципами авторского правового исследования мы понимаем совокупность используемых познавательных ресурсов, необходимых для: 1) определения содержания и спецификаций его объектно-предметного поля, бытийного, социоисторического контекста; 2) обоснования исходных познавательных гипотез, предопределяющих актуальность, новизну, системность целевых ориентиров и задач познавательной деятельности; 3) выявления проблем, противоречий, тенденций, их выражения научной терминологией и обоснования положений, выводов, их актуальности, теоретической новизны и практической значимости.

Проблематика интересов субъектов права собственности может весьма продуктивно исследоваться с разных концептуально-методологических позиций, в рамках многочисленных научных школ и направлений правоведения [2; 5; 7; 8; 10–13]. Данная проблематика является весьма актуальной и для исследователей неюридического профиля.

Размывание определенных границ между сегментами научно-познавательных специализаций – характерная тенденция современных социально-гуманитарных наук, с которой, безусловно, следует считаться. Одновременно проявляет себя в теоретико-познавательной социально-гуманитарной сфе-

ре и тенденция научно-методологической специализации.

Если мы внимательно вникнем в паспорта научных специальностей, утвержденных ВАК России и Беларуси, то при описании их содержания мы обнаружим признаки этих двух тенденций. При классификации как правовых, так и иных социально-гуманитарных исследований применяются и их уровневые характеристики.

Уровни

специально-юридических исследований

Так, С.С. Алексеев выделяет два основных уровня специально-юридических исследований – технико-юридический и философский (общесоциологический). Раскрывая содержание этих уровней познания правовой реальности, С.С. Алексеев пишет: «Специально-юридическая проблематика технико-юридического уровня касается в основном общих вопросов догмы права и юридической техники юриспруденции, то есть таких, которые могут быть “выведены за скобки” специальных наук. Специально-юридическая проблематика философского, общесоциологического уровня – более высокая ступень теоретического освоения правового материала, целиком входящая в единое содержание общей теории права, ступень, на которой и раскрываются основные закономерности права» [9, с. 13].

Признавая теоретико-методологическую важность подобного подхода, следует обратить внимание, что в определенном смысле философский, социологический уровень теоретического освоения материала, о котором пишет С.С. Алексеев, может быть отнесен к собственно философской или к социологической предметной области и выступать сферой научных интересов представителей тех или иных философских, социологических научных школ и направлений.

В правоведении большинство юридических проблем, выделяемых в объектно-предметную сферу изучения, могут исследоваться как на технико-юридическом, так и на теоретико-правовом уровнях, при этом термин «технико-юридический уровень» не в полной мере выражает собственно прикладной тип исследования, в том числе и отраслевого характера.

В исследовании права, выделяя прикладной и теоретический уровни, целесообразно делать акцент на собственно теоретико-познавательном ядре исследования правовых, юридических феноменов, на позиционировании содержания, особенностей правового видения, понимания правовой реальности.

Даже в отношении самого понятия «право» исследователи придерживаются диаметрально противоположных точек зрения. Так, Р. фон Иеринг рассматривает право как «политику силы», определяя его как «обозначение условий существования общества путем принуждения» [10, с. 130], в то время как Л. Дюги утверждает: «Право не есть политика силы, как учил Иеринг, оно не есть дело государства, оно предшествует ему и возвышается над ним: оно является границей государственной силы, и государство есть не что иное, как сила, отданная на служение праву» [11, с. 5].

В современной теории права эти положения творчески развиваются, модифицируются, приобретая свойства собственно правовой системной парадигмальности, теоретико-методологического ядра правосознания и одновременно утрачивая некоторые классические признаки собственно философской, социологической и иной предметной специализации.

Именно таким образом мы понимаем современную теорию права, тенденции, про-

тиворечия в ее развитии, естественным компонентом которой и является проблематика нашего исследования. Модели и механизмы реализации интересов собственников в современном российском праве, безусловно, могут изучаться как с философских, социологических, так и иных позиций развития современного теоретического правоведения.

Базовыми квалифицированными признаками правового статуса исследования проблематики правовой природы интересов субъектов собственности являются: 1) фактичность интересов любых субъектов правовых отношений и узаконивание их в нормах действующего права; 2) активное использование в юридической терминологии категорий «интерес», «законный интерес», «институт законного интереса», «механизм правовой реализации интересов»; 3) наличие правовых проблем, противоречий в сфере генезиса, развития, реализации интересов физических и юридических лиц, решение которых обеспечивается преимущественно не экономическими, не политическими, а юридическими средствами.

Методологические основания исследования интересов собственников

«Принято считать, – писал Д.А. Керимов, – что методология едина для всех наук, но в каждой из них она обретает особенности, обусловленные своеобразием объекта и предмета познания. Именно специфика юридических объектов исследования требует относительно самостоятельного существования методологии права как части общеправовой методологии» [12, с. 15].

Чтобы приступить к предметному, комплексному, конкретному исследованию процедуры, механизмов, интересов собственников, необходимо более четко определиться с теми познавательными ресурсами, которые будут образовывать его методологическое основание, с теми принципами, методами познания, которые позволят в познавательном процессе от общих авторских представлений по поводу права, собственности, интересов собственников переходить к исследованию более конкретных проблем, входящих в предметное поле данного исследовательского проекта.

Нетрудно понять, на каком этапе находятся познавательные-методологические ресурсы отечественных социально-гуманитарных наук, в том числе и правоведения. Труднее определиться с выбором той методологии, которая позволяет наиболее продуктивно исследовать современные юридические проблемы интересов собственников в системе отечественного права.

На современный методологический плюрализм, отличающийся признаками хаотичности, как мы полагаем, следует взглянуть под углом зрения познавательных принципов преемственности и инновационности. Размышляя о методологических ресурсах правоведения, автор делает акцент на выделении в ней общего и специализированного уровня, полагая, что ряд специальных (частных) методов познания правовых явлений вряд ли нуждается в какой-то новой интерпретации или переоценке. Среди них В.К. Бабаев выделяет социологический, сравнительный, формально-юридический, математический [12, с. 15].

Современные социологические методы в правоведении весьма интенсивно наполняются многими новыми познавательными ресурсами, связанными не только с совершенствованием методик социолого-правовых исследований, с усложнением инструментария, но и с новыми подходами к анализу, к интерпретации первичной социологической информации, в том числе и с использованием познавательной инновации современной герменевтики. Изменения происходят и в методах формального изучения правовых феноменов, где традиционная аналитическая познавательная деятельность дополняется методами синтеза тех или иных правовых реалий, на которые ранее не обращалось должного внимания.

Не остаются неизменными и формально-юридические методы исследования правовых феноменов. Классический пример формально-методологического уклона в исследовании правовых феноменов – предельно формализованный подход к осмыслению бытия правовой нормы, когда в конкретной норме права, отражающей те или иные жизненные процессы, способы их регулирования, исследователь не замечает содержания, видя лишь

ее формально-атрибутивные универсальные признаки гипотетичности, диспозитивности, санкционированности.

Размышляя о проблематике правовой нормативности, Г.В. Мальцев писал, что необходимо понять, «что есть само право (совокупность норм либо нормы и что-то еще), что такое норма как родовое понятие, общее для всех ее отдельных видов и подвидов, и, наконец, какие моменты и качества конституируют специфическую норму права. Все это принадлежит к числу дискуссионных проблем, относительно которых мы не обладаем достаточными знаниями.

Откуда, например, проистекает убеждение, что идеологический тезис, работающий в системе права, не может быть нормативным? Очевидно, из нежелания видеть, что юридическая норма есть лишь частица огромного и разнообразного мира социальных норм, а также из традиции, свойственной юристам разных эпох и стран, конструировать представление о норме исключительно на основе наблюдений над правовым поведением. Это привело к невероятному сужению самого понятия нормы, сведению его к чистым случаям, допускающим схематизацию по типу «если – то», «классическую» структуру элементов «гипотеза, диспозиция, санкция». В результате юристы постепенно усвоили привычку без долгих размышлений отказывать нормам, не удовлетворяющим набору этих весьма узких формальных требований, в юридических качествах. Напомним, что нормативным можно считать всякое высказывание о должном в поведении человека и порядке вещей, устраиваемом действиями людей, если оно, это высказывание, выражается в императивной форме (то есть в виде повеления, команды, задания), выступает в качестве побуждения к действию» [13, с. 687].

По сути, в этом положении Г.В. Мальцев намечает теоретико-методологический ориентир в современном понимании и правовой нормативности и содержания формально-юридического метода познания, который следует творчески применять лишь в единстве с методом, акцентирующим внимание исследователя на содержание правовой нормативности.

Тенденции современной методологии исследования интересов субъектов права собственности

В современном отечественном правоведении с особой остротой и интенсивностью проходят дискуссии, предметом которых являются проблемы характера, меры изменений общей методологии познания, именуемой то общеправовой, то общенаучной, то социально-гуманитарной. В этих дискуссиях рядом авторов обосновывается тезис о возникновении новой – постклассической – методологии, или эпистемологии. Его обоснованию, в частности, посвящена весьма содержательная монография И.Л. Честнова «Постклассическая теория права» [14].

В предисловии к этой работе, ставя вопрос о том, что может предложить постклассическая эпистемология теории права, автор отвечает: «На мой взгляд – прежде всего, применение к описанию и объяснению юридической реальности трех “поворотов” в гуманитарном знании: лингвистического, антропологического и прагматического. Отсюда следует вывод, что право – это текст (в постструктуралистской трактовке этого термина), создаваемый человеком и воспроизводимый действиями и ментальными представлениями людей. Тем самым право – это не статичная структура, редуцируемая либо к безличностному индивиду (методологический индивидуализм теории естественного права), либо к воле законодателя (юридический позитивизм), либо к основной норме (нормативизм в праве), а процесс воспроизведения правовой реальности» [14, с. 13].

Автор справедливо указывает на развитие лингвистически-герменевтической и антропологической составляющих современной методологии познания. По сути, антропологический поворот означает презумпцию человечности, гуманистичности современной правовой реальности. Данные тенденции следует учитывать и при исследовании проблем интересов субъектов различных форм собственности.

Выводы

Подводя итог вышесказанному, отметим, что особенности исследования интересов

субъектов права собственности заключаются в следующем. Выделяя прикладной и теоретический уровни, целесообразно делать акцент на собственно теоретико-познавательном ядре исследования данного правового института, на позиционировании содержания, особенностей правового видения, понимания правовой реальности. Модели и механизмы реализации интересов собственников в современном российском праве должны изучаться с философского и социологического ракурсов, а также с позиций развития современного теоретического правоведения.

Базовыми основами исследования проблематики правовой природы интересов субъектов права собственности являются: 1) фактичность интересов любых субъектов правовых отношений и узаконивание их в нормах действующего права; 2) активное использование в юридической терминологии категорий «интерес», «законный интерес», «институт законного интереса», «механизм правовой реализации интересов»; 3) наличие правовых проблем, противоречий в сфере генезиса, развития, реализации интересов физических и юридических лиц, решение которых обеспечивается преимущественно не экономическими, не политическими, а юридическими средствами.

Одной из последних наметившихся тенденций в изучаемой сфере является усиление роли лингвистической и антропологической составляющих в исследовании интересов субъектов частной, государственной и иных форм собственности. Данные направления современной методологии познания права открывают новые возможности для толкования и осмысления юридических текстов и юридической лексики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, С. С. Общая теория права : учеб. / С. С. Алексеев. – 2-е изд. – М. : Велби ; Проспект, 2009. – 565 с.
2. Алексеев, С. С. Право собственности. Проблемы теории / С. С. Алексеев. – М. : Норма, 2008. – 239 с.
3. Дюги, Л. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства / Л. Дюги. – М., 1909. – 148 с.
4. Иеринг, Р. фон Интерес и право / Р. фон Иеринг. – Ярославль : Тип. Губ. зем. управы, 1880. – 268 с.

5. Камышанский, В. П. Право собственности: пределы и ограничения / В. П. Камышанский. – М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2000. – 303 с.

6. Керимов, Д. А. Методологические функции философии права / Д. А. Керимов // Государство и право. – 1995. – № 9. – С. 15–22.

7. Кузьмина, А. В. Категория «интерес» в философии и праве / А. В. Кузьмина. – М. : Юрид. лит., 2009. – 192 с.

8. Малько, А. В. Законные интересы как правовая категория / А. В. Малько, В. В. Субочев. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 359 с.

9. Мальцев, Г. В. Социальные основания права / Г. В. Мальцев. – М. : Норма, 2007. – 800 с.

10. Мозолин, В. П. Право собственности в Российской Федерации в условиях перехода к рыночной экономике / В. П. Мозолин. – М. : ИГПАН, 1992 г. – 175 с.

11. Скловский, К. И. Собственность в гражданском праве / К. И. Скловский. – 5-е изд. – М. : Статут, 2010. – 893 с.

12. Субочев, В. В. Законные интересы / В. В. Субочев. – М. : Норма, 2008. – 496 с.

13. Суханов, Е. А. Лекции о праве собственности / Е. А. Суханов. – М. : Юрид. лит., 1991. – 239 с.

14. Честнов, И. Л. Постклассическая теория права : монография / И. Л. Честнов. – СПб. : Алф-Пресс, 2012. – 650 с.

Private Law and the Transformation of the State]. Moscow, 1909. 148 p.

4. Iering R. fon. *Interes i pravo* [The Interest and the Right]. Yaroslavl, Tip. Gub. zem. upravu, 1880. 268 p.

5. Kamyshanskij V.P. *Pravo sobstvennosti: predely i ogranicheniya* [Ownership: Limits and Limitations]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., Zakon i pravo Publ., 2000. 303 p.

6. Kerimov D.A. Metodologicheskie funkicii filosofii prava [Methodological Functions of the Philosophy of Law]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 1995, no. 9, pp. 15-22.

7. Kuz'mina A.V. *Kategoriya «interes» v filosofii i prave* [The Category of “Interest” in Philosophy and Law]. Moscow, Yuridicheskaya literarura Publ., 2009. 192 p.

8. Mal'ko A.V., Subochev V.V. *Zakonnye interesy kak pravovaya kategoriya* [Legitimate Interests As a Legal Category]. Saint Petersburg, Yuridicheskij centr Press Publ., 2004. 359 p.

9. Mal'cev G.V. *Social'nye osnovaniya prava* [Social Grounds of Law]. Moscow, Norma Publ., 2007. 800 p.

10. Mozolin V.P. *Pravo sobstvennosti v Rossijskoj Federacii v usloviyah perekhoda k rynochnoj ekonomike* [Property Rights in the Russian Federation in the Context of Transition to a Market Economy]. Moscow, IGPAN Publ., 1992. 175 p.

11. Sklovskij K.I. *Sobstvennost' v grazhdanskom prave* [Property in Civil Law]. Moscow, Statut Publ., 2010. 893 p.

12. Subochev V.V. *Zakonnye interesy* [Legitimate Interests]. Moscow, Norma Publ., 2008. 496 p.

13. Suhanov E.A. *Lekcii o prave sobstvennosti* [Lectures on Property Rights]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1991. 239 p.

14. Chestnov I.L. *Postklassicheskaya teoriya prava: monografiya* [Post-Classical Theory of Law]. Saint Petersburg, Alef-Press Publ., 2012. 650 p.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]: ucheb. 2-e izd. Moscow, Velbi Publ., Prospekt Publ., 2009. 565 p.

2. Alekseev S.S. *Pravo sobstvennosti. Problemy teorii* [The Right of Ownership. Problems of the Theory]. Moscow, Norma Publ., 2008. 239 p.

3. Dyugi L. *Social'noe pravo, individual'noe pravo i preobrazovanie gosudarstva* [Social Law,

Information About the Author

Andrey V. Ryzhik, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure, Vitebsk State University named after P.M. Masharov, Prosp. Moskovskiy, 33, 210038 Vitebsk, Belarus, asrupirant8381@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6705-1679>

Информация об авторе

Андрей Владимирович Рыжик, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, просп. Московский, 33, 210038 г. Витебск, Беларусь, asrupirant8381@mail, <https://orcid.org/0000-0001-6705-1679>

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.25>

UDC 343.1
LBC 67.410.2

Submitted: 18.05.2021
Accepted: 14.06.2021

THE FORMS OF CRIMINAL PROSECUTION

Ilya S. Dikarev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Sailaubek S. Baymanov

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Introduction: the paper discusses the possibility of differentiating the forms of criminal prosecution. The critical analysis is subject to the widespread position in the science of criminal procedure that the forms of criminal prosecution are suspicion and accusation. This point of view is based on the conclusion that the content of criminal prosecution varies depending on the degree of proof of the guilt of the person subject to criminal prosecution. Concerning compliance with the principle of adversarial parties, the theoretical position is also evaluated, according to which one of the forms of criminal prosecution is conviction. The question of the grounds for differentiating the forms of criminal prosecution is studied. **Purpose:** the confirming the unified nature of the criminal prosecution carried out during the pretrial proceedings, regardless of the procedural position of the person accused of committing the crime. **Methods:** the paper uses the general scientific methods of analysis and synthesis, a systematic approach, as well as specific scientific methods: legal interpretation and logical-legal. The methodological framework was the dialectical method. **Results:** the study of the common position in the science of criminal procedure, according to which criminal prosecution at different stages of its implementation consistently takes the forms of suspicion and accusation, showed its inconsistency. From the standpoint of philosophy, the content always has a determining value, and the form is always determined. Accordingly, to establish a change in the form of criminal prosecution, it is necessary to make sure that the content of this activity changes. However, the degree of proof of the person's involvement in the crime is not reflected in the content of the accusatory activity, it remains the same. Therefore, suspicion and accusation do not form the independent forms of criminal prosecution. At the same time, the differentiation of the forms of criminal prosecution is possible, but on different grounds. **Conclusions:** the differentiation of the forms of criminal prosecution should be made depending on, first, the organization of procedural activities that determine the role and powers of the subject of criminal prosecution in the process of proof; secondly, the procedural status of the participant in the criminal process on the part of the prosecution and, thirdly, the content of the fact in issue.

Key words: criminal prosecution, suspicion, accusation, conviction, fact in issue.

Citation. Dikarev I.S., Baymanov S.S. The Forms of Criminal Prosecution. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 167-175. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.25>

ФОРМЫ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Илья Степанович Дикарев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Сайлаубек Султанович Байманов

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Введение: в статье рассматривается вопрос о возможности дифференциации форм уголовного преследования. Критическому анализу подвержена распространенная в науке уголовного процесса позиция о том, что формами уголовного преследования являются подозрение и обвинение. В основу данной точки зрения положен вывод о том, что содержание уголовного преследования варьируется в зависимости от степени доказанности виновности лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности. С позиции соответствия принципу состязательности сторон также дана оценка теоретической позиции, согласно которой одной из форм уголовного преследования является осуждение. Изучен вопрос об основаниях дифференциации форм уголовного преследования. **Цель:** обосновать единый характер уголовного преследования, осуществляемого в ходе досудебного производства, независимо от того, какое процессуальное положение занимает лицо, изобличаемое в совершении преступления. **Методы:** в работе использованы общенаучные методы анализа и синтеза, системный подход, а также частнонаучные методы: юридической интерпретации и логико-юридический. Методологической базой послужил диалектический метод. **Вывод:** исследование распространенной в науке уголовного процесса позиции, согласно которой уголовное преследование на разных этапах его осуществления последовательно приобретает формы подозрения и обвинения, показало ее несостоятельность. С позиции философии содержание всегда имеет определяющее значение, а форма – определяемое. Соответственно, для констатации изменения формы уголовного преследования необходимо убедиться в изменении содержания этой деятельности. Однако степень доказанности причастности лица к совершенному преступлению на содержании обвинительной деятельности не отражается, оно остается единым. Следовательно, подозрение и обвинение самостоятельных форм уголовного преследования не образуют. Вместе с тем дифференциация форм уголовного преследования возможна, но по иным основаниям. Она должна производиться в зависимости от организации процессуальной деятельности, определяющей роль и полномочия субъекта уголовного преследования в процессе доказывания, процессуального статуса участника уголовного процесса со стороны обвинения и содержания предмета доказывания.

Ключевые слова: уголовное преследование, подозрение, обвинение, осуждение, предмет доказывания.

Цитирование. Дикарев И. С., Байманов С. С. Формы уголовного преследования // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 167–175. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.25>

Введение

В механизме реализации ключевой обязанности государства, закрепленной в ст. 2 Конституции РФ, уголовное преследование служит тем средством, которое используется для защиты прав и свобод человека и гражданина, пострадавших в результате совершения общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом. Именно значимость уголовного преследования обусловлен непреходящий интерес специалистов в области теории уголовного судопроизводства и практических работников к изучению этой уголовно-процессуальной функции. Круг про-

блем уголовного преследования, затрагиваемых в юридических исследованиях, широк настолько, что всякие попытки перечисления как изучаемых вопросов, так и исследователей, к ним обращавшихся, заведомо обречены на провал – настолько этот перечень велик. Вместе с тем даже в таких условиях сохраняются проблемные вопросы, решение которых в юридической литературе пока еще не стало общим местом и вызывает дискуссии. К числу таковых следует отнести вопрос о формах уголовного преследования.

Рассуждать о формах уголовного преследования можно только с опорой на философское учение о форме, в связи с чем в ка-

честве методологической основы такого исследования целесообразно использовать диалектический метод. Здесь необходимо обратить внимание на ключевое значение, которое в рассматриваемом вопросе имеет взаимосвязь формы с содержанием. Будучи противоположными сторонами вещи, содержание и форма находятся между собой в неразрывной связи и взаимозависимости. В контексте проводимого исследования особенно важно обратить внимание на то, что в своем единстве форма и содержание имеют далеко не одинаковое значение: содержание имеет определяющее значение, а форма – определяемое [2, с. 269–272]. Это положение, как представляется, и должно служить отправным пунктом изучения данного вопроса – различение форм уголовного преследования возможно только при условии выявления сущностного различия в содержании этой деятельности.

**Выделение подозрения и обвинения
в качестве форм
уголовного преследования в теории
уголовного судопроизводства**

Наибольшее распространение в настоящее время приобрела точка зрения, согласно которой формами уголовного преследования являются подозрение и обвинение [5, с. 62].

Основы формирования данной концепции были заложены еще в советской науке уголовного процесса. Так, М.С. Строгович, обращая внимание на обвинительный по своей сути характер деятельности по осуществлению уголовного преследования, отмечал, что обвинять в совершении преступления можно только определенное лицо, обладающее в уголовном процессе статусом обвиняемого. Из этого следовал вывод о том, что «уголовное преследование – это обвинение как процессуальная функция, то есть обвинительная деятельность» [14, с. 194]. Но при этом оставался вопрос о том, что представляет собой деятельность органов предварительного расследования до появления в уголовном деле обвиняемого (а равно и подозреваемого). Следуя намеченной логике, исследователи пришли к выводу о том, что и до этого момента процессуальная деятельность изобличающего характера является элементом уголовного преследования. При этом,

с учетом целевой направленности этой деятельности, она была определена как подозрение [12, с. 195]. Некоторые авторы даже стали использовать для обозначения такой формы уголовного преследования термин «подозрительная деятельность» [1, с. 41; 7, с. 47].

Таким образом, данный подход предлагает рассматривать уголовное преследование как деятельность, осуществляемую сначала в форме подозрения, а затем, при появлении оснований для обвинения лица в совершении преступления, как приобретающую новую форму – обвинение [8, с. 195].

Как видно, в основу разграничения форм уголовного преследования положено различие тезиса, проверяемого и доказываемого, в ходе осуществления процессуальной деятельности органов предварительного расследования. Наиболее емко это положение сформулировал О.Д. Жук, по мнению которого «...формы уголовного преследования различаются в зависимости... от степени выраженности, степени конкретности обвинения, по поводу которого уголовное преследование осуществляется» [5, с. 105].

Делая некоторое отступление, заметим, что ряд авторов называют подозрение *видом* уголовного преследования [13, с. 94]. Данная позиция представляется противоречащей терминологии действующего уголовно-процессуального закона, который прямо называет видами уголовного преследования частное, частно-публичное и публичное обвинение (ст. 20 УПК РФ). В равной мере сложно согласиться с подходом, рассматривающим подозрение как *функцию* (очевидно, уголовно-процессуальную), «содержание которой составляет деятельность должностных лиц органа дознания по выдвижению предположения о причастности лица к совершенному расследуемому преступлению. Подозрение динамично входит в уголовное преследование» [15, с. 23]. Основные уголовно-процессуальные функции четко обозначены законодателем в формуле принципа состязательности сторон, где упоминается только одна процессуальная функция, противостоящая защите, – функция обвинения. Соответственно, в рамках данной статьи будут обсуждаться вопросы обоснованности и целесообразности выделения подозрения только в качестве одной из форм уголовного преследования.

Возвращаясь к основной теме исследования, отметим, что практика расследования преступлений связана с осуществлением познавательной деятельности не только в условиях, когда в уголовном деле участвуют подозреваемый или обвиняемый, но и когда лицо, предположительно причастное к совершенному преступлению, вообще не установлено. Казалось бы, данное обстоятельство должно наводить на мысль о существовании еще какой-то формы уголовного преследования, не связанной ни с подозрением, ни с обвинением. Однако А.В. Калинин предлагает решать этот вопрос посредством деления подозрения на виды: «неперсонифицированное» (в отношении неопределенного круга лиц), персонифицированное по кругу лиц и индивидуально персонифицированное [9, с. 10]. Следовательно, до момента появления в деле подозреваемого, в том числе на стадии возбуждения уголовного дела, уголовное преследование, по мнению упомянутого автора, реализуется в форме неперсонифицированного или персонифицированного по кругу лиц подозрения. Такой подход представляется спорным, поскольку подозрение как тезис, проверяемый органами предварительного расследования, может быть только персонифицированным. Как верно писал Н.А. Козловский, подозрение всегда требует строго определенного субъекта [10, с. 58]. Дознаватель, действуя в условиях дефицита доказательственной информации, исходит из презумпции о том, что если имеются признаки преступления, то существует и лицо, его совершившее. Именно в отношении этого, пусть еще и неизвестного, лица уголовное преследование на этом этапе досудебного производства и осуществляется. Но данная презумпция вовсе не равнозначна подозрению в отношении неопределенного круга лиц. В данном случае уголовное преследование осуществляется в условиях, когда ни подозрение, ни обвинение в качестве тезиса не оформились, а значит, их попросту не существует.

**Критика взгляда
на подозрение и обвинение
как формы уголовного преследования**

В контексте рассматриваемой проблемы принципиально важным является то, что

независимо от наличия в уголовном деле подозреваемого или обвиняемого содержание уголовного преследования как деятельности, осуществляемой органами предварительного расследования, не изменяется. Для установления личности лица, предположительно совершившего преступление, дознаватель и следователь используют ровно те же самые процессуальные средства (следственные и иные процессуальные действия), которыми они оперируют для изобличения в совершении преступления лица, уже вовлеченного в уголовный процесс в качестве подозреваемого или обвиняемого. Другими словами, процессуальная деятельность, осуществляемая органами предварительного расследования в отсутствие подозреваемого в уголовном деле, по своему содержанию ничем не отличается от деятельности по уголовному делу после того как лицо, предположительно причастное к совершенному преступлению, будет установлено. Конечно, участие в уголовном деле подозреваемого или обвиняемого требует целенаправленной работы по его изобличению, проверке выдвигаемых им версий и т. п., но все это лишь несколько меняет вектор осуществляемой органами предварительного расследования доказательственной деятельности, но ее наполнение остается прежним. В конце концов всегда остается вероятность ошибки относительно причастности лица к совершенному преступлению, в связи с чем при всей изобличительной направленности процессуальных действий органы предварительного расследования обязаны проверять возможность причастности к совершенному преступлению иных, еще не вовлеченных в орбиту судопроизводства граждан.

И уж совсем нет никаких оснований говорить о том, что содержание деятельности органов предварительного расследования варьируется в зависимости от того, какова степень доказанности причастности лица к совершенному преступлению.

Во-первых, подозрение и обвинение не могут иметь для формы уголовного преследования определяющего значения уже потому, что сами по себе эти тезисы являются «продуктом», результатом этой самой деятельности. Рассматриваемый же нами подход как бы ставит «телегу впереди лошади».

В реальности орган расследования под воздействием совокупности имеющихся в его распоряжении сведений определяет, какую форму – подозрения или обвинения – необходимо придать тезису о причастности лица к совершенному преступлению, о чем выносит соответствующее процессуальное решение [3, с. 20].

Во-вторых, как при подозрении, так и при обвинении органы предварительного расследования устанавливают общий предмет доказывания, сформулированный в ст. 73 УПК РФ, располагая одним и тем же арсеналом познавательных процессуальных средств. Перечень возможных следственных действий, порядок их производства являются общими, независимо от того, в каком процессуальном статусе находится лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Не стоит и говорить о том, что на практике не исключены ситуации, когда в ходе предварительного расследования одного и того же преступления, совершенного в соучастии, одно лицо может быть задержано в качестве подозреваемого, другое – уже привлечено в качестве обвиняемого, а третье – еще даже не установлено. С позиции сторонников выделения форм уголовного преследования пришлось бы признать, что процессуальная деятельность органов уголовного преследования в таких условиях должна осуществляться одновременно в трех разных формах. Однако такое допущение представляется ошибочным в силу неделимости осуществляемой органом расследования процессуальной деятельности.

Соответственно, если содержание деятельности органов предварительного расследования всегда остается неизменным, то, отталкиваясь от обозначенных выше философских представлений о соотношении содержания и формы, ни о каких формах уголовного преследования, будь то подозрение или обвинение, говорить не приходится. Имея неизменное содержание, уголовное преследование всегда реализуется в одной и той же форме.

Возражения против выделения осуждения в качестве одной из форм уголовного преследования

О.Д. Жук, являющийся сторонником выделения подозрения и обвинения в качестве

форм уголовного преследования, в одной из своих более поздних работ предложил рассматривать в качестве еще одной формы уголовного преследования (которая, по словам автора, «не только реально существует, но и является основной») осуждение. При этом под осуждением понимается «вывод государства о преступности и уголовной наказуемости конкретного деяния» [6, с. 105].

Такая позиция вызывает категорические возражения. Вывод о преступности и наказуемости деяния может сделать только суд – его исключительное полномочие как органа правосудия закреплено в п. 1 ч. 1 ст. 29 УПК РФ. Но суд ни при каких обстоятельствах не может выступать в качестве субъекта уголовного преследования (это прямо следует из содержания принципа состязательности сторон), а раз так, значит, осуществляемая им деятельность и принимаемые решения не являются ни элементами, ни тем более формами уголовного преследования.

Очевидно, что осуждение является итогом реализации судом совсем иной уголовно-процессуальной функции, коренным образом отличающейся от той, которую выполняет в уголовном судопроизводстве сторона обвинения. И называется эта процессуальная функция – разрешение уголовного дела (осуществление правосудия).

Дифференциация форм уголовного преследования и ее основания

Вместе с тем, возражая против выделения таких форм уголовного преследования, как подозрение, обвинение или осуждение, мы вовсе не отрицаем саму возможность дифференциации форм уголовного преследования. Содержание данной процессуальной функции на разных стадиях уголовного процесса, а также в случае ее реализации различными субъектами может существенно варьироваться, что закономерно меняет и форму такой деятельности.

Прежде всего, содержание уголовного преследования определяется полномочиями, которыми наделяется субъект для осуществления обвинительной деятельности (установление обстоятельств совершенного преступления

и доказывания виновности конкретного лица). Как было сказано выше, органы расследования при реализации возложенной на них процессуальной функции используют один и тот же арсенал процессуальных средств независимо от того, в какой форме осуществляется предварительное расследование и какой статус имеет лицо, привлекаемое к уголовной ответственности. Однако в судебных стадиях уголовного процесса публичное уголовное преследование, хотя и является прямым продолжением обвинительной деятельности органов расследования, приобретает совершенно иную специфику, обусловленную прежде всего тем, что в судебном производстве изменяется сама организация процессуальной деятельности: уголовное преследование здесь осуществляет субъект, который уже не ведет производство по уголовному делу (как орган дознания, дознаватель или следователь), а занимает в процессе положение состязаемой стороны. Основным субъектом доказывания в ходе судебного разбирательства становится суд, так что полномочия прокурора (государственного обвинителя), реализуя которые он вправе отстаивать обвинение, ограничены возможностью лишь представлять доказательства, участвовать в их исследовании и излагать свое мнение по различным возникающим в ходе рассмотрения уголовного дела вопросам (ст. 246 УПК РФ). Таким образом, публичное уголовное преследование в судебном производстве наполнено принципиально иным содержанием, нежели в досудебном производстве, что придает этой деятельности совершенно иную форму. Неслучайно обвинительная деятельность прокурора в судебном разбирательстве имеет и особое наименование – «государственное обвинение».

Но не только переход уголовного процесса от одной стадии к другой изменяет форму уголовного преследования. Даже в рамках одной и той же стадии уголовного процесса уголовное преследование может иметь различные формы, если оно осуществляется субъектами, имеющими разный процессуальный статус.

Уголовно-процессуальный закон определяет уголовное преследование как процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения, к которой относит помимо

прокурора, следователя, дознавателя и других публичных субъектов уголовного преследования, также потерпевшего, его законного представителя и некоторых других участников уголовного процесса, отстаивающих в уголовном деле личный интерес. Конечно, осуществляемое потерпевшим уголовное преследование (за редким исключением уголовных дел частного обвинения) носит вторичный, производный от обвинительной деятельности органов публичного уголовного преследования, характер. Это означает, что реализовать свои права потерпевший может только при условии возбуждения органами предварительного расследования уголовного дела и признания соответствующего лица потерпевшим. Но если эти условия соблюдены, потерпевший получает возможность своими активными действиями осуществлять функцию уголовного преследования. Тождественно ли содержание этой деятельности публичному уголовному преследованию? Конечно нет. Процессуальные средства, с помощью которых потерпевший отстаивает в деле свою позицию, принципиально иные в сравнении с теми, которыми пользуются органы публичного уголовного преследования. Соответственно, и содержание процессуальной деятельности потерпевшего оказывается специфичным настолько, что меняет саму форму уголовного преследования. В этой связи уместно говорить о том, что в ходе предварительного расследования форма уголовного преследования варьируется в зависимости от того, кем оно осуществляется, – органом расследования или иным привлекаемым к участию в уголовном деле субъектом из числа указанных в п. 47 ст. 5 УПК РФ.

Неизбежно отражается на содержании процессуальной деятельности и специфика предмета доказывания. В частности, ею обладает перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам о применении принудительных мер медицинского характера (ст. 434 УПК РФ). В юридической литературе обращается внимание на особенности процессуальной деятельности стороны обвинения по таким уголовным делам. В частности, Е.В. Мищенко, мотивируя свою позицию замысловато сформулированным сообщением о том, что «обвинение в процессу-

альном смысле выражается лишь с обвинением в уголовно-правовом значении», констатирует, что по таким уголовным делам государственное обвинение не поддерживается [11, с. 130]. Однако, поскольку по уголовным делам о применении принудительных мер медицинского характера лицо уличается в совершении общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом, пользуется правом на защиту, а мера, вопрос о применении которой решается судом, является по своей природе уголовно-правовой, деятельность стороны обвинения – не что иное, как уголовное преследование [4, с. 24]. Вместе с тем специфичность содержания такой деятельности очевидна, что несомненно придает актуальность вопросу о том, образует ли уголовное преследование по рассматриваемой категории уголовных дел самостоятельную форму.

Выводы

Подводя итог, отметим, что существование различных форм уголовного преследования в современном уголовном процессе неоспоримо. Вариативность таких форм может быть обусловлена различиями в организации процессуальной деятельности на сменяющих друг друга стадиях уголовного процесса, отражающимися на содержании осуществляемой субъектами публичного уголовного преследования обвинительной деятельности; различиями в процессуальном статусе лиц, осуществляющих функцию уголовного преследования на одном и том же этапе уголовного судопроизводства, а также иными обстоятельствами, включая вариативность предмета доказывания по разным категориям уголовных дел.

В то же время выделение подозрения и обвинения в качестве форм уголовного преследования представляется необоснованным, поскольку степень определенности сделанного органами предварительного расследования предположения о причастности лица к совершенному преступлению (равно как и различия в процессуальном статусе такого лица) на содержании уголовного преследования не отражается, а значит, не способна изменить и форму, в которой данная деятельность осуществляется. Дискуссионный характер носит и выс-

казываемая в юридической литературе точка зрения, согласно которой еще одной формой уголовного преследования является осуждение лица за совершение преступления. Соответствующее решение является итогом реализации процессуальной функции осуществления правосудия, в связи с чем не может рассматриваться ни в качестве элемента, ни тем более как форма уголовного преследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Давлетов, А. Подозрение и подозреваемый в современном уголовном процессе России / А. Давлетов, И. Ретюнских // Уголовное право. – 2008. – № 5. – С. 40–46.
2. Диалектический материализм : учеб. пособие / под ред. А. П. Шептулина. – М. : Высш. шк., 1974. – 328 с.
3. Дикарев, И. С. Подозрение в уголовном процессе / И. С. Дикарев // Законность. – 2013. – № 8. – С. 20–22.
4. Дикарев, И. С. Уголовное преследование: уточнение понятия / И. С. Дикарев // Российская юстиция. – 2013. – № 9. – С. 23–25.
5. Жук, О. Д. Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ (преступных организаций) / О. Д. Жук. – М. : ИНФРА-М, 2004. – 272 с.
6. Жук, О. Д. Формы и виды уголовного преследования / О. Д. Жук // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 11. – С. 104–109.
7. Иванов, Д. В. Институт подозрения в уголовном судопроизводстве России / Д. В. Иванов // Глаголь правосудия. – 2011. – № 1 (2). – С. 47–48.
8. Калинин, А. В. Подозрение и обвинение как формы осуществления уголовного преследования / А. В. Калинин // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 6 (95). – С. 193–198.
9. Калинин, А. В. Процедура выдвижения подозрения как гарантия прав личности в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук / Калинин Алексей Владимирович. – Саратов, 2016. – 238 с.
10. Козловский, Н. А. Подозрение в советском уголовном процессе / Н. А. Козловский // Актуальные проблемы советского уголовного процесса : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В. М. Кобяков. – Свердловск : Свердловский юридический институт, 1987. – С. 55–60.
11. Мищенко, Е. В. Принудительные меры медицинского характера в уголовном судопроизводстве / Е. В. Мищенко. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 144 с.

12. Пономаренко, С. И. Подозрение в совершении преступления как форма уголовного преследования / С. И. Пономаренко // Конституция Российской Федерации и проблемы уголовного права, криминологии и уголовного процесса : сб. науч. тр. / отв. ред. А. С. Сенцов [и др.]. – Волгоград, 2005. – С. 191–196.

13. Сопнева, Е. В. Подозрение – вид уголовного преследования / Е. В. Сопнева // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 1. – С. 93–94.

14. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. В 2 т. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – М. : Наука, 1968. – 470 с.

15. Татьяна, Л. Г. Место подозрения в уголовном судопроизводстве (дискуссионные вопросы) / Л. Г. Татьяна, К. Г. Бычкова // Вестник ОГУ. – 2008. – № 83. – С. 21–23.

REFERENCES

1. Davletov A., Retyunskih I. Podozrenie i podozrevaemyj v sovremennom ugovolnom processe Rossii [Suspicion and Suspect in the Modern Criminal Process of Russia]. *Ugovolnoe pravo* [Criminal Law], 2008, no. 5, pp. 40-46.

2. Sheptulina A.P. *Dialekticheskij materialism: ucheb. posobie* [Dialectical Materialism]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1974. 328 p.

3. Dikarev I.S. Podozrenie v ugovolnom processe [Suspicion in the Criminal Process]. *Zakonost'* [Legality], 2013, no. 8, pp. 20-22.

4. Dikarev I.S. Ugolovnoe presледovanie: utochnenie ponyatiya [Criminal Prosecution: Clarification of the Concept]. *Rossijskaya yusticiya* [Russian Justice], 2013, no. 9, pp. 23-25.

5. Zhuk O.D. *Ugovolnoe presледovanie po ugovolnym delam ob organizacii prestupnyh soobshchestv (prestupnyh organizacij)* [Criminal Prosecution in Criminal Cases on the Organization of Criminal Communities (Criminal Organizations)]. Moscow, INFRA-M Publ., 2004. 272 p.

6. Zhuk O.D. Formy i vidy ugovolnogo presледovaniya [Forms and Types of Criminal Prosecution]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2015, no. 11, pp. 104-109.

7. Ivanov D.V. Institut podozreniya v ugovolnom sudoproizvodstve Rossii [Institute of Suspicion in

Criminal Proceedings of Russia]. *Glagol pravosudiya* [The Verb of Justice], 2011, no. 1 (2), pp. 47-48.

8. Kalinkin A.V. Podozrenie i obvinenie kak formy osushchestvleniya ugovolnogo presледovaniya [Suspicion and Accusation As Forms of Criminal Prosecution]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademi* [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 2013, no. 6 (95), pp. 193-198.

9. Kalinkin A.V. *Procedura vydvizheniya podozreniya kak garantiya prav lichnosti v ugovolnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. yurid. nauk* [The Procedure for Raising Suspicion As a Guarantee of Individual Rights in Criminal Proceedings. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Saratov, 2016. 238 p.

10. Kozlovskij N.A. Podozrenie v sovetskom ugovolnom processe [Suspicion in the Soviet Criminal Process]. *Aktual'nye problemy sovetskogo ugovolnogo processa: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Actual problems of the Soviet criminal process: Collection of Scientific Papers]. Sverdlovsk, Sverdlovskij yuridicheskij institut, 1987, pp. 55-60.

11. Mishchenko E.V. *Prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera v ugovolnom sudoproizvodstve* [Compulsory Measures of a Medical Nature in Criminal Proceedings]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2010. 144 p.

12. Ponomarenko S.I. Podozrenie v sovershenii prestupleniya kak forma ugovolnogo presледovaniya [Suspicion of Committing a Crime As a Form of Criminal Prosecution]. *Konstituciya Rossijskoj Federacii i problemy ugovolnogo prava, kriminologii i ugovolnogo processa: sb. nauch. tr.* [The Constitution of the Russian Federation and Problems of Criminal Law, Criminology and Criminal Process]. Volgograd, 2005, pp. 191-196.

13. Sопнева E.V. Podozrenie – вид ugovolnogo presледovaniya [Suspicion-a Type of Criminal Prosecution]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, no. 1, pp. 93-94.

14. Strogovich M.S. *Kurs sovetskogo ugovolnogo processa. V 2 t. T. 1. Osnovnye polozeniya nauki sovetskogo ugovolnogo processa* [Course of the Soviet Criminal Process. In 2 vols. Vol. 1. Basic Provisions of the Science of the Soviet Criminal Process]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 470 p.

15. Tat'yanina L.G., Bychkova K.G. Mesto podozreniya v ugovolnom sudoproizvodstve (diskussionnye voprosy) [The Place of Suspicion in Criminal Proceedings (Debatable Issues)]. *Vestnik OGU* [Bulletin of OGU], 2008, no. 83, pp. 21-23.

Information About the Authors

Ilya S. Dikarev, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Director of the Institute of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, iliadikarev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4178-744X>

Sailaubek S. Baymanov, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Bolshaya Sadovaya St, 14, 125047 Moscow, Russian Federation, Baymanov-S@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8740-7772>

Информация об авторах

Илья Степанович Дикарев, доктор юридических наук, доцент, директор института права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, iliadikarev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4178-744X>

Сайлаубек Султанович Байманов, кандидат философских наук, доцент, старший преподаватель кафедры уголовного процесса, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, ул. Большая Садовая, 14, 125047 г. Москва, Российская Федерация, Baymanov-S@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8740-7772>

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.26>

UDC 341.1/8
LBC 67.9

Submitted: 08.05.2021
Accepted: 14.06.2021

THE EUROPEAN UNION AND THE UNITED KINGDOM: NEW LEGAL FRAMEWORK FOR COOPERATION

Dmitry V. Galushko

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Introduction: the paper analyzes the main stages of the negotiation process between the European Union and the United Kingdom on the issue of concluding a basic agreement regulating the future relations of the two parties in various areas of cooperation. The **purpose** of the study is to study and analyze the political and legal aspects of the negotiation process for the conclusion of the EU-UK Trade and Cooperation Agreement, the content of its main provisions, and the impact on the future framework of relations between the parties. **Methods:** in the course of the study, both general scientific methods of cognition and private legal methods (formal-legal, historical-legal) were used. **Results:** the paper proves that, despite all the difficulties that arose during the negotiation process throughout 2020, the parties managed to overcome numerous differences and conclude a basic agreement that outlined the future framework of relations between the EU and the UK. **Conclusions:** the analysis showed that the Agreement on Trade and Cooperation between the EU and the UK is unlikely to be the endpoint of the Brexit process. Although the Agreement establishes a framework for interaction on many issues, however, the parties are expected to continue to review and adjust the legal framework of the relationship, since, on the one hand, it is possible to supplement the Agreement on Trade and Cooperation with other treaties to regulate other areas of crucial importance for the parties that are not covered by the document, and on the other hand, also concerning some issues that, although settled, will soon require additional legal regulation, which indicates that the historic Brexit process is far from complete.

Key words: European Union, United Kingdom, Brexit, Agreement on Trade and Cooperation, interaction, trade, cooperation.

Citation. Galushko D.V. The European Union and the United Kingdom: New Legal Framework for Cooperation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 176-183. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.26>

УДК 341.1/8
ББК 67.9

Дата поступления статьи: 08.05.2021
Дата принятия статьи: 14.06.2021

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: НОВЫЕ ПРАВОВЫЕ РАМКИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Дмитрий Вячеславович Галушко

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Введение: в статье анализируются основные этапы переговорного процесса между Европейским союзом и Великобританией по вопросу заключения базового соглашения, регулирующего будущие взаимоотношения.

ношения двух сторон в различных областях сотрудничества. **Цель** исследования заключается в исследовании и анализе политико-правовых аспектов переговорного процесса по заключению Соглашения о торговле и сотрудничестве ЕС и Великобритании, содержания его основных положений и влияния на будущие рамки взаимоотношений сторон. **Методы:** в ходе исследования использовались как общенаучные методы познания, так и частноправовые методы (формально-юридический, историко-правовой). **Результаты:** в статье обосновано, что, несмотря на все сложности, возникшие в ходе переговорного процесса в течение всего 2020 г., стороны сумели преодолеть многочисленные разногласия и заключить базовое соглашение, очертившее будущие рамки взаимоотношений ЕС и Великобритании. **Выводы:** проведенный анализ показал, что Соглашение о торговле и сотрудничестве между ЕС и Великобританией вряд ли станет конечной точкой процесса Брекзита. Хотя Соглашение и устанавливает рамки взаимодействия по целому ряду вопросов, однако, как ожидается, стороны будут продолжать пересматривать и корректировать правовую основу взаимоотношений, так как, с одной стороны, оставлена возможность дополнить Соглашение о торговле и сотрудничестве другими договорами для регулирования иных имеющих важнейшее значение для сторон сфер, документом не охваченных, а с другой стороны, также в отношении некоторых вопросов, которые хотя и урегулированы, в скором времени потребуют дополнительной правовой регламентации, что говорит о том, что исторический процесс Брекзита еще далек от своего полного завершения.

Ключевые слова: Европейский союз, Великобритания, Брекзит, Соглашение о торговле и сотрудничестве, взаимодействие, торговля, сотрудничество.

Цитирование. Галушко Д. В. Европейский союз и Великобритания: новые правовые рамки сотрудничества // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 176–183. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.26>

Введение

После официального выхода Великобритании из Европейского союза 31 января 2020 г. ст. 126 Договора о выходе предполагался переходный период, который продлился до 31 декабря 2020 г. [1]. Он мог быть продлен на один или два года по взаимному согласию сторон не позднее 1 июля 2020 года. Предполагалось, что данный период обеспечит мягкий переход Британии из отношений как государства – члена ЕС к отношениям как с третьей страной. Переходный период был необходим, чтобы Великобритания и Европейский союз подписали новое соглашение об условиях торговли, когда Британия покинет таможенный союз и общий рынок. Если бы такое соглашение об установлении будущего партнерства между Великобританией и Европейским союзом не было бы принято, то после переходного периода с 1 января 2021 г. Соединенное Королевство осуществляло бы торговлю с ЕС на условиях Всемирной торговой организации (ВТО).

Разработка и принятие международного договора о будущих взаимоотношениях между Европейским союзом и Великобританией ознаменовало начало новой эпохи как в развитии Соединенного Королевства, так и европейского интеграционного образования. В рамках настоящей статьи мы рассмотрим неко-

торые правовые и политические аспекты переговорного процесса по заключению соглашения о будущих взаимоотношениях ЕС и Великобритании, повлиявшие на его исход, после формального выхода этого государства из ЕС для обеспечения упорядоченного перехода к новым рамкам сотрудничества.

Политико-правовые аспекты переговорного процесса

3 февраля 2020 г. Европейская комиссия приняла рекомендации для Европейского совета о начале переговоров с Соединенным Королевством о дальнейшем партнерстве. По мнению Еврокомиссии, процесс должен включать три основных компонента: общие договоренности (в том числе положения об основных ценностях и принципах, а также управлении); экономические договоренности (в частности, положения о торговле и равных гарантиях); договоренности по вопросам безопасности (в том числе положения о правоприменении и правовом сотрудничестве по уголовным делам, а также по внешней политике, безопасности и обороне) [14]. Премьер-министр Великобритании Борис Джонсон в тот же день опубликовал письменное обращение в парламент «Будущие отношения между Соединенным Королевством и Европейским Союзом», фокусируясь на аспектах торговли [15].

Основными вопросами для обсуждения с обеих сторон стали условия будущей торговли товарами и услугами, рыболовство, миграция, вопросы внешней политики, внутренних дел и обеспечения безопасности. И Великобритания, и ЕС изначально соглашались, что ключевой целью должна стать отмена тарифов и квот, высказывая намерение сотрудничать для минимизации регуляторных барьеров.

Совет принял решение, разрешающее начало переговоров, 25 февраля 2020 г. [5]. Первый раунд переговоров начался 2 марта 2020 года. Их вели Мишель Барнье от имени ЕС и Дэвид Фрост от имени Великобритании. В феврале 2020 г. ЕС и Великобритания объявили о своих подходах и целях к переговорам. Подход Великобритании [16] отличался от положений в принятой Политической декларации, поскольку она закрепляла принятие отдельных соглашений в соответствующих областях. Напротив, директивы Совета для переговоров поддерживали подход к достижению единого всеобъемлющего соглашения [3]. Для ЕС подписание большого количества отдельных соглашений привело бы к увеличению институционального механизма, который контролировал бы реализацию каждого из них. Кроме того, области, которые были предметом двусторонних переговоров, являлись взаимосвязанными, вызывая необходимость комплексного подхода и позволяя при необходимости межотраслевое взаимодействие.

В период с марта по октябрь 2020 г. было проведено девять раундов переговоров, охватывающих одиннадцать сфер будущего сотрудничества сторон. Европейская комиссия от имени ЕС и Великобритания опубликовали свои предложения по тексту переговоров соответственно в марте и мае 2020 года. Правительство Великобритании опубликовало девять проектов документов, касающихся всех областей будущих взаимоотношений с Европейским союзом [13], среди которых Всеобъемлющее соглашение о свободной торговле (CFTA) [9] и Рамочное соглашение о рыболовстве [10]. В свою очередь, ЕС выпустил проект единого документа, озаглавленный «Соглашение о Новом партнерстве с Соединенным Королевством» (ANP) [8]. В июне 2020 г., несмотря на остающиеся расхожде-

ния в позициях по основным направлениям, Великобритания отказалась рассматривать продление переходного периода, возможного в рамках Соглашения о выходе, заявив, что переходный период в любом случае истечет 31 декабря 2020 года. В связи с этим стороны активизировали переговоры, в частности, проводя ежедневные переговоры в декабре 2020 г., стремясь преодолеть имеющиеся разногласия.

В итоге, после более чем десяти месяцев переговоров буквально перед Рождеством, 24 декабря 2020 г., Европейская комиссия от имени Европейского союза и Соединенное Королевство достигли соглашения об условиях их будущих отношений. 29 декабря 2020 г. Совет ЕС принял решение о подписании Соглашения о торговле и сотрудничестве между ЕС и Великобританией и его временном применении с 1 января 2021 года. Президент Европейского Совета Шарль Мишель и Президент Европейской Комиссии Урсула фон дер Ляйен подписали соглашение от имени ЕС, а премьер-министр Борис Джонсон – от имени Великобритании 30 декабря 2020 года.

Соглашение о торговле и сотрудничестве между Великобританией и ЕС: основные положения

Соглашение о торговле и сотрудничестве состоит из семи частей, две из которых включают общие и финальные положения, а также «горизонтальные» положения, то есть институциональную основу и механизм урегулирования споров, четыре части относятся к конкретным областям сотрудничества (торговля, транспорт, рыболовство, а также сотрудничество между правоохранительными и судебными органами по уголовным делам).

Возможность временного применения международного договора в соответствии с законодательством ЕС изложена в ст. 218 (5) Договора о функционировании ЕС, и решение о временном применении может быть принято «при необходимости» до того момента, как Европейский Парламент его одобрит [2]. Однако, в соответствии со ст. 218 (6) ДФЕС Совет может принять решение о заключении соглашения только после получения согласия Парламента. Такое согласие было получено

28 апреля 2021 г. с принятием соответствующей резолюции [11]. Парламент Великобритании принял ратификационный акт гораздо раньше: Акт о Европейском союзе (будущих отношениях) [12] для ратификации данного Соглашения и введения его в действие во внутреннем праве страны был одобрен практически сразу же после заключения Соглашения.

Со стороны Европейского союза некоторые положения о реализации были изначально установлены в решении Совета ЕС о подписании Соглашения [6]. Соглашение заключается только между Великобританией и ЕС, иными словами, не между третьей страной, не входящей в ЕС, с одной стороны, и Европейским союзом и его государствами-членами – с другой, как это часто бывает в практике ЕС. Данный аспект впоследствии подчеркивался в заявлениях некоторых институтов ЕС и государств-членов о подписании договора [4], который по своей сущности и юридическим признакам является «соглашением об ассоциации» со стороны ЕС, несмотря на его название. В дополнение к Соглашению имеется целый ряд совместных деклараций [7].

Любая из сторон может направить уведомление о расторжении соглашения, после чего оно прекратит свое действие спустя 12 месяцев. Кроме того, закреплен целый ряд положений о возможности прекращения или приостановления действия определенных частей данного международного договора, что отличает его от Соглашения о выходе, которое не содержит положения о прекращении действия всего договора, а содержит только положения о прекращении действия протокола по Северной Ирландии.

Соглашение также предусматривает, что с Великобританией будут проводиться консультации по вопросам вступления в ЕС новых стран. Однако данная процедура не предусматривает возможности каким-либо образом государству воспрепятствовать данному процессу. Представляется, что потенциально Великобритания не сможет, например, помешать присоединению Шотландии к ЕС, используя данную международную процедуру. В соглашение могут быть внесены поправки в свете будущих расширений ЕС, как это также происходит с другими международными до-

говорами ЕС со странами, не входящими в ЕС, когда новое государство-член присоединяется к организации. При этом не установлено никаких положений о том, что произойдет, если еще больше стран покинет ЕС, если Великобритания распадется или если произойдет и то и другое.

Что касается территориальной сферы действия Соглашения, то оно распространяется на Нормандские острова и остров Мэн. Однако не закреплено никаких положений о заморских территориях Великобритании, а статус Гибралтара будет урегулирован отдельным международным договором.

Большая часть Соглашения состоит из разделов, касающихся экономического сотрудничества. Прежде всего, они предусматривают, что торговля товарами будет происходить на условиях нулевых тарифов и квот. Тем не менее в отдельных случаях стороны могут вводить нетарифные барьеры, в частности специальные правила в отношении происхождения товаров. Что касается цифровой торговли, то нормы Соглашения гарантируют верховенство правил защиты персональных данных и конфиденциальности, а также предусматривают запрет на введение таможенных пошлин в сфере электронных транзакций, а также на требования по локализации данных. Положения, касающиеся вопросов регулирования энергетического сектора, устанавливают предоставление доступа к оптовым рынкам и обеспечивают основу для разработки правил управления межсистемными подключениями электроэнергии и газа; ключевые принципы права ЕС, касающиеся сферы энергетики, будут продолжать применяться к отношениям сторон. В сферах воздушного и автомобильного транспорта Соглашение позволяет операторам предоставлять услуги из пунктов, находящихся на территории ЕС, в пункты на территории Великобритании и наоборот. Что касается миграционных вопросов, то нормы Соглашения закрепляют безвизовый режим для краткосрочного туризма, в частности перемещения в деловых целях. Также предусматривается координация вопросов социального обеспечения. В отношении сферы рыболовства – постепенный перенос квот на вылов от ЕС к Великобритании, что составляет четверть объема вылова ЕС в водах

Великобритании, после чего они могут быть изменены только по взаимному согласию. Кроме того, Соглашение предусматривает компенсационные меры в случае сокращения доступа к водным ресурсам, например, посредством роста тарифов.

В соответствующей части Соглашения предусматривается постоянное сотрудничество в правоохранительной и судебной сферах по уголовным делам. Среди прочего предусматривается обмен данными между сторонами (однако без предоставления Великобритании прямого доступа к базам данных и информационным системам ЕС), а также вводится новый механизм выдачи лиц, обвиняемых или осужденных за преступления. Великобритания также продолжит сотрудничество с агентствами ЕС, компетентными в данной области (Европолом и Евроюстом) в рамках модели сотрудничества с третьими странами. Соглашение также устанавливает общие принципы участия Великобритании в различных программах ЕС.

Основным компонентом управленческого механизма в отношении Соглашения является Совет партнерства, сопредседатели которого – назначенные члены Европейской Комиссии и правительства Великобритании. Всестороннее содействие деятельности Совета будут осуществлять девятнадцать специализированных комитетов. Предполагается, что Совет будет следить за достижением целей Соглашения, а также контролировать его выполнение и применение.

Кроме того, Соглашение предусматривает целый ряд общих и специализированных механизмов урегулирования споров. Несмотря на то что изначально ЕС высказывал мнение о необходимости сохранения за Судом ЕС его роли в решении любых споров, которые могут возникнуть в ходе торговли между Великобританией и ЕС, итоговый вариант данного международного договора никоим образом не подпадает под юрисдикцию Суда ЕС. В частности, п. 3 ст. COMPROV.13 специально исключает юрисдикцию Суда ЕС: «Для большей уверенности толкование настоящего Соглашения или любого дополнительного соглашения, вынесенного судами любой из Сторон, не будет иметь обязательной силы для судов другой Стороны» [17].

Выводы

Соглашение о торговле и сотрудничестве между ЕС и Великобританией во многом устанавливает правовые рамки будущих отношений между ЕС и Великобританией. В связи с тем, что Договор о выходе регулировал лишь общие условия отделения Великобритании от ЕС, необходимы были новые механизмы формализации условий нового сотрудничества, охватывающие значительную часть всего спектра взаимоотношений. Процесс формализации будущих отношений между ЕС и Великобританией растянулся почти на весь 2020 год, столкнувшись с беспрецедентными проблемами – не в последнюю очередь из-за вспышки пандемии COVID-19. На определенных этапах переговоры между ЕС и Великобританией были на грани срыва, тем не менее экзогенные и эндогенные факторы в конечном итоге подтолкнули стороны к тому, чтобы избежать разрыва, и всего за неделю до окончания переходного периода они достигли принципиальной договоренности по Соглашению о торговле и сотрудничестве.

Тем не менее, как показал проведенный анализ, Соглашение о торговле и сотрудничестве между ЕС и Великобританией вряд ли станет конечной точкой процесса Brexit. Хотя Соглашение и устанавливает рамки, в которых ЕС и Великобритания, однако, как ожидается, стороны будут продолжать пересматривать и корректировать свои взаимоотношения: это вытекает не только из договорного обязательства о возможности пересмотра документа и других дополняющих его соглашений каждые пять лет, но и из множества других норм, содержащихся в различных разделах документа, которые предусматривают продолжение переговоров между сторонами, в частности, относительно ежегодных квот на вылов рыбы. Фактически ЕС и Великобритания также оставляют за собой возможность дополнить Соглашение о торговле и сотрудничестве другими договорами – для регулирования иных имеющих важнейшее значение для сторон сфер, например сектора финансовых услуг, вопросов внешней политики, иными словами, сфер, которые в настоящее время не охвачены новым соглашением между ЕС и Великобританией. Кроме того, так как

Соглашение устанавливает в отношении некоторых вопросов дополнительные переходные режимы, например, в отношении трансграничной передачи персональных данных, можно предположить, что соответствующая правовая база будет развиваться и дополняться в последующем, что говорит о том, что исторический процесс Brexit еще далек от своего полного завершения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Agreement of the Withdrawal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the European Union and the European Atomic Energy Community // Official Journal. – 2020. – Jan. 19. – L. 29. – P. 7–18.
2. A Guide to EU Procedures for the Conclusion of International Trade Agreements. – Electronic text data. – Mode of access: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2016/593489/EPRS_BRI\(2016\)593489_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2016/593489/EPRS_BRI(2016)593489_EN.pdf) (date of access: 05.05.2021). – Title from screen.
3. Annex to Council Decision Authorising the Opening of Negotiations with the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland for a New Partnership Agreement. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.consilium.europa.eu/media/42736/st05870-ad01re03-en20.pdf> (date of access: 05.05.2021). – Title from screen.
4. Communication of Council of the European Union. – Electronic text data. – Mode of access: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/CM-5525-2020-INIT/en/pdf> (date of access: 05.05.2021). – Title from screen.
5. Council Decision Authorising the Opening of Negotiations with the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland for a New Partnership Agreement. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.consilium.europa.eu/media/42737/st05870-en20.pdf> (date of access: 05.05.2021). – Title from screen.
6. Council Decision (EU) 2020/2252 of 29 December 2020 on the Signing, on Behalf of the Union, and on Provisional Application of the Trade and Cooperation Agreement Between the European Union and the European Atomic Energy Community, of the One Part, and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, of the Other Part, and of the Agreement Between the European Union and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland Concerning Security Procedures for Exchanging and Protecting Classified Information // Official Journal. – 2020. – Dec. 31. – L. 444. – P. 2–10.
7. Declarations Referred to in the Council Decision on the Signing on Behalf of the Union, and on a Provisional Application of the Trade and Cooperation Agreement and of the Agreement Concerning Security Procedures for Exchanging and Protecting Classified Information // Official Journal. – 2020. – Dec. 31. – L. 444. – P. 1475–1485.
8. Draft Text of the Agreement on the New Partnership with the United Kingdom. – Electronic text data. – Mode of access: <https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/200318-draft-agreement-gen.pdf> (date of access: 05.05.2021). – Title from screen.
9. Draft Working Text for a Comprehensive Free Trade Agreement Between the United Kingdom and the European Union. – Electronic text data. – Mode of access: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/886010/DRAFT_UK-EU_Comprehensive_Free_Trade_Agreement.pdf (date of access: 05.05.2021). – Title from screen.
10. Draft Working Text for a Fisheries Framework Agreement Between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the European Union. – Electronic text data. – Mode of access: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/886009/DRAFT_Fisheries_Framework_Agreement.pdf (date of access: 05.05.2021). – Title from screen.
11. European Parliament Legislative Resolution of 28 April 2021 on the Draft Council Decision on the Conclusion, on Behalf of the Union, of the Trade and Cooperation Agreement Between the European Union and the European Atomic Energy Community, of the One Part, and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, of the Other Part, and of the Agreement Between the European Union and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland Concerning Security Procedures for Exchanging and Protecting Classified Information (05022/2021 – C90086/2021 – 2020/0382(NLE)). – Electronic text data. – Mode of access: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2021-0140_EN.html (date of access: 05.05.2021). – Title from screen.
12. European Union (Future Relationship) Act 2020. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2020/29/pdfs/ukpga_20200029_en.pdf (date of access: 05.05.2021). – Title from screen.
13. Policy Paper «Our Approach to the Future Relationship with the EU». – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.gov.uk/government/publications/our-approach-to-the-future-relationship-with-the-eu> (date of access: 05.05.2021). – Title from screen.
14. Recommendation for a Council Decision Authorising the Opening of Negotiations for a New

partnership with the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. – Electronic text data. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX:52020PC0035> (date of access: 05.05.2021). – Title from screen.

15. The Future Relationship between the UK and the EU: Written Statement to Parliament. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.gov.uk/government/speeches/the-future-relationship-between-the-uk-and-the-eu> (date of access: 05.05.2021). – Title from screen.

16. The Future Relationship with the EU: The UK's Approach to Negotiations. – Electronic text data. – Mode of access: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/868874/The_Future_Relationship_with_the_EU.pdf (date of access: 05.05.2021). – Title from screen.

17. Trade and Cooperation Agreement Between the European Union and the European Atomic Energy Community, of the One Part, and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, of the Other Part // Official Journal. – 2020. – Dec. 31. – L. 444. – 1246 p.

REFERENCES

1. Agreement of the Withdrawal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the European Union and the European Atomic Energy Community. *Official Journal*, 2020, Jan. 31, l. 29, pp. 7-18.

2. *A Guide to EU Procedures for the Conclusion of International Trade Agreements*. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2016/593489/EPRS_BRI\(2016\)593489_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2016/593489/EPRS_BRI(2016)593489_EN.pdf) (accessed 5 May 2021).

3. *Annex to Council Decision Authorising the Opening of Negotiations with the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland for a New Partnership Agreement*. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/42736/st05870-ad01re03-en20.pdf> (accessed 5 May 2021).

4. *Communication of Council of the European Union*. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/CM-5525-2020-INIT/en/pdf> (accessed 5 May 2021).

5. *Council Decision Authorising the Opening of Negotiations with the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland for a New Partnership Agreement*. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/42737/st05870-en20.pdf> (accessed 5 May 2021).

6. Council Decision (EU) 2020/2252 of 29 December 2020 on the Signing, on Behalf of the Union, and on Provisional Application of the Trade and Cooperation Agreement Between the European Union and the European Atomic Energy Community,

of the One Part, and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, of the Other Part, and of the Agreement Between the European Union and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland Concerning Security Procedures for Exchanging and Protecting Classified Information. *Official Journal*, 2020, Dec. 31, l. 444, pp. 2-10.

7. Declarations Referred to in the Council Decision on the Signing on Behalf of the Union, and on a Provisional Application of the Trade and Cooperation Agreement and of the Agreement Concerning Security Procedures for Exchanging and Protecting Classified Information. *Official Journal*, 2020, Dec. 31, l. 444, pp. 1475-1485.

8. *Draft Text of the Agreement on the New Partnership with the United Kingdom*. URL: <https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/200318-draft-agreement-gen.pdf> (accessed 5 May 2021).

9. *Draft Working Text for a Comprehensive Free Trade Agreement Between the United Kingdom and the European Union*. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/886010/DRAFT_UK-EU_Comprehensive_Free_Trade_Agreement.pdf (accessed 5 May 2021).

10. *Draft Working Text for a Fisheries Framework Agreement Between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the European Union*. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/886009/DRAFT_Fisheries_Framework_Agreement.pdf (accessed 5 May 2021).

11. *European Parliament Legislative Resolution of 28 April 2021 on the Draft Council Decision on the Conclusion, on Behalf of the Union, of the Trade and Cooperation Agreement Between the European Union and the European Atomic Energy Community, of the one Part, and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, of the Other Part, and of the Agreement Between the European Union and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland Concerning Security Procedures for Exchanging and Protecting Classified Information (05022/2021 – C90086/2021 – 2020/0382(NLE))*. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2021-0140_EN.html (accessed 5 May 2021).

12. *European Union (Future Relationship) Act 2020*. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2020/29/pdfs/ukpga_20200029_en.pdf (accessed 5 May 2021).

13. *Policy paper “Our approach to the Future Relationship with the EU”*. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/our-approach-to-the-future-relationship-with-the-eu> (accessed 5 May 2021).

14. *Recommendation for a Council Decision authorising the opening of negotiations for a new partnership with the United Kingdom of Great Britain*

and Northern Ireland. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX:52020PC0035> (accessed 5 May 2021).

15. *The Future Relationship between the UK and the EU: Written statement to Parliament*. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/the-future-relationship-between-the-uk-and-the-eu> (accessed 5 May 2021).

16. *The Future Relationship with the EU: The UK's Approach to Negotiations*. URL: <https://>

assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/868874/The_Future_Relationship_with_the_EU.pdf (accessed 5 May 2021).

17. Trade and cooperation agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community, of the one part, and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, of the other part. *Official Journal*, 2020, l. 444, Dec. 31, pp. 14–1462.

Information About the Author

Dmitry V. Galushko, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Legal Regulation of Economic Operations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Prosp. Leningradsky, 49, 125993 Moscow, Russian Federation, galushkodv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9301-9565>

Информация об авторе

Дмитрий Вячеславович Галушко, кандидат юридических наук, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, просп. Ленинградский, 49, 125993 г. Москва, Российская Федерация, galushkodv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9301-9565>

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ =

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.27>

UDC 349.6
LBC 67.407

Submitted: 24.05.2021
Accepted: 14.06.2021

PROHIBITIONS AS MEANS OF “SMART REGULATION” OF COMPENSATION FOR HARM TO THE ENVIRONMENT

Oksana I. Sharno

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: an important vector of development of modern society is the formation of an ecological and economic paradigm, in whose context the legal regulation of public relations is carried out with the emphasis on the environmental component. The problems of compensation for environmental damage, without losing their independent relevance, become the leitmotif of the modernization of the legal implementation processes. Given that the specifics of compensation for environmental damage are multi-faceted, reflecting cross-industry trends, this area requires the development of “smart regulation”, whose effective means are legal prohibitions. **Purpose:** to conduct a theoretical and legal study of prohibitions as means of “smart regulation” of compensation for environmental damage. **Methods:** the research is carried out using a set of methods of scientific cognition, namely, analysis (the analysis of concepts, identification of their features, traits) and synthesis (the generalization of debatable conclusions, contrasted definitions), the method of analogies, with the help of which the characteristics of the studied theses, definitions were projected on legal relations. The preparation of the paper required the use of special legal research methods, such as formal-legal and comparative law. **Results:** the study focuses on the analysis of the concepts of “environmental harm”, “environmental communications”, “environmental information”, “mechanism of legal regulation”, “smart regulation”, “prohibitions”, presents their author’s interpretations, reflects that prohibitions as instructions to refrain from certain negative actions under the threat of liability in the matters of compensation for environmental damage are effective means of the legal regulation that ensures the satisfaction of the interests of society and nature. Prohibitions, as criteria for distinguishing between the legality and illegality of behavior in the interests of environmental protection, as means of the legal regulation, form the basis for bringing to justice those who violate them. The paper presents the ways of applying and modernizing prohibitions for “smart regulation” of compensation for environmental damage. **Conclusions:** prohibitions as means of “smart regulation” serve to ensure transparency and efficiency of compensation for the environmental damage, provide innovative communications of decision-makers and citizens in the implementation of their rights to a favorable environment, to compensation for damage caused to the environment in full, provide suspension, restriction, termination of the activities that cause harm from the creation of a regulatory act to its implementation. The analysis of legal prohibitions demonstrates that in the matters of compensation for environmental harm, the problem of legal prohibitions is effective.

Key words: environmental harm, environmental communications, environmental information, legal regulation mechanism, smart regulation, prohibitions.

Citation. Sharno O.I. Prohibitions As Means of Smart Regulation of Compensation for Harm to the Environment. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 184-192. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.27>

ЗАПРЕТЫ КАК СРЕДСТВА «УМНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ» ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ

Оксана Игоревна Шарно

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: важным вектором развития современного общества является формирование эколого-экономической парадигмы, в разрезе которой правовое регулирование общественных отношений осуществляется с акцентом на природоохранную составляющую. Проблемы возмещения экологического вреда, не теряя самостоятельной актуальности, становятся лейтмотивом модернизации правореализационных процессов. Учитывая, что специфика возмещения вреда окружающей среде полиаспектна, отражает межотраслевые тенденции, данное направление требует разработки, «умного регулирования», эффективным средством которого являются правовые запреты. **Цель:** провести теоретико-правовое исследование запретов как средств «умного регулирования» возмещения вреда окружающей среде. **Методы:** исследование проведено посредством совокупности методов научного познания, а именно анализа (разбора понятий, выявления их признаков, черт) и синтеза (обобщение дискуссионных выводов, противопоставляемых определений), метода аналогий, с помощью которого характеристики исследуемых тезисов, определений проецировались на правовые отношения. Подготовка статьи потребовала применения таких специальных правовых методов исследования, как формально-юридический и сравнительно-правовой. **Результаты:** в исследовании уделено внимание анализу понятий «экологический вред», «экологические коммуникации», «экологическая информация», «механизм правового регулирования», «умное регулирование», «запреты», представлены их авторские трактовки, отражено, что запреты как предписания воздерживаться от определенных негативных действий под угрозой наступления ответственности в вопросах возмещения вреда окружающей среды являются эффективными средствами правового регулирования, обеспечивающего удовлетворение интересов общества и природы. Запреты, как критерии разграничения правомерности и неправомерности поведения в интересах защиты окружающей среды и как средства правового регулирования, ложатся в основу привлечения к ответственности лиц, нарушивших их. В статье представлены способы применения и модернизации запретов в целях «умного регулирования» возмещения вреда окружающей среде. **Выводы:** запреты как средства «умного регулирования» служат обеспечению прозрачности и эффективности возмещения экологического вреда, обеспечивают инновационные коммуникации лиц, принимающих решения, и граждан в реализации их прав на благоприятную окружающую среду, на возмещение вреда, причиненного окружающей среде в полном объеме, обеспечивают приостановление, ограничение, прекращение деятельности, причиняющей вред от создания нормативно-правового акта до его реализации. Проведенный анализ правовых запретов демонстрирует, что в вопросах возмещения вреда окружающей среде проблематика правовых запретов эффективна.

Ключевые слова: экологический вред, экологические коммуникации, экологическая информация, механизм правового регулирования, умное регулирование, запреты.

Цитирование. Шарно О. И. Запреты как средства умного регулирования возмещения вреда окружающей среде // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 184–192. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.27>

Введение

Проблема возмещения экологического вреда актуальна и требует теоретического и практического освещения. Различные аспекты названной проблематики (теоретический анализ возмещения экологического вреда, проблемы правового регулирования, ответственности за вред, причиненный окружающей сре-

де) нашли свое отражение в трудах В.В. Петрова, Г.А. Мисник, О.Л. Дубовик, Т.И. Лысенко, М.И. Кузнецовой, И.О. Красновой, В.В. Никишина, М.В. Пономарева и др.

А.Я. Рыженков, сопоставляя проблемы теории и практики в вопросах правового регулирования возмещения экологического вреда, выявляет следующие функции института возмещения экологического вреда:

1) защита субъективных экологических прав граждан;

2) восстановление пострадавших от антропогенной деятельности экологических систем;

3) профилактика новых экологических правонарушений [11, с. 77–85].

В этой связи представляется, что процесс возмещения экологического вреда эффективен и охватывает все имеющиеся возможности достижения экологического равновесия в отношении «общество – природа».

В то же время количество случаев причинения экологического вреда растет, а необходимость их эффективного урегулирования обуславливает новый вектор научных исследований.

Стандартные правила возмещения экологического вреда «работают» малоэффективно и не отвечают современным экологическим требованиям, так как специфика возмещения вреда окружающей среде полиаспектна, отражает межотраслевые тенденции и требует разработки эффективного механизма применения инновационных средств возмещения экологического вреда – реализации «умного регулирования».

«Умное регулирование» возмещения экологического вреда должно отражать современные аспекты природоохранной политики, действовать от создания нормативно-правового акта до момента его внедрения посредством последовательного правоприменения, оценки законодательства, разработки единых информационно-аналитических баз данных, обеспечения коммуникаций и обратных связей между законом и отношениями, складывающимися по поводу возмещения вреда природе, экосистеме, компонентам окружающей среды.

Анализ понятия «экологический вред» и средств умного регулирования в области возмещения вреда окружающей среде

Под категорией «экологический вред» обычно понимают отражение сущности деградации природной среды и причины подобного негативного явления – имеющееся нарушение природоохранного закона.

Вред окружающей среде характеризуется изменением, деградацией либо истощением природных ресурсов, причиной чего являются допускаемые субъектами природопользования нарушения. Данное понятие демонстрирует нормативную трактовку, именно в этом значении вред окружающей среде представлен в ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды». Доктринальная трактовка мало чем отличается от нормативной содержательно, вместе с тем при анализе соответствующих понятий обнаруживается их терминологические вариации. Так, анализируя теоретические источники [2, с. 424], мы можем встретить такие понятия, как вред окружающей среде, экогенный вред, экологический вред, вред в экологической сфере. Безусловно, это схожие понятия, однако понимаются они либо узко (отражают вред природной среде), либо широко (включают в содержание и вред, причиняемый человеку и юридическим лицам, их имуществу). В зависимости от полноты содержания экологический вред трактуется как деградация окружающей среды, возникшая вследствие нарушения экологических требований, с чем связано последующее сокращение благ (материальных, имущественных) и нематериальных (жизнь и здоровье людей) [3]. Совершение экологического правонарушения в результате неправомерных либо правомерных действий, обусловивших инверсию свойств окружающей среды, именуют вредом в экологической сфере [15, с. 261]. Экогенный вред как нарушение экологических требований и связанное с этим уменьшение материальных и нематериальных благ, охраняемых экологическим законом [4, с. 495], характеризуется любым проявлением ухудшения состояния природы, здоровья человека. Полагаем, что в основе экологического вреда всегда лежит нарушение экологических норм и правил, допускаемое в результате неправомерных либо правомерных действий, повлекших негативное влияние на свойства окружающей среды.

Возмещение экологического вреда – это процедурная технологическая коммуникация, которая отражает информационный обмен между государством, обществом, природой по поводу обеспечения экологической безопасности, минимизации последствий негативно-

го воздействия на человека и естественную среду, биоценоз.

Феномен «благоприятности», под которым понимается качество среды, обеспечивающее устойчивое существование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов [17], является определяющим критерием наступления экологического вреда. Достижимость «благоприятности» напрямую зависит от свойств и сущности экологической информации, под которой понимают показатели, сведения [4, с. 247–249], представляемые в письменной, аудиовизуальной, электронной, иной форме [16], выражающие процессы взаимодействия природы и общества [6, с. 6–11].

Реализация возмещения вреда окружающей среде, как особое природоохранное правоотношение, является предметом воздействия правовых средств [1; 9], образующих механизм правового регулирования, включающий в свой состав нормативно-правовые акты, индивидуально-правовые акты, правоотношения, порождающие взаимообусловленные права и обязанности, правосознание, правовую культуру, разрешения и запреты [13, с. 15].

Механизм правового регулирования возмещения вреда окружающей среде с помощью перечисленных средств отражает информационную правовую коммуникацию между государством, обществом и природой.

Объективно сложившиеся тенденции информационной трансформации общества, «благоприятности и устойчивости» в процессе воздействия правовых средств на общественные отношения природопользования обусловили модернизацию механизма правового регулирования за счет разработки и внедрения средств «умного регулирования» в вопросах взаимодействия человека, общества и природы, так как именно окружающая среда (антропогенные, природные и природно-антропогенные объекты), выступая живым организмом (физическим, географическим, биологическим), социальным, культурным и политическим условием, определяет специфику существования современного общества.

В доктрине права «умное регулирование» есть воздействие на правоотношения, представленное:

– инновационными принципами, инструментами, средствами, обеспечивающими возможность регулирования прозрачным и эффективным при достижении конечных целей способом [10];

– постулатами публичной политики, гарантирующими согласованность действий лиц, принимающих решения, и представителей гражданских структур [5];

– идеальной соразмерностью политических действий на всех этапах правового регулирования – от разработки и создания нормативно-правового акта до его реализации [7].

Механизм «умного регулирования» есть совокупность таких средств, как правовые эксперименты, развивающие инновации (цифровые и регуляторные песочницы), оценка законотворческого опыта по регулированию инновационной деятельности, создание единых информационно-аналитических баз данных, обеспечение онлайн- и офлайн-коммуникаций, модернизация обратных связей между лицами, причастными к процедуре нормотворчества, и объектами правового регулирования [8].

Безусловно, регулирование вопросов природопользования должно быть понятным, доступным, мотивирующим субъекты природопользования на исполнение нормативных предписаний и защиту природы. Примером положительного опыта в этом направлении является восприятие нормативных правил, требований органов управления и контроля в области природопользования, обусловленное размером сборов, штрафов, выступающих положительной мотивацией [18], сюда же целесообразно причислить и правовые запреты – средства правового регулирования информационной правовой коммуникации между государством, обществом и природой по поводу возмещения вреда окружающей среде.

Специфика запретов как средств «умного регулирования» возмещения вреда окружающей среде в современной России

Запреты в правовой системе имеют полифункциональную природу, сущность, выступая императивными средствами, относящимися к методам властного правового регулирования [13]. Запреты выступают одной из форм

действия права, представляя собой «правовые ограничения, выполняющие функции сдерживания определенного поведения» [12].

Применительно к раскрываемой тематике мы понимаем под запретами правовые ограничения в области отношений, складывающихся по поводу возмещения вреда окружающей среде.

Учитывая, что важным вектором развития современного общества является формирование эколого-экономической парадигмы, правовое регулирование общественных отношений осуществляется с акцентом на природоохранную составляющую. Практически все нормы права, так или иначе регламентирующие общественные отношения, затрагивающие вопросы взаимодействия с окружающей средой содержат систему правовых запретов, при помощи которых осуществляется правовое воздействие на общественные отношения по применению тех или иных природных ресурсов и их защите.

Конституционно-правовая отрасль содержит основополагающие принципы, начала, в соответствии с которыми запреты в вопросах возмещения экологического вреда реализуются, отражая основополагающие направления экологической стратегии государства, экологического правопорядка (ст. 9, 42, 72 Конституции РФ, Указ Президента Российской Федерации от 19.04.2017 г. № 176 «Об утверждении стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года»).

Природоохранные запреты корреспондируют правам граждан на благоприятное состояние окружающей среды и обязанностям по возмещению экологического вреда в полном объеме и выражаются в приостановлении, ограничении, прекращении деятельности (действий), создающей опасность причинения вреда в экологической сфере в будущем.

Гражданская и земельно-правовая отрасли, определяя основополагающие нормативные правила по регулированию имущественных отношений и использованию земли, регулируют в том числе природоохранные запреты. Так, относительно особо ценных с точки зрения природоохранной составляющей объектов – государственных природных заповедников и национальных парков, особо ох-

раняемых природных территорий, объектов использования атомной энергии, пунктов хранения ядерных материалов и радиоактивных веществ, земель лесного и водного фонда – устанавливаются запрещающие их свободное использование режимы – изъятие из оборота, ограничение в обороте (ст. 27 ЗК РФ; п. 2, 3 ст. 129 ГК РФ). Нарушение данных запретов влечет экологические правонарушения, негативное воздействие на окружающую среду, причиняя ей вред.

Существует и ряд специализированных отраслевых законов, в которых запреты выступают средствами правового регулирования вопросов возмещения экологического вреда и выражаются словами «не допускается / запрещается». Например, не допускается: отчуждение водных объектов (ст. 22 Водного кодекса РФ), действия водопользователей, наносящие вред состоянию водных объектов (ст. 62 Водного кодекса РФ); запрещается: осуществление деятельности с нарушением целевого назначения защитных лесов, изменение целевого назначения лесных участков (ст. 111 Лесного кодекса РФ), заготовка, сбор грибов и дикорастущих растений, виды которых занесены в Красные книги Российской Федерации и ее субъектов (ст. 11 Лесного кодекса РФ); пребывание граждан в лесах, расположенных на землях особо охраняемых природных территориях (ст. 11 Лесного кодекса РФ).

В природоохранном законодательстве устанавливаются также запреты при обращении с отходами производства и потребления (ст. 51 ФЗ «Об охране окружающей среды»), осуществлении отдельных видов пользования животным миром (ст. 21 ФЗ «О животном мире»), в пользовании отдельными участками недр в целях обеспечения национальной безопасности и охраны окружающей среды (ст. 8 ФЗ «О недрах»). Запрещается внедрение новых техник, технологий, материалов, веществ и другой продукции, а также применение технологического оборудования и других технических средств, если они не отвечают установленным законодательством требованиям охраны атмосферного воздуха (п. 2 ст. 15 ФЗ «Об охране атмосферного воздуха»). Устанавливаются запреты и в части регулирования целевого использования земель, их использования

(п. 3 ст. 18, п. 3, 4 ст. 21, п. 1 ст. 24, п. 1 ст. 27, п. 1 ст. 29 ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»).

Безусловно, нами в настоящем исследовании представлена лишь малая часть нормативных предписаний, регулирующих проблематику экологического вреда. Однако их совокупный анализ позволяет прийти к выводу о сложившейся системе правовых запретов в разрезе возмещения вреда окружающей среде, сущность которой отражает межотраслевую проблематику, демонстрирует преобладание публично-правовых интересов.

Запреты, как предписания воздерживаться от определенного социально вредного и опасного поведения под угрозой наступления ответственности в вопросах возмещения вреда окружающей среды, являются средствами правового регулирования и выражают отрицательное отношение государства в интересах общества и природы к определенным действиям. При этом запреты, как средства правового регулирования, ложатся в основу привлечения нарушивших их к ответственности как критерии разграничения правомерности и неправомерности поведения в интересах защиты окружающей среды.

Нормативные предписания в форме запретов как средства «умного регулирования» начиная от создания нормативно-правового акта и заканчивая его реализацией, обеспечивают:

– содействие разработчикам экологической политики, законодательства в том, чтобы регулирование возмещения экологического вреда стало прозрачным и эффективным за счет внедрения инновационных техник;

– согласование деятельности лиц, принимающих решения, с интересами граждан в реализации их прав на благоприятную окружающую среду и возмещение вреда, причиненного окружающей среде и их здоровью;

– возложение на лицо, причинившее вред, обязанности приостановить, ограничить или прекратить деятельность, вызывающую опасность наступления экологического вреда.

Для достижения целей «умного регулирования» возмещения экологического вреда посредством запретов следует:

– проводить правовые эксперименты по внедрению программ экспериментальных правовых режимов по реализации запретов;

– оценивать законотворческий опыт по внедрению механизма поддержки экологических ориентированных инноваций;

– создавать единые информационные и аналитические базы данных в том числе содержащие информацию о применении запретов и об их эффективности;

– обеспечивать онлайн- и офлайн-коммуникации по реализации запретов;

– модернизировать обратные связи между субъектами нормотворчества и объектами правового регулирования в части реализации запретов;

– давать оценку законодательства, регламентирующего применение запретов.

Представленный перечень действий и инструментов поспособствует «умному регулированию» возмещения вреда окружающей среде в современных условиях развития общества, в этом случае реализация запретов станет понятной, доступной, мотивирующей субъектов природопользования на их соблюдение.

Выводы

Система запретов, как средств «умного регулирования», заключается в воздействии на отношения по поводу возмещения вреда окружающей среде, способствуя их развитию и вытеснению устаревших отношений за счет внедрения инновационных решений. При этом существующие запреты следует модернизировать и развивать.

В 2021 г. Министерство природы и экологии Российской Федерации внесло в Правительство Российской Федерации законопроект о внесении поправок в федеральные законы «Об акционерных обществах», «О промышленной безопасности», «Об охране окружающей среды», «Об экологической экспертизе», «О государственной регистрации недвижимости», «Об акционерных обществах» и «О несостоятельности (банкротстве)» в части установления запретов промышленным компаниям, владеющим опасными производственными объектами, выплачивать дивиденды до полного возмещения исчисленного и предъявленного ущерба окружающей среде, при этом основанием для принятия такого решения должно являться заключение об

оценке вреда окружающей среде, которое станет обязательным при исключении опасных производственных объектов из государственного реестра, а также при их отчуждении, преобразовании или банкротстве. Планировалось, что компании должны будут подтверждать финансовое обеспечение мероприятий по ликвидации вреда окружающей среде с использованием нескольких финансовых инструментов (банковской или независимой гарантии, договора страхования, резервного фонда). При этом платежи за негативное воздействие на окружающую среду будут аккумулироваться и распределяться на выявление и ликвидацию объектов накопленного вреда окружающей среде. Однако данный механизм запретов в марте 2021 г. после обсуждения поправок с представителями бизнеса был исключен из пакета законопроектов, что указывает на отсутствие признания запретов стимулами в вопросах возмещения вреда окружающей среде и экологической безопасности.

Доктринально диагностируется избыточное установление правовых запретов в области публичного регулирования [14]. В целом научное юридическое сообщество негативно характеризует подобные тенденции.

В то же время проведенный анализ правовых запретов демонстрирует, что в вопросах возмещения вреда окружающей среде проблематика правовых запретов эффективна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом обществе / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1966. – 187 с.
2. Анисимов, А. П. Экологическое право России : учебник для вузов / А. П. Анисимов, А. Я. Рыженков, А. Е. Черноморец ; ред. А. П. Анисимов // Волгоград : Альянс, 2005. – 460 с.
3. Анисимов, А. П. Экологическое право России : учебник / А. П. Анисимов. – М. : Высшее образование : Юрайт, 2009. – 504 с.
4. Бринчук, М. М. Экологическое право (право окружающей среды) : учебник для высш. юрид. учеб. заведений / М. М. Бринчук. – М. : Юристъ, 1998. – 495 с.
5. Волкова, А. В. Механизмы «умного регулирования» в публичной политике современной России: расширение гражданского участия / А. В. Волкова // Человек. Сообщество. Управление. – 2017. – Т. 18, № 3. – С. 37–50.
6. Дубовик, О. Л. Экологическая информация: понятие, виды, режим, защита / О. Л. Дубовик // Зеленый мир. – 2003. – № 21–22. – С. 6–11.
7. Короленко, А. Д. Современное значение «умного регулирования» как нового направления государственного регулирования экономики / А. Д. Короленко // Молодой ученый. – 2015. – № 4 (84). – С. 368–371.
8. Купряшин, Г. Л. Концепция «умного регулирования»: зарубежный опыт и возможность его применения в государственном управлении России / Г. Л. Купряшин, Н. Н. Сарычева // Вестник Московского Университета. Серия 21, Правление (государство и общество). – 2017. – № 2. – С. 3–20.
9. Минникес, И. А. Индивидуальное правовое регулирование: проблемы теории и практики / И. А. Минникес. – Иркутск : Изд-во ин-та законодательства и правовой информации, 2008. – 160 с.
10. Монтэн, Ш.-А. «Умное регулирование»: глобальный вызов для лиц, принимающих решения / Ш.-А. Монтэн. – 2012. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://regulatory-policy.hse.ru/data/2014/03/17/1332703019/SR1200.pdf>. – Загл. с экрана.
11. Рыженков, А. Я. Правовое регулирование возмещения экологического вреда: проблемы теории и практики / А. Я. Рыженков // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 3. – С. 77–85.
12. Смирнов, Д. А. Запреты в финансовом праве: понятие, виды и формы реализации / Д. А. Смирнов, Л. Э. Боташева // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – № 4. – С. 145–149.
13. Тихомиров, Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика / Ю. А. Тихомиров // М. : Формула права, 2008. – 400 с.
14. Толмачев, В. В. Применение запретов в праве: вопросы юридической техники / В. В. Толмачев // Ленинградский юридический журнал. – 2014. – С. 27–34.
15. Экологическое право : учебник / ред. Ю. Е. Винокурова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Экзамен, 2005. – 315 с.
16. Конвенция «О доступе к информации, участию общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды» (п. 3 ст. 2). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orhus.shtml (дата обращения: 15.05.2021). – Загл. с экрана.
17. Определение Верховного суда Российской Федерации от 12 октября 2006 года по делу КАС06-373 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Enterprise-Level Motivations, Regulatory Pressures, and Corporate Environmental Management in Guangzhou, China / S. Y. Tang [et al.] // *Environmental Management*. – 2015. – Vol. 56. – P. 777–790. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s00267-015-0527-8>.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. *Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom obshchestve* [The Mechanism of Legal Regulation in a Socialist Society]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1966. 187 p.
2. Anisimov A.P., Ryzhenkov A.Ya., Chernomoretz A.E. *Ekologicheskoe pravo Rossii: uchebnik dlya vyzov* [Environmental Law of Russia: Textbook for Universities]. Volgograd, Al'yans Publ., 2005. 460 p.
3. Anisimov A.P. *Ekologicheskoe pravo Rossii: uchebnik* [Environmental Law of Russia: A Textbook]. Moscow, Vysshee obrazovanie Publ., Yurait Publ., 2009. 504 p.
4. Brinchuk M.M. *Ekologicheskoe pravo (pravo okruzhayushchei sredy): uchebnik dlya vyssh. yurid. ucheb. zavedenii* [Environmental Law (Environmental Law): A Textbook for Law Graduate Schools]. Moscow, Yurist Publ., 1998. 495 p.
5. Volkova A.V. Mekhanizmy «umnogo regulirovaniya» v publichnoi politike sovremennoi Rossii: rasshirenie grazhdanskogo uchastiya. [Mechanisms of “Smart Regulation” in Public Policy in Modern Russia: Expanding Civic Participation] *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Control], 2017, vol. 18, no. 3, pp. 37-50.
6. Dubovik O.L. Ekologicheskaya informatsiya: ponyatie, vidy, rezhim, zashchita [Environmental Information: Concept, Types, Regime, Protection]. *Zelenyi mir* [Green World], 2003, no. 21-22, pp. 6-11.
7. Korolenko A.D. Sovremennoe znachenie «umnogo regulirovaniya» kak novogo napravleniya gosudarstvennogo regulirovaniya ekonomiki [The Modern Significance of “Smart Regulation” As a New Direction of State Regulation of the Economy]. *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2015, no. 4 (84), pp. 368-371. URL : <https://moluch.ru/archive/84/15550>.
8. Kupryashin G.L., Sarycheva N.N. Kontseptsiya «umnogo regulirovaniya»: zarubezhnyi opyt i vozmozhnost' ego primeneniya v gosudarstvennom upravlenii Rossii [The Concept of “Smart Regulation”: Foreign Experience and the Possibility of Its Application in the State Administration of Russia]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 21, Pravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)* [MSU Vestnik. Series 21, Public Administration], 2017, no. 2, pp. 3-20.
9. Minnikes I.A. *Individual'noe pravovoe regulirovanie: problemy teorii i praktiki* [Individual legal Regulation: Problems of Theory and Practice]. Irkutsk, Izd-vo in-ta zakonodatel'stva i pravovoi informatsii, 2008. 160 p.
10. Monten Sh.-A. *Smart Regulation: Ensuring that European Laws Benefit People and Businesses*. 2012. URL : <https://regulatory-policy.hse.ru/data/2014/03/17/1332703019/SR1200.pdf>.
11. Ryzhenkov A.Ya. Pravovoe regulirovanie vozmeshcheniya ekologicheskogo vreda: problemy teorii i praktiki [Legal Regulation of Compensation for Environmental Harm: Problems of Theory and Practice] *Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina (MGYuA) Vektor yuridicheskoi nauki* [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)], 2020, no. 3, pp. 77-85.
12. Smirnov D.A., Botasheva L.E. Zaprety v finansovom prave : ponyatie, vidy i formy realizatsii [Prohibitions in Financial Law: Concept, Types and Forms of Implementation]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanities and Legal Studies], 2017, no. 4, pp. 145-149.
13. Tikhomirov Yu.A. *Pravovoe regulirovanie: teoriya i praktika* [Legal Regulation: Theory and Practice]. Moscow, Formula prava Publ., 2008. 400 p.
14. Tolmachev V.V. Primenenie zapretov v prave: voprosy yuridicheskoi tekhniki [Application of Prohibitions in Law: Issues of Legal Technology]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal* [Leningrad Legal Journal], 2014, pp. 27-34.
15. *Ekologicheskoe pravo: uchebnik* [Environmental Law: Textbook]. Moscow, Ekzamen Publ., 2005. 315 p.
16. *Konventsia «O dostupe k informatsii, uchastii obshchestvennosti v protsesse prinyatiya reshenii i dostupe k pravosudiyu po voprosam, kasayushchimsya okruzhayushchei sredy» (p. 3 st. 2)* [The UNECE Convention on Access to Information, Public Participation in Decision-making and Access to Justice in Environmental Matters]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orhus.shtml (accessed 15 May 2021).
17. Opredelenie Verkhovnogo suda Rossiiskoi Federatsii ot 12 oktyabrya 2006 goda po delu KAS06-373 [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation from 12.10.2006 on case № KAS06-373]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.
18. Tang S.Y., Li P.H., Fryxell G.E., Lo C.W.-H. Enterprise-Level Motivations, Regulatory Pressures, and Corporate Environmental Management in Guangzhou, China. *Environmental Management*, 2015, vol. 56, pp. 777-790. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00267-015-0527-8>.

Information About the Author

Oksana I. Sharno, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, sharno@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8892-1848>

Информация об авторе

Оксана Игоревна Шарно, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, sharno@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8892-1848>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.28>UDC 349.6
LBC 67.407Submitted: 03.05.2021
Accepted: 14.06.2021

ON THE DEVELOPMENT OF THE MECHANISM FOR REGULATING MEDICAL WASTE

Dmitriy E. Motorin Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Introduction: at the moment, medical waste is removed from the scope of application of the legislation on production and consumption waste. With its regulatory mechanism, the medical waste management system in practice demonstrates a clear lack of controls over the movement of waste streams. In this regard, the author **aims** to study the reasons and conditions for the separation of medical waste as an object of law, as well as to determine possible ways to develop legal regulation in medical waste management. Within the framework of the research, the author uses a set of **methods** of cognition, among which the methods of system analysis, historicism, and the comparative law method prevail. **Results:** as part of the study, it is found that the attempt to create a more rigid, compared to the ordinary one, system for regulating medical waste, led to a lack of legal institutions in the mechanism of the system. The author considers the scientific concepts of the development of the medical waste sphere, as well as the legislative initiative for its modernization. According to the results of the study, the author concludes that most scientific positions are reduced to the need to bring the regime of medical waste closer to the waste of production and consumption, which, in the author's opinion, does not take into account the reasons for the isolation of the system and the specifics of the activities of medical and pharmaceutical organizations. Against this background, the initiative to create a centralized system for the management of medical waste, which, however, also needs to be improved, seems more successful. As a result, the author put forward some proposals for amendments to the bill.

Key words: medical waste, licensing, rationing, regional operator, centralized management.

Citation. Motorin D.E. On the Development of the Mechanism for Regulating Medical Waste. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 193-199. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.28>

УДК 349.6
ББК 67.407Дата поступления статьи: 03.05.2021
Дата принятия статьи: 14.06.2021

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ МЕХАНИЗМА РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ ОТХОДОВ

Дмитрий Евгеньевич МоторинВолгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: на текущий момент медицинские отходы выведены за пределы применения законодательства об отходах производства и потребления. Имея собственный механизм регулирования, система обращения с медицинскими отходами на практике демонстрирует явную нехватку средств контроля за движением потоков отходов.

Цель: изучение причин и условий обособления медицинских отходов как объекта права, а также определение возможных путей развития правового регулирования в сфере обращения с медицинскими отходами. В рамках исследования автором использована совокупность **методов** познания, среди которых преобладают методы системного анализа, историзма и сравнительно-правовой метод. **Результаты:** в ходе исследования было установлено, что попытка создания более жесткой, по сравнению с ординарной, системы регулирования медицинских отходов, привела к нехватке правовых институтов в механизме системы. Автором рассмотрены научные концепции развития сферы медотходов, а также изучена законодательная инициатива по ее модернизации. По итогам исследования автор приходит к **выводу**, что большинство научных позиций сводится к необходимости сближе-

ния режима медицинских отходов с отходами производства и потребления, что, по мнению автора, не учитывает причины обособления системы и особенности деятельности мед- и фарморганизаций. На этом фоне более удачной представляется инициатива по созданию централизованной системы обращения с медицинскими отходами, которая, однако, также требует доработки. Автором выдвинут ряд предложений о поправках законопроекта.

Ключевые слова: медицинские отходы, лицензирование, нормирование, региональный оператор, централизованное обращение.

Цитирование. Моторин Д. Е. К вопросу о развитии механизма регулирования медицинских отходов // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 193–199. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.28>

Введение

С ростом спроса на медицинские услуги в условиях глобальной пандемии как никогда остро ощущается проблема увеличения объемов образования медицинских отходов. Представляя, помимо экологической, еще и эпидемиологическую опасность, медотходы являются куда большей угрозой, чем большинство иных отходов производства и потребления. Именно поэтому еще в 1979 г. они были отнесены Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) к группе опасных, а государствам было рекомендовано создание специального режима и специализированных служб по обращению с такими отходами [4, с. 4].

Медицинские отходы долгие годы существовали в отечественном законодательстве как отходы лечебно-профилактических учреждений (ЛПУ). Несмотря на утверждение отдельных правил обращения и даже собственной классификации [11], отходы ЛПУ подпадали под общее регулирование Закона об отходах производства и потребления [15].

Лишь в 2008 г. в данный Закон были внесены поправки, исключающие его применение к отходам ЛПУ, а вслед за этим был утвержден СанПиН 2.1.7.2790-10 [12], который в соответствии с рекомендациями ВОЗ ввел в отечественное законодательство понятие аппаратное обеззараживание отходов, а также предусмотрел ряд новых способов регулирования, включая создание участков по обращению с медотходами [7, с. 34].

По прошествии более 20 лет медицинские отходы так и не получили собственного федерального закона, как это, например, было сделано с радиоактивными отходами. В настоящий момент регулирование медицинских отходов сводится к одной статье 49 Закона об основах охраны здоровья граждан [18], устанавливающей понятие и классификацию

медицинских отходов, а также недавно принятому СанПиН 2.1.3684-21 [10], который, придя на смену СанПиН 2.1.7.2790-10, лишь упорядочил санитарное законодательство, не привнеся в отрасль каких-либо новых механизмов или институтов.

На текущий момент на фоне масштабных структурных изменений, которые проводятся в системе обращения с отходами производства и потребления, система регулирования медицинских отходов смотрится скудно. Усугубляет ситуацию и тот факт, что с выведением медицинских отходов из-под крыла Закона № 89-ФЗ к ним перестали применяться соответствующие правовые механизмы законодательства об отходах производства и потребления (лицензирование, нормирование, паспортизация, инвентаризация, государственный учет и проч.) [6]. Как следствие, в отношении медицинских отходов не предусмотрены разработка и утверждение какой-либо разрешительной документации, а размещение медицинских отходов не облагается платой за негативное воздействие [5].

В таких условиях в науке все чаще высказываются тезисы о том, что в текущем виде законодательство в сфере медицинских отходов не способствует достижению поставленной перед ним цели, а именно созданию более жесткой, нежели ординарная, системы обращения с отходами [9, с. 148]. Данное обстоятельство обуславливает вопрос о надлежащих методах правового регулирования медицинских отходов.

Концепции регулирования медицинских отходов

Согласно действующему законодательству, лицензированию подлежит деятельность по сбору, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию, размещению

отходов 1–4 классов опасности [16]. Вместе с выведением из руслу Закона № 89-ФЗ в сфере медицинских отходов была сохранена санитарно-эпидемиологическая классификация (классы А, Б, В, Г и Д), которая не предусматривает определения классов опасности для всего потока отходов. Как следует из нового СанПиН 2.1.3684-21, класс опасности определяется у отходов класса Г (пункт 157), а также у отходов класса Б и В, которые после обеззараживания содержат в своем составе вещества 1–2 классов (пункт 160). Исходя из системного толкования норм СанПиН 2.1.3684-21, лишь указанные виды отходов подлежат передаче лицам, обладающим лицензией на обращение с отходами 1–4 классов опасности.

Также в системе медицинских отходов выделяют радиоактивные отходы класса Д, которые подлежат передаче национальному оператору по обращению с радиоактивными отходами [17].

Учитывая тот факт, что выпадающие из-под деятельности лицензированных операторов отходы класса А составляют порядка 93 % медицинских отходов субъектов РФ [13], наибольшее число откликов в научной среде получила именно идея создания самостоятельной системы лицензирования медотходов.

О необходимости принятия срочных мер на федеральном уровне в вопросе лицензирования поставщиков услуг по обращению с отходами для медицинских организаций указывает в своей работе Г.А. Громова [2, с. 1034].

М.В. Пономарев и Ф.В. Цомартова также выделяют отсутствие лицензирования отдельных видов деятельности по обращению с отходами среди ключевых проблем отрасли [9, с. 154]. Помимо этого, авторы обращают внимание на неурегулированность иных механизмов (нормирование образования и учет отходов) [9, с. 152].

Рассматривая проблемы регулирования медицинских отходов, группа авторов СПХФУ предлагает обязать медицинские организации делить отходы по классам опасности, устанавливать нормативы образования и лимиты на размещение, вести учет и предоставлять отчетность в порядке Закона № 89-ФЗ [8, с. 80].

Не имеет смысла отрицать потенциальную пользу от инкорпорации положений Закона № 89-ФЗ в систему законодательства об

обращении с медицинскими отходами при условии сохранения санитарных особенностей их регулирования. Однако, на наш взгляд, такие структурные изменения все же должны делаться с оглядкой на причины первоначального разделения режимов медотходов и отходов производства и потребления.

Отсутствие механизма лицензирования деятельности по обращению с медицинскими отходами связано с тем, что наличие ресурсов и условий для обращения с отходами, в свою очередь, оценивается при получении организацией лицензии на медицинскую или фармацевтическую деятельность. Помимо указанного, СанПиН 2.1.3684-21, как и ранее действующий СанПиН 2.1.7.2790-10, предусматривает ведение журналов учета медицинских отходов организации.

Таким образом, инкорпорация механизмов законодательства об отходах производства и потребления в систему медицинских отходов должна быть точечной и учитывающей уже в ней существующие. В противном случае возникает риск создания излишней административной нагрузки для социально-значимой и чувствительной к изменениям хозяйственной сферы.

Идея централизованного обращения с медицинскими отходами

Принятие решений о развитии отрасли законодательства должно строиться, исходя из существующих в ней пробелов и проблем, которые такими пробелами создаются. Применительно к регулированию медицинских отходов проблемой является не само отсутствие в системе институтов, идентичных законодательству об отходах производства и потребления, а рост числа несанкционированных свалок, который наблюдается из года в год [1; 14].

Пытаясь решить вопрос, Правительство Московской области разработало законопроект о проведении эксперимента по централизованному обращению с медицинскими отходами, который предусматривает создание территориальных схем обращения с медотходами, выбор специализированного регионального оператора, утверждение для него тарифа на оказание услуг [3].

Попытка инкорпорировать институт специализированного оператора в систему медицинских отходов, на наш взгляд, является одним из наиболее удачных предложений. Она должна способствовать созданию четкой модели взаимодействия между субъектами и упорядочить потоки медицинских отходов. Учитывая необходимость детальной проработки инициативы, предлагаем следующие варианты ее развития:

1. *Сохранение возможности для самостоятельного обращения с отходами.* Согласно текущей концепции законопроекта, все объемы медицинских отходов должны передаваться региональному оператору. Однако такой подход не учитывает способности медицинских и фармацевтических организаций к самостоятельному обращению с отходами на собственных объектах утилизации и обезвреживания. Более того, необходимо учитывать, что эпидемиологически опасные отходы класса В могут обеззараживаться / обезвреживаться только децентрализованным способом, то есть на объектах образующего их учреждения (пункт 200 СанПиН 2.1.3684-21).

2. *Включение в централизованную систему иных операторов по обращению с отходами.* Законопроект не создает правового регулирования для иных лиц, которые обладают мощностями для обращения с медицинскими отходами. Как показывает опыт функционирования операторов в системе ТКО, региональный оператор в любом случае будет не способен самостоятельно обеспечить обращение со всем объемом отходов, образуемых на территории региона. Для этих целей законодательство сохраняет за региональным оператором право на привлечение для оказания услуг третьих лиц – иных операторов по обращению с отходами (пункт 10 статьи 24.6 Закона № 89-ФЗ), чьи объекты также включаются в территориальные схемы.

Помимо указанного, поскольку в составе медицинских отходов образуются и особые категории отходов, относящиеся к полномочиям других специализированных операторов (федеральный оператор отходов 1 и 2 классов опасности, национальный оператор радиоактивных отходов), то концепция проекта должна разрешать вопросы взаимодействия регионального оператора медотходов с такими лицами.

3. *Определение тарифного «меню».* Законопроект предусматривает утверждение единого предельного тарифа на услугу регионального оператора, однако такой подход не учитывает, что система ценообразования в сфере медицинских отходов должна предусматривать тарифы и на услуги иных операторов по обращению с отходами, привлекаемых регоператором. Такие операторы, как правило, оказывают лишь отдельные виды услуг с отходами и не смогут определять цены на основании единого предельного тарифа. В связи с этим необходима тарифная сетка, предусматривающая различные варианты деятельности операторов.

4. *Гармонизация схем отходов.* Необходимо учитывать, что создаваемые в порядке статьи 13.3 Закона № 89-ФЗ территориальные схемы по обращению с отходами носят общий характер, в связи с чем регулируют вопросы, связанные и с медицинскими отходами [13]. Планируемая к созданию территориальная схема по обращению с медицинскими отходами должна быть гармонизирована с общей территориальной схемой субъекта РФ, а законопроект должен предусматривать соответствующий механизм для синхронизации содержания таких схем.

Выводы

Как показало проведенное исследование, сфера обращения с медицинскими отходами испытывает недостаток правового регулирования, что приводит к росту экологической и эпидемиологической угрозы. Предлагаемые научным сообществом концепции решения проблемы основаны на инкорпорации в систему медотходов институтов, применяемых в законодательстве об отходах производства и потребления, что, однако, не всегда учитывает их специфику как объекта регулирования.

Принятие решений о совершенствовании режима обращения с медотходами должно соответствовать целям, которые были заложены в основу выведения медотходов из-под ординарного регулирования в соответствии с Законом № 89-ФЗ, в том числе наличие собственных условий для лицензирования медицинских и фармацевтических организаций, а также специфических механизмов контроля и учета.

На наш взгляд, наиболее оптимальным путем развития системы медотходов является концепция централизованного обращения с созданием института регионального оператора и утверждением территориальной схемы, которая заложена в законотворческую инициативу проекта Московской области, что позволит упорядочить потоки медотходов без создания излишней административной нагрузки для учреждений.

В то же время, как показал анализ, инициатива находится на ранней стадии и требует определенной доработки концепции. В рамках исследования выработаны конструктивные предложения, которые, как нам кажется, позволят приблизить концепцию законопроекта к оптимальным условиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В Волгограде у свалки медицинских отходов нет «хозяина» // Блокнот-Волгоград. – 2016. – 22 марта. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://bloknot-volgograd.ru/news/v-volgogarde-usvalki-meditsinskikh-otkhodov-net-kh-726844> (дата обращения: 01.05.2021). – Загл. с экрана.
2. Громова, Г. А. Некоторые проблемы правового регулирования обращения с медицинскими отходами и привлечения к административной ответственности за нарушения при обращении с медицинскими отходами / Г. А. Громова // Административное и муниципальное право. – 2014. – № 10(82). – С. 1031–1038.
3. Законопроект № 1006365-7 «О проведении эксперимента по организации и осуществлению централизованного обращения с медицинскими и биологическими отходами в Московской области и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СОЗД ГАС «Законотворчество». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1006365-7> (дата обращения: 01.05.2021). – Загл. с экрана.
4. Обращение медицинского персонала с медицинскими отходами : учеб.-метод. пособие / сост. Т. Г. Тронина, С. В. Метлушин. – Ижевск : Удмуртский университет. – 2015. – 52 с.
5. Письмо Минприроды России от 01.10.2014 № 05-12-44/22301 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Письмо Росприроднадзора от 14.01.2014 № АА-03-03-36/306 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Подходы к комплексному решению проблемы обращения с медицинскими отходами / В. В. Перельгин, Н. А. Склярова, С. Г. Парамонов, Т. А. Пятиизбянцев // Формулы Фармации. – 2019. – Т. 1, № 1. – С. 78–83.
8. Подходы к комплексному решению проблемы обращения с медицинскими отходами / В. В. Перельгин, Н. А. Склярова, С. Г. Парамонов, Т. А. Пятиизбянцев // Формулы Фармации. – 2019. – Т. 1. – № 1. – С. 78–83.
9. Пономарев, М. В. Правовой режим отходов медицинской деятельности / М. В. Пономарев, Ф. В. Цомартова // Журнал российского права. – 2019. – № 9. – С. 145–158.
10. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28.01.2021 № 3 «Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 2.1.3684-21 «Санитарно-эпидемиологические требования к содержанию территорий городских и сельских поселений, к водным объектам, питьевой воде и питьевому водоснабжению, атмосферному воздуху, почвам, жилым помещениям, эксплуатации производственных, общественных помещений, организации и проведению санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 22.01.1999 № 2 «Об утверждении санитарных правил» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 09.12.2010 № 163 «Об утверждении СанПиН 2.1.7.2790-10 «Санитарно-эпидемиологические требования к обращению с медицинскими отходами» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Постановление Правительства Московской области от 22.12.2016 № 984/47 «Об утверждении территориальной схемы обращения с отходами, в том числе с твердыми коммунальными отходами, Московской области» // Ежедневные новости. Подмосковье. – 2016. – № 246.
14. «Сэкономить пытаются»: как в Иркутске появилась свалка человеческих органов // Газета.ru. – 2021. – 7 апреля. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/2021/04/07/13550168.shtml> (дата обращения: 01.05.2021). – Загл. с экрана.
15. Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» // Собрание законодательства РФ. – 1998 – № 26. – Ст. 3009.
16. Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 19. – Ст. 1716.
17. Федеральный закон от 11.07.2011 № 190-ФЗ «Об обращении с радиоактивными отходами и о

внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 29. – Ст. 4281.

18. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

REFERENCES

1. V Volggrade u svalki medicinskih othodov net «hozjaina» [There is No «Owner» at the Medical Waste Dump in Volgograd]. *Bloknot-Volgograd* [Notepad-Volgograd], 2016, March 22. URL: <https://bloknot-volgograd.ru/news/v-volgogarde-u-svalki-meditsinskih-otkhodov-net-kh-726844> (accessed 1 May 2021).

2. Gromova G.A. Nekotorye problemy pravovogo regulirovaniya obrashheniya s medicinskimi othodami i privlecheniya k administrativnoj otvetstvennosti za narusheniya pri obrashhenii s medicinskimi othodami [Some Problems of Legal Regulation of Medical Waste Management and Bringing to Administrative Responsibility for Violations in the Treatment of Medical Waste]. *Administrativnoe i municipal'noe parvo* [Administrative and Municipal Law], 2014, no. 10 (82), pp. 1031-1038.

3. Bill No. 1006365-7 «O provedenii jeksperimenta po organizacii i osushhestvleniju centralizovannogo obrashheniya s medicinskimi i biologicheskimi othodami v Moskovskoj oblasti i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii [On Conducting an Experiment on the Organization and Implementation of Centralized Management of Medical and Biological Waste in the Moscow Region and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation]». *SOZD GAS «Zakonotvorchestvo»* [LSS «Zakonotvorchestvo»]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1006365-7> (accessed 1 May 2021).

4. Tronina T.G., Metlushin. S.V. *Obrashhenie medicinskogo personala s medicinskimi othodami: ucheb.-metod. posobie* [Treatment of Medical Personnel with Medical Waste: Study Guide Manual]. Izhevsk, Udmurtskij universitet, 2015. 52 p.

5. Pismo Minprirody Rossii ot 01.10.2014 № 05-12-44/22301 [Letter of the Ministry of Natural Resources of Russia No. 05-12-44 / 22301 Dated October 1, 2014]. *Access from Reference Legal System «KonsultantPlyus»*.

6. Pismo Rosprirodnadzora ot 14.01.2014 № AA-03-03-36/306 [Letter of the Federal Service for Supervision of Natural Resource No. AA-03-03-36 / 306 Dated January 14, 2014]. *Access from Reference Legal System «KonsultantPlyus»*.

7. Pogodina I.V., Baranova A.F. K voprosu ob upravlenii medicinskimi othodami [On the Issue of Medical Waste Management]. *Medicinskoe pravo* [Medical Law], 2018, no. 4, pp. 33-37.

8. Perelygin V.V., Sklyarova N.A. Paramonov S.G., Pyatiiizbyantsev T.A. Podhody k kompleksnomu resheniju problemy obrashheniya s medicinskimi othodami [Approaches to a Comprehensive Solution to the Problem of Medical Waste Management]. *Formuly Farmacii* [Formulas of Pharmacy], 2019, vol. 1, no. 1, pp. 78-83.

9. Ponomarev M.V., Tsomartova F.V. Pravovoj rezhim othodov medicinskoj dejatel'nosti [Legal Regime of Medical Waste]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2019, no. 9, pp. 145-158.

10. Postanovlenie Glavnogo gosudarstvennogo sanitarnogo vracha RF ot 28.01.2021 № 3 «Ob utverzhdenii sanitarnyh pravil i norm SanPiN 2.1.3684-21 “Sanitarno-jepidemiologicheskie trebovaniya k sodержaniyu territorij gorodskih i sel'skih poselenij, k vodnym obektam, pit'evoj vode i pit'evomu vodosnabzheniju, atmosfernomu vozduhu, pochvam, zhilym pomeshhenijam, jekspluatacii proizvodstvennyh, obshhestvennyh pomeshhenij, organizacii i provedeniju sanitarno-protivojepidemicheskikh (profilakticheskikh) meroprijatij”» [Resolution of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation No. 3 “On the Approval of Sanitary Rules and Norms SanR&N 2.1.3684-21 ‘Sanitary and Epidemiological Requirements for the Maintenance of Urban and Rural Areas, for Water Bodies, Drinking Water and Drinking Water Supply, Atmospheric Air, Soils, Living Quarters, Operation of Industrial and Public Premises, Organization and Implementation of Sanitary and Anti-Epidemic (Preventive) Measures’ ” Dated January 28, 2021]. *Access from Reference Legal System «KonsultantPlyus»*.

11. Postanovlenie Glavnogo gosudarstvennogo sanitarnogo vracha RF ot 22.01.1999 № 2 «Ob utverzhdenii sanitarnyh pravil» [Resolution of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation No. 2 «On the Approval of Sanitary Rules» Dated January 22, 1999]. *Access from Reference Legal System «KonsultantPlyus»*.

12. Postanovlenie Glavnogo gosudarstvennogo sanitarnogo vracha RF ot 09.12.2010 № 163 «Ob utverzhdenii SanPiN 2.1.7.2790-10 «Sanitarno-jepidemiologicheskie trebovaniya k obrashheniju s medicinskimi othodami» [Resolution of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation No. 163 «On approval of SanR&N 2.1.7.2790-10 «Sanitary and epidemiological requirements for the treatment of medical waste» Dated December 09, 2010]. *Access from Reference Legal System «KonsultantPlyus»*.

13. Postanovlenie Pravitelstva Moskovskoj oblasti ot 22.12.2016 № 984/47 «Ob utverzhdenii territorial'noj shemy obrashheniya s othodami, v tom chisle s tverdymi

kommunal'nymi othodami, Moskovskoj oblasti» [Resolution of the Government of the Moscow Region No. 984/47 "On Approval of the Territorial Scheme of Waste Management, Including Solid Municipal Waste, in the Moscow Region" Dated December 22, 2016]. *Ezhednevnye novosti. Podmoskov'e* [Daily News. Moscow Region], 2016, no. 246.

14. «Sjekonomit' pytajutsja»: kak v Irkutске pojavilas' svalka chelovecheskih organov [«They are Trying to Save Money»: How a Dump of Human Organs Appeared in Irkutsk]. *Gazeta.ru* [Newspaper.ru], 2021, 7 April. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2021/04/07/13550168.shtml> (accessed 1 May 2021).

15. Federalnyj zakon ot 24.06.1998 № 89-FZ «Ob othodah proizvodstva i potreblenija» [Federal Law No. 89-FL "On Production and Consumption Waste" Dated June 24, 1998]. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 1998, no. 26, art. 3009.

16. Federalnyj zakon ot 04.05.2011 № 99-FZ «O licenzirovanii otidel'nyh vidov dejatel'nosti» [Federal Law No. 99-FL "On Licensing Certain Types of Activities" Dated May 4, 2011]. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2011, no. 19, art. 1716.

17. Federalnyj zakon ot 11.07.2011 № 190-FZ «Ob obrashhenii s radioaktivnymi othodami i o vnesenii izmenenij v otidel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» [Federal Law No. 190-FL "On Radioactive Waste Management and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" Dated July 11, 2011]. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2011, no. 29, art. 4281.

18. Federalnyj zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ «Ob osnovah ohrany zdorov'ja grazhdan v Rossijskoj Federacii» [Federal Law No. 323-FL "On the Basics of Health Protection of Citizens in the Russian Federation" Dated November 21, 2011]. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2011, no. 48, art. 6724.

Information About the Author

Dmitriy E. Motorin, Postgraduate Student, Department of Constitutional and Administrative Law, Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, dmitriy.motorin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9996-5299>

Информация об авторе

Дмитрий Евгеньевич Моторин, аспирант кафедры конституционного и административного права, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Волгоград, Российская Федерация, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, dmitriy.motorin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9996-5299>

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.29>

UDC 343.221.51
LBC 67.408.011

Submitted: 25.02.2021
Accepted: 20.05.2021

ON THE ISSUE OF CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL ENTITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION THROUGH THE PRISM OF HARMONIZATION OF LAW

Ibragim Z. Bagaev

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladislav N. Sitnik

Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation

Ivan Y. Plutalov

Tushinsky Interdistrict Investigative Department of the SU for the NWAO of the GSU of the IC
of the Russian Federation for Moscow, Moscow, Russian Federation;
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: despite the fact that the first legal entities appeared in Ancient Rome, the modern Russian legislation refers to them only as the subjects of civil and administrative responsibility. In accordance with the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter, referred to as UK RF), only sane individuals who have reached the age of criminal responsibility are subject to criminal liability. Against the background of this provision, the possibility of introducing the criminal liability of legal entities, at first glance, is rather doubtful. The arising doubts are also supported by the fact that neither a single principle, no a norm or institution of criminal law of the Russian Federation is applicable to a legal entity. However, in the vast majority of foreign countries, this institution has been successfully operating for many years, during which it has shown the validity and the objective necessity of its existence, in whose connection the authors **aim** to investigate the problems of introducing the criminal liability of legal entities in the Russian Federation. **Methods:** the methodological framework for the study is a set of methods of scientific knowledge, among which the main ones are the methods of systematicity, abstraction, analysis and comparative law. **Conclusions:** as a result of the study of the domestic, international and foreign experience, in particular, the international treaties of the Russian Federation and the criminal legislation of various countries, the proposals are formulated for the legislative regulation of the criminal liability of legal entities in the Russian Federation, as well as the need for further legal rethinking of the problem, which will be expressed in drawing public attention to the importance of this issue, its legislative regulation, the review of previously submitted draft federal laws on introducing the criminal liability of legal entities in order to identify and eliminate the provisions that prevent their adoption.

Key words: criminal liability, legal entities, harmonization of law, international treaties of the Russian Federation, crime, punishment, the principle of guilt.

Citation. Bagaev I.Z., Sitnik V.N., Plutalov I.Y. On the Issue of Criminal Liability of Legal Entities in the Russian Federation Through the Prism of Harmonization of Law. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 200-206. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.29>

УДК 343.221.51
ББК 67.408.011

Дата поступления статьи: 25.02.2021
Дата принятия статьи: 20.05.2021

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ГАРМОНИЗАЦИИ ПРАВА

Ибрагим Зазаевич Багаев

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Владислав Николаевич Ситник

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация

Иван Юрьевич Плуталов

Тушинский межрайонный следственный отдел СУ по СЗАО ГСУ СК РФ по г. Москве,
г. Москва, Российская Федерация;
Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Введение: несмотря на то что первые юридические лица появились еще в Древнем Риме, современное российское законодательство относит их лишь к субъектам гражданско-правовой и административной ответственности. В соответствии же с Уголовным кодексом Российской Федерации уголовной ответственности подлежат только вменяемые физические лица, достигшие возраста уголовной ответственности. На фоне этого положения возможность введения уголовной ответственности юридических лиц, на первый взгляд, довольно сомнительна. Возникающие сомнения подкрепляются еще и тем обстоятельством, что ни один принцип, ни одна норма или институт уголовного закона Российской Федерации не применимы к юридическому лицу. Однако в преобладающем большинстве зарубежных стран данный институт успешно действует на протяжении многих лет, в течении которых он показал обоснованность и объективную необходимость своего существования, в связи с чем автором поставлена **цель** исследовать проблемы введения уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают методы системности, абстрагирования, анализа и сравнительно-правовой. **Выводы:** в результате исследования отечественного, мирового и зарубежного опыта, в частности международных договоров РФ и уголовного законодательства различных стран, формулируются предложения по законодательной регламентации уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации, а также необходимости дальнейшего правового переосмысления проблемы, которое будет выражаться в привлечении общественного внимания к важности данного вопроса, его законодательной регламентации, пересмотру ранее внесенных проектов федеральных законов о введении уголовной ответственности юридических лиц с целью выявления и устранения положений, препятствующих их принятию.

Ключевые слова: уголовная ответственность, юридические лица, гармонизация права, международные договоры РФ, преступление, наказание, принцип вины.

Цитирование. Багаев И. З., Ситник В. Н., Плуталов И. Ю. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации через призму гармонизации права // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 200–206. – (На англ. яз.) – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.29>

Introduction

The prospects for the implementation of criminal liability for legal entities in the Russian Federation are not new: a huge number of scientific works have been written, which both defend the need for the implementation of criminal liability for legal entities, and assert its

prematurity and even excess. However, it is simply impossible to deny the fact that this institution effectively exists in one form or another in the criminal legislation of more than 30 countries around the world, among which, besides the United States, Great Britain or China, there are such post-Soviet countries as Latvia, Lithuania, Estonia, etc. [15, p. 231].

First of all, it is necessary to pay attention to the fact that there are international legal acts ratified by the Russian Federation that provide for criminal liability of legal entities. These acts include the UN Convention against Transnational Organized Crime [5, p. 21] and the UN Convention against Corruption [6, p. 34]. These documents include the obligation of the States parties to impose the responsibility of legal entities for the commission of various crimes and offenses.

However, despite the fact that these conventions have been ratified in our country, for example, the UN Convention against Transnational Organized Crime was ratified in 2004, there is still no criminal liability of legal entities. This is often due to the fact that most international treaties provide for variation – the application of either criminal or administrative liability. Such treaties include, in particular, the UN Convention against Corruption. At the same time, the UN Convention against Transnational Organized Crime does not provide for this variation, which leaves the issue of the Russian Federation's fulfillment of its obligations in this part open [14, p. 94].

Historical and theoretical aspects of the problem under study

In 1992, when the draft Criminal Code of the Russian Federation was preparing, an attempt was made to implement norms about criminal liability of legal entities, but in the first reading of the draft law in the State Duma of the Russian Federation, the novella, without seeking the support, was not included in the text of the Criminal Code of the Russian Federation [9, p. 56]. Later, there were also repeated attempts to return to the issue of criminal liability of legal entities. For example, in 2011 the Investigative Committee of the Russian Federation developed a draft law "On Amendments to certain Legislative Acts of the Russian Federation in connection with the enactment of the institution of criminal legal influence against legal entities" [10]. In 2015, the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation introduced a bill [11], which provided for independent criminal liability of a legal entity and an individual for the same act. However, it repeated the fate of its 1992 predecessor.

One of the theses of the opponents of the implementation of criminal liability of legal entities

is that the strengthening of material liability for illegal activities can be provided by means of civil and administrative liability. However, it should be taken into account the fact that criminal liability itself is the strictest state-legal reaction for the subject of the offense, rather than civil and administrative liability. Moreover, criminal liability is not limited only to the application of measures of a criminal legal nature – the degree of its influence is much broader. The loss of business reputation and, accordingly, the financial losses that follow are much more fatal than the consequences of the use of civil and administrative means of influence [4, p. 61].

Another argument of the opponents is the absence of a legal entity as a subject of criminal behavior of the subjective side of the crime and, as a result, the inconsistency of the basis of criminal liability of legal entities with the fundamental principles of criminal law – the principles of personal and guilty responsibility [8, p. 19]. It is difficult to argue with the fact that a particular person who committed a crime or participated in its commission should be subject to criminal liability. However, this argument is not fundamental in this issue: it is necessary to understand that the rights and obligations of legal entities are secondary to the rights and obligations of individuals. As an objection to this argument, it is appropriate to recall the words of L.S. Belogrits-Kotlyarevsky, said at the beginning of the last century: "The required conditions for criminal liability: the desire to commit a criminal act and the ability to commit it can also be in the activity of a legal entity, because there is a volitional exception that is broader in terms of interests and more intense than the will of individuals. The presence of these conditions raises the possibility of not only the guilt of the legal entity, but also the possible involvement of it within its legal capacity" [1, p. 108].

The proof can be found not only in the Constitution of the Russian Federation, which established exclusively fundamental rights and duties of the citizen, and the legal capacity of legal entities is regulated only in the civil law, but also in the history of the legal entity as a subject of legal relations. It is well known that neither the Roman jurists, nor the jurists of the Middle Ages and their followers in Germany and Russia, nor, moreover, the Soviet scientists put the rights and

obligations of an individual and a legal entity on the same level [12, p. 199]. It follows from this that guilt as a element of a crime and the body of a crime, in the form in which it exists now, is not applicable to a legal entity. The guilt of legal entities that have committed criminal acts can only be understood as the act of its legally capable representatives, who can act both intentionally and negligently, but not excluding the criminal liability of an individual for a crime [2, p. 108]. Therefore, we can say that the subjective side of a legal entity is an indirect manifestation of the subjective side of its legal representatives.

Criminal liability of legal entities in the Russia: pro et contra

The advantages of implementation of criminal liability of legal entities are obvious. Currently, the measures of criminal legal influence for the committed crime are fully imposed exclusively on an individual, which is unacceptable the benefits and advantages of which the legal entity receives. Furthermore, the implementation of criminal liability will not only put in place international standards on this issue into the legal system, but also create the necessary legal conditions for the criminal prosecution of foreign legal entities that infringe on the interests protected by the criminal legislation of the Russian Federation by their own activities [13, p. 20].

Nevertheless, the implementation of criminal liability of legal entities in the Russian Federation is not possible until some important questions are answered: In which cases will a crime be recognized as committed by a legal entity? For what acts will a legal entity be held criminally liable? What will be the list of types of criminal penalties applicable to legal entities? The solution of these issues is possible only through the use of foreign experience, which, in turn, will be of great importance for the harmonization of Russian criminal law and the criminal law of foreign countries, especially the countries of the post-Soviet space.

Answering the first question, it should be noted that there is no single approach to determining the conditions of criminal liability of legal entities in the legislation of foreign countries. Thus, in accordance with Article 15 of the Criminal Code of the Czech Republic, a crime is recognized as committed by a legal entity if it is committed in

its interests or within the framework of its activities by a clearly defined circle of persons [3, p. 72]. In Lithuania, in accordance with Article 20 of the Criminal Code of the Republic of Lithuania, legal entities are liable for acts of natural persons committed in favor of or in the interests of a legal entity [16]. According to Section 14 of the Estonian Criminal Code, a legal entity may be liable for an act that is committed by its supervisory authority, a senior official or an authorized executor in order to obtain benefits and advantages for the legal entity. Among the above approaches, the most suitable for the modern criminal law system of the Russian Federation is the approach of the Estonian legislator. This is explained primarily by the fact that, with familiar domestic enforcers categories used in the criminal code of Estonia, distinguish crime committed by a natural person of a crime committed by a legal person, it will be easier than using the approaches in other countries.

It is necessary to pay attention to the fact that in all these countries, the criminalization of legal entities does not exclude criminal prosecution of individuals and that these criminal provisions shall not use in relation to a state, regional and local authorities. This approach is quite justified both from the point of view of the principle of justice – in the first case, and from the point of view of the inviolability of state, regional and municipal power – in the second. Therefore, its integration into the criminal legislation of the Russian Federation is necessary.

It is necessary to consider the application of the provisions of section IV of the Criminal Code of the Russian Federation to legal entities. In our opinion, it is possible to release a legal entity from criminal liability with regard to reconciliation with the victim, compensation for damage, the appointment of a court fine and the expiration of the statute of limitations. Release from criminal punishment is possible only in connection with the expiration of the statute of limitations of the guilty verdict of the court. These provisions are applicable to a legal entity because they do not have a pronounced individual character, i.e., theoretically, they allow the possibility of their use by legal representatives, which makes it possible to use these institutions.

Answering the second question, it is worth noting that the range of acts for which a legal

person will be prosecuted in the Russian Federation is quite extensive and by no means exhaustive, so fixing it in the General part of the criminal code is not feasible [18, p. 16]. More effective variant is the experience of Moldova and Estonia, where criminal liability of legal entities occurs only for the commission of crimes, for which the punishment is provided in a Special Part directly for legal entities [17]. So, art. 185.3 of The Criminal Code of the Republic of Moldova provides for criminal liability for knowingly false statements in registration documents related to the protection of intellectual property in the form of a fine: for individuals-in the amount of 1,150 to 1,350 conventional units, and for legal entities-in the amount of 4,500 to 6,000 conventional units. Such an approach will eliminate confusion in law enforcement activities, since the content of the sanction of the article will show whether a legal entity is liable for this crime or not.

Turning to the list of types of sentences for crimes committed by a legal person, first of all, it is necessary to contact the purposes of punishment enshrined in part 2 of article 43 of the Russian criminal code. If there is no doubt about the goals of restoring social justice and preventing new crimes, then the correction of the convicted person demands to be explained. So, the fault of a legal entity does not exclude the criminal liability of an individual for a crime, it is safe to say that this principle is also fully applicable to legal entities. The next step is referring to the Convention against Terrorism, adopted by the SCO on 16.06.2009 and ratified by the Russian Federation on 02.10.2010 [7]. According to this convention, the participating countries ensure that the following penalties are applied to legal entities: 1) warning; 2) fine; 3) confiscation of the property of a legal entity; 4) suspension of the activities of a legal entity; 5) prohibition of certain types of activities of a legal entity; 6) liquidation of a legal entity. However, taking into account the fact that the current Criminal Code of the Russian Federation contains a large number of types of punishments, the integration of all these punishments, bearing in mind the various features of the application of some of them, seems impractical. In addition, the legislation already contains similar mechanisms in other branches of law.

In this regard, following the experience of Moldova, it is worth to adapt separate legal entities

to penalties existing in the criminal code such as a fine and deprivation of the right to practice certain activities, and to introduce a new form of punishment – the liquidation of the legal entity with the confiscation of his property. It is necessary to note that these measures of criminal and legal character, especially when the liquidation will be carried out while respecting the interests of third parties in the form of creditors and shareholders through guarantees provided for by the civil legislation of the liquidation of the legal entity. The use of these types of punishments, in our opinion, will not cause much difficulty for the law enforcement officer, and will contribute to the appointment of a legal and fair punishment.

Conclusions

Therefore, in the context of the harmonization of public law, in our opinion, the introduction of criminal liability of legal entities in Russia has positive results. The identification of international and foreign experience allows us to speak not only about the possibility of real integration of this institution into the criminal legislation of Russia, but also about the need for further legal rethinking of the problem, which will be expressed in drawing public attention to the importance of this issue, its legislative regulation, and revision of previously submitted draft federal laws on the implementation of criminal liability of legal entities in order to identify and eliminate provisions that prevent their adoption.

REFERENCES

1. Belogric-Kotlyarevskij L.S. *Uchebnik Russkogo Ugolovnogogo prava. Obshchaya i osobennaya chast'* [Textbook of Russian Criminal Law. General and Special Part]. Kiev, Peterburg, Har'kov, Yuzhno-Russkoe Knigoizdatel'stvo F.A. Ioganson, 1903. 625 p.
2. Bogdashich O.V. *Ugolovnyj kodeks Litovskoj Respubliki. Perevod i komentarij* [Criminal Code of the Republic of Lithuania. Translation and Comment]. URL: <https://ru.scribd.com/doc/8451551/УГОЛОВНЫЙ-КОДЕКС-ЛИТОВСКОЙ-РЕСПУБЛИКИ> (accessed 15 February 2021).
3. Dzhekebaev U.S. *Osnovnye principy ugolovnogogo prava Respubliki Kazahstan. (Sravnitel'nyj komentarij k knige Dzh. Fletchera i A.V. Naumova (Osnovnye koncepcii sovremennogo*

ugolovnogo prava) [Basic Principles of Criminal Law of the Republic of Kazakhstan (Comparative Commentary on the Book by J. Fletcher and A.V. Naumov (Basic Concepts of Modern Criminal Law)]. Almaty, Zheti zhargy Publ., 2001. 256 p.

4. Fedorov A.V. Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lic i kriminalizatsiya ih deyanij v kontekste sovremennoj ugolovnoj politiki [Criminal Liability of Legal Entities and Criminalization of Their Acts in the Context of Modern Criminal Policy]. *Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ih resheniya* [Investigation of Crimes: Problems and Ways of Their Solution], 2018, vol. 2, pp. 9-20.

5. Kapkova S. Predprinimatel'stvo i ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lic v Chekhii [Business and Criminal Liability of Legal Persons in the Czech Republic]. *Vestnik federal'nogo byudzhethnogo uchrezhdeniya (Gosudarstvennaya registratsionnaya palata pri Ministerstve yustitsii Rossijskoj Federacii)* [Bulletin of the Federal Budget Institution (State Registration Chamber Under the Ministry of Justice of the Russian Federation)], 2013, vol. 2, pp. 65-76.

6. Kibal'nik A.G., Volosyuk P.V., Demin S.G. *Voprosy ugolovnoj otvetstvennosti yuridicheskikh lic: monografiya* [Issues of Criminal Liability of Legal Persons: Monograph]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2017. 192 p.

7. Konvenciya OON ot 15 noyabrya 2000 g. protiv transnacional'noj organizovannoj prestupnosti [United Nations Convention Against Transnational Organized Crime of 15 November 2000]. *Byulleten' mezhdunarodnyh dogovorov* [Treaty Bulletin], 2005, vol. 10, pp. 3-33.

8. Konvenciya OON ot 31 noyabrya 2003 g. protiv korrupcii [UN Convention against Corruption of 31 November 2003]. *Byulleten' mezhdunarodnyh dogovorov* [Treaty Bulletin], 2006, vol. 10, pp. 7-54.

9. Konvenciya ShOS ot 16 iyunya 2009 g. protiv terrorizma [SCO Convention Against Terrorism of 16 June 2009]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Legislative Meeting of the Russian Federation], 2012, vol. 11. 1274 p.

10. Kuznecova N.F., Tyazhkova I.M., ed. *Kurs ugolovnogo prava. Obshchaya chast'. T. 1: Uchenie o prestuplenii* [Course in Criminal Law. Common Part. Vol. 1: The Doctrine of Crime]. Moscow, 2002. 502 p.

11. Kuznecova N.F. Kodifikatsiya norm o hozyajstvennyh prestupleniyah [Codification of Rules on Economic Crimes]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya (Pravo)* [Bulletin of Moscow University. Series (Law)], 1993, vol. 9, pp. 12-21.

12. *Proekt Federal'nogo zakona (O vnesenii izmenenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v svyazi s vvedeniem instituta*

ugolovno-pravovogo vozdejstviya v otnoshenii yuridicheskikh lic) (podgotovlen SK Rossii) [Draft Federal Law (On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Introduction of the Institution of Criminal Legal Influence against Legal Persons) (prepared by the IC of Russia)]. URL: <http://pandia.org/text/78/357/1276.php> (accessed 15 February 2021).

13. *Proekt Federal'nogo zakona № 750443-6 (O vnesenii izmenenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v svyazi s vvedeniem instituta ugolovnoj otvetstvennosti yuridicheskikh lic)* [Draft Federal Law (On Amendments to Some Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Introduction of the Institute of Criminal and Legal Influence in Relation to Legal Entities) (Prepared by the IC of Russia)]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/750443-6> (accessed 15 February 2021).

14. Semykina O.I. Istoricheskaya obuslovlennost' instituta otvetstvennosti yuridicheskikh lic v rossijskom ugolovnom i ugolovno-processual'nom zakonodatel'stve [Historical Conditionality of the Institute of Responsibility of Legal Entities in the Russian Criminal and Criminal Procedure Legislation]. *Osnovaniya otvetstvennosti yuridicheskikh lits: grazhdansko-pravovye, administrativno-pravovye i ugolovno-pravovye aspekty: sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. internet-konf.* [Bases of Responsibility of Legal Entities: Civil-Legal, Administrative-Legal and Criminal-Legal Aspects], 2017, pp. 194-205.

15. Smirnov G.V. Est' li dusha u yuridicheskogo lica. Korporacii dolzhny nesti ugolovnyuyu otvetstvennost' naravne s fizicheskimi licami [Is there a Soul in a Legal Entity. Corporations Should Bear Criminal Responsibility on a Par with Individuals]. *Yurist speshit na pomoshch'* [Lawyer Rushes to the Rescue]. 2013, vol. 8, pp. 65-76.

16. Trikoz E.N. Formirovanie ugolovno-pravovoj sistemy Evropejskogo Soyuza [Formation of the Criminal-Legal System of the European Union]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2007, vol. 10, pp. 65-76.

17. Kozochkina I.D., ed. *Ugolovnoe pravo zarubezhnyh gosudarstv. Obshchaya chast': uchebnoe posobie* [Criminal Law of Foreign States. General Part: Tutorial]. Moscow, Omega-L, Institut mezhdunarodnogo prava i ekonomiki im. A.S. Griboedova, 2003. 576 p.

18. *Ugolovnyj kodeks Respubliki Moldova ot 18.04.2002 № 985-XV (s izm. i dop. ot 09.07.2020)* [Criminal Code of the Republic of Moldova № 985-XV from 18.04.2002 (With Amendments and Additions from 09.07.2020)]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923 (accessed 2 February 2021).

Information About the Authors

Ibragim Z. Bagaev, Master Student, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Vrubelya St, 12, 125080 Moscow, Russian Federation, ibragim.bagaev_98@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8614-2883>

Vladislav N. Sitnik, Student, Saratov State Law Academy, Institute of the Public Prosecutor's Office, Volskaya St, 1, 410013 Saratov, Russian Federation, vladdsitvl@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7976-3363>

Ivan Y. Plutalov, Captain of Justice, Head of the Tushinsky Interdistrict Investigative Department of the SU for the NWAO of the GSU of the IC of the Russian Federation for Moscow, Aerodromnaya St, 15, Bld. 1, 125363 Moscow, Russian Federation; Candidate for a Degree, Department of Administrative and Financial Law, Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russian Federation, ivan_plutalov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9243-2617>

Информация об авторах

Ибрагим Зазаевич Багаев, магистрант, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, ул. Врубеля, 12, 125080 г. Москва, Российская Федерация, ibragim.bagaev_98@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8614-2883>

Владислав Николаевич Ситник, студент, Саратовская государственная юридическая академия, Институт прокуратуры, ул. Вольская, 1, 410013 г. Саратов, Российская Федерация, vladdsitvl@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7976-3363>

Иван Юрьевич Плуталов, капитан юстиции, руководитель Тушинского межрайонного следственного отдела СУ по СЗАО ГСУ СК РФ по г. Москве, ул. Аэродромная, д. 15, корп. 1, 125363 г. Москва, Российская Федерация; соискатель кафедры административного и финансового права, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Российская Федерация, ivan_plutalov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9243-2617>

Миссия журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» – поддержка научных исследований в области юриспруденции, создание международной дискуссионной площадки для обсуждения исторических закономерностей и актуальных проблем современного права как теоретического, так и прикладного характера; публикация основных результатов, полученных в ходе написания диссертационных работ на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук, а также научных исследований, издаваемых при финансовой поддержке научных фондов. Миссия журнала реализуется посредством формирования высокопрофессиональной и этической редакционной политики, позволяющей выпускать издание высокого качества, в котором поддерживаются лучшие практики высшей школы, традиции академической культуры и публикуются творческие оригинальные научные статьи, хроники научной жизни, критические и библиографические обзоры российских и зарубежных исследователей.

Журнал «Legal Concept = Правовая парадигма» включает следующие рубрики: Главная тема номера; Теория и практика государственно-правового развития; Вопросы частноправового регулирования: история и современность; Правовые проблемы охраны окружающей среды и использования природных ресурсов; Процессуальное право: вопросы теории и правоприменения; Противодействие преступности и дифференциация уголовной ответственности; Международное право и сравнительное правоведение; Критика и библиография; Хроника научной жизни.

Совокупность рубрик журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» соответствует отрасли науки 12.00.00 Юридические науки по Номенклатуре специальностей научных работников.

Уважаемые читатели!

Подписка на I полугодие 2022 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 29279.

Стоимость подписки на I полугодие 2022 года 1376 руб. 44 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

The mission of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal is to support research in the field of law; to provide an international platform for discussing historical patterns and urgent issues of modern law, both theoretical and applied ones; to publish the main results obtained in the course of writing theses for the degree of Candidate and Doctor of Sciences (Jurisprudence), as well as studies funded by scientific foundations. The mission of the journal is implemented through forming a highly professional and ethical editorial policy, which allows to create a high-quality publication, which supports the best practices of higher education, traditions of academic culture and publishes creative original scientific articles, chronicles of scientific life, criticism and bibliographic reviews of Russian and foreign researchers.

Legal Concept = Pravovaya paradigma journal includes the following sections: Mainstream Issue; Theory and Practice of State and Legal Development; Private Law Regulation Issues: History and Contemporaneity; Legal Issues of Environmental Protection and Use of Natural Resources; Adjective Law: Theoretical and Law Enforcement Issues; Crime Prevention and Differentiation of Criminal Responsibility; International Law and Comparative Jurisprudence; Criticism and Bibliography; Chronicle of Scientific Life.

The sections of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal correspond to the branch of science 12.00.00 Legal Science according to the Nomenclature of specialities of academic researchers.

Dear readers!

Subscription for the 1st half of 2022 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 29279.

The cost of subscription for the 1st half of 2022 is 1376.44 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «LEGAL CONCEPT = ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА»

1. Редакционная коллегия журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik5@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik5@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Legal Concept = Правовая парадигма».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования, а также о правилах оформления научных статей смотрите на сайте журнала <https://j.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *LEGAL CONCEPT = PRAVOVAYA PARADIGMA* JOURNAL

1. The Editorial Staff of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal publishes only original articles.
2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.
3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.
4. An article must be relevant, must have novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.
5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.
6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.
7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.
8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.
9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik5@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.
10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik5@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Legal Concept = Pravovaya paradigma* printed periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles please refer to the Journal's website <https://j.volsu.com/index.php/en/> (section "For Author").
